

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Филиал в г. Ярославле

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

«ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ: ЧЕЛОВЕК, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ДОКУМЕНТ»

**ВТОРАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

30 ЯНВАРЯ 2009

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ярославль
2009

УДК 94(100) 653/654

ББК 63.3 (0) 5

В27

Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ : Сборник материалов 2-й межрегиональной университетской научно-методической конференции /Ярославль, 30 января 2009г./ филиал РГГУ в г. Ярославле, ГАЯО/ — под общ. ред. В.Ю. Чернецова – Ярославль: изд-во «Литера», 2009. — ??? с.

В сборнике публикуются материалы представленные участниками конференции «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ», проведенной 30 января 2009 г. филиалом РГГУ в г.Ярославле и Государственным архивом Ярославской области.

В работах содержится важный фактический материал, результаты архивных исследований, методические рекомендации и практические разработки.

Сборник предназначен для ученых историков, краеведов, культурологов и др., преподавателей и студентов ВУЗов, научных сотрудников архивов и музеев.

Текст статей представлен в авторской редакции.

Полные электронные версии публикуемых материалов доступны на сайте: www.gvw-rggu.narod.ru

ISBN 978-5-904215-08-8

Издательство ООО «Опора»

г. Ярославль, ул. П. Морозова, д. 2, оф. 3

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО ИПК «Литера».

г. Ярославль, ул. Володарского, 101, оф. 317.

Тел.: (4852) 73-30-23, 73-26-34, 73-28-62, E-mail: litera-yar@yandex.ru

© Авторы

© филиал РГГУ в г.Ярославле

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ МЕТОДИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

1. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в

Гуменный В.В. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....9

2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА РУ- БЕЖЕ XIX –XX вв. И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫС- ШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

Осьмачко С.Г. Российский государственный гуманитарный университет филиал
в г.Ярославле.....15

3. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Сергеева О.А. Московская академия предпринимательства при Правительстве
Москвы Ярославский филиал.....18

4. РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Новосельцев М.С. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....21

5. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ПРОЕКТ «ИМЯ ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Соловьёва М.А. ГОУ ЯО Институт развития образования.....27

6. О КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕ- НЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ НА УРОВНЕ УЧЕБНОГО КУРСА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ»

Борисова Т.Ф. Российский государственный гуманитарный университет филиал в г.
Балашихе.....31

СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. РЕФОРМЫ ПЕТРА I: РОЛЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Галактионов А.А. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....35

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ — XVIII в.

Воевода Е.В. Московский государственный институт международных отношений
(Университет).....39

3. Н. В. ЧАРЫКОВ КАК БИОГРАФ

Чернов О. А. Российский государственный гуманитарный университет филиал в г.
Самаре.....47

4. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Чернухина И.А. *Российский государственный гуманитарный университет*.....51

5. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. СНЕЖНЕВСКОГО — ПРАВИТЕЛЯ ДЕЛ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

Н.В. Воскобойникова *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Нижнем Новгороде*.....55

6. СОРМОВСКАЯ ТРЁХДУЙМОВКА

Белов С.Б. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Нижнем Новгороде*.....57

7. ИСТОРИКО — ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ РОССИИ (На примере института государственного герба)

Зацепина О.И. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Ярославле*.....65

8. ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В 2000-2008 гг.

Монахов О.Н. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....70

9. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН НАТО: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Кострыкин П.А. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....74

10. АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 2001-2009 ГГ. АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖОРДЖА БУША МЛАДШЕГО

Лоханин А.М. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....78

11. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В 21 ВЕКЕ.

Воронин А.С. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....82

12. ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РИМСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ХРИСТИАНСКИХ НЕКАНОНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (Образы римских «правителей» в апокрифах Нового Завета)

Лях Е.Е. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Ярославле*.....88

СЕКЦИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

1. ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ КИЕВСКОЙ РУСИ (IX в. — НАЧАЛО XII в.)

Бирюков Д.С., Караваев А.В. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....94

2. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Исахаев У.Б. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....99

3. РОССИЯ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ (1853 — 1856 гг.)	
<i>Постолаки С.К. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>105</i>
4. ВОЕННО–СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. ГОЛОВИНА	
<i>Филиппов В.С. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>109</i>
5. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ В XIX в. — НАЧАЛЕ XX в.	
<i>Яценко А.В., Шраменко В.К. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>113</i>
6. ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РККА В 30-е гг. XX в.	
<i>Сахнов И.Н. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>118</i>
7. ВВС РККА В 30-Е ГГ. XX ВЕКА: ИНЖЕНЕРНО-АЭРОДРОМНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	
<i>Малахов Д.Н. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>123</i>
8. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939 — 1940 гг.	
<i>Ковалев И.А. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>130</i>
9. ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РККА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	
<i>Жарков В.В. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>134</i>
10. РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ВОЙНЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ	
<i>Науменко А.А. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>142</i>
11. ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА	
<i>Малыгин А.Б. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>148</i>
12. ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1991 г.	
<i>Димитренко С.А., Кокорин С.А. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО</i>	<i>153</i>
13. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ РОССИИ	
<i>Павлов А.Л. Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....</i>	<i>157</i>

СЕКЦИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКИ

1. ХРАМ ПОКРОВА НА РВУ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	
<i>Косякова В.А. Российский государственный гуманитарный университет.....</i>	<i>162</i>

2. П.Н. САВИЦКИЙ И П.Н. МИЛЮКОВ О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИИ

Быстрыков В.Ю. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Самаре*.....166

3. «РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Никифоров Ю.С. *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского*.....168

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ О РУССКОМ НАРОДЕ И МЕТОДЫ ИХ АНАЛИЗА

Сараева Е.Л. *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского*.....172

5. АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ПРИКАМЬЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1918–1919 гг.)

Молчанов Л.А. *Российский государственный гуманитарный университет*.....175

6. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ЗА СРОКАМИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Купцова Ю.И. *Российский государственный гуманитарный университет*.....182

7. ИНФОРМАЦИОННОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Зверкова И.В. *Российская международная академия туризма Ярославский филиал*.....185

СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

1. ДИВЬИ КАМНИ

Курдюков Ю.В. *Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей (УГИАХМ)*.....190

2. КАМНИ С ЖЕЛОБАМИ, ЕЩЕ ОДИН ТИП КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

Мизин В. *Действительный член РГО, Санкт-Петербург*.....197

3. РОССИЙСКО-ИНГУШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В X–XVII ВВ.

Ганижев М.З. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....203

4. «БОГОЛЮБЦЫ» В 30 — 50 гг. XVII ВЕКА: ДУХОВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ДО НАЧАЛА ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА

Бородкин А. В. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Ярославле*.....209

5. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XVII ВЕКА: ИНОК КАПИТОН

Бородкин А. В. *Российский государственный гуманитарный университет филиал в г. Ярославле.....*213

6. ЧИНОВНИКИ МЕСТНЫХ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (на материалах Костромской казенной палаты)

Павлова Д.С. *Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова.....*217

7. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ)

Оторочкина А.Е. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО.....*223

8. ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКОГО И САНИТАРНОГО ПЕРСОНАЛА ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ. (по материалам Ярославской губернии)

Белова Е.Е. *Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы Ярославский филиал.....*231

9. ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКСА ПОСТРОЕК БЫВШЕЙ КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ Н.Т.ПАТЕРЕВСКОГО В ЯРОСЛАВЛЕ

Кузнецова О.В. *Государственный архив Ярославской области.....*237

10. ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ РАБОЧИХ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Махина М.А. *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.....*241

11. УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В Г. УГЛИЧЕ НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.

Ерохина С.В. *Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей (УГИАХМ).....*245

12. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КРАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Кишенков М. С. *Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.....*250

13. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО 21 ФЕВРАЛЯ 1913 ГОДА В ЯРОСЛАВСКОЙ ВРЕМЕННО-КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Коняев А.Е. *Ярославский государственный педагогический университет.....*254

14. ПЕРВЫЙ ЯРОСЛАВСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПОЛК

Самолётов И.Д. *Ярославский государственный педагогический университет им.К.Д. Ушинского.....*259

15. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ ЦГРМ ПО ИЗУЧЕНИЮ АРХИТЕКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Личак Н.А. *Ярославский государственный технический университет*.....263

16. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО СПАСЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ г. ЯРОСЛАВЛЯ В 1920-1930-Х ГОДАХ

Личак Н.А. *Ярославский государственный технический университет*.....266

17. ПРИЗЫВНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ (1938-1940 ГГ.)

Гурьянчик В.Н. *Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО*.....269

18. ПО ПРОШЛОМУ ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО ЗАТОПЛЕННЫМ ГОРОДАМ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ.

Ерохин В.И. *Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей (УГИАХМ)*.....273

19. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Акаева И.Б. *Российская международная академия туризма Ярославский филиал*.....276

20. КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА

Соловьева М. А. *Ярославский филиал Российской международной академии туризма*

Федосеев С.В. *Ярославская военная финансово-экономическая академия*.....280

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в

Гуменный В.В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Крупнейшим представителем русской педагогики XIX в. был Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870 гг.).

Выходец из религиозной помещичьей семьи, Ушинский получил гимназическое, а затем университетское образование. По окончании Московского университета преподавал в юридическом лицее, затем служил чиновником. Будучи назначен в 1859 г. инспектором Смольного женского института, произвел реформу этого учреждения, обогатив содержание образования, введя 2-летний педагогический класс. В 1860—1862 гг. редактировал «Журнал министерства просвещения». В последние годы жизни, уйдя в отставку, вел интенсивные теоретические изыскания в области педагогики. В этот период им написаны основные педагогические труды: «Человек как предмет воспитания», «Родное слово» и др.

Ушинский — основатель научной педагогики в России, опирающейся на идею народности. Как писал один из его последователей Модзалевский, «Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же, как Ломоносов — наш народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор».

К.Д. Ушинский первым среди русских педагогов предпринял попытку суммировать научные знания о человеке, исходя из признания взаимосвязи педагогики с данными антропологических наук. Ушинский продолжил традицию русского просветительства, направленную на поиск педагогических решений социально-политических проблем. Он помышлял о том, чтобы извлечь народ из «мрака нищеты и невежества», веря, что «хорошее воспитание» может избавить человечество от многих зол.

Мировоззрение молодого Ушинского складывалось под воздействием классической немецкой философии, особенно гегельянства, а также материалистических учений фаталистического толка. В дальнейшем он начал склоняться к осознанию первостепенности реального знания, к пониманию необъятных творческих возможностей человека. Все это не исключало религиозного осмысления воспитания, прежде всего воспитания нравственного. В сущности, Ушинский попытался найти «срединный путь» между материализмом и идеализмом. Но в целом его воззрения характеризуются материалистической направленностью: «Искусство же воспитания в особенности и

чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению в философии».

Ушинский во взглядах на общественное развитие прошел Путь от объективного идеализма («дух» есть единственный Двигатель истории) к признанию человека как движущей силы социальной эволюции. Провозгласив такой антропологический принцип («все общественные явления выходят из частных психических явлений»), Ушинский, по сути, был близок французскому Просвещению, выводившему из природы человека все важнейшие социальные явления.

Ушинский ясно осознавал необходимость философского осмысления педагогики: «Основанием воспитания должна служить и руководить философская идея». Сущностная цель воспитания — жизненно важна для человека и потому не может не быть мировоззренческой, полагал ученый.

Выводя цель и программу воспитания из общественного бытия, Ушинский считал, что педагогический успех возможен лишь при таком воспитании, которое «будет основывать свои правила на общественном мнении и вместе с ним жить и развиваться». В свою очередь воспитание должно «выводить... в жизнь новые поколения... вполне готовые к борьбе, которая их ожидает».

Идея общественного смысла воспитания ярко проявляется у Ушинского в принципе народности. Это стержень его педагогической концепции. При этом Ушинский поднялся над односторонностью славянофильства и западничества. Он полагал, что научное педагогическое знание, добытое в различных странах, может быть использовано русской педагогикой. Именно так отнесся Ушинский к школьному педагогическому опыту Германии, Франции и Швейцарии, изучая его во время поездки в Западную Европу. В наиболее общем виде идея народности значила для Ушинского объективную потребность каждого народа в собственной системе обучения и воспитания со своими отличительными национальными чертами и творческими проявлениями.

В русской школе принцип народности должен был быть реализован прежде всего через приоритет родного языка как предмета школьного образования. Обучение родному языку, разъяснял Ушинский, развивает «дар слова», вводит в сокровищницу языка, формирует «миросозерцание» («родное слово — та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание»).

Не менее важное место в трактовке народности отводил Ушинский идее труда как ведущего фактора развития личности. Он видел в подготовке ребенка к трудовой деятельности вхождение в народную жизнь. «Воспитание должно неусыпно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой — ему неутолимую жажду труда». Необходимо «внушить воспитаннику уважение и любовь к труду... дать ему привычку к труду».

Ушинский принадлежит к числу тех великих педагогов, кто не только заявил о существовании закономерностей воспитания, но и попытался объяс-

нить их. Он стремился выявить эти закономерности как средства управления развитием человека. Знание законов воспитания, следовательно, ставилось в зависимость от познания человека во всех его проявлениях. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях».

Педагогика, по Ушинскому, должна стоять на фундаменте обширного круга «антропологических наук», к которым были отнесены анатомия, физиология и патология, психология человека, логика, философия, география, статистика, политическая экономия, история. В этих науках, считал Ушинский, обнаруживается совокупность «свойств предмета воспитания, то есть человека». На особое место в числе указанных наук ставилась психология. При этом Ушинский разделял тезис о первостепенности внешнего воздействия в развитии психики и человека в целом.

Овладение педагогической наукой, полагал Ушинский, мост для превращения воспитания в искусство. В таком случае педагог из исправного, но малоэффективного исполнителя правил перерождается в творца.

Ушинский видел в обучении основное средство умственного, нравственного и физического развития личности. Обучение решает двоякую задачу — образовательную и воспитывающую. Первая ее часть означает рациональное усвоение человеком необходимых ему знаний о природе и обществе, вторая — формирование «миросозерцания», «убеждений». Таким образом, по своему содержанию обучение — это процесс обогащения знаний (материальное образование) и одновременное развитие способностей (формальное образование). Ушинский полагал, что программа классической школы все меньше соответствует гармонии материального и формального образования и что будущее за современной (реальной) общеобразовательной школой.

Процесс обучения рассматривался как передача знаний и навыков учителем и усвоение их учениками. Это напряженный труд («учение есть труд»), который требует от школьника значительных волевых усилий: «Учение, основанное только на интересе, не дает окрепнуть самообладанию и воле ученика, так, как не все в учении интересно и придет многое, что надобно будет взять силою воли».

Отделяя учение от игры и считая его непрременной обязанностью школьника, Ушинский полагал, что педагогический эффект достижим лишь при учете детских потребностей и интересов. Кроме того, существует ряд других условий: 1) связь «не с курьезами и диковинами», а с жизнью; 2) обучение в гармонии с природой ребенка (нельзя учить ранее «чем он созрел для ученья»); 3) преподавание на родном языке; 4) постепенное усложнение в соответствии с ростом и развитием на таком уровне, чтобы держать учащихся в рабочем напряжении («не давать им засыпать»).

Процесс обучения Ушинский делил на две взаимосвязанные стадии, каждая из которых должна состоять из определенных ступеней и видов

работы ученика под руководством учителя. Первая стадия — доведение знания до определенной системы. Она включает последовательное восприятие предметов и явлений; сравнение и сопоставление, выработку предварительных понятий; приведение этих понятий в систему. Сущность второй стадии заключается в обобщении и закреплении приобретенных знаний и умений.

Процесс обучения должен строиться на основополагающих дидактических принципах («условия преподавания»): 1) сознательности и активности («ясность» и «самостоятельность»), когда происходит «переход от незнания к знанию» («при такой методе... возбуждается самостоятельная работа головы учащегося»); 2) наглядности (обучение на конкретных образах, непосредственно воспринимаемых учениками, с использованием в качестве основных наглядных средств натуральных предметов, моделей, рисунков); 3) последовательности («постепенность»); 4) доступности, т. е. «отсутствии чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости»; 5) прочности — «твердости усвоения» (ведущий способ — разнообразное повторение: попутное, пассивное и особенно активное, когда ученик «воспроизводит самостоятельно следы воспринятых ранее представлений»).

Ушинский поддерживал общемировую традицию классно-урочной системы, считал ее наиболее целесообразной при организации школьных учебных занятий. Он полагал правильным соблюдать определенную регламентацию такой системы: 1) стабильный состав учащихся в классе; 2) твердый порядок проведения занятий по времени и расписанию; 3) занятия преподавателя со всем классом и с отдельными учениками, размышляя об уроке как основе классно-урочной системы, Ушинский подчеркивал ведущую роль учителя, отмечал необходимость разнообразных форм урока в зависимости от его задач (объяснение нового материала, закрепление, выяснение знаний учащихся и пр.) В процессе урока в нужных случаях предлагалось изменять его направление.

Подготовка и проведение урока, считал Ушинский, требуют педагогического мастерства и предварительной тренировки: «Сколько обдуманности в словах и задачах, сколько напряженного внимания, сколько привычки требуется со стороны учителя, чтобы занять на весь урок тридцать или сорок еще не окрепших рассеянных детских голов».

Основными требованиями к проведению урока были следующие: планирование, органический переход к новому знанию, гигиена занятий. Учение, построенное на прочном и сознательном усвоении предыдущего, Ушинский сравнивал с ростом здорового дерева, которое с «каждым годом приобретает новые ветви».

Непременным дополнением к классно-урочной работе Ушинский считал домашнюю учебную деятельность учеников как одну из главных форм самостоятельной работы. Навыкам такой работы детей нужно учить. Под домаш-

ним заданием понималось продолжение начатого в классе учебного процесса («домашние уроки»).

Ушинский разработал учение о двухуровневой дидактике: общей и частной. Общая дидактика занимается базовыми принципами и методами обучения, а частная дидактика использует эти принципы и методы в отношении отдельных Учебных дисциплин. Однако Ушинский предостерегал от формализма и стремления добиваться исчерпывающего результата: «Дидактика не может иметь и претензии перечислить все правила и приемы преподавания... Практически... применение их бесконечно разнообразно и зависит от самого наставника».

Особенно удалось Ушинскому теоретико-методическое сочетание общей и частной дидактик в концепции первоначального обучения, в частности, обучения родному языку. В работах «Родное слово», «Детский мир» и др. дидактический материал выстроен с постепенным усложнением, на основе звуковой аналитико-синтетической методики обучения грамоте, заменившей принятый буквослагательный метод.

В общей дидактике Ушинского просматриваются два типа принципов и идей: универсальные и более частные. К первым можно отнести идеи синтетического и аналитического преподавания. К более частным принадлежит теория таких методов обучения, как устное изложение, лабораторц0, практические работы, устные и письменные упражнения с книгой и пр.

К методам устного изложения причислены следующие: 1) догматический или предлагающий; 2) сократический, или спрашивающий; 3) эвристический, или озадачивающий; 4) акроаматический, или излагающий. Например, сократический метод трактовался как «способ перевода механических комбинаций в рассудочные» и предназначался прежде всего для систематизации полученных знаний. В акроаматическом методе, напротив, особое значение имело приобретение нового знания, в первую очередь, через слово учителя (мастерский рассказ «учителя «врезается легко в душу дитяти и так же легко ею воспроизводится»).

Основополагающий тезис Ушинского — двуединство обучения и воспитания. При этом задачи воспитания определялись как наиболее существенные. Они намного важнее, «чем развитие ума вообще, наполнение головы голыми знаниями». Ушинский поддержал установку мировой педагогики Нового времени на приоритет гуманного воспитания человеческой личности: «Только человек, у которого и ум хорош и сердце хорошо, вполне хороший и надежный человек».

Основой нравственного воспитания Ушинский считал религию, которую он понимал прежде всего как залог нравственной чистоты.

Ушинский охарактеризовал особенности нравственного воспитания в различных слоях русского общества. Общими идеалами воспитания он называл воспитание патриотизма, человечности, любви к труду, воли, честности, правдивости, чувства прекрасного, В качестве основополагающих духовных начал

для русского народа выделялась «патриархальная нравственность» — вера в правду и добро.

Раскрывая подробнее идеал воспитания, Ушинский особенно обращал внимание на патриотизм как результат осознания интересов, истории и культуры своего отечества. Детям младшего школьного возраста сведения об истории и трудовой жизни русского народа предлагалось давать, прежде всего, образцы фольклора, например, пословицы. Говоря о воспитательном значении пословиц, Ушинский называл их «зеркалом русской народной жизни» и утверждал, что «ничем нельзя так ввести дитя в понимание народной жизни, как объясняя ему значение народных пословиц». Трудолюбие формируется, полагал Ушинский, при постоянном участии детей посильной работе («праздность мать всех пороков»). Эстетическое начало следует развивать с помощью природы и искусства. Дидактический материал всегда содержит потенциал воспитания прекрасного: «во всякой науке более или менее есть эстетический элемент, передача которого ученикам должен иметь в виду наставник».

Школьный учитель, по Ушинскому, не только преподаватель, но в первую очередь наставник. Он подобен «плодотворному лучу солнца для молодой души». Основной инструмент учителя — обучение. «Главное достоинство... преподавателя состоит в том, чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом». В нравственном развитии ребенку нельзя навязывать нравственные убеждения. Такие убеждения следует вносить в детскую душу, не совершая над ней насилия.

В основе предложенной Ушинским методики нравственного воспитания — отказ от педагогики «страха», от поддержания школьной дисциплины путем наград и наказаний. Он предлагал воспитывать школьника в атмосфере здравомыслия и гуманности: «В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность».

Важным способом нравственного воздействия Ушинский считал убеждение словом, примером наставника с опорой на личный опыт ребенка. Одни лишь наставления («моральные сентенции»), полагал Ушинский, «готовят лицемеров». Крайними средствами воспитания («лекарства» при болезни) он считал наказания. Предпочтение отдавалось наказаниям предупредительного свойства: замечанию, снижению отметки за поведение. Поощрения рекомендовалось использовать весьма осторожно. Отвергались материальные награды, и признавалась польза нравственного поощрения: «Дети ненавидят учителей, от которых никогда не дождешься, одобрения или признания того, что хорошо сделано».

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв. И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

Осьмачко С.Г.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г.Ярославле*

Внутриполитический курс, обозначившийся в годы правления Александра III (1881—1894 гг.), в исторической литературе часто называют «политической контрреформ». Значительную роль в ее осуществлении сыграл занимавший с апреля 1880 г. по октябрь 1905 г. пост обер-прокурора Святейшего Синода («ведомство православного вероисповедания») *К.П.Победоносцев* (1827—1907 гг.). Известно, что он, являясь консерватором и пессимистом, боялся революции и предпочитал сохранять имевшиеся политические институты и отношения без каких либо изменений. В результате Победоносцев «был ославлен либеральными современниками (а вслед за ними и большинством исследователей-потомков) и получил ярлык реакционера и мракобеса, сдержавшего развитие всего живого и честного» [1].

Осуществляя системную консервацию всех сторон общественной жизни России, Победоносцев подобным же образом проявил себя и в отношении православной духовной церкви.

20 апреля 1884 г. Александр III утвердил новый устав духовных академий. Если прежний устав 1869 г. имел в основном либеральное значение, так как позволял развиваться академической науке и предоставлял значительные полномочия и академическим советам, и преподавательским корпорациям, то новый устав был более сориентирован на подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала.

В этих целях:

а) отменялась подготовка студентов по отделениям (ликвидация специализации), а в учебном плане выделялись предметы обязательные и по выбору (в результате возросла учебная загруженность учащихся, что имело целью, в том числе, и «сбережение иных от дурных мыслей»);

б) в сфере администрации была резко сокращена доля выборности и возросла практика назначений, утверждений, согласований (ректоры, помощника, начальника отделений, преподаватели всех рангов); увеличились возможности ректора по «надзору за направлением преподавания», а деятельность академического состава, и без того урезанная, с точки зрения полномочий, отныне достаточно жестко контролировалась местным епархиальным архиереем (утверждал академические постановления, в том числе о зачислении и увольнении студентов, присвоении педагогам званий, степеней и др.);

в/ вводились три степени магистра и доктора по специальностям — богословие, церковная история и каноническое право, причем публичность магистерских диспутов отменялась, а докторская степень присуждалась и вовсе без защиты, на основании отзывов двух рецензентов [2].

Все вышеперечисленное (и не только) привело к снижению научно-методологического уровня православных академий. Крупнейший историк церкви и богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии *Н.Н.Глубоковский* (1863—1937 гг.) оценивал устав 1884 г. довольно жестко. «В академия, — писал он, — наступила эпоха поднадзорности, приведшая к бесправной безответственности при господстве и обилии всяческих стеснений... Видно было, что все эти новшества не выросли органически в качестве естественного жизненного продукта, а привносятся искусственно, по соображениям, довольно отдаленным от научно-академических задач» [3].

Серьезно повлияли на научно-методологическую обстановку в учебном процессе духовных академий изменения, происшедшие в 1889 г. в порядке присуждения ученых степеней. В этом году были приняты особые «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». Содержание этого документа свидетельствует, что отныне предполагалось обращать внимание разрешающих инстанций не только (и не столь) на ученые достоинства работ, «но и на соответствие общего направления их с духом и достоинством Православной Церкви».

Требовалось при этом, «что бы сочинения заключали бы в себе такую полноту и определенность изложения по данному предмету, при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения, а также такую точность выражений, которые устраняли бы всякий повод к ложным выводам».

Двусмысленность подобных критериев становится вполне определенной после изучения следующего фрагмента вышеназванного документа: «Не могут быть признанными соответствующими требованиям ученого богословского сочинения такие труды, в которых отрицается, хотя бы и с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям».

И наконец, запрещалось «неблагонадежно выставлять в ложном свете какие-либо учреждения и установления отечественной церкви» [4].

Что имелось в виду? Прежде всего известное сказание о хождении апостола Андрея по Руси, абсолютную недостоверность которого убедительно доказал замечательный историк церкви *Е.Е.Голубинский* (1834—1912 гг.); сюда же можно отнести его критику летописного рассказа о крещении князя Владимира. В результате санкций официозного Синода печатание трудов Голубинского было приостановлено, а его самого вынудили уйти из духовной академии.

Крупный историк церкви *Н.Ф.Кантерев* (1847—1917 гг.) обратился к активной стороне иконовских реформ, но полученные им результаты так же вызвали гнев церковной цензуры, так как далеко не во всем соответствова-

ли ранее принятым точкам зрения. В изложении причин, хода и результатов религиозных преобразований XVII века Каптерев далеко разошелся со всеми прежними исследователями. Базируя свои выводы на изучении новых архивных материалов, уважаемый историк не столько отрицал прежние положения церковно-исторической науки, сколько развивал их. Он, в частности, показал, что инициатива исправления церковных книг исходила не только от патриарха, но в значительной степени и от царя Алексея Михайловича; по-новому представил логику развития процесса раскола; исследовал вопрос о старых и новых обрядах (например, о двуперстном и троеперстном крестном знамени) и пр.

Каптерев полагал, что церковный собор 1666—1667 гг., осудивший раскольников, а так же решения Стоглавого Собора 1551 г. (последний одобрил двоеперстие и «сугубую аллилују» «по своей простоте и невежеству»), не учитывал того, что древнерусская церковь заимствовала эти обычаи у греческой церкви, а та лишь в XV веке перешла к троеперстию.

В тысячелетней истории христианской церкви форма перстосложения не раз менялась: «Знаменовали себя крестом и одним перстом, и двумя, и тремя». Соответственно, какую-либо одну форму перстосложения нельзя считать за единственно православную и придавать ей значение догмата [5].

В доказательство истинности своих исторических положений Каптереву пришлось выдержать долгую борьбу против старейшего и влиятельнейшего профессора Московской духовной академии *Н.И.Собботина* и всесильного Победоносцева. Первый раздраженно писал второму: «Но ужели нельзя положить предела, что бы протопопы и профессора духовных академий не печатали того, что вредно именно Церкви и роняет достоинства церковной власти?» [6].

Не случайно, 16августа 1888 г. Святейший Синод издал указ, в котором духовным цензурным комитетам и советам духовных академий преписывалось строже контролировать содержание разрешаемых к печатанию книг и учебных исследований, имеющих отношение к теме русского раскола, что бы в них не содержалось «неправильных мнений и ошибочных суждений» [7].

Основанием для появления вышеупомянутого указа послужило, в том числе, заявление съезда противораскольнических миссионеров, проходившего в 1887 г. в Москве, о том, что идеи, высказываемые в научно-богословских сочинениях последних лет, используется раскольниками для своих целей, против православной истины и ее защитников. Здесь, в числе прочих, имелись в виду и сочинения Каптерева [8]. Их печатание было запрещено Святейшим Синодом.

Таким образом, официально религиозно-идеологические круги, используя монополию властного положения, стремились максимально расширить степень своего влияния на общественные процессы, вторгались в казалось бы далекие от политики, но исключительно важные научно-методологические сферы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

1. Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен /конец 1890-х — 1918 г./ [Текст] М.: Духовная библиотека, 2002.С.6.

2. См.: Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. [Текст] М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С.108; Тарасова В.А. Профессор Н.Н. Глубоковский и реформа высшей духовной школы в России в конце XIX — начале XX века. [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2001. №4. С.26,34.

3. Глубоковский Н.Н. За тридцать лет /1884 — 1914 гг./ [Текст] М., 1914. С.5,9.

4. Цит. по: Флоровский Г./протоиерей/. Пути Русского богословия [Текст] Вильнюс, 1991. С.418,419.

5. См.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. [Текст] М.: Индрик, 2003. С.24,87-90.

6. Субботин Н.И. Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношения к нему православия /1865-1904 гг./ [Текст] // Чтение в Обществе истории и древностей Российских. 1915. Кн. 1. С.265.

7. См.: Сухова Н.Я. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: Диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. [Текст] Москва, РГБ. 2007. С.278.

8. См.: Там же, С.323.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Сергеева О.А.

*Московская академия предпринимательства при Правительстве
Москвы
Ярославский филиал*

Понятие «культура» легло в основу некоторых научных концепций, различных трактовок того или иного явления. Так, например, создание социокультурной концепции диалогических отношений (Бахтин М.М.); культура помощи ребенку через организацию процесса его сопровождения в системе образования» (Лазарев В.А.) и т.д. Казанский ученый — педагог В.И. Андреев выявил универсальный закон — закон творческого саморазвития личности как человека культуры.

Одним из первых дал определение эмоциональной культуры Якобсон П.М. По его мнению, эмоциональная культура есть комплекс явлений, представляющих собой в значительной мере развитие и совершенствование тех качеств эмоциональной жизни, которые в ограниченном виде проявлялись на более ранней возрастной ступени.

Не претендуя на всесторонний анализ понятия «культура», мы предлагаем определение эмоциональной культуры, сформулированное с учетом имеющихся точек зрения.

Эмоциональная культура понимается нами как целостное динамическое личностное образование, имеющее собственную структуру, представленное системой знаний о развитии эмоций, умений и способов анализа эмоций,

управления ими, направленных на адекватность реагирования, что способствует вербализации эмоций человека, его эмоциональной открытости, эмоциональной эмпатии и оказания эмоциональной поддержки окружающим.

Таким образом, эмоциональная культура — область деятельности, регулируемая общепринятыми нормами выражения эмоций, которая оказывает влияние на развитие личности.

Высокий уровень эмоциональной культуры обеспечивается целостным формированием следующих компонентов: социокультурный, поведенческий, собственно эмоциональный, мотивационный, этико-нравственный, которые находят выражение в следующих структурных элементах:

1. опора на собственные нравственные принципы при выборе эмоций;
2. соответствие эмоций требованиям, предъявляемым по отношению к себе;
3. соответствие эмоционального реагирования возрастным особенностям;
4. адекватность эмоциональной реакции социокультурным нормам;
5. осознанность эмоционального реагирования.

Эмоциональная культура включает эмоциональную компетентность и эмоциональную грамотность. При этом под эмоциональной грамотностью нами понимается целенаправленное повышение эмоциональной компетентности, а под эмоциональной компетентностью владение методикой, личностную и интеллектуальную готовность, возможность справиться с данной профессиональной задачей, что включает все стороны деятельности: и знаниевую, и операционально-технологическую, и мотивационную.

Позицию обучаемого характеризуют следующие понятия:

— эмоциональная реакция, которая возникает либо непроизвольно, либо по воле ученика,

— эмоциональный отклик, под которым понимается вызванная желаемая эмоциональная реакция на какие-либо факты, события, коллективные дела и который представляет собой кратковременную реакцию на какую-либо деятельность или информацию,

— эмоциональное настроение коллектива, группы или отдельного человека, которое в отличие от эмоционального отклика предполагает длительную реакцию на какую-либо деятельность или информацию. По мнению Яновской М.Г., это устойчивое состояние в определенных условиях положительного эмоционального отклика. Однако эмоциональное настроение может быть и отрицательным, поэтому в качестве определяющего фактора мы предлагаем не только общий психологический настрой, но и продолжительность его реализации.

Эмоциональная культура тесно связано с понятием «эмоциональный интеллект», которое впервые стали употреблять Питер Сэловей и Джон Мейер в 1990 году.

Эмоциональный интеллект в научных психологических концепциях определяется как совокупность интеллектуальных способностей к пониманию эмоциональных состояний и управлению ими. В отличие от абстрактного и конкретного интеллекта, которые отражают закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью.

Если обобщить имеющиеся точки зрения исследователей, то составляющие эмоционального интеллекта следующие:

- способность понимать отношения личности, воспроизводимые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального синтеза и анализа;

- сложившееся у человека устойчивые способы эмоциональной регуляции деятельности, проявляющиеся как в общении, так и в познавательной деятельности и влияющие на успешность его приспособления к среде, или способы творческого её изменения;

- способность распознавать собственные эмоции, владеть ими, распознавать эмоции других людей, выражать свои эмоции в общении с другими людьми и мотивировать себя;

- совокупность программ-«регуляторов» и «мотиваторов» деятельности и общения, отвечающих за понимание себя и других людей, саморегуляцию и социальное поведение личности.

Взаимосвязь эмоциональной культуры и эмоционального интеллекта может быть наиболее полно реализована в эмоциональной среде.

Под эмоциональной средой мы понимаем организацию ситуаций социально-педагогического сопровождения, способствующих максимальному проявлению определенного качества, свойства личности, адекватной реакции на происходящее, основанной на самопознании и самоконтроле. Находясь в эмоциональной среде, личность реализует себя, проявляя те или иные эмоции, воздействует на другого (или других) участника этих отношений, тем самым либо создавая среду, либо преобразовывая ее.

Эмоция может быть подавлена, если человек внешне остается спокойным. Проблема заключается в том, любая эмоция даже в случае торможения ее произвольных компонентов обязательно распространится на деятельность внутренних органов, не поддающихся произвольному контролю. Предотвратить последствия негативных эмоциональных состояний помогает положительная эмоция. В этих условиях большое значение приобретает умение управлять эмоциями, которое заключается не в умении подавлять определенные (внешние) компоненты эмоций или в разрядке уже возникшей эмоции (в частности, физической нагрузкой). Умение управлять эмоциями заключается в том, чтобы эта эмоция в определенной обстановке не возникла вообще.

Анализ психологической литературы подтверждает существование двух основных способов управления эмоциями: контроль интенсивности эмоций и управление их экстенсивной составляющей — эмоциогенными ситуациями.

Процесс воспитания эмоциональной культуры рассматривается нами как динамический процесс, который предполагает реализацию системы педагогических средств. В качестве основных мы предлагаем следующие: эмоциональная рефлексия и эмоциональное стимулирование. Эмоциональная рефлексия понимается нами как способность к самонаблюдению, самоанализу процесса возникновения эмоций и способа эмоционального реагирования. Это особый принцип мышления, направленный на осознание восприятия собственных проявлений эмоций, которые при этом выступают как средство самовыражения и самореализации. Эмоциональный стимул – стимул, который в наибольшей мере воздействует на эмоциональную сферу человека, вызывая у него ответные чувства: эмоциональный отклик, сопереживание и, как наивысший результат, формирование общественно ценного и личностно значимого набора поведения. Высшим проявлением эмоциональной культуры является эмоциональная зрелость, которая предполагает наличие чувства ответственности за свои переживания перед собой, а тем самым и перед людьми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций. — 2-е изд., стер. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.
2. Ворохоб Ю.А. Аудиовизуальная культура будущего учителя. //Вестник Московского университета.- 2008.- №2. —с.57-65.
3. Ермакова И.В., Поливанова Н.И., Ривина И.В. Учебное взаимодействие педагога с учащимися как фактор их эмоциональной комфортности на уроке. // Психологическая наука и образование. — 2004. — №1 — С.63-73
4. Изард К.Э. Психология эмоций. Перев. с англ. — СПб.: Издательство «Питер», 1999.
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. — СПб: Питер, 2001.
6. Фетискин Н.П. Эмоциональное обеспечение учебной и трудовой деятельности. — Кострома: КГПИ им. Н.А.Некрасова. — 1990
7. Якобсон П.М. Чувства, их развитие и воспитание. — М.: «Знание», 1976. — с.64
8. Яновская М.Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1986. — 160с.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Новосельцев М.С.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Профессиональная подготовка офицеров в России в специальных учебных заведениях началась при создании регулярной армии, но первоначально она касалась только специальных родов войск. Учебные заведения по подготовке общевойсковых офицеров появляются лишь в конце первой трети XVIII в. Система военно-учебных заведений сложилась в начале XIX в. Военно-учебные

заведения, связанные с подготовкой офицеров, можно разделить на три группы:

- 1) непосредственно готовящие офицеров, выпускающие своих воспитанников офицерами или с правами на офицерский чин;
- 2) готовящие для поступления в заведения первой группы;
- 3) занимающиеся повышением квалификации и переподготовкой лиц, уже имеющих офицерские чины.

До 60-х гг. XIX в. учебные заведения двух первых групп представляли собой единое целое в лице кадетских корпусов, и лишь затем функциональное различие между тремя типами учебных заведений было твердо установлено.

Школа подготовки офицерского корпуса.

Присвоение офицерского чина воспитанникам военно-учебных заведений непосредственно при выпуске их в войска, как это практикуется теперь и стало нормой в новейшее время, утвердилось в России далеко не сразу. Идущее от петровской традиции представление о том, что будущий офицер должен обязательно прослужить какое-то время в строю в нижних чинах, держалось очень долго. На военно-учебные заведения не смотрели как на институт, способный полностью компенсировать отсутствие опыта действительной службы, знание которой с азов считалось основным для командования людьми. Военно-учебные заведения должны были готовить к присвоению офицерского звания, но их окончание само по себе не означало гарантии его получения. Отголоски этого представления сохранились до начала XX в. в виде выпуска худших воспитанников военных училищ унтер-офицерами, а не офицерами.

Первые военные школы вообще имели целью не столько производство своих воспитанников в офицеры, сколько получение ими специальных познаний. Поэтому и были школы артиллерийскими, инженерными и морскими. Естественно, выпускники их, направляемые в войска унтер-офицерами, производились в офицеры в первую очередь. Офицерами стали выпускать только воспитанников Сухопутного кадетского корпуса, но и то далеко не всех: часть прапорщиками, часть — унтер-офицерами, зато лучшие получали сразу чин подпоручика и даже поручика. Созданный в конце XVIII в. Военно-сиротский дом тоже выпускал своих воспитанников юнкерами и прапорщиками, и только отличники производились в офицеры сразу при выпуске. То же касалось и Шкловского благородного училища.

В начале XIX в. кадетские корпуса и училища в основном выпускали с правами на производство, а не офицерами, что не относится к Пажескому корпусу, все воспитанники которого выпускались офицерами. Но, конечно, выпускники военно-учебных заведений производились в офицеры очень быстро, обычно через несколько месяцев после прибытия в войска, им не надо было выслуживать Срок в унтер-офицерском звании.

Производство всех выпускников кадетских корпусов и училищ в офицеры сразу при выпуске было установлено в 1830 г., и с тех пор унтер-офицерами в

виде исключения стали выпускаться только худшие по успехам воспитанники специальных училищ. На флоте офицеры с середины XVIII в. производились в первый офицерский чин мичмана только по аттестатам Морского корпуса, непосредственно при выпуске.

С дальнейшим развитием сети военно-учебных заведений их воспитанники по-прежнему начинали службу с чинами разных классов — в зависимости от успехов в учебе (по разрядам). В царствование Николая I окончившие кадетские корпуса по 1-му разряду выпускались поручиками в армию, по 2-му разряду — подпоручиками, по 3-му — прапорщиками, по 4-му — в линейные батальоны, а неспособные к учебе в специальных классах — во внутреннюю стражу. Воспитанники Михайловского артиллерийского училища 1-го разряда переводились прапорщиками в офицерские классы, а 2-го — направлялись прапорщиками в войска (3-го — оставлялись еще на год, а 4-го — выпускались юнкерами с правом на производство через 2 года). Николаевское инженерное училище переводило своих выпускников 1-го разряда инженер-прапорщиками в офицерские классы, 2-го — оставляло еще на год, а 3-го — выпускало юнкерами с правом на производство через 2 года. Из школы топографов все выдержавшие выпускной экзамен производились в офицеры корпуса военных топографов, при недостатке вакансий они выпускались в армию подпоручиками. С 1862 г. все выпускники кадетских корпусов 1-го разряда, удостоенные к производству в гвардию, получали чин поручика армии, а к гвардейским полкам прикомандировывались лишь те, кто имел там ближайших родственников, или по выбору самого гвардейского начальства.

После реформы военно-учебных заведений, с 1866 — 1867 гг., выпускники общевоинских военных училищ 1-го разряда производились в подпоручики, частью — в прапорщики артиллерии и инженерных войск, а 2-го разряда — в прапорщики, 3-й разряд выпускался юнкерами с правом на производство в офицеры через 6 месяцев. Лучшие из выпускников кавалерийского училища направлялись в гвардию корнетами, а лучшие выпускники пехотных училищ прикомандировывались к гвардии для годичного испытания, после чего могли переводиться туда прапорщиками по представлению гвардейского начальства: в части старой гвардии — со старшинством со дня выпуска, а в части молодой гвардии — со старшинством 2 лет. Выпускники артиллерийского и инженерного училищ 1-го разряда производились в подпоручики этих войск, а 2-го разряда — в прапорщики с одним годом старшинства. Пажееский корпус выпускал: по 1-му разряду — в гвардию прапорщиками, по 2-му — в армию подпоручиками, по 3-му — в армию прапорщиками.

Юнкерские училища непосредственно офицеров не выпускали. Их выпускники 1-го разряда производились в офицеры в войсках вне вакансий в сентябрьской трети выпускного года, а 2-го разряда — не ранее январской трети следующего года на вакансии в своей части. С 1883 г. не удостоенным к производству в офицеры за неуспеваемость и дурное поведение вместо аттестата

выдавали свидетельство о прохождении курса. Они могли стать офицерами не ранее их сверстников по дивизии, выпущенных по 2-му разряду, а не получившие аттестат вследствие неодобрительного поведения — не ранее чем через год после них.

В 1885 г. было установлено, что все выпускники военно-учебных заведений должны начинать службу с одного и того же первого офицерского чина — подпоручика. При этом все различия по качеству образования сводились к преимуществам, связанным с определением разных сроков старшинства в этом чине от чего зависел срок производства в следующие чины. Правила на этот счет были следующими. Выпускники Пажеского корпуса 1-го разряда шли в гвардию с 1 годом старшинства, 2-го разряда — в армию с 1 годом старшинства, 3-го — в армию без старшинства, т. е. со старшинством со дня выпуска. Выпускники пехотных военных училищ 1-го разряда также имели 1 год старшинства и шли в армейскую пехоту. Выпускники Николаевского кавалерийского училища 1-го разряда направлялись в гвардию без старшинства и в армию с 1 годом старшинства, 2-го — в армию без старшинства. Все воспитанники Михайловского артиллерийского училища получали 2 года старшинства. Выпускники Николаевского инженерного училища 1-го разряда шли в инженерные войска с 2 годами старшинства, а 2-го разряда — с таким же старшинством, но в армейскую пехоту. Правила о выпуске воспитанников 3-го разряда военных училищ и 4-го разряда Пажеского корпуса в войска без офицерских чинов и о выпускниках юнкерских училищ остались в основном прежними.

По «Положению о военных училищах» 1894 г. правила присвоения офицерских чинов выпускникам военных училищ остались практически теми же. Окончившие по 1-му разряду имели один год старшинства, а лучшие из них после годичного прикомандирования к гвардейским частям переводились туда со старшинством со дня выпуска, по 2-му разряду — старшинство со дня выпуска, а по 3-му разряду — переводились в армейские части с правом на производство через 6 месяцев на вакансии. Те, кто по состоянию здоровья оказывался негодным к военной службе, получали гражданские чины — окончившие по 1-му разряду — XII класса, по 2-му — XIV.

К концу XIX в. стало очевидным, что положение выпускников юнкерских училищ — подпрапорщиков до производства в офицеры оказывалось весьма тяжелым как в материальном, так и в моральном отношении, оно слагалось из постоянных противоречий, то ставящих их в ряды офицеров, то низводящих до положения нижнего чина и нуждалось в изменении. Это обстоятельство, как и необходимость прослужить для поступления в училище год в строю вольноопределяющимся, затрудняло комплектование юнкерских училищ подготовленной молодежью. Поэтому в 1901 г., во-первых, было разрешено принимать в эти училища лиц с высшим и средним образованием прямо после учебы, без службы в войсках, а, во-вторых, производить выпускников юнкерских училищ в офицеры сразу по выпуску, как в военных училищах: по 1-му разряду не ме-

нее 10 баллов в среднем — с одним годом старшинства, по 2-му не менее 7 баллов — со старшинством со дня выпуска, выпускники 3-го разряда выпускались унтер-офицерами и производились без экзамена на вакансии по усмотрению своего начальства не ранее чем через 1 год.

На флоте Морской корпус, как уже говорилось, выпускал своих воспитанников до 1860 г. с первым офицерским чином мичмана. Штурманское училище до середины XIX в. — кондукторами, а лучших — офицерами, с 1853 г. всех — прапорщиками корпуса флотских штурманов. Школа флотских юнкеров в Николаеве — гардемаринами, производившимися в мичмана после двух морских кампаний. В 1860—1882 гг. и с 1906 г. выпускники Морского корпуса становились корабельными гардемаринами и производились в мичмана только после практического плавания. Морские учебные заведения, готовившие штурманов, артиллеристов, судостроителей, инженер-механиков, т.е. категории лиц, имевших не морские, а общевоинские звания со второй половины XIX в. выпускали всех своих воспитанников только с первым офицерским чином.

С началом мировой войны военные училища перешли на сокращенный 3-месячный срок обучения, и те, кто поступил в училища осенью 1914 г., заканчивали в декабре того же года уже сокращенный курс. Все они получали при выпуске чин не подпоручика, а прапорщика. Открытые во время войны школы прапорщиков также, естественно, присваивали этот чин. Так что в 1914 — 1917 гг. военно-учебные заведения выпускали только прапорщиков подпоручиками были выпущены те, кто к началу войны уже проучился больше года — юнкера приема 1913 г., и первым офицерским чином во время войны стал исключительно чин прапорщика.

Итак, развитие образовательной подготовки офицерского корпуса, системы военно-учебных заведений прошло несколько этапов.

Сначала существовали только отдельные учебные заведения для профессиональной подготовки офицеров специальных родов войск артиллеристов и инженеров, не претендовавшие, впрочем, на сколько-нибудь полное обеспечение офицерами этих родов войск.

На втором этапе, в конце первой трети XVIII в., появляется учебное заведение для подготовки общевоинских командиров в лице 1-го кадетского корпуса, которое, хотя и не могло обеспечить потребность армии в офицерах своими выпускниками, явилось тем образцом, на основе которого развивалась впоследствии сеть военно-учебных заведений.

Третий этап охватывает первую половину XIX в. Он ознаменовался, во-первых, расширением сети кадетских корпусов как основного звена подготовки общевоинских офицерских кадров, непосредственно выпускающего офицеров,

во-вторых, в это время зарождается деление на учебные заведения, непосредственно выпускающие офицеров, и заведения, осуществляющие первичную подготовку малолетних для поступления в такие заведения,

в-третьих, в это время на основе единых принципов создается сеть специальных училищ и,

в-четвертых, создается первая общевоинская академия, появляются прообразы специальных академий в виде офицерских классов соответствующих училищ.

Следующий этап, начавшийся со второй половины XIX в., связан с проведенными тогда радикальными реформами системы военного образования, в результате которых она приняла,

во-первых, всеобъемлющий характер прохождение курса военно-учебного заведения стало обязательным условием получения офицерского чина, а

во-вторых, обрело логическую последовательность и единообразие в основных звеньях. Все основные виды учебных заведений, решающие разные задачи, общеобразовательная и начальная военная подготовка малолетних воспитанников, собирающихся стать офицерами; непосредственная подготовка офицеров; переподготовка и повышение квалификации лиц, уже имеющих офицерские чины, были четко отделены друг от друга.

Военные гимназии готовили кадры для военных и специальных училищ, военные прогимназии — для юнкерских училищ. Ставшие офицерами могли продолжать образование в Академии Генштаба или специальных академиях и проходить переподготовку в офицерских школах по родам войск.

С упразднением прогимназий и преобразованием всех юнкерских училищ в военную систему военно-учебных заведений в начале XX в. приняла полностью единообразный вид. Такая структура была оптимальной и вряд ли претерпела бы в дальнейшем значительные изменения современная структура подготовки офицеров практически не отличается от нее.

Поэтому вопрос фактически стоял о целесообразности такой подготовки вообще и даже шире — о профессиональной ориентации будущего офицера. С одной стороны, большинство воспитанников военных гимназий и кадетских корпусов были детьми военных и поступали в них с принципиальной установкой на офицерскую карьеру. С другой стороны, они не были обязаны поступать после выпуска в военные училища. В этих условиях преимущества кадетских корпусов в деле психологической подготовки и формирования окончательной ориентации на военную карьеру совершенно очевидны. В них воспитанник находился в обстановке, максимально приближенной к армейской, тогда как в военной гимназии — совершенно вне ее, и мог объективно соотнести свои возможности и ожидания с реальностью, делая окончательный выбор, что избавляло офицерскую среду хотя бы от части лиц, психологически непригодных к офицерской службе.

В военных гимназиях этот фактор практически не действовал, а напротив, часть лучших учеников, вполне способных украсить собой в будущем офицерский корпус, под влиянием гражданских преподавателей среди которых попадались люди, не только совершенно чуждые, но и враждебные армии отказыва-

лись от военной профессии. В сущности, наиболее заметным результатом практика военных гимназий оказалось проникновение в среду будущих офицеров либеральных взглядов и настроений и ослабление морально-психологической подготовленности к офицерской карьере. Инициаторы реформ, конечно, не имели в виду такой цели, но объективно этого невозможно было избежать при такой постановке дела. Естественно, когда подобные последствия нововведений была вполне осознаны, военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса. И столь же естественно, что антигосударственными силами этот шаг был охарактеризован как «реакционный». Восстановление доучилищной военной подготовки будущих офицеров вполне себя оправдало, и кадетские корпуса остались в качестве первичного звена в образовательной подготовке офицера, а их выпускники были ядром офицерского корпуса.

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ПРОЕКТ «ИМЯ ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Соловьёва М.А.

ГОУ ЯО Институт развития образования

Современное школьное литературное образование несет в себе важнейшие культуросберегающие, развивающие и воспитательные функции, являясь неотъемлемой частью общего процесса духовного развития нации. В современных условиях на литературу как учебный предмет возлагается особая миссия — воспитание духовно-нравственной личности, обладающей высокой степенью сознания себя гражданином России. Духовно-нравственное возрождение человека — это проблема, от решения которой зависит будущее страны.

Народ жив, пока жива его национальная культура: язык, обычаи, предания, легенды, искусство и, конечно, литература. Поэтому главные задачи учителя — это обогащение учеников разносторонними и глубокими знаниями о своем народе, его прошлом, традициях, культуре.

В настоящее время краеведению отводится значительная роль в решении различных задач, в первую очередь в решении задач духовно-нравственного, патриотического воспитания.

Актуальность изучения истории и культуры Ярославского края в образовательных учреждениях города Ярославля и области обусловлена насущной социально-педагогической потребностью подготовки к празднованию 1000-летия города Ярославля.

По словам А.Т. Твардовского, русские писатели «принесли с собой в литературу свои донские, степные и лесостепные, уральские и сибирские родные

места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка».

Любовь к Родине начинается с любви к тому месту, где родился и вырос, с любви к тем людям, которые тебя окружают. Кто, как ни поэт и писатель, лучше помогут рассмотреть красоту и неповторимость родных мест, родной природы. Цель литературного краеведения — воспитание духовно-нравственной личности с высокой гражданской, патриотической активностью.

Ярославская земля богата людьми, оставившими свой след в истории нашего государства: Александр Невский, основатель первого профессионального театра Фёдор Волков, скульптор А.М. Опекушин, маршал Ф.И. Толбухин, маршал В.К.Блюхер, генерал армии П.И.Батов, первая в мире женщина-космонавт В.В.Терешкова и многие другие. Особое место занимают поэты и писатели, которые так или иначе связаны с Ярославской землёй: И.З.Суриков, Л.Н.Трефолов, Н.А.Некрасов, М.Е.Салтыков-Щедрин, И.С.Аксаков, А.Н.Островский, В.А.Гиляровский, М.А.Богданович, О.Берггольц, М.М.Пришвин, М.А.Рапов и многие другие.

«Дать может только имеющий» — гласит мудрость. Учитель, занимающийся вопросами краеведения на теоретическом уровне, может дать немного. Необходимо самому пережить, почувствовать, увидеть ту обстановку, тот окружающий мир, в котором жил и творил поэт, писатель. Именно поэтому многие учителя посещают памятные места нашей Родины: Ясную Поляну, Мураново, Спасское-Лутовиново... Но большинство учителей нашей области не были в тех местах Ярославской земли, которые связаны с именами И.З. Сурикова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, братьев Золотаревых и т.д. Не были не потому, что не хотят или не могут, а потому, что специальных туристских маршрутов туда не разработано по причине отсутствия музея, подъездных дорог и т.п.

С 2008 года на кафедре гуманитарных дисциплин Ярославского института развития образования начал свою работу проект «Имя поэта, писателя в культурной жизни Ярославской области».

Целью проекта является:

6. изучение литературного краеведческого материала непосредственно на конкретном объекте (территории), связанном с жизнью и творчеством поэта, писателя;
7. внедрение практических методов познания окружающего мира в практику учителя;
8. реализация педагогического потенциала учителей Ярославской области в организации работы по духовно-нравственному, патриотическому воспитанию учащихся.

Результатом проекта должно стать:

- создание методических рекомендаций по использованию материалов литературного краеведения в практике работы учителя школы, как в урочное, так и внеурочное время;
- создание дисков с материалами работы учителей области по литературному краеведению.

В рамках этого проекта идут семинары, встречи, конференции, посвященные изучению культуры родного края в общеобразовательной школе, как в урочное, так и внеурочное время; объявлен Конкурс методических материалов учителей русского языка, литературы, МХК и др., посвященный 1000-летию города Ярославля (Положение о Конкурсе можно посмотреть на сайте ГОУ ЯО «Институт развития образования»).

26 марта 2008 года в школе села Купанское Переславского района состоялась научно-практическая конференция «М.М. Пришвин и Ярославский край», посвященная 135-летию со дня рождения писателя.

Село Купанское и его окрестности связаны с жизнью и творчеством М.М. Пришвина. Здесь нет, к сожалению, музея М.М. Пришвина, только мемориальная доска на доме, где он жил и писал в годы Великой Отечественной войны, но здесь до сих пор проживают прототипы литературных героев произведений писателя.

Главное, что есть в этом селе, — Купанская школа, где бережно хранят память о писателе: небольшая экспозиция в кабинете литературы и огромная исследовательская работа, которую ведет учитель-энтузиаст Соколова Ирина Геннадьевна, Отличник народного просвещения РФ, учитель литературы, зам. директора по воспитательной работе.

Для учителей, занимающихся вопросами краеведения, знакомство с памятными местами Переславского края не только интересно, но и очень полезно: опыт исследовательской работы местной школы по изучению жизни и творчества М.М. Пришвина можно использовать в работе своей школы.

На конференции выступили Е.В. Зиновьева, директор департамента образования администрации Переславского МО; Ю.Е. Никитина, и.о. заведующей отделом истории Переславского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, М.А. Дорофеева, методист отдела экологического просвещения рекреации и туризма НП «Плещеево озеро»; Т.Ю. Пыряева, заведующая детской библиотекой им. М.М. Пришвина г. Переславля-Залесского; А.П. Фиошина, учитель географии Берендеевской сош Переславского района, Отличник народного просвещения РФ, «Человек года Переславского МР», автор книги «Путешествие в чудесный мир природы Михаила Пришвина»; О.А. Князева, учитель географии, директор Дубковской сош Переславского МР; О.В. Качанина, старший библиотекарь читального зала детской библиотеки им. М.М. Пришвина г. Переславля-Залесского и, конечно, учащиеся Купанской школы.

Встречи с Н.Н. Якушиной, дочерью «почтальонши Ариши Башмаковой» (прототип литературного героя), с И.М. Назаровой, внучкой Павла Назарова

(хозяин дома, в котором в годы ВОВ жил М.М. Пришвин), экскурсия «Литературные тропы М.М. Пришвина», фотографирование у дома Насти — героини рассказа М.М.Пришвина «Кладовая солнца» — и у дома М.М. Пришвина оставили неизгладимый след в душе каждого участника конференции. Пережив сам радость встречи, учитель сможет организовать работу по литературному образованию, в частности литературному краеведению, добиться эмоционального отклика ученика. Сердцем прикоснется к истории родного края, Родины. Увидев и прочувствовав красоту родного края, познакомившись с прекрасными людьми земли Ярославской, сам поймешь, что значит хранить традиции своего народа. В этом нравственно-воспитательная роль литературно-краеведческой работы учителя.

Исследовательская работа по изучению творческого наследия писателя (поэта) в образовательных учреждениях нашей области имеет немалый опыт: заслуживает внимания опыт работы учителя русского языка и литературы Большесельской сош Бурдиной Н. И. Большая работа по изучению творчества поэта-самоучки И.З.Сурикова, родившегося в д. Новоселово Большесельского района, привели к созданию музея, библиотеки из произведений И.З.Сурикова; ежегодно в школе проводится научно-практическая конференция ко дню рождения поэта.

Огромную работу по изучению истории и культуры родного края ведут учителя школ Тутаевского МО.

В марте 2009 года, соблюдая традицию проекта, в селе Заозерье Угличского района пройдет научно-практическая конференция «Салтыков-Щедрин и Ярославский край».

Произведения искусства неотрывны как от эпохи, так и от местности, в них отраженной. Об этом замечательно сказал К.Г. Паустовский: «...Иногда эти места совершенно ничем не отличаются от сотен таких же мест. Взять хотя бы город Елец...Елец отчасти похож на Рязань, на бывший Козлов, на Липецк. Но в Ельце особенно сильно чувствуешь сотни раз описанные Буниным уголки России, её прелесть, дыхание её безграничных ржаных полей...Человек, проходя по земле, оставляет отчетливый след пребывания. Только память по своей немощи может стереть этот след, но, конечно, с трудом. Город, не связанный ни с каким воспоминанием, даже литературным, мёртв для меня. И, очевидно, для многих из нас».

Постараемся и мы почувствовать красоту родной Ярославской земли, вспомнить свой родной уголок.

О КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ НА УРОВНЕ УЧЕБНОГО КУРСА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ»

Борисова Т.Ф.

*Российский государственный гуманитарный университет
Филиал в г. Балашихе*

В настоящее время, когда мировой экономический кризис охватил различные сферы деятельности практически во всех странах, проблемы образования высвечиваются с особой остротой. XXI век характеризуется новыми требованиями к организации и результатам профессиональной подготовки кадров в высшей школе. Это всеобщий, глобальный образовательный процесс, который сегодня достаточно активно развивается в России. На конференции «Профессиональное образование в условиях инновационного развития экономики», прошедшей в декабре 2008 года в Москве, вице-премьер Александр Жуков заявил, что сложная ситуация как в мировой, так и в национальной экономике, не позволяет нам принимать слабых решений, а для качественных проектов нам необходима качественная профессиональная подготовка [1]. Таким образом, на первый план выходит задача по подготовке специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональной компетентности как главного показателя успешной управленческой деятельности.

Компетентность формируется в деятельности и организация учебной деятельности студентов по освоению содержания учебного курса «Концепции современного естествознания» предполагает не только ознакомление с дополнительным для гуманитариев компонентом единой культуры — естествознанием, но и формирование определенных компетенций будущих управленцев.

Компетенция (в переводе с латинского) означает «совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов» [2]. Полнота и качество выполнения кадрами, получившими подготовку в высшей школе, любой профессиональной деятельности обеспечивается только тогда, когда они обладают набором не только профессиональных компетенций, но и соответствующих личностных и интеллектуальных качеств, набор которых представляет собой комплекс компетенций, входящих в состав требований к профессиональной подготовленности выпускника [3]. Сегодня этот комплекс компетенций отечественные исследователи определяют по-разному: И.А. Зимняя [4] структурирует социальные компетенции в контексте требований образовательного стандарта, а Матушкин Н.Н. [5] и Столбова И.Д. выделяют универсальные компетенции: общенаучные;

социально-личностные; общекультурные; инструментальные, Л.Г. Березовая [6] рассматривает социально-личностные компетенции во взаимосвязи с профессиональными квалификационными характеристиками.

В начале 2000-х годов в рамках проекта образовательных систем Европы TUNING было сформулировано трехкомпонентное определение компетенции [7]:

9. знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать);

10. знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям);

11. знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте, коммуникативные и социальные навыки, способность к творческому решению проблем, креативность и т.п.).

Следуя подходам Л.Г. Березовой, в филиале РГГУ г. Балашиха Московской области для студентов, обучающихся по специальности «государственное и муниципальное управление», апробируются новые подходы к формированию ключевых компетенций, задаваемых квалификационными характеристиками государственного образовательного стандарта, согласно которым выпускник должен быть готов к выполнению следующих видов профессиональной деятельности: *планирование индивидуальной и совместной деятельности; организация работы по целям, ресурсам и результату; рациональный контроль деятельности сотрудников и организации в целом; руководство коллективом и координация деятельности во внешней среде; мотивация сотрудников; представительство организации и ее внешних интересов; исследование и диагностика проблем, прогнозов, целей и ситуаций; консультационная, методическая и образовательная работа с сотрудниками; инновационная деятельность в области управления и др.* Каждому из видов деятельности можно определить соответствующие компетенции: общенаучные, инструментальные, социально-личностные и общекультурные, а также адекватные методы их формирования.

Непосредственно содержание учебного курса «Концепции современного естествознания», освоение его методологии обеспечивает формирование профессиональных и личностных компетенций будущих специалистов управленческой сферы. Эффективное управленческое решение сложных социально-экономических проблем не представляется возможным без использования методологических основ естественнонаучного образования, поскольку именно в сфере естествознания лежат закономерности и фундаментальные законы природы, составляющие основу любого научного знания. В связи с этим естественнонаучное знание приобретает особую роль в процессе профессиональной подготовки специалистов сферы государственного и муниципального управления, имеющих представления о современной научной картине мира и способных к глобальному мышлению.

Естествознание начала XXI века характеризуется рядом специфических открытий, которые позволяют говорить об уже начавшемся повороте к новому этапу его развития, последствия которого угрожают человечеству (ядерная, экологическая катастрофа, клонирование человека, деградация культуры и человеческой психики и др.) и требуется научно обоснованная реакция общества и системы государственного управления на возможные негативные последствия новых научных открытий в области естествознания [8].

Современное естествознание переходит к изучению таких сложных систем, как человек, биосфера, общество и т.п. Основными методами исследования этих систем становятся методы, концентрирующие внимание на специфических особенностях поведения сложных саморазвивающихся структур, пронизанных многочисленными нелинейными обратными связями между подсистемами. Развитие системного подхода и его применение к сложно структурированным объектам привело к созданию нового направления в естествознании — синергетике. Исследование сущности синергетических подходов к анализу развития сложных систем и управлению их развитием, способствует формированию не только общенаучных, но и инструментальных компетенций специалистов в сфере управления.

В методическом аспекте важнейшее значение имеют формы образовательной деятельности, которые направлены на выработку качеств, составляющих содержание ключевых профессиональных компетенций.

Традиционное деление университетских занятий на аудиторные и внеаудиторные не соответствует формату Болонского процесса и духу современных образовательных программ. Как отмечает Л.Г. Березовая, **формы образовательной деятельности в высшей школе должны стать как возможно более гибкими и вариативными**, поэтому **дидактический процесс в высшей школе** рассматривается под новым углом зрения, в нем выделяют **деятельность** аналитического, презентационного и проектного характера.

«Лекция» как основная форма вузовской работы может получить свое развитие при включении в нее выступлений и презентаций студентов как присутствующих в аудитории, так и работы студентов старших курсов. При этом формируется преимущество профессионального поиска. Наиболее гибкая форма работы «практикумы и семинары» позволяет максимально включать проектные и презентационные варианты деятельности, вырабатывая привычку к постоянному профессиональному росту, и способствует интерактивности образовательного процесса. Интеллектуальная форма работы — «коллоквиумы» нацелена на поддержку интеллектуальных лидеров и показывает способы продвижения в этой области для всех студентов. Самые закрытые формы — «курсовые, рефераты, дипломные работы» должны получить «выход на аудиторию», возможность презентации со «смешанным» составом участников [6].

Планируя формирование профессиональных компетенций в рамках учебной дисциплины, преподаватель находится в начале проектирования дидакти-

ческого процесса в соответствии с Болонскими реформами, начиная с конца: сначала определяются и закладываются «результаты образования» (компетенции), на формирование которых нацелено обучение, затем проектируется программа учебной дисциплины и ее модули, позволяющие сформировать эти компетенции, а затем определяется значимость курсовых единиц, выраженная в кредитах, но это предмет отдельного образовательного курса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская конференция «Профессиональное образование в условиях инновационного развития экономики» // Стенограмма основных событий конференции. — Режим доступа: <http://www.sovet-edu.ru>.
2. Рягин С.Н. Компетентностный подход: проблемы и перспективы использования в образовательном процессе. /С.Н. Рягин//Формирование ключевых компетенций участников образовательного процесса: Материалы областной научно-практической конференции. — Омск: ГОУ ДПО «ИРООО». — 2006.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования //Высшее образование сегодня. — 2003. — № 5.
4. Зимняя И.А., Лаптева М.Д., Морозова Н.А. Социальные компетентности выпускников вузов в контексте государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и проекта TUNING //Высшее образование сегодня.- 2007.- №11.
5. Матушкин Н.Н., Столбова И.Д. Формирование перечня профессиональных компетенций выпускника высшей школы //Высшее образование сегодня. — 2007. — №11.
6. Березовая Л.Г. Формирование социально-личностных компетенций в образовательных практиках высшей школы. Инновации в университетском образовательном процессе: обучение и социальные практики // Гуманитарные чтения РГГУ-2008. — Режим доступа: <http://www.gumchtenia.rggu.ru>.
7. Карпенко О.М., Л.И. Денисович, М.Д. Бершадская и др. К вопросу о компетентностном подходе в российском образовании // Инновации в образовании. — 2004. — № 6.
8. Фроленков К.Ю., Матюхин С.И. Курс «Концепции современного естествознания» как основа фундаментализации гуманитарного и социально-экономического образования // Университетское образование: Сб. Материалы III международной научно-методической конференции. — Пенза: ПДЗ, 1999. — с.133-134.

РЕФОРМЫ ПЕТРА I: РОЛЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Галактионов А.А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Уже наравское поражение дало мощный толчок проведению реформ, прежде всего военной. «Реформы Петра» — это своего рода феномен экономической, политической и социальной жизни России XVIII в. — всегда вызывали бурные споры в отечественной исторической науке. Датский ученый Ханс Баггер постарался свести воедино все высказывания по этой проблеме и обнаружил, что одним из самых спорных вопросов был следующий: петровские реформы — эволюция или революция? И та, и другая точки зрения имели своих сторонников, но истина, как это часто бывает, где-то посередине. Нельзя отрицать тот факт, что предпосылки преобразований времени Петра зрели на протяжении предшествующего столетия. Но нельзя сбрасывать со счетов и такие обстоятельства, как личность самого Петра, влияние затяжной и тяжелой войны (не случайно реформы начинаются с армии и флота). В ходе Северной войны в стране были созданы мощная армия и военно-морской флот, оснащенные передовым для того времени вооружением, артиллерией.

Но все-таки важнейшими являлись реформы государственного аппарата, управления. В России государство к тому времени начинает играть необычайно большую роль во всех сферах жизни, а в идеологии складывается буквально культ абсолютистского государства. В то же время прежний государственный аппарат, содержащий в себе много архаических черт, не справлялся со стоявшими перед ним задачами, государственная машина давала сбои...

22 февраля 1711 г. Петр I учредил Правительствующий Сенат, заменивший Боярскую Думу. Сенат, состоявший из 9 членов, был высшим правительственным учреждением в стране, но вся законодательная власть принадлежала царю. Этот орган власти разрастался, и к концу царствования Петр перешел к иным формам контроля над этим органом. Вместо дежурных штаб-офицеров гвардии он назначил при Сенате высшего чиновника — генерал-прокурора. С 1714 г. возник еще особый институт фискалов, которые должны были бороться со злоупотреблениями чиновников. Фискалы подчинялись только особому лицу, находившемуся при Сенате — генерал-ober-фискалу. Для контроля за самим Сенатом в 1715 г. был назначен специальный генерал-ревизор. Естественно, что на все эти посты Петр I назначал своих любимцев. Так, генерал-прокурором стал П.И. Ягужинский, генерал-ober-фискалом Нестеров. Далеко не всегда они оправдывали доверие Петра. Сама формирующаяся бюрократи-

ческая система толкала их на путь воровства и взяточничества. Того же Нестерова, который был призван пресекать подобные дела в государстве, самого казнили за взяточничество.

В 1718 г. были ликвидированы старые приказы и взамен их введены коллегии. Было учреждено всего 11 коллегий: 1) Коллегия «чужестранных дел»; 2) Коллегия военных дел; 3) Адмиралтейств-коллегия (по военно-морским делам); 4) Камер-коллегия (ведавшая сбором государственных доходов); 5) Штатс-коллегия (ведавшая государственными расходами); 6) Ревизион-коллегия; 7) Берг-коллегия (ведавшая горной промышленностью); 8) Мануфактур-коллегия (ведавшая всей остальной промышленностью); 9) Коммерц-коллегия (ведавшая торговлей). Несколько позднее были учреждены Вотчинная коллегия, которая ведала делами Поместного приказа, и Юстиц-коллегия. На смену прежнему, весьма хаотичному приказному управлению, пришли новые центральные учреждения отраслевого типа. Во главе каждой коллегии стоял президент, при нем вице-президент, несколько коллежских советников и асессоров. В каждой коллегии была канцелярия во главе с коллежским асессором и архивариусом. Большое значение имела личная канцелярия Петра, которая называлась «Кабинетом».

Ломке было подвергнуто и все областное управление. В 1708 г. вся страна была разделена на 8 губерний: Московскую, Санкт-Петербургскую, Киевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Позднее были образованы еще три новые губернии: Нижегородская, Астраханская и Рижская, а Смоленская была расформирована. Во главе губернии стоял губернатор с весьма широкими полномочиями. У губернатора был свой штат помощников. В 1713 г. была сделана попытка создать при губернаторе «консилиум» (совет) из местных дворян. В 1719 г. областная реформа получила дальнейшее свое развитие: основной административной единицей на местах стала провинция. Всего было образовано 50 провинций. Во главе каждой из провинций стоял воевода, оказавшийся в зависимости от губернатора. Каждая провинция в свою очередь разделялась на дистрикты. Во главе каждого дистрикта находился комиссар из состава местного дворянства. Одной из мер укрепления государственной власти на местах была система расквартирования войск. Полковой дистрикт имел большое значение как военно-полицейская административная единица.

В результате реформ государственного аппарата и власти на местах в России было создано государство, которое в исторической литературе было удачно названо «регулярным государством». Это было абсолютистское бюрократическое государство, пронизанное слежкой и шпионажем. Естественно, что в таком государстве демократические традиции, никогда не умиравшие в России, оказались в очень неблагоприятных обстоятельствах. Они продолжали жить в повседневном быте крестьянской общины, казацкой волнице. Но демократия все больше приносилась в жертву грубому авторитарному правле-

нию, сопровождавшемуся необычайным ростом роли личности в российской истории. Одним из внешних проявлений этого было принятие русским царем титула императора и преобразование России в империю, что нашло отражение в общественном сознании и в культуре.

Такая огромная роль монарха, государства нашла прямое отражение в развитии экономики России и ее социальной структуре. Все было пронизано волей монарха, все несло на себе печать государственного вмешательства, глубокого проникновения государства во все сферы жизни. Основу экономической политики Петра составляла концепция меркантилизма, господствовавшая тогда в Европе. Сутью ее было накопление денег за счет активного баланса торговли, вывоза товаров на чужие рынки, ввозу на свой, что предполагало вмешательство государства в сферу экономики. Составной частью этой политики был протекционизм — поощрение промышленности, производящей товары преимущественно для внешнего рынка. Петр I энергично берется за укрепление промышленности. Уже в годы Северной войны государственное предпринимательство развивается в двух направлениях: активизируется производство в старых промышленных районах и создаются новые районы промышленного производства. Огобенно хорошо это видно на примере металлургии, но Петр создает мануфактуры и в легкой промышленности. Для мануфактуры характерно, в отличие от мелкотоварного производства, разделение труда, по преобладает еще ручной труд. Фабрика — производство, на котором при разделении труда господствует уже машинное производство. Характер русской мануфактуры — один из самых спорных моментов в дискуссии о возникновении в России капиталистических отношений. Дело в том, что для капиталистической мануфактуры характерен наемный труд. Русская же мануфактура основывалась на труде крепостных, зависимых людей. Крестьяне «приписывались» к заводам и вынуждены были часть года или все время работать на них. Правительство усиленно прикрепляло к мануфактурам также «гулящих» людей, «татей». Специальным указом Петр разрешил предпринимателям покупать крепостных. Причем, такие крестьяне числились не лично за владельцем, а за тем предприятием, для которого они были куплены. Они назывались посессионными и могли продаваться только со всем предприятием.

Создание собственной промышленности государство сочетало с организацией собственной торговли, а для захвата торговли применялся такой примитивный, но действенный способ, как введение монополий на заготовку и сбыт определенных товаров как внутри ее, так и вне их. Первой была введена монополия на соль, но особое значение приобрела монополия на продажу товаров за границу. «Государственные монополии, налоги и повинности — это были силовые средства, примененные петровским государством для получения максимально крупных сумм денег для решения своих задач» (Е.В.Анисимов). К концу Северной войны государство несколько изменило свою политику в области экономики. Наиболее жесткие монополии были отменены, частное пред-

принимательство стало поощряться, но зато всемерно усиливалась бюрократическая машина, которая несколькими другими методами, но также пристально держала под контролем развитие промышленности и торговли.

Петровская эпоха знаменовалась не только грандиозными сдвигами в экономике, внешней политике, но и в социальной структуре Российского государства. Идет процесс унификации сословий, сословная структура упрощается, становится ясной и четкой. Этому способствовали меры, направленные на консолидацию дворянского сословия и, прежде всего, указ о единонаследии 1714 г. и «Табель о рангах», изданная в 1722 г. Указ о единонаследии разрешал дворянам передавать недвижимую собственность только старшему в роде, что вело к прекращению дробления земельной собственности и содействовало укреплению дворянского сословия. Но главное значение этого указа все-таки не в этом. В результате его осуществления была ликвидирована разница между поместным и вотчинным землевладением, которые существовали в России на протяжении предшествующих нескольких столетий. На смену им пришла единая земельная собственность, пользование которой однако было регламентировано еще больше, чем при поместной системе.

«Табель о рангах» вводила в обиход 14 рангов: в военной службе — от прапорщика до генерал-фельдмаршала, во флоте — от «артиллерии констапеля» до генерал-адмирала, в гражданской — от коллежского регистратора до канцлера. Самым высшим чином был 1-й ранг, или «класс», а самым низшим — 14-й класс. Все чины первых восьми рангов давали права потомственного дворянства. Вместо «породы» и «знатности» основными условиями прохождения служебной лестницы сделались пригодность к службе и личные способности. Дворяне отнюдь не всегда были довольны этими мероприятиями правительства. Им не нравились ежегодные смотры, отправка за границу для изучения разного рода наук. Но объективно все эти меры служили усилению дворянского сословия, хотя и способствовали своего рода «закрепощению» его.

Были проведены меры и в интересах купечества, городских жителей. В 1720 г. был учрежден Главный магистрат. Изданный в 1721 г. регламент Главного магистрата разделил всех жителей города на «регулярных» и «нерегулярных» граждан. Первые, в свою очередь, делились на две гильдии: в первую входили крупные купцы, промышленники, банкиры; вторая состояла из мелких торговцев и ремесленников. Все же остальное население получило название — «подлые люди».

Огромное значение для унификации и правового оформления низших сословий в государстве имело введение новой системы обложения. С 1718 г. Петр перешел к новой системе сбора прямых налогов — подушному обложению взамен старого, подворного обложения, которое уже не давало должного эффекта. Была проведена перепись населения, причем, в отношении уклонявшихся от переписи применялись самые крутые меры. В ту пору на бескрайних российских просторах обычной была процессия, состоявшая из переписчика-

офицера, за которым следовал палач с кнутом и удавкой. С введением подушной подати число плательщиков прямых налогов значительно расширилось. Но реформа имела и другую сторону, которая привела к унификации низших сословий. Ряд промежуточных категорий населения (однодворцы, половники), а также всякого рода гулящий люд, холопы были записаны в «тягло» и таким образом уравнены с крепостными крестьянами, юридическое положение которых уже мало отличалось от прежних холопов. Новый прямой налог был в 2-2,5 раза больше суммы всех прежних прямых налогов.

Все эти меры в области социальной политики привели к тому, что в результате петровского правления все население было объединено, пусть и достаточно искусственно, в 3 сословиях: одно из них было привилегированным и служилым — дворянство, а посадское население и крестьянство несли тягло. Над всей этой структурой возвышался государственный аппарат, который все более бюрократизировался во главе со всемогущим монархом.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ — XVIII В.

Воевода Е.В.

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет)*

В начале XVIII века расширились границы Российской империи, что привело к освоению новых земель между Каспийским и Черным морями и развитию торговых связей с соседями. Российская внешняя политика во многом определялась отношениями с Турцией (Портой Оттоманской) и Персией. Административные и политико-экономические вопросы новых территорий находились в ведении Губернских канцелярий, которые отчитывались в состоянии дел перед Коллегией Иностранных дел (КИД). Для эффективной работы государственных служащих с местным населением и функционирования российских миссий за рубежом были необходимы переводчики и толмачи (устные переводчики), владеющие восточными языками: турецким, персидским, татарским, калмыцким.

Систематической целенаправленной языковой подготовки государственных служащих по восточным языкам в России не велось. Несколько студентов, направленных на учебу в Оксфордский университет, где они изучали в том числе и восточные языки, по возвращении служили в КИД. Но они не могли оказать достаточную помощь в подготовке учеников, т.к. не владели татарским и калмыцким языками. Большинство переводчиков и особенно толмачей были

самоучками, выучившими языки, находясь в иноязычной среде: например, переводчик Карабаев и толмач Татаев выучили персидский и турецкий языки, находясь на российской военной службе [4, Л. 5; 5, Л. 1]. Подготовка учеников при зарубежных миссиях велась только для обеспечения нужд аппарата КИД и конкретных представительств. И хотя дипломатическая и консульская службы были разделены, КИД заботилась об обеспечении российских консульств переводчиками и толмачами. Так, в 1742 г. по запросу консула Арапова было велено отправить в Гилян (Персия) «на место прежнего толмача Мурата Аючева ... из Астраханских татар Усеина Кондракова», а вместе с ним — двух учеников «из молодых копиистов или солдатских детей Грамоте и писать хотя мало умеющих 2-е человек, определяя им на содержание тамошнее для научение Персидского языка, и что учинено будет в Коллегию Иностранных дел репотовать» [6, Л. 1 об. — 2] (Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала). Отметим, что обучение за рубежом обходилось государству весьма дорого. На территории Российской империи в качестве толмачей часто использовались представители местного населения, знавшие русский язык. Однако зачастую их знания русского языка были ограниченными, и перевод не мог считаться достоверным.

Российский путь на Восток пролегал по Волге. Именно Великий Волжский путь связывал центр Российской империи с Прикаспием, Кавказом, ханствами Средней Азии. «Воротами на Восток» считалась Астрахань: здесь можно было встретить людей, владеющих как русским («российским») языком, так и различными языками Востока. Неудивительно, что, когда КИД приняла решение об открытии «школ Азиатских языков», выбор пал на Астрахань. Само решение было обусловлено необходимостью иметь подготовленных государственных служащих, а не сомнительного качества толмачей из «природных» татар, калмыков и т.п. К концу первой половины XVIII века российские посольства и консульства в Персии и Турции, а также таможенные посты в Астраханской губернии, Астраханская Губернская канцелярия (АГК) и административные органы губернии испытывали острую нехватку переводчиков и толмачей. Целью вновь открываемых школ в Астрахани и Кизляре была подготовка переводчиков для государственной службы в КИД и Военной коллегии.

По Указу Правительствующего Сената от 29 января 1747 г. начался набор учеников в школы для изучения калмыцкого и татарского языков. Требовалось отобрать шесть мальчиков из русских дворянских детей — по 3 человека на изучение каждого языка. Желательно было найти кандидатов в ученики, умеющих читать и писать «на российском языке» и выразивших «охоту» к обучению. Возраст учеников определялся от девяти до двенадцати лет, позже эти рамки расширили: от семи до двенадцати лет. В первый год были набраны пять человек дворянских детей: для обучения татарскому языку — «Петр да Петр же» Воронины и Степан Исаков, для обучения калмыцкому языку — Андрей Воронин и Михайла Баженов. (В документах нет сведений о том, являлись ли

два Петра Воронина родственниками или однофамильцами.) На вакантное место позже был принят Иван Самсонов — сын переводчика Якова Самсонова. Социальный и национальный состав учащихся менялся в зависимости от наличия требуемых кандидатов и владения нерусскими учащимися русским языком. Когда по состоянию здоровья был освобожден от службы ученик Михаила Баженов, на его место было невозможно найти замену из дворянских детей. Вот что сообщал об этом в Астраханский Губернатор Брылкин: «...вместо отставного подлежит во ученики определить одного но здесь из дворянских детей уже ни одного человека нет, ибо кои здесь при Астрахани по дворянскому списку службы все померли, токмо имеется один человек, и тот бездетен» [3, Л. 4 об. — 5]. С челобитной о позволении занять место выбывшего Баженова обратился в КИД Яков Бобовников, сын подканцеляриста АГК Максима Бобовникова. Молодой человек умел читать, писать и немного говорить по-калмыцки. Просьба была удовлетворена. В 1755 г. на место окончившего курс и пожалованного во дворяне Андрея Воронина по челобитью был принят Петр Самсонов, сын переводчика АГК Якова Самсонова.

В ноябре 1752 г. Указом из Сената было предписано увеличить количество учеников до двенадцати и обучать вновь принятых турецкому, персидскому, татарскому и армянскому языкам. В июле следующего года КИД направила в АГК Высочайший Указ в котором, в частности, значилось: «Когда в Астрахани ни одного человека дворянских детей нет, то чаятельно оные есть в Кизляре, в Царицыне, и в других Астраханской Губернии Городах, или сыскаться могут, офицерские или ротмистрские дети, ко обучению означенных языков охотники, а буде офицерских, ротмистрских и дворянских детей не сыщется, то объявленное число учеников шесть человек, приискать и определить из подъяческих из толмачевских детей молодых людей, а из самых подлых не определять» [3, Л. 24 об. — 25]. В 1753 г. АГК, стремясь полностью осуществить набор новых шести учеников, распорядилась доставить в Астрахань всех ротмистрских и дворянских детей от семи до двенадцати лет, проживающих в губернии, не выяснив, желают ли они изучать восточные языки. Эта инициатива, повлекшая «напрасный убыток», была осуждена в Высочайшем Указе. В 1753 г. в школу были «определены в ученики малолетние охотники из офицерских, подъяческих и толмачевских детей, а имянно Михаила Шадрунин, Илья Пономарев, Иван Матвеев, Сергей Козырев, Яков Болдырев и Юсуп Китаев» [3, Л. 50]. Козырев и Болдырев начали изучать армянский язык, а Матвеев и Китаев — персидский язык. Татарин Юсуп Китаев стал известным переводчиком и служил в КИД. После его смерти, в 1778 г. по ходатайству вдовы в ту же самую школу, которую он успешно окончил, были определены его сыновья — Ибраим (13 лет), Исмаил (11 лет), Муса (9 лет) — для обучения турецкого, татарского и персидского языков. Таким же образом в 1758 г. поступили в школу Федор и Арон Андреевы. В тот же год по прошению вдовы переводчика Ибраима Бодирова в школу был зачислен его сын Халиль Ибраимов (Бодиров), кото-

рого отец научил читать и писать как по-русски, так и на восточных языках: татарском, персидском, арабском. В 1763 г. Астраханский Губернатор Бекетов определил в школу детей умершего толмача АГК Федора Матвеева — Савву и Авраама. Отметим, что по прошениям вдов государственных служащих их дети всегда принимались на обучение (и одновременно — на государственную службу) даже сверх нормативного количества учащихся. Дети переводчиков, как правило, были хорошо подготовлены к поступлению в школу: их отцы рассматривали получение образования как важную ступень в служебной карьере. Обычно КИД удовлетворяла просьбы переводчиков и толмачей об определении их сыновей на обучение иностранным языкам. Известны случаи, когда в школу Азиатских языков отправляли по несколько сыновей из одной семьи: Ворониных, Самсоновых, Китаевых.

В 1765 г. решением Астраханского Губернатора в школу были приняты десять солдатских детей, которые начали изучать турецкий язык: Потап Карпов, Мхайла Дементьев, Иван Болшеполов, Яков Александров, Андрей Полуктов, Федор Скотников, Федор Малаев, Егор Маслов, Иван Сермягин, офицерский сын Иван Яковлев[4, Л. 90 — 90 об.]. Помимо перечисленных в школе обучалось еще 7 мальчиков (Степан Горшков, Иван Михайлов, Петр Портнов, Иван Климов, Федор Кондратьев, Леон Щепкин, Петр Бушков), которые к этому моменту научились читать и писать по-русски и приступили к изучению складов по-калмыцки. Однако эти учащиеся числились школьниками, а не учениками и получали меньшее жалованье. Фактически, они составляли подготовительный класс. Только один из них, Иван Свистунов, был записан в ученики на вакантное место из шести, предусмотренных общими правилами. Через год были признаны способными к дальнейшему обучению и переведены в ученики Иван Яковлев, Иван Сермягин и Егор Маслов. Остальных школьников, которые уже умели немного говорить на восточных языках, но испытывали трудности в письме и чтении, было рекомендовано обучить на толмачей, отправив их в Кизляр и калмыцкие улусы, в Бакинский порт и российские консульства в Персии для практической языковой подготовки.

Ученики считались находящимися на государственной службе. Это повышало мотивацию при поступлении в школу, поскольку государственная служба обеспечивала хотя и не слишком высокий, но стабильный доход. Жалованье ученикам и учителям выплачивалось из бюджета Астраханской губернии по следующей схеме: по 50 руб. в год на ученика (всего 300 руб.), из них каждому ученику выплачивалось по 1 руб. 50 коп. в месяц (всего 9 руб. в месяц, 108 руб. в год), а остальные деньги употреблялись на содержание учителей и школы, а также на покупку бумаги и чернил. С 1752 г. денежное содержание рассчитывалось из суммы в 250 руб. в год на всех учеников. Когда ученики направлялись на практику в калмыцкие улусы, их ежемесячное жалованье увеличивалось до 3 руб. Если ученик отличался особым прилежанием и успехами в учении, ему полагалась денежная прибавка. Так, в 1765-1766 гг. Яков Болдырев получал

прибавку в 1 руб. 50 коп., т.е. его жалованье было в два раза больше обычного [4, Л. 90 об.].

В тех случаях, когда ученик не справлялся с программой, официально признавался больным или мотивированно изъявлял желание быть отстраненным от курса, его отчисляли, определяя к другому месту службы, или увольняли от службы, как это случилось с Михайлой Баженовым. Иван Михайлов, школьник из солдатских детей, был отстранен от учебы как неспособный к языкам. Ученик Илья Пономарев, проучившись шесть лет, плохо читал и писал по-персидски, не мог самостоятельно переводить письма и плохо понимал персидский язык на элементарном уровне. По признанию педагогов, он был «к той науке пред другими крайне туповат». В поданной челобитной Пономарев изъявил желание быть отстраненным от курса и перейти на военную службу, к которой чувствовал склонность. Просьба была удовлетворена, и Илья Пономарев был определен в солдаты Астраханского Гарнизона. На его место был принят сын отставного солдата татарина Ишима Кудерматова — Хасан Кудерматов. (В разных документах его фамилия значится как Кудерматов или Худерматов.) Хасан, будучи «природным татаринном», знал татарский язык, умел читать и писать по-русски, немного умел читать и писать по-персидски. В связи со смертью выбыли ученик Петр Воронин и школьник Петр Портнов.

Школы были расположены в Астрахани и Кизляре. Поначалу они располагались соответственно при АГК и Кизлярской Комендатуре. В 1755 г. в Астрахани была построена специальная школа «из оставшаго после бывшего извознаго казенного двора старого леса, в которую дрова и свечи, бумага, чернила и протчие припасы, какие на содержание школы и учения их потребны покупаются» [4, Л. 67]. Через шесть лет в доношении АГК в КИД отмечалось, что «оную б школу за пришествием в самую ветхость и гнилость» необходимо отремонтировать или построить новую, поскольку «летом во время дождя не точию учитца и книг и других писем укрыть нигде невозможно, а в зимнее время от стужи никакого тепла не имеетца... Персиане и протчие знающие Персицкий разговор люди во оную не токмо ради разговора, о и для своих нужд ходить в нее гнушаются, отчего помянутые ученики в практике ... весьма успех теряют» [4, Л. 65 об.]. В 1761 г. было принято решение о строительстве нового школьного здания «и на то строение лес и прочие принадлежавшие припасы купить в Астрахани в купечестве по настоящей цене ... а прежней школы по разломке старой негодный лес употребить в дрова на топление той школы» [4, Л. 68 — 68 об.].

Преподавательский состав набирался из профессиональных толмачей, переводчиков, священнослужителей, при этом отбирались люди грамотные — умеющие читать и писать как по-русски, так и на преподаваемых языках. В разные годы среди учителей были «Персицкого Диалекта Переводчик» Илья Шубин, переводчик армянского языка Авет Миялков, персиянин Мирза Магомед Земанов, отставной переводчик Кутла Магомед мула Машайков и Ахун

Ходжа, владевшие турецким, татарским, персидским языками. Земанов сменил переводчика Машайкова, которому было трудно преподавать в связи с преклонным возрастом и слабым здоровьем. В помощь Земанову был придан молодой переводчик АГК Лев Попов, прошедший обучение при российской миссии в Персии.

Случались и непредвиденные ситуации: Халиль Ибраимов (Бодиров) был определен в учение к приехавшему из Персии студенту восточных языков Мусе Тонкачееву, но через некоторое время выяснилось, что ученик знает языки, особенно арабский и персидский, ничуть не хуже учителя, особенно в области чтения и письменной речи. Однако Ибраимов получал жалованья 36 руб. в год, в то время как Тонкачеев — 100 руб. в год. Ибраимов (Бодиров) подал прошение о повышении жалованья, которое было подкреплено аттестатом за подписью Генерал-Майора Спицына от 5 мая 1763 г. и доношением Кизлярского коменданта, подтверждавшими квалификацию молодого человека.

К преподаванию был также привлечен один из первых выпускников школы Андрей Воронин, который служил переводчиком в АГК. Ему было поручено обучать 8 человек школьников, однако никакой прибавки к жалованью за это он не получал. Только после подачи прошения ему добавили 50 руб. к годовому жалованью в 150 руб. Помимо штатных учителей, для разговорной практики привлекались учителя из астраханских жителей, которые получали поденную плату. Штатным учителям предписывалось ежемесячно направлять отчет в АГК о том, как идет обучение и каково состояние здоровья учеников.

В обучении иностранным языкам использовались прямой метод, метод погружения (направление на практику в калмыцкие улусы) и переводной метод. Переводу уделялось особое внимание, т.к. учеников готовили именно к переводческой деятельности. Однако учителя не имели специальной подготовки, поэтому эффективность объяснения зависела непосредственно от педагогических и лингвистических способностей того или иного преподавателя. Учащихся отправляли на языковую практику: «отправлены татарского языка ученики в Кизлярскую крепость и велено их содержать в Костиковской деревне и поручить тамошнему Воеводе Алишу Хамзину, дабы они были у настоящего и ученого духовного человека ... во обучении их практики турецкого и татарского писма и разговора ... а калмыцкого языка ученики отосланы к Полковнику Спицыну для содержания в калмыцких улусах с таким же наставлением» [3, Л. 4 — 4 об.].

В качестве практики учеников обязывали выполнять переводы в АГК: «чтоб они ... в переводах татарских писем упражнялись и ... свойственного Российскому языку слога обучиться могли, велеть им в свободное от переводов время в Канцелярии писать и таким образом как до того, так и до другаго доходить» [7, Л. 20–20 об.].

Один из лучших учеников, Юсуп Китаев, в 1765 г. был послан в Персию, где стажировался в качестве Студента при консуле Сулякове. Консул просил оставить при нем надежного молодого человека в качестве переводчика, одна-

ко Астраханский Губернатор ответил, что Юсуп Китаев — единственный, кому он доверяет осуществлять устный и письменный перевод в случае болезни или отсутствия переводчика Мусы Тонкачеева. Китаева также неоднократно посылали к персидским и туркменским берегам на казенном судне для продажи казенного товара. Другие учеников знали языки недостаточно хорошо, чтобы выступать в роли толмачей. Поэтому Юсуп Китаев был призван обратно в Астрахань[1, Л. 262–264].

В первый год работы школы не были снабжены учебными материалами: учителя использовали в обучении только те книги, которые имелись у них самих. Учебников грамматики не было в наличии, да они и не могли быть использованы, т.к. обычно писались на латинском языке, а учащиеся не владели латынью. К концу первого года работы школ ученики умели немного читать, писать и в рамках весьма ограниченной тематики говорить на иностранных языках. Контрольные опросы после прохождения языковой практики учеников первого набора показали, что ученики путали слова из разных языков, часто не могли адекватно перевести фразу на русский язык. Это объяснялось тем, что в процессе занятий с носителями языка — особенно учеными муллами — ученики часто не могли определить и запомнить, какое слово к какому языку относится. Было отмечено, что необходимо уделять большее внимание правильности построения фраз на русском языке и точности перевода.

В ноябре 1751 г. АГК направила доношение в КИД, в котором отмечалось, что учащимся сложно переводить на русский язык документы, т.к. им не хватает общего образования: «они, хотя персидские письма и знают, но переводить подлежащим образом еще не могут ... и для тогоб купить несколько Российских исторических книг... А без того им Российский штиль никак понять невозможно»[4, Л. 65 об.]. В декабрьском того же года доношении содержалась просьба прислать книги для школы. В приложенном реестре значились 17 книг: по истории (Историография — 10 экз., Краткая Российская Хронология издания профессора Ломоносова, Несторов летописец Российской), физике (учебник, изданный для наследника престола), географии (Российской Империи Атлас, Описание Российских городов — по 10 экз.), общественным наукам (Экономия, Политика), военному делу (Регламент генеральной — 10 экз., Воинской Устав, с артикулом и процессами), педагогике (Достоприметное в Европе Децкое Училище, Децкое воспитание), философии (Наука как счастливым быть, Советы премудрости — 6 экз., Житие принца Евгения — по 10 экз., сочинения Марка Аврелия, Курасова) Позже были приобретены лексиконы по иностранным языкам и учебники грамматики, хотя пользоваться грамматиками могли лишь немногие из учителей — учебники были составлены с опорой на латинский или один из современных европейских языков[4, Лл. 66, 72]. В 1765-1766 гг. Губернатор Бекетов сообщал в КИД, что процесс обучения школьников — солдатских детей — идет хуже, чем мог бы из-за катастрофической нехватки для них учебных материалов.

Чаще всего ученики изучали язык по книгам и лексиконам, т.к. специально написанных учебников не было. Каждый ученик осваивал язык в соответствии со своими способностями. Хотя занятия велись в малых группах, в обучении реализовывался принцип индивидуального подхода. В доношении АГК в адрес КИД от 29 мая 1760 г. отмечалось: «... Ученики Михайла Шадрунин, Иван Матвеев и татары Юсуп Китаев и Хасан Худерматов в той науке являются способны, и из них Матвеев и татарин Китаев по персидски разговаривают и обучают книги Рузетиль Сефу аша друнин таарих, Матвеев — Анииль хеят и по персидскому лексикону. Также персидския писма пишут и переводят. А Хасан Худерматов по персидски помалу разговаривает и начал обучать книгу Зинетил-Межалис. А армянского разговора и писма ученики Яков Болдырев по армянски как разговор, так и читать и писать выучился, а Сергей Козырев обучает по армянски разговор и пишет пописи [в тексте описки, подразумеваются «прописи» — Е.В.]: а ныне по репортам явствует из оных учеников Хасан Худерматов начал обучать книгу Хуласетул Ахбар, а протчие все обучают теж книги, об которых выше сего написано»[3, Л. 52]. Из персидских книг также изучали Али Маар в двух томах, а на начальном этапе — книгу Цветник. Из турецких — историческую книгу о персидском шахе Аббасе.

Выпускники школы получали распределение на службу: «По совершенном же их в тех языках обучении, определять их в Астрахани на убылые места во дворяне, а годовые им оклады чинить по рассмотрению Астраханского Губернатора из убылых же дворянских окладов, дабы они таким же образом службу Ея Императорского Величества исправлять могли и переводческие в Астрахани и в Кизляре вакансии дополнять» Жалованья выпускникам было положено «по 25 рублей, муки по 7 четвертей и овса по тому же на год» [4, Лл. 13 об., 17 об.]. Многие выпускники стали хорошими переводчиками, некоторые из них достигли высокого положения. Илья Муратов, служил переводчиком в Киеве, затем при Астраханском Губернаторе в Астрахани, Кизляре и Моздоке. Находясь в Астрахани, также преподавал в школе Азиатских языков. В 1779 г. был направлен в Москву, где состоял переводчиком при бывшем тогда в Москве турецком после и башкирском посланнике, был переведен в Сенатскую Кантору по Башкирской комиссии и, наконец, в КИД. Службу Илья Муратов закончил Действительным Статским Советником[2, Л. 2–5].

Имеющиеся документы позволяют предположить, что школа Азиатских языков в Астрахани существовала до конца 60-х годов XVIII века. Она внесла существенный вклад в подготовку переводчиков и толмачей для практической деятельности в КИД, Военной коллегии и губернских административных органах. В 1781 г. Муратов направил на имя Канцлера подробный план об организации школы восточных языков при КИД, в которой он был готов преподавать. К сожалению, этот план не был реализован. В 1795 г. по требованию КИД «было предписано учредить при Астраханском Народном Училище классы для обучения Персидскому, Турецкому, Татарскому, Калмыцкому и Армянскому язы-

кам» [7, Л. 57–58]. Фактически, оба проекта были попыткой возродить старую школу на новом уровне и оба не были реализованы. Классы восточных языков были открыты в 1800 г. при Казанской гимназии и в 1803 г. при главном Народном училище в Казани [8, Л. 26–27]. Подготовка переводчиков-ориенталистов не прекращалась в течение всего XIX века, но начало было положено в Астраханской школе Азиатских языков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Империи (далее: АВПРИ) — Ф. 2, оп. 2/6 ч. 1, д. № 1750.
2. АВПРИ — Ф. 2, оп. 2/6 ч. 1, д. № 1753.
3. АВПРИ — Ф. 77, оп. 77/1, д. № 6.
4. АВПРИ — Ф. 77, оп. 77/1, д. № 8.
5. АВПРИ — Ф. 77, оп. 77/1, д. № 18.
6. АВПРИ — Ф. 77, оп. 77/1, д. № 29.
7. АВПРИ — Ф. 102, оп. 102/1, д. № 9.
8. АВПРИ — Ф. 153, оп. 668, д. № 94.

Н. В. ЧАРЫКОВ КАК БИОГРАФ

Чернов О. А.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Самаре*

Николай Валерьевич Чарыков (1855—1930) — видный российский дипломат, незаурядный историк был автором исторических произведений самого разного жанра. Некоторые его труды носят комбинированный характер, находясь на стыке истории дипломатии и биографических исследований. Два сочинения Н. В. Чарыкова были биографическими в полном смысле слова. Они требуют специального рассмотрения. Причем Чарыков в числе первых начал писать о людях малоизвестных. В 1902 г. он опубликовал отдельной брошюрой статью «Карл Осипович Хис». К. О. Хис прожил интересную и достаточно долгую жизнь. Он был в числе воспитателей императорской семьи и в т.ч. царствующего на момент издания работы Николая II, а поэтому вопрос об актуальности работы, по мнению Н. В. Чарыкова решался положительно. Источниками статьи послужили семейный архив — «полный официальный и частный биографический материал», предоставленный автору родственниками Хиса, а так же были привлечены многочисленные воспоминания о Хисе его коллег и учеников [1]. Цели Чарыков определил в начале работы. Он решил дать «краткий обзор жизни и трудов» К. О. Хиса, а также показать его характер и его инновационные для России педагогические методы [2].

Историк выяснил, что Хис принадлежал к довольно знатному, но обедневшему английскому дворянскому роду. Один из его предков — Николай Хис был канцлером английского королевства при Марии Тюдор. Чарльз (а в России — Карл) родился в очень большой семье, где было 14 детей. Детство его проходило в деревенском поместье, в атмосфере традиционной английской строгости, в особенности строгости нравственной. Более всего в детях карались ложь и жестокость. Досуг, дети из семейства Хисов (в т.ч. и Чарльз) проводили на охоте и рыбалке, и в играх на свежем воздухе — что является «завидной особенностью английского быта», — подчеркнул Николай Валерьевич [3]. Смерть отца значительно ухудшила материальное положение семьи. Кроме того, сюда присовокупилась ещё и недобросовестность опекуна их имущества. Тем не менее, у семьи было много друзей, и они помогли Чарльзу получить среднее образование в престижной Грет-Марлоской школе, а затем он закончил и Кембриджский университет. Хотя с выбором конкретной специализации, как выяснил Н. В. Чарыков, у Хиса были затруднения. Мать хотела видеть его пастором — «обычная карьера для младших сыновей английских дворянских семей», — замечал Чарыков. Мог он стать и врачом и математиком. Другим путём для многих английских юношей было «подыскание дела за границей». Но если практически все молодые англичане в таком случае отправлялись в Индию, то «молодой Хис проявил себя незаурядной личностью. Он начал стремиться не в Индию, а в Сибирь»[4]. Чарльз Хис в итоге оказался воспитателем в пансионате Мечина, где воспитывались сыновья «русских аристократических сыновей». Сюда он внёс, по мнению автора, «лучшие элементы английского воспитания». Чарыков считал, что с самого начала Хиса как педагога отличали следующие педагогические особенности: любовь к детям, умение внушать им к себе привязанность и доверие, глубокое понимание детской души и основанный на этом понимании выбор средств педагогического воздействия, удивительная находчивость, не связанная никакой педантичной рутиной, и жизнерадостный юмор [5].

Впрочем, вскоре пансион был закрыт, так как Мечин вошёл в число воспитателей детей царской семьи. В это время Хис стал давать частные уроки, а поселился в семье известного русского филолога Греча, с которым его и впоследствии связывали дружеские отношения. В числе его воспитанников был в то время и будущий министр иностранных дел В.Н. Ламздорф. Репутация Хиса была настолько высока, что вскоре его пригласили преподавать английский язык в Императорский Александровский лицей, а после женитьбы и принятия русского подданства он получил там место постоянного воспитателя. Чарыков, сам учившийся у Хиса в лицее заметил, что лицей того времени был, конечно, уже не тем «царскосельским питомником русской молодёжи, предназначавшейся для служения родине, которым он был в эпоху Пушкина и Горчакова» [6]. Тем не менее, Чарыков отмечал, что и во время описываемых событий он держал достойную марку.

Карл Осипович Хис стремился приучить слушателей к живой разговорной английской речи и с этой целью активно использовал для обучения Шекспира. Более того, Хис стал одним из столпов только, что возникшего в Петербурге Шекспировского кружка. Большой вклад внёс он в гармоничное развитие лицейской молодёжи тем, что по его настоянию и примеру были распространены для лицеистов подвижные игры на воздухе — в т.ч. и малоизвестный в России крикет; поощрял он и русские национальные игры — городки, лапту. Хис был инициатором введения для лицеистов более гуманного наказания в виде временного, а не постоянного исключения из лица [7].

Как отмечает Н. В. Чарыков, Карл Осипович Хис вёл активную общественную жизнь и был членом общества русских акварелистов, одним из основателей «Общества для прений», в котором обсуждались всевозможные литературные, политические и экономические вопросы, кроме религиозных и касающихся конституции. Это общество было близнецом английских обществ подобного же характера. В них, по мнению историка, английская молодёжь учится интеллектуальной борьбе и ораторскому искусству. Сам автор был участником этого общества в С.-Петербурге [8].

Н. В. Чарыков замечал, что труды Карла Осиповича Хиса были по достоинству оценены — он имел чин статского советника, был награждён орденом Св. Владимира 4-ой степени и пользовался благожелательным вниманием императорской семьи. Но главное чего он достиг — это любовь, уважение и почтение его русских учеников и воспитанников.

В 1905 г. Н. В. Чарыков поместил в Русском биографическом словаре биографию Валерия Ивановича Чарыкова — своего отца. Исследователь характеризует В. И. Чарыкова как государственного и общественного деятеля, писателя. Он замечает, что В. И. Чарыков родился в семье, где было 14 детей, среди которых Валерий был восьмым [9]. Интересным моментом в его раннем детстве было то, что его крёстным отцом был выдающийся российский государственный деятель — М. М. Сперанский. Валерий окончил Павловский кадетский корпус, был на военной службе. Так во время Крымской войны он был полевым почт-директором русской армии в Севастополе. Военной службе он был обязан весьма полезным знакомством с будущим министром Двора графом В. Ф. Адлербергом.

Впоследствии, В. И. Чарыков продолжал активную общественную деятельность: он совершил ряд путешествий за границу с целью усвоить и перенести на русскую почву все новейшие технические достижения Запада. Так, в числе новшеств увиденных им было активное использование торфа в качестве топлива. Он сам же и занимался устройством в России фабрик на данном виде топлива [10].

Но наибольший вклад, по мнению автора, В. И. Чарыков внёс в дело разработки и реализации реформы 1861 года. Он был председателем первого по времени создания в России Самарского уездного земского собрания, а до этого

плодотворно трудился в Самарском губернском по крестьянским делам присутствии [11]. Здесь, пишет Н. В. Чарыков, Валерий Иванович вёл полемику с видным российским общественным деятелем Ю. Ф. Самариным. Причина споров, по мнению историка, заключалась в принадлежности к разным общественным течениям. Так, если Ю. Ф. Самарин принадлежал к славянофилам, то Валерий Иванович Чарыков — к западникам. Н. В. Чарыков характеризует отца как человека, которому с раннего возраста были присущи следующие черты: «неустанная работа, направленная к самообразованию и ознакомлению с западноевропейской жизнью, и стремление ввести в России те, преимущественно технические, культурные усовершенствования, которые им наблюдались на западе» [12].

В. И. Чарыков был впоследствии вятским, а затем минским губернатором. Его перу принадлежит ряд интересных экономических, географических и археографических сочинений. За свою плодотворную деятельность он, был не раз отмечен высокими правительственными наградами, в числе которых был орден Белого Орла.

Таким образом, в начале 1900-х годов Н. В. Чарыков опубликовал две биографические работы. Тем были сделаны небольшие, но весьма интересные уточнения в смысле факторов повлиявших на некоторые моменты — отмену крепостного права, воспитание детей царской семьи и т. д. в отечественной истории.

Общей особенностью обеих данных статей было то, что объектом исследования для Н. В. Чарыкова послужили лично знакомые ему люди, которые принадлежат к деятелям «второго» и «третьего плана» в отечественной истории. В этом состоит наибольшая заслуга историка скрупулезно собравшего разбросанный по разным местам источниковый материал по деятельности этих незаурядных личностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Чарыков Н.В. Карл Осипович Хис. СПб., 1902. С.3.
2. Там же.
3. Там же. С.11.
4. Там же. С.7.
5. Там же.
6. Там же. С.8.
7. Там же. С.12.
8. Там же. С.13.
9. Чарыков Н.В. Валерий Иванович Чарыков. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.XXII. С.59.
10. Там же. С.60.
11. Там же. С. 60.
12. Там же. С.61.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Чернухина И.А.

Российский государственный гуманитарный университет

Известный немецкий философ И.Кант утверждал, для того, чтобы понять суть явления, нужно обратиться к его истории. Именно с этой целью мы обращаемся к истории развития кредитно-денежных отношений в России.

О торговом кредите на Руси упоминает еще «Русская Правда», без взаимного кредитования в торговле обойтись было невозможно. Форма кредита, к которой прибегали торговые люди, составляла, прежде всего, закупку товаров в долг. Товары отпускались иностранцами «на кабалы» с обязательствами к определенному сроку уплатить русскими товарами, со своей стороны, русские купцы также отпускали товары в долг. Но гораздо большее значение кредит имел в сельском хозяйстве, более того кредит сыграл первостепенную роль в истории крестьянства — лишённые земли крестьяне селились на землях вотчинников и получали в кредит средства производства. Землевладельцы также не могли обойтись без кредита, в особенности заключать займы вотчинникам и помещикам приходилось для снаряжения на военную службу. К кредиту прибегали также волости, слободы и посады, при этом займы заключались на *«мирской расход и на всякую земскую издержку»*.

Среди заимодавцев выделяются различные группы. Например, бояре часто кредитуются у бояр, в качестве кредиторов выступают торговые люди, при этом деньги даются часто под проценты. Крупными капиталистами, постоянно и в широких масштабах занимавшимися ссудными операциями, являлись монастыри. Обширные капиталы, которыми они обладали, ставили их в совершенно исключительное положение: монастыри скапливали в своих руках огромные богатства, при помощи которых они либо прибирали землю других групп населения к своим рукам, либо приводили их в зависимость от себя, опутывая ссудами. Отличие монастырей от всех прочих вотчинников заключалось в том, что монастыри, наряду с доходами от своих крестьян, от соляных варниц, рыбных ловель, т.е. доходами производственного характера, обладали и доходами иного рода в виде вкладов, жертвуемых, чтобы «устроить свою душу» на вечное поминовение. Даяния притекали и за пострижение, и за поминовение как за здравное, при жизни, так и, в особенности, за упокойное, на поминовение вечное и на поминовение повседневное. В результате монастыри оказывались обладателями огромных денежных сумм, земель, всякого рода ценных вещей, полученных от искавших спасения души вкладчиков.

Так, в Троице-Сергиевском монастыре в момент производства описи его имущества было налицо 14 тыс. руб., кроме того, большая сумма была в раздаче по долгам. По словам иностранцев, все путешественники, проезжавшие

мимо монастыря, богатые или же бедные, заходили туда и приносили подаяния св. Сергию, чтобы предохранить себя от несчастья в пути.

Во вкладных книгах Антониева-Сийского монастыря среди вкладчиков указаны всякого рода ремесленники — портные, токари, шапочники, кузнецы. Они дают вклады деньгами, а также своими изделиями. Нередко ремесленники предоставляют монастырям не изготовленные ими предметы, а свою рабочую силу, которую монастырь использует на свои надобности и засчитывает им в качестве вклада.

В Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь за 1585-1617 гг. сделаны в большом количестве вклады людьми трудящимися — кузнецами, ведерниками, рыбаками, мясниками, плотниками, монастырскими половниками. Обычная такса Михаило-Архангельского монастыря составляла 5 руб. за поминовение души после смерти вкладчика.

Во вкладных книгах Нижегородского Печерского монастыря наряду с вкладами во всевозможных товарах и продуктах записаны случаи, когда беглые крестьяне проживали на землях монастыря, и если же владелец открывал их местопребывание, то чаще всего он отказывался от них в качестве вклада монастырю.

Монастыри были слишком хорошими хозяевами, чтобы они могли оставлять втуне лежать притекавшие к ним огромные богатства. Деньги и всякого рода драгоценности они обращали охотнее всего в землю, наиболее верный и наиболее выгодный способ помещения в те времена. Были различные способы заполучить свои руки земли разорившихся землевладельцев — и непосредственно путем вкладов по душе, и косвенно скупкой земель на те же вклады, полученные в денежной форме, и, наконец, посредством залога, обычно уже не выходившего из рук заимодавца. Монастыри оказались главными кредиторами, извлекающими барыши из отдачи денег под проценты.

Уже в конце XVI в. монастыри являлись банками, снабжавшими князей. Таковы были монастыри: Высоцкий, Серпуховский, Левкиев, Возьмицкий, Селижаров, Покровский, Юрьевский. Широко раздавали монастыри ссуды крестьянам. Из них, главным образом, извлекал свою прибыль Троице-Сергиев монастырь; так же поступал и Кирилло-Белозерский монастырь, который преимущественно давал в рост небольшие суммы. К должникам применялся обычный в то время правед: их выводили ежедневно на площадь перед приказом и били прутьями. По указной книге ведомства казначеев 1555 года должники должны были стоять на праведже в течение месяца, и если должник все-таки не платил, происходила «выдача головой», т.е. должник передавался кредитору на отработки. А когда они *«у истцов своих иски их заработают сполна, и их от тех истцов отпустить на волю»*.

Указом 1558 года предусматривает еще неизвестный царскому Судебнику способ уплаты в виде отдачи вотчины в пользование кредитора. При этом, наряду с правом *«за рост пашня пахоти, сено косити и лес сечи и всяким*

угодьем владети», рост взимать и в другой форме: *«а рост нам ему давати по расчету, как идет на людех на пять шестой»* т.е. в 20%. Рост в 20% ежегодно встречается в многочисленных грамотах, т.е. долг удваивается в течение пяти лет. Такой указанный рост имеется в Судебнике 1598 г., который определяет: *«А рост правити за пять лет, а дале пяти лет росту не правити»*.

До тех пор, пока ответственность не распространялась на имущество, кредитор не имел никакой уверенности в уплате долга, даже если должник обладал имуществом. Постепенно допускается привлечение к взысканию не только личности ответчика, но и его имущества, правда, речь идет пока лишь о движимом имуществе и о дворах. Указная книга земского приказа (1627 г.) содержит кроме личной ответственности истца также ответственность имуществом: истцы или ответчики стоят на правеже месяц, а *«откупиться им будет есть чем, и у тех истцов или ответчиков велено ценить дворы и животы, и отдавать в истцов иск»*. И только, если *«оплатиться им нечем»*, выдавать их головою.

В виду того, что существовало прямое указание делать вклады не землей, а деньгами, для монастырей получение земель по душам и покупка их со второй половины XVI в. сильно затруднялась. Но на практике ограничительные постановления нарушались в значительной степени, в особенности наиболее крупными и влиятельными монастырями. У монастырей как кредиторов была другая возможность, гарантирующая уплату долга — залог, залог в виде личности самого должника, который немедленно же закладывал себя, поступал в его распоряжение (закуп), либо в виде земли, которая немедленно же отдавалась в распоряжение кредитору.

Таким образом, не допускаемое законом наложение взыскания на землю в случае неуплаты долга заменялось немедленной передачей ее в руки кредитора, но в этом случае она еще не поступала в собственность последнего. Хотя пользование заложенным имуществом предоставлялось лишь в случае просрочки возврата платежа, чаще кредитор пользовался залогом немедленно. Уже в этом случае возможность для должника вернуть себе землю являлась весьма призрачной. Кредитор с самого начала владел ей и пользовался, жил на земле, пахал и косил ее, получал пошрины с крестьян и, раз деньги не были уплачены в срок, продолжал бессрочно владеть ей. Формально должник мог вернуть ее себе в любое время, но обычно средств для этого не имел, и земля в результате окончательно оставалась за кредитором. Часто кредитор шел дальше и невыкупленную землю закреплял формально за собой уже при заключении договора займа, добиваясь того, что в случае неуплаты долга в срок земля превращалась в собственность кредитора. Такова была, например, обычная практика Кирилло-Белозерского монастыря, к которому залог переходил в собственность без выкупа, т.к. долговая грамота являлась в то же время и купчей: *«Ино ся кабала и купчая грамота ввек»*. Залог автоматически переходил в собственность кредитора, т.е. залог сильно приближался к купле, переносил на кредитора широкие права.

В XVII в. многие монастыри прибегали исключительно к залоговым операциям, превращавшим залог в собственность монастыря. Например, Кирилло-Белозерский монастырь таким же путем расширял и свои соляные варницы, ссужая деньгами промыслы, принадлежащие товариществам сябров. Подобным образом и Троице-Сергиев монастырь приобретал за долги варницы, например, в 1630 г. к нему поступили на этом основании варницы у Соли Камской.

Уложение 1649 г. узаконило практику превращения закладных в купчие, обращая взыскание на такие виды недвижимости как вотчины, но опять-таки только пустые, т.е. без крестьян. С 1656 года взыскание распространяется на пустые поместья, а с 1685 года — на всякие имущества. Несмотря на то, что узаконенным являлся рост в 20%, в действительности условия кабалы были гораздо тяжелее. Устюжскими промышленниками, например, взимались «двойные и тройные росты».

В XVI-XVII веке в Московском государстве наблюдается отсутствие резкого различия между городом и деревней, существование торговли и промышленности не только в городах, но и в селах, слободах и вотчинах, и в то же время принадлежность городским жителям пахотей и покосов, отсутствие достаточного разграничения между промыслам и торговлей. В то же время крестьянское и, тем более, вотчинное хозяйство частью уже работает для сбыта, а вотчиннику, при всем его желании покрывать потребности хозяйства собственным производством приходится обращаться к рынку. Одни и те же лица занимаются торгово-промышленной деятельностью, сбывая всевозможные товары оптом и в розницу, дают деньги в рост, занимаются рыбными, соляными и иными промыслами. Занимаясь одновременно разнообразными видами хозяйственной деятельности, частные лица становятся обладателями больших для того времени капиталов, помещаемых одновременно в разнообразные формы. Так поступают частные лица, но такой характер деятельности имеет и деятельность монастырей: они занимаются оптовой и розничной торговлей разнообразными товарами в соединении с обширными кредитными операциями и различными промыслами. Население монастырских слобод состоит из людей, лишь частью работавших на монастырь, а в большей степени занятых торговлей и ремеслами.

Таким образом, торговля оптовая и розничная, внутренняя и внешняя, займы, соляные и рыбные промыслы являются главными источниками, которые создают капитал в XVI-XVII веке. К нему лишь отчасти присоединяются в эпоху первоначального накопления немногие промышленные предприятия, учрежденные преимущественно иностранцами, а также земельная рента (капиталисты того времени были в то же время и землевладельцами, в частности, приобретали путем кредитных операций отдаваемые в залог земли), извлекаемая, в особенностях монастырями из своих многолюдных слободок. Накопление происходило в руках как русских, так и иностранных купцов, казны, монастырей. Однако, иностранцы отвозили или отсылали нажитое ими за границу. Доходы государства тратились на военные нужды и непроизводительные цели.

Монастыри, накапливая крупные суммы от торговли хлебом, солью и рыбой, от ссудного роста, обращали их в земли или в предметы церковной утвари, много монастырских сумм расхищалось, цари делали оттуда заимствования, никогда не возвращаемые, и, наконец, в XVIII веке последовала секуляризация их имуществ. Только прибыли, которые наживались русскими торговыми людьми, были в значительной мере той основой, на которой строилась торговля и новая промышленность, зарождались в дальнейшем финансовые институты и развивались кредитно-денежные отношения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-ое изд. — Челябинск: Социум, 2004.-743;
2. Чернухина И.А., Белова Е.В. Финансовая среда бизнеса: финансовые и инфраструктурные посредники финансового рынка. — М.: Эклибрис-Пресс. 2008.-180.

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. СНЕЖНЕВСКОГО — ПРАВИТЕЛЯ ДЕЛ НИЖЕГО- РОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

Н.В. Воскобойникова

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Нижнем Новгороде*

Значительное место в истории НГУАК принадлежит Виктору Ивановичу Снежневскому — правителю дел Нижегородской ученой архивной комиссии в период с 1889 по 1895 г. его памяти посвящен VII том «Действий НГУАК», вышедший через 2 года после смерти В.И. Снежневского в 1909 году.

Предваряя биографию Виктора Ивановича Снежневского, справедливо привести слова председателя НГУАК А.С. Гациского, сказанные им о Викторе Ивановиче Снежневском в отчете о работе комиссии за 1900 г: «На первом местепо количественным и качественным результатам следует поставить работы правителя дел комиссии В.И. Снежневского, при помощи которого выполняется главное назначение комиссии по разбору и описанию ее исторического архива».

Виктор Иванович Снежневский родился в с. Благовещенском Варнавинского уезда Костромской губернии 3 ноября 1861 г. Девяти лет от роду, окончив сельскую школу, он стал учиться в двухклассном министерском училище, после чего в 17 лет поступил в Новинскую учительскую семинарию с. Новое Мологского уезда на р. Сити.

В детстве Виктор Иванович интересовался окружающим миром и много читал, свободно высказывая свои довольно смелые по тому времени мысли, за что весной 1878 г. он оказался на родине «подневольным жителем», как писал позднее в своей автобиографии. Два года он прожил в одиночестве, без книг за исключением «Истории цивилизации в Англии» Бокля, которая заметно расширила его кругозор. Несколько последующих лет В.И. Снежневский жил в Костроме и занимался самообразованием.

В 1883 г. он приехал в Н.Новгород, продолжая изучать русскую историю, и принял участие в издании рукописного журнала, написав статью «Значение сельского духовенства в жизни русского народа», на которую обратил внимание В.Г. Короленко, привлечший В.И. Снежневского к работе в НГУАК, где последний в 1889 г. занял место правителя дел комиссии в результате образовавшейся вакансии.

Первые шаги В.И. Снежневского на этом поприще были посвящены разбору и описанию дел дореформенных учреждений второй половины XVIII и в первой половины XIX в. В.Г. Короленко обратил внимание также на «страстное увлечение, с каким В.И. Снежневский погрузился в чтение старых бумаг». Работал он в Ивановской башне Кремля, в помещении архивной комиссии педантично разбирая бумаги, будучи архивистом по призванию. Еще в 1888 г. в частном письме В.И. писал: «...Я копаюсь теперь в архивной пыли. Привез из полиции, да окружного суда 8 возов дел, часть их разобрал; скоро начну описать. За два месяца работы в облаках тончайшей гнилой пыли (почти все дела окружного суда гнилые) я вынес убеждение, что человек не интересующийся этим делом, или бы сбежал, если он человек с честью или же бы ничего не делал».

Известный член НГУАК А.И. Звездин характеризовал Виктора Ивановича Снежневского как умелого, энергичного работника, который быстро справлялся с делом. В некрологе, посвященном памяти В.И. Снежневского А.И. Звездин говорил о том, что нужно было иметь особое, исключительное тяготение к архивному делу, чтобы разобраться в горах архивного материала с таким увлечением и энергией, какие проявлял покойный В.И. Снежневский. Жаль, что все эти слова были сказаны после кончины В.И., что его труд не был оценен должным образом при жизни.

1895 г. из-за тяжелого материального положения «ради сносного существования» Виктор Иванович Снежневский с семьей переехал в Елабугу, где он работал в должности секретаря Елабугской уездной земской управы. Но, находясь вдали от предмета своих прежних занятий, в своих письмах оттуда, а иногда с «оказией» он просил и присылке ему каких-нибудь «журналов наместнического правления» или других архивных дел, тоскуя о покинутой им Ивановской башне. Как признавались сослуживцы, «с его переходом в Елабугу, архивная комиссия осталась, что называется, без рук».

Вернувшись в Н.Новгород в 1899 г., Виктор Иванович Снежневский стал работать бухгалтером Нижегородской земской управы, сочетая свою служебную деятельность сочетая свою служебную деятельность с архивными изысканиями.

В своей автобиографии, доведенной до 1898 г., Виктор Иванович Снежневский называет 25 работ. Библиографические указания о его работах были дополнены позднее и, в общей сложности, составляют 55 наименований, что достаточно много, учитывая сложности, с которыми сталкивается исследователь при анализе архивных документов. Доминирующее значение в его работах занимали вопросы крепостного права, а также эпизоды из времени освобождения крестьян, которые в свое время были замечены в исторической и общей прессе. Наиболее крупная работа Виктора Ивановича Снежневского была посвящена генеральному межеванию земель.

В.И. Снежневский активно публиковал результаты своих научных изысканий. Но главной своей задачей он считал все-таки разбор и описание исторического архива Нижегородской ученой архивной комиссии. На заседании 23 мая 1893 года В.И. Снежневский сообщал, что архив НГУАК составляют дела 20 учреждений, разобрано и описано 2195 дел и 1500 подготовлены к изданию. Это была только малая часть проделанной им большой работы по приведению в порядок дел, собранных комиссией, ибо в отчете губернатору за 1903 год говорилось, что комиссией разобрано 113251 дело. В.И. Снежневский принимал участие также в археологических раскопках.

У Виктора Ивановича Снежневского было слабое здоровье, он скончался 8 декабря 1907 г. в возрасте 46 лет от паралича сердца.

В.И. Снежневский был прекрасным человеком, знающие его люди говорили о нем с оттенком восхищения и преклонения. На кончину В.И. Снежневского откликнулся В.Г. Короленко, который еще в начале знакомства с ним обратил внимание на «манеру держать себя, сдержанно-вдумчивую и чрезвычайно располагающую...»

Виктор Иванович Снежневский умер, сравнительно молодым оставив «... чистое хорошее имя. Имя человека, скромного, но упорного, честно с любовью работавшего над сохранением и восстановлением материалов из уходящей и исчезающей истории родного ему нижегородского края. В работах Нижегородской губернской ученой архивной комиссии он оставил след значительный и неизгладимый». Эти слова известного русского писателя прекрасно характеризуют светлую личность В.И. Снежневского.

СОРМОВСКАЯ ТРЁХДЮЙМОВКА

Белов С.Б.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Нижнем Новгороде*

Тема конференции «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ» удивительным образом оказалась (на наш взгляд) созвучной одному

из наших материалов о крупнейшем в дореволюционном Нижнем сормовском (волжском во всех отношениях — и расположен на Волге, и продукция — «речная» (иногда и морская, для Каспия, и не только)) заводе. Мы никогда особенно не интересовались краеведением, историей заводов, военными тематиками. После защиты кандидатской диссертации на материалах центральных и региональных архивов (в том числе ярославского), что по времени совпало с распадом СССР, распадом привычной научной инфраструктуры, произошло невольное «обращение» к местным нижегородским материалам и неизбежный «выход» на ведущий нижегородский завод на пике своего развития — в годы Первой мировой войны. В 2008 г. отложенный в компьютерной памяти сюжет показался нам актуальным, так как 90 — летие окончания Первой мировой войны достаточно широко отмечалось (по крайней мере освещалось в СМИ). Небольшую работу (надеюсь, грамотно «адаптированную» и корректно сокращенную), в которой совпали человек (исследователь), пространство (нижегородский край), время (Первая мировая) и документ (документы) с сокращениями мы и предлагаем.

Наиболее значимым, тяжелым во всех смыслах видом оружия, выпускавшимся сормовичами в 1914-1917 гг., являлось 76 мм орудие («трёхдюймовка»). 76 мм или, как чаще тогда говорили, трёхдюймовая пушка образца 1902 г. являлась основным артиллерийским орудием русской армии. На полигоне пушка делала до 20 выстрелов в минуту, а в боевой обстановке до 12-13. Поэтому её в литературе нередко именовали скорострельного употребления, а в войсках — попросту-«мотовкой». Высокая скорострельность обеспечивалась за счет использования таких достижений техники, как рекуператоры, амортизаторы. Пушку типа трёхдюймовки можно считать символом научно-технического прогресса той поры. По своим данным русская трёхдюймовка была похожа на полевые орудия Франции, Германии, Австрии.

Что касается общей оценки русской трёхдюймовки, то в популярной советской литературе можно было встретить восторженные оценки. В изданных в 1989 году мемуарах самого, быть может известного советского артиллерийского конструктора В.Грабина слово в слово воспроизведена последняя высокая оценка («По своим тактико-техническим характеристикам они превосходили современные им 77 мм немецкие и 75 мм. французские полевые пушки»), но встречается развёрнутый фрагмент, противоречащий этому «полу-дифирамбу». Грабин описывает совещание, на котором ему пришлось доказывать преимущества своей разработки перед традиционной трёхдюймовкой: «Никто не может возражать, что трёхдюймовая хорошая пушка. Но мне хотелось бы слышать о её недостатках. Какие у неё крупные недостатки... я начал объяснять... трёхдюймовая пушка образца 1902 года, хорошо послужившая нашей Родине, всё же имела несколько существенных недостатков и перечислил: первый, второй, третий, четвёртый... (Вдаваться в детали сейчас не буду, потому что широким кругам читателей они вряд ли интересны, артиллеристы же о них зна-

ют)». Профессиональные секреты артиллеристов мы всё же раскроем (хотя бы потому, что нам стоило определённых, хотя бы временных, усилий получить представление о том, что артиллеристы, по словам Грабина, «знают»). Русское полевое орудие обладало как минимум двумя крупными недостатками. Во-первых, большим походным весом. Кроме этого, напомним, — к орудью пристёгивался особый передок со снарядами (36 снарядов) — получалось всего более 2-х тонн, а предельный вес при запряжке в 6 лошадей составлял 1900 кг. Во-вторых, орудие имело ограниченные возможности стрельбы через головы своей пехоты («во избежание поражения своей пехоты... приходилось располагать артиллерию не ближе километра за пехотой и прекращать огонь артиллерии, когда атакующей пехоте оставалось пройти до противника около 200-400 метров»). Этот недостаток был следствием достоинства, о котором с гордостью сообщалось еще в дореволюционных изданиях — очень высокой начальной скорости снаряда и связанной с этим большой настильности траектории. Что касается того, что трёхдюймовка прослужила более 30 лет, то это нельзя признать аргументом, говорящим о совершенстве её конструкции, — просто до начала 30-х о замене орудия не могло быть речи по экономическим причинам. «Орудие-ветеран» модернизировали после 1917 г., но никакая модернизация не могла резко расширить возможности достаточно среднего (но никак не посредственного, именно среднего) образца вооружения; последняя модификация, 1933 года, отличалась от базовой модели 1902 года большим углом возвышения и большей дальностью, но была значительно тяжелее.

Русское 76 мм орудие образца 1902 года не снискало себе особых лавров на полях первой мировой. Возможно, если бы участие России в мировой империалистической войне (именно это «старомодное» название нам кажется наиболее верным) было более удачным, то оценки российского орудия в специальной литературе были бы иными. Наверное, всё-таки «главным героем» среди лёгких полевых орудий стала французская 75 мм. пушка (хоть она и давала массу разрывов снарядов в канале ствола, но она была первой, наиболее скорострельной, выиграла «французскую битву за Москву» (Марнское сражение); самое главное — именно Франция-победитель, который всегда прав). В «номинации» тяжелых орудий бесспорными фаворитами были немецкие «монстры».

Всё написанное звучит немного обидно для «российского уха», но Россия до 1917 года была самой бедной, одной из самых слабых из великих держав. Мы специально это «проговариваем» из чувства «исторического раздражения». Всеми овладела страсть к «дореволюционности». Подлинно же великой Россия стала именно в обличье СССР, после 1917 года. Поэтому закономерно, что лучшее в мире 76 мм. орудие конструкции Грабина производили именно в СССР (пушку можно увидеть, например, на военной выставке в нижегородском кремле; эта конструкция — лучшая в мире в этом классе на все времена хотя бы потому, что этот класс орудий исчез, будучи заменён гранатомётами). Производили лучшую 76 мм. пушку мира на нижегородском заводе(который

первоначально назывался «Новое Сормово», а потом стал именоваться ГМЗ — Горьковский Машиностроительный Завод). На этом заводе с таким «нейтральным», характерным для советских оборонных предприятий, названием произвели 90 тысяч из 140 тысяч полевых орудий, с которыми воевали наши солдаты во время Великой Отечественной Войны. Грабинское «изделие» производилось и «доводилось» именно на этом заводе. Мы позволили это отступление не из желания «побрызгать» или блеснуть некоей эрудицией. История-это гиперздание, несопоставимое ни с одним гипермаркетом. И если в большом магазине мы не просто покупаем то, что нам нужно, но и глазеем по сторонам, то как удержаться от желания «уйти в сторону» при работе над «гиперисторической» темой (а первая мировая-это Гиперистория всегда, даже если ты держишь всего ниточку, ведущую в десятки недоступных хранилищ информации; но в работе над Гипертемой у каждого есть возможность что-то сплести даже из «ниточек»).

Почему же тогда именно «трёхдюймовка» осталась в памяти народа? Наверное, потому, что «она» была «героиней» революции и гражданской войны; это орудие бесчисленное количество раз показывалось в советских историко-революционных фильмах (в советском кино вестерны заменялись фильмами о гражданской войне). Небольшая справка о «историческом пути» трёхдюймового орудия в России, СССР и мире может показаться излишней, но, на наш взгляд, она органично дополняет хрестоматийные советские утверждения о лучшей пушке мире (все еще и часто навсегда рассеянные по многочисленным изданиям) или скупые технико-тактические характеристики.

Начиналась работа по созданию мощностей для производства 76 мм орудий на сормовском заводе с телеграммы из Петрограда, отправленной 13 июля (мы можем указать и самое точное время-2 ч. пополудни) всего из семи слов: «Заказ на 2500 полевых пушек получен Мещерский». В Нижнем Новгороде эта телеграмма была принята (естественно, в тот же день) под №563. Неделя ушла на размышления, и 21 июля в Петроград с завода ушла деловая телеграмма: «Подтверждая Вашу телеграмму от 13-го с/июля за №563 «Заказ на 2500 полевых пушек получен», имеем честь сообщить, что в настоящее время мы приступаем к выпуску рабочих чертежей 3 полевых пушек. Для руководства по исполнению настоящего заказа нам необходимо иметь 3 атласа чертежей 3 дм полевых скорострельных пушек обр. 1902 г., технические условия, а также ведомость и альбом принадлежностей к 3 пушкам, каковые и просим прислать по возможности безотлагательно. Кроме того, нам желательно было бы иметь на заводе для руководства пушку с затвором и лафетом в собранном виде». Вскоре появилась «Программа работ по постройке и оборудованию пушечной мастерской (Новой механической мастерской)».

Сроки выполнения заказа на 2500 пушек (или комплектов) были следующим: 10 комплектов к 1 января 1916г., 15 — к 1 февраля, 25 — к 1 марта, 50 к 1 апреля, 75 — к 1 мая, 100 — к 1 июня, 125 — к 1 июля и по 150 комплектов в месяц с 1 июля 1916г. по 1 сентября 1917 г.

Намеченные сроки выдержаны не были. К 14 апреля «в Пушечной» работало 88 станков (но столько же — 88, было недополучено). «... некоторые специального назначения станки за невозможностью получить их на рынке пришлось изготавливать своими средствами; так, например, уже изготовлено 2 станка для полировки стволов до нарезки, 1 станок для полировки нарезов и заканчиваются изготовлением 3 полировочных станка для кожухов и надульников», читаем мы в документе примерно того же времени. Позднее, в годы Великой Отечественной войны та же проблема-нехватка полировочных станков возникла на Горьковском машиностроительном заводе (том самом, где производилось «грабинское изделие»); тогда эти станки именовались шлифовальными. Ценность этих станков заключалась в том, что каждый шлифовальный станок мог заменить тяжелый труд до 40 квалифицированных слесарей. Нехватка станков, увы, была не единственной проблемой.

Что касается «чистого» строительства-возведения зданий и сооружений, указанных в программе, приведённой выше, то всё это было сделано, — появился и полигон, и пороховой погреб, и электропечь. Электропечь была первой в губернии (хотя не первой в стране — еще до войны на родственном Брянском заводе появилась электропечь). Война вообще вызвала резкий рост производства электростали: в Германии — в 3 раза, в США — в 5 1/2 раза, в Англии в 15 раз. Сормовский завод шел в русле мировых тенденций.

Задержка в выпуске первого орудия заставляла подгонять заводчан. Правление общества железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» 4 марта 1916г. отправило Господину директору Сормовских заводов отправить телеграмму: «...Нельзя ли первую партию пушек 3-5 пушек приготовить к стрельбе в середине марта, а не в конце, как Вы сообщаете Вашим письмом от 24 февраля с/г за № 1 237.

Исключительная сущность заказа на 3 дм пушки требует возможной интенсивности в ходе работ». Когда намеченный срок прошел, правление стало более нетерпеливым. 28 марта в 12ч. 39 минут была отправлена сверх лаконичная и требовательная телеграмма: «Когда представляете первые пушки». Наконец, 9 апреля 10 выстрелами была обстреляна пушка № 1, но первый блин оказался немного комом, как видно из текста телеграммы от 19 апреля: «Вследствие наружных дефектов на пушке № 1, не препятствующих стрельбе из неё, получившихся случайно от несовершенства обработки, нам желательно было бы отправить Металлическому заводу пушку без дефектов, напр. № 2, которая на днях будет обстреляна. Поэтому пушку № 1, которая может быть отправлена через 2-5 дней по возвращении полковника И.Ф.Яковлева (он был, говоря современным языком, военпредом на сормовском заводе, руководил артприёмкой — С.Б.), мы полагаем задержать». Однако из 6 обстрелянных в апреле пушек с дефектами оказалось пять, что следует из телеграммы от 30 апреля: «Пушки № 1 и 2 обмеряны после обстрела артиллерийским приёмщиком и результаты обстрела оказались удовлетворительными. При обстреле 29 апреля

четырёх пушек обнаружены недостатки затворов, на основании чего отправлена сегодня телеграмма заводу Лесснер.

Быть может, орудия сормовского завода вообще не отличались высоким качеством. Военный профессор в 20-е годы утверждал в своих лекциях примерно следующее: «Война потребовала огромное количество орудий. Но и такой завод, как Сормовский, не мог достигнуть нужного качества орудий (курсив наш — С.Б.) В то время как орудия довоенной выработки выдерживали до 10 000 выстрелов и еще работали в виду незначительности разгара, орудия изготовления военного времени выдерживали 3500-5000 выстрелов и приходили в негодность». В чем тут дело? Возможно, в плохой нарезке ствола. На первом производственном совещании по поводу новой продукции «норма на бой» при нарезке стволов была определена в 30%». Нарезка — очень ответственная операция, именно от неё зависит живучесть ствола. На всю жизнь уже неоднократно упоминавшийся В.Грабин запомнил станочника-виртуоза на Путиловском заводе в 20-30-е годы, после работы которого стружка была как шелк: «Однажды такое удовольствие я испытал у станка, на котором нарезали канал ствола. С тех пор прошло много лет, с годами я позабыл фамилию станочника, но не могу забыть его работу. Нарезка — очень ответственная операция, от неё зависит живучесть ствола: чем чище он будет нарезан, тем больше выстрелов сможет выдержать. ...Но у этого рабочего за всю его жизнь не было забраковано ни одного ствола... Осматривал я дно нареза и грани. Ну, прямо-таки отполированные! Никаких следов резца — ни надиров ни царапин». Вероятно, подобных виртуозов на Сормовском заводе не было.

Если нарезка ствола, вероятно, сормовичам удавалась не в полной мере, то была, наверное, одна операция, которая не могла не получаться у них эталонно- клёпка. Сварка вплоть до 30-х годов применялась очень ограниченно. В начале века ушедшего примерно три десятилетия безраздельно в промышленности царила клёпка. Сормовичи электросварку стали осваивать одними из первых в СССР в 1923 году, причем полностью (целиком) электросварные корпуса у сормовичей пошли только с 1933 г. (первое судно так и называлось — буксир «Сварщик»). Так что при сборке сормовских пушек в 1916 году должна была иметь примерно следующая картина: «Вот нагревальщик потянулся клещами в горн, вытащил заклёпку, посмотрел на неё и сунул обратно — не готово. Некоторое время спустя вновь схватил её клещами у самой головки, вытащил -она вся искрилась. Он резко ударил клещами с заклёпкой по стальному предмету — искры так и сыпались во все стороны. Нагревальщик мигом сунул заклёпку в отверстие короба станины, в ту же секунду бригадир прижал её ручником. Нагревальщик не успел еще убрать свои клещи, как второй подручный поддержкой прижал голову заклёпки. Один за другим раздались несколько ударов ручника по коробу станины- бригадир плотнее прижимал к ней заклёпку. Затем удары посыпались градом: ручник бригадира и ручник первого подручного били уже по заклёпке. Они осаживали её, расклёпанную, чтобы

она наполнила собой отверстие в коробе станины. Всё это происходило с молниеносной быстротой» (курсив наш — С.Б.).

Мы коснулись даже не технических, а чисто рабочих моментов — сверловки ствола, клёпки станины, чтобы оживить скучноватый рассказ на производственную тему (тем более, что «советский мальчик», каковым мы являлись, вырос в атмосфере хотя бы показного уважения к физическому труду, который в СССР, наряду с военными профессиями считался чем-то самым настоящим в жизни; настоящих «рукастых» людей мы уважаем с примесью благоговения «бумажно-лекционного» червя, — мы забыли многие фамилии, но на всю жизнь запомнили закройщика Зиновьева, специалиста по ремонту пишущих машинок Потапова). Когда-то литература очень многое описывала, потом пришла эпоха фотографии, кино, телевидения, сейчас — компьютера; можно легко убрать описание, заменив его картинкой, схемой, чертежом. Но любое описание содержит элемент чего-то человеческого — можно почувствовать выверенную точность станочника, его радость при виде отшлифованного куска металла, выточенного и вырезанного, представить взаимодействие людей с тяжелыми кувалдами, ощутить горячую, обжигающую заклёпку и прочее, прочее, что и является основой человеческой жизни. Потом эта жизнь прессуется в кирпичики книг, колонки цифр, массу нужных, не нужных и в то же время дорогих вещей, какие-то ассоциации, штампы и предрассудки. И теряется ощущение жизни, которое потом пытается восстановить литература, музыка, кино, живопись (сейчас возможен и другой вариант — создаётся некая псевдо или квази реальность-отвлеченность; захотел реальности — посмотри кровавый триллер, захотел отвлеченности — что-нибудь в жанре т.н. «фэнтэзи»). Мы, лично, просто страдаем от того, что не имеем возможность увидеть очевидца событий 1915 или 1916 годов и в то же время только в силу того, что отделены почти столетием от описываемых событий, можем многое понять и почувствовать. Вечная боль историка — быть над временем, писать о нём и не иметь возможности с ним соприкоснуться. Почувствовать время — через заклёпку? Понять — через сверловку? В какой-то степени — можно. Мир был более тяжелым (в прямом и переносном смысле этого слова), он был железным (не пластмассовым, не пластиковым) и казался прочным. Но этот прочный мир сжигал себя в войне, этот прочный мир можно было поколебать железом же, а не с помощью «бархатных» революций и пиартехнологий. Мы (автор имеет в виду себя) все еще в том «железном» XX веке (мы навсегда там), для нас очень важна и «железная» основа этого «нашего мира»-XX века и сам человек в этом мире. Мы пока не прониклись «информационным мышлением», когда из кубиков информации что-то лепится, собирается, склеивается и сразу же выбрасывается в «информационное пространство», чтобы сгинуть там или стать «знаковым хламом». Для нас очень важно ОЩУЩЕНИЕ времени и истории и делая многочисленные вставки, отступления, мы пытаемся найти, закрепить это ОЩУЩЕНИЕ, поделиться им (при этом мы далеки от фамильяр-

ного отношения к истории и времени, от желания в качестве стержня книги выбрать методологические позиции типа «Я и ИСТОРИЯ», «Я и ВРЕМЯ»). Наверное, не случайно Ключевский учился в семинарии — понять средневековую Русь вне православной догматики невозможно; молодой Тойнби, увлекавшийся античной Грецией, совершил путешествие по Греции XX века, чтобы подышать «воздухом истории». Заблуждение, что древняя история-это только книги, а современная — поездки, контакты, активность. Наоборот, при изучении «отдалённой» по времени истории нужна хотя бы «психологическая приближенность», а при исследовании современных проблем важна некая отстранённость. Ранее многие работы страдали идеологической ограниченностью. Наши врезки — своего рода «предохранители» и от чрезмерной логической заданности (научный штамп уходящей эпохи) и от размытой «искусственной виртуальности» (научный штамп будущего). Волею то ли чьей-то злой воли, то ли дающей нам возможность почувствовать «жернова жизни» судьбы мы пребываем в «историческом окружении», и вынуждены всё время держать в себе ощущение «большой земли», большой истории, к которой мы имели отношение на излёте советской эпохи. Мы не имеем возможности точно следовать букве исторической науки, но мы хотим, чтобы хотя бы дух истории присутствовал на страницах нашей небольшой работы.

Каков же был итог глобального и «микронного» процесса пушечного производства (глобальная мировая война требовала тысячи орудий, а эти тысячи орудий делались миллионами ударов кувалдой или движений резца). В 1916 г. на сормовском заводе было произведено 800 орудий, в 1917 — 1233 орудия. Кроме готовых орудий, изготавливались отдельные пушечные поковки (1914 — 14501 пудов, 1915 — 33 178 пуд., 1916 — 48 554). Сормовский завод произвёл примерно 10% трёхдюймовок, а без учета 1917 года-еще меньше, то есть решающие бои 1914-1916 годов происходили без сормовских орудий. Сроки налаживания производства задерживались, качество оставляло желать лучшего (впрочем, сормовичи не были «гадким утёнком» среди российских заводов; о путиловском пушечном производстве можно прочитать — «...но долгое время (завод) давал значительный процент брака»; если сормовичи задерживали переход к производству трёхдюймовок, то путиловцы к- производству тяжелых 6-ти дюймовых пушек). Но потом завод в период гражданской войны станет ключевым оружейным предприятием Советской России, с учетом опыта и задела сормовичей будет разработан проект создания как бы «военного филиала», который сначала получит название «Новое Сормово», потом будет выделен в отдельное предприятие и станет головным по производству орудий в Великую Отечественную войну (деятельность Грабина протекала на Горьковском машиностроительном заводе).

Наладив производство орудий в первую мировую, сормовичи особых лавров не снискали, но они, сами того не ведая, создавали прорыв в будущее — в период гражданской войны, Великой Отечественной.

ИСТОРИКО — ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА)

Зацепина О.И.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Ярославле*

Государственные символы Российской Федерации являются оформлением новой российской государственности, свидетельствуют о суверенитете государства, по которому оно узнаётся во всём мире. Триединство символов несёт на себе огромную идеологическую, правовую, социально — политическую нагрузку.

Укрепление государственности современной России опирается на историческую традицию. Современные символы России восходят к историческим корням, хранят память свершений Российского государства.

Изучением геральдических знаков — тотемов, эмблем, гербов, флагов, знамён, знаков отличия, их созданием, утверждением и использованием занимается геральдика. Являясь вспомогательной исторической дисциплиной, геральдика в тоже время — часть эмблематики — группы взаимосвязанных дисциплин, изучающих эмблемы.

Термины «символ», «эмблема», «атрибут», на наш взгляд, соотносятся следующим образом: символ — условное обозначение какого — либо явления или понятия; эмблема — условное или символическое изображение какого — либо понятия, а вот атрибут — необходимое, существенное, неотъемлемое свойство предмета или явления (например, цвет флага).

Основным объектом исследования геральдики является герб — символический знак отличия отдельных лиц, родов, городов, государств. В основе слова «герб» «лежит немецкое *erbe*, что означает «наследство»[1]. За долгий период своей истории геральдика выработала особые правила составления и описания гербов — геральдический язык.

В конце 90 — х годов существовало довольно распространённое мнение, что геральдика — это наука очень далёкого прошлого, давно изжившая себя. Негласно считалось, что после 1917г. в России наступил логический конец геральдики и что в наше время возвращаться даже к этому слову, по меньшей мере, бессмысленно. И. Борисов в статье журнала «Родина», писал: «...герб, выражаясь по — модному, «аннулирован» и сдан в архив, а следовательно, и наука «геральдика» — наука прошлого, а не настоящего и не будущего... если на родовые гербы смотреть с ... общепринятой точки зрения, то иначе дело обстоять после революции и не может. Раз уничтожено дворянство как сосло-

вие, то с ним должен быть уничтожен и дворянский герб, как один из внешних признаков этого достоинства» [2].

Историю российского государственного герба примерно до конца XVII века следует изучать, прежде всего, по памятникам сфрагистики, т.к. на государственных печатях помещалось наиболее официальное геральдическое изображение. Кроме печатей гербы можно было также увидеть и на монетах, наградах, знаменах, предметах царского обихода, вооружения, в книгах и др.

Государственный герб претерпевал значительные изменения в российской истории, однако это не является свидетельством того, что наше государство переходило к новым формам и к новой идеологии. Сила русских традиций была очень велика.

В современной историографии первым памятником российской государственной геральдики считается красно-восковая двусторонняя печать Ивана III.

В царствование Василия III двуглавый орел изображается уже с раскрытыми клювами, из которых высовываются язычки. Об этом свидетельствует печать, приложенная в 1523 г. к записи государя при отбытии его с войском в Казань.

Если обратиться к государственному гербу с точки зрения эпохи, в которой эта символика действовала, то, история России того времени была ознаменована активной внешней политикой. Модификация государственного герба свидетельствовала, что Россия укрепляет свои позиции, становится новым центром православия.

В царствование Иоанна IV рост могущества русского государства отразился и на его гербе. Двуглавый орел на государственной печати увенчан одной короной с восьмиконечным православным крестом над ней. На лицевой стороне печати, на груди орла изображен щит вырезанной, или «германской», формы с единорогом — личным знаком царя. Дело в том, что все символы, используемые в личной символике Иоанна IV взяты из Псалтыря, что свидетельствует об укоренении христианства на Руси.

Во времена правления Алексея Михайловича Романова гербовая композиция состояла примерно из тех же элементов, но с небольшим отличием: у орла высоко подняты вверх и полностью раскрыты крылья, что символизировало собой полное утверждение России, как солидного и мощного государства; главы его венчают три царские короны, на груди помещен щит с московским гербом, в лапах — скипетр и держава.

При Петре I композиция государственных печатей отличается большим разнообразием. Самым выдающимся изменением этого периода стало превращение символа царя на печати в символ Георгия Победоносца [3].

Павел I указом от 5 апреля 1797г. закрепил двуглавого орла в качестве неотъемлемой части герба императорской фамилии. Манифест Павла I от 20 января 1797г. о составлении «Общего Гербовника» положил начало юридическому становлению малороссийских гербов.

В следующий период российской истории, ознаменованный правлением Александра I, на гербе крылья орла широко раскинуты в сторону, перья опущены вниз. Одна голова более наклонена, чем другая. Вместо традиционных скипетра и державы, в лапах орла появляются новые атрибуты: перуны или громовые стрелы, факел, лавровый венок (иногда ветвь), ликторский пучок, перевитый лентами [3]. Подобные орлы характерны для первой четверти XIX века.

Во времена правления Николая I с 1830г. гербовый орел стал окончательно изображаться с поднятыми крыльями, что стало его неотъемлемой признаком до 1917г. В этом скрыт некий смысл, который символизировал окончательное утверждение России как суверенного и самодержавного государства.

Большой государственный герб Российской империи был введен 11 апреля 1857г. по указу императора Александра II. Большой герб России представлял символ единства и могущества России. В нем отражена древняя традиция изображать вокруг двуглавого орла гербы территорий, входящих в состав русского государства. Это сходно с идеей объединения русских княжеств вокруг Москвы. При последнем Романове герб не претерпел никаких изменений.

В 1917г. орел перестал быть гербом России. Его символика показалась большевикам символом самодержавия. Любопытно, что, выражая уважение к традициям и памяти других народов, советские авторы считали, что русский народ не имеет права на свои исторические, национальные символы. Они не принимали во внимание то, что двуглавый орел был символом русской государственности.

Советский период нашей истории ознаменовался принятием конституций, в которых были официально закреплены институты государственных символов России. Так, например, Конституция 1924г. провозглашала, что государственный герб СССР состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на шести языках... «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда[4].

Принятие Конституций СССР 1936 и 1977гг. никак не отразилось на изображении герба — статья 143 и 169 соответственно содержали такую же формулировку, как и статья 70 Конституции 1924г.

Правовое регулирование Государственного герба в СССР происходило в соответствии с Положением о «Государственном гербе СССР», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1980г.

5 ноября 1990г. Правительство РСФСР приняло Постановление о создании Государственного герба и Государственного флага РСФСР. Для организации этой работы была создана Правительственная комиссия. После всестороннего обсуждения комиссия предложила рекомендовать Правительству бело-синекрасный флаг и герб — золотого двуглавого орла на красном поле.

30 ноября 1993 года Президент России Б. Н. Ельцин подписал Указ «О государственном гербе Российской Федерации»[5]. Двуглавый орел вновь стал гербом России.

Глубоко исследовать русскую геральдику в отрыве от других европейских геральдических традиций невозможно. Местные геральдические нормы и отдельные гербы складывались в России под совместным влиянием европейских геральдических традиций. Также надо учитывать и влияние иностранного гербоведения на формирование профессиональных концепций и, конечно, как следствие, на деятельность образованных российских геральдистов. Ведь именно в меру их эрудиции геральдическая практика в Российской империи была непосредственно связана с современными практиками Запада, а также с наследием золотого века геральдики — западного Средневековья. Всё это, на наш взгляд, не даёт оснований произвольно применять германские, французские или британские стереотипы к русским гербам. Здесь необходимы сравнительные исследования и кропотливое сопоставление исторических реалий.

Первые эмблемы Русского государства несли большую смысловую нагрузку. Их символика выражала и древность происхождения власти князей и знатность русских государей, равенство с европейскими правителями, носящими титул императора. Пройдя тысячелетний путь, символы Руси и России привели к возрождению исторически традиционных государственных эмблем. Сегодня флаг, герб и гимн являются официальными символами России, свидетельствующими о её суверенитете.

Правовое регулирование института государственных символов РФ регламентируется ст. 70 Конституции РФ. Данная конституционная норма является отсылочной и гласит: «Государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом». Однако долгое время, вплоть до декабря 2000г., правовое регулирование государственной символики не соответствовало предъявляемым к ней Основным Законом требованиям [6].

Вступление в новое тысячелетие ознаменовалось официальным принятием государственных символов РФ, закрепленных в Федеральных конституционных законах о Государственном гербе, о Государственном флаге и о Государственном гимне [7].

После принятия ФКЗ о государственных символах в период с 2002г. по 2005 г. в эти законы вносились изменения и дополнения, связанные с указанием правил использования государственных символов РФ общественными объединениями, политическими партиями, избирательными объединениями и блоками, органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими лицами и гражданами в РФ.

Если говорить об исторических корнях герба Ярославской области, то следует отметить, что ярославская эмблема известна по ее изображению на большой государственной печати Ивана IV. Ею была рыба головой влево и около — надпись «Печать Ярославская» [8]. Медведь стоящий, как ярославская эмблема, появился в «Титулярнике» 1672г., а 20 июня 1778г. медведь стал гербом Ярославля. 8 декабря 1856г. утвержден гербом Ярославской губернии.

Герб Ярославля, таким образом, отражает культуру и общественное устройство двух эпох — языческой и средневеково-христианской: медведь — тотем древнейшего славянского населения и образ его родоплеменных порядков; секира — образ новокрещенного народа и символ феодальной государственности христианской Руси. Цветовая гамма областных гербов — традиционная ярославская: золото, серебро, чернь. Золотой цвет отличает его от серебряного — городского. Бурый медведь по правилам геральдики изображается черным [8].

Историко-правовой анализ государственного герба России показывает, что державный орел России — не только символ ее государственности, но и символ тысячелетней истории нашего народа. Он — символ исторической преемственности культурных традиций — от погибшей великой империи, сумевшей сохранить для всего мира эллинскую и римскую культуры, к молодой растущей России. Двуглавый орел — символ объединения и единства земель российских.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Пчелов Е.В. Государственные символы России — герб, флаг, гимн: Учебное пособие. — М.: «ТИД «Русское слово» — РС». 2002. — 136 С.
2. Борисов И. Сабля, дуб, единорог ... (с чего начиналась русская геральдика) // Родина. 1996. №5. С. 76.
3. Пчелов Е.В. Российский государственный герб. Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: РГГУ, 2005. С.49, 59.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена II-ым Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г. (В ред. от 5 февраля 1935г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР, 1924, № 2, ст. 24 (утратила силу). Ст.70.
5. «О Государственном Гербе Российской Федерации»: Указ Президента РФ [30.10.1993 № 2050] (в ред. от 25.09.1999 № 1273) // Собрание Актов Президента и Правительства РФ, 1996, №49. Ст.4761. (утратил силу).
6. Зорин Л.С. Символические отношения // Право в Вооруженных Силах, 2006, № 9. С.32.
7. «О Государственном гербе Российской Федерации»: федер. конст. закон [от 25 декабря 2000 г. №2 — ФКЗ] (с изменениями от 9 июля 2002г., 30 июня 2003г.) // Российская газета от 27 декабря 2000г., №244. «О Государственном флаге Российской Федерации»: федер. конст. закон [от 25 декабря 2000г. №1 — ФКЗ] (с изменениями от 9 июля 2002г., 30 июня 2003г., 7 марта 2005г.) // Российская газета от 27 декабря 2000г., №244. «О Государственном гимне Российской Федерации»: федер. конст. закон [от 25 декабря 2000 г. №3 — ФКЗ] (с изменениями от 22 марта 2001г.) // Российская газета от 27 декабря 2000г., №2608.
8. Сапрыков В.Н. Государственная символика регионов России. Ярославская область // Российская Федерация сегодня, 2003г, №16. С.65.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ

В 2000—2008 гг.

Монахов О.Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Исследования федеральных отношений остается актуальным в связи с необходимостью сохранения единства России в условиях неоднородности ее многочисленных территориальных составляющих.

Многочисленность субъектов Российской Федерации делает трудным обеспечение устойчивости системы. Чтобы принимаемые в ней управленческие решения были эффективны, необходимо сократить число полноправных субъектов или создать дополнительные структуры, которые бы компенсировали чрезмерную диверсификацию.

Формальное равноправие субъектов России находится в противоречии с географическими и социально-экономическими различиями между ними: по площади территорий, по численности населения, по степени урбанизации, по объему валового национального продукта на душу населения, по уровню бюджетных доходов на душу населения, по уровню бюджетных расходов населения [1, с.139].

Названные различия лишь частично объясняются естественными причинами. Во многом они являются результатом идеологически и политически обусловленной деятельности властных структур и местных элит на протяжении XX века.

Политика федерального центра по отношению к регионам 1990-х годов была емко выражена Б.Ельциным: «Берите суверенитета, сколько можно унести». Эта стратегия была обусловлена необходимостью децентрализации жестко централизованного советского управления, не соответствующего требованиям рыночной экономики, а также глубоким экономическим кризисом, следствием которого стала ресурсная слабость центра и периферии.

Социологические исследования показывают, что к концу 1990-х годов общественное мнение оценивало ситуацию в области территориально-государственного устройства и межнациональных отношений как остро кризисную [2, с.28]. Формировалось понимание необходимости серьезных изменений в отношениях между центрами и регионами.

В сложившейся ситуации приход к власти президента, который начал осуществлять стратегию централизации страны, был закономерным.

Обращаясь в 2000 году к парламенту, В. Путин подчеркивал, что «нас еще нет полноценного федеративного государства», вместо этого «у нас создано децентрализованное государство» [4].

В развитии процесса централизации федеральных отношений, получившего название федеративной реформы, можно выделить следующие преобразования.

В 2000 г. В.Путин подписал Указ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Страна была разделена на семь федеральных округов. Полномочным представителям поручалось следить за исполнениями в округе решений федеральных органов власти, обеспечивать реализацию президентских кадровых решений, предоставлять президенту регулярные отчеты о политическом, социальном и экономическом положении в регионах.

В августе 2000 года меняется порядок комплектования Совета Федерации. В соответствии с Федеральным законом №113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» место губернаторов в верхней палате российского парламента заняли представители законодательной и исполнительной власти регионов, которым предстояло заниматься законотворческой деятельностью на постоянной и профессиональной основе.

Следующим шагом по реформированию федеральных отношений стало принятие в 2001 г. Программы развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года. В ее основу был положен принцип разграничения полномочий. В рамках реформы предполагалось четко разграничить ответственность разных уровней власти в различных сферах, обеспечить самостоятельность регионов и муниципалитетов в управлении расходами соответствующих бюджетов, отказаться от обязательств, не подкрепленных источниками финансирования. Одновременно следовало расширить налоговые полномочия органов власти субъектов и местного самоуправления, то есть позволить им проводить в определенных рамках самостоятельную налоговую политику.

Главным итогом реализации данной программы является увеличение бюджетной централизации. Разграничение функций и доходов на практике привело к тому, что центр перераспределил бюджет в свою пользу: если в 1999 году его доля в доходах консолидированного бюджета составляла 44%, то в 2007 году — 66,2%. Эта диспропорция является следствием вполне сознательной бюджетной политики центра. Например, хотя предполагаемый профицит федерального бюджета в 2007 году должен был составить 1,5 трлн. руб., или 21,6% всех доходов, консолидированный бюджет планировался с заведомым дефицитом 1,8% от суммы доходов [6, с.38].

Правительственная концепция бюджетного федерализма и изменения в налоговой системе привели к серьезному перераспределению доходов в пользу федерального центра, значительно ослабив экономические позиции субъектов федерации. При этом федеральные власти зарезервировали за собой те налоги, которые относительно легко собираются, оставив регионам право взимать проблемные налоговые платежи. При этом в особенно тяжелом положении находятся муниципалитеты. Сегодня, согласно Бюджетному кодексу, муниципалитеты могут управлять в некоторых пределах лишь двумя налогами — земельным и налогом на имущество физических лиц.

Муниципалитеты остаются полностью зависимыми от своих регионов и центра. По данным Министерства финансов, в 2006 году самодостаточными были лишь 2% муниципалитетов. Примерно у 60% муниципалитетов на дотации приходилось более половины их доходов. А у 36% муниципалитетов финансовое положение было настолько тяжелым, что регионы вынуждены были финансировать их по сметному принципу. В Карелии, например, по данным Счетной палаты, финансовые ресурсы городов в 1,5 раза меньше, чем необходимо для покрытия их обязательств, сельских бюджетов — в 5 раз меньше [7, с.38].

В 2003 г. начинается укрупнение регионов. По Конституции России, все вопросы объединения относятся к ведению субъектов федерации, которые при принятии решений должны руководствоваться интересами населения. Слияние субъектов происходит по инициативе региональных властей и после проведения референдума. Так, 7 декабря 2003 г. состоялся первый референдум об объединении субъектов федерации — Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа.

В 2004 президент признает систему выборов губернаторов неэффективной и высказывается за создание такой системы управления, которая «...была бы восприимчива к региональным проблемам и кровно связана с общенациональными интересами» [3, с.107].

В результате в декабре 2004 г. вступает в силу Федеральный закон №159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительских) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В соответствии с этим законом региональная исполнительная власть должна формироваться через представление кандидатур глав регионов президентом России с дальнейшим утверждением законодательными собраниями субъектов федерации. В случае двукратного отклонения предложенной президентом кандидатуры глава государства мог распустить региональное законодательное собрание и назначить исполняющего обязанности губернатора.

В 2006 г. принят Федеральный закон N 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий». Законом введен институт так называемых добровольных полномочий, которые субъекты могут вводить в одностороннем порядке даже при отсутствии источников финансирования.

Следует отметить, что изменения к Федеральному закону N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительских) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» вводят и новый правовой институт: временное возложение полномочий органов власти субъектов России на федеральные органы власти, в случае если объем долговых обязательств субъекта превышает 30% собственных доходов его бюджета. Как отмечают эксперты, «... сегодняшнее состояние финансов

в большинстве субъектов федерации таково, что банкротство не является для них отдаленной перспективой. Что же касается нецелевого расходования федеральных субвенций, то здесь ситуация еще хуже, — по этому основанию, руководствуясь формальными критериями, можно привлечь к ответственности едва ли не каждый регион» [5, с.36]. Этот институт рассматривался как инструмент оздоровления экономики, но его можно использовать и для устранения неугодных региональных лидеров.

Проведение преобразований в сфере федеральных отношений к 2007 году привело федеральный центр к осознанию того, что выстроенная за последние годы модель федеральных отношений не работает. В своих последних президентском и бюджетном посланиях Владимир Путин специально остановился на проблеме эффективности работы региональных органов власти. Выстроенная за последние годы система управления, лишившая губернаторов и региональных законодателей всякой политической самостоятельности, оказалось недостаточно для того, чтобы решать актуальные задачи социального и экономического развития. Президент потребовал в кратчайшие сроки утвердить методику оценки эффективности деятельности глав исполнительной власти регионов, что и было сделано.

В июне 2007 г. Указом Президента Российской Федерации № 825 «Об оценке эффективности деятельности исполнительной власти субъектов Российской Федерации» был установлен перечень из 43 параметров. По данным критериям федеральные власти могли давать ценку эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Сам перечень параметров и их формулировка вызывают много вопросов, но повышение эффективности деятельности губернаторов федеральный центр будет осуществляться не за счет усиления их подотчетности избирателям, а путем введения чисто бюрократических механизмов контроля. Один из 43 критериев — это «удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в том числе их информационной открытостью (процент от числа опрошенных)». Соответственно мнение граждан предполагается спрашивать, но учитывать его или нет, решать будут федеральные власти.

Очевидно, что главной проблемой федеративного устройства сегодня является экономически необеспеченная ответственность регионов в сочетании с концентрацией властных полномочий в центре.

Это соответствует действительности: по словам министра регионального развития Дмитрия Козака: «70-80% всех полномочий сейчас в руках федеральных органов, которые, хоть и представлены на территории, не несут политической ответственности за принимаемые решения» [8, с.39].

Сосредоточение большинства управленческих функций в федеральном центре наталкивается на проблему разнообразия условий и разнородности субъектов Российской Федерации. Все это приводит к трудностям в формализации

в законах обязанностей региональных властей. Так, Комиссия при Президенте Российской Федерации по подготовке предложений о разграничении предметов ведения выявила 700 полномочий федерации по предметам совместного ведения, которые из-за их многочисленности и разнообразия невозможно прописать в законе [5, с.34].

Исполнительные власти российских регионов при этом не имеют ни возможности, ни стимулов, чтобы работать более эффективно, поэтому необходим «целый ряд механизмов стимулирующего характера». Решить эту проблему Дмитрий Козак предлагает за счет перехода к «конкурентному федерализму»: предполагается, что регионы смогут на конкурсной основе получать дополнительные федеральные средства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аринин А., Марченко Г. Уроки и проблемы становления российского федерализма. М. 1999.
2. Иванов В.Н., Назаров М.М. Политико-идеологические и социально-экономические аспекты российского федерализма//Социологические исследования. — 2001. — №7.
3. Какабадзе Ш.Ш. Институализация согласования интересов субъектов Российской Федерации: изменение законодательства и новые политические реалии// Полис. — 2008. — № 4.
4. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, 9 июля 2000.
5. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией: новеллы законодательного обеспечения //Аналитический вестник Совета Федераций Федерального собрания российской Федерации.- 2003, №18.
6. См. Коммерсантъ власть. 2008.2 февраля.
7. См. Там же.
8. См. Там же.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН НАТО: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Кострыкин П.А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Соединенные Штаты продолжают уверенно лидировать по объему заключенных контрактов за весь пятилетний период 2003-2007 гг. (100 003,9 млн. дол.).

По итогам 2007 года США установили сразу несколько рекордов:

— во-первых, никогда ранее США не заключали в один год такое количество контрактов и не имели по этому показателю столь абсолютного преиму-

щества перед своими конкурентами. Доля США в 2007 году от общего объема заключенных всеми странами соглашений на поставку ВВТ составила 45,1%;

— во-вторых, в 2007 году объем заключенных США контрактов составил 42,9% от всего объема заключенных этой страной контрактов за 2003-2007 гг.

Самый большой объем заказов в 2007 году США «заработали» на рынке стран Ближнего Востока и Северной Африки. Только по упомянутым ниже 9 странам объем заказов на поставки американской ПВН в 2007 году составил 23 400 млн. дол. (или 54,6% от всех заключенных США в 2007 году соглашений). В целом же с учетом более мелких контрактов с другими странами, доля региона БСВ и Северной Африки в объеме заключенных США контрактов в 2007 году составила около 60%.

Крупнейшим заказчиками США в 2007 году стали ОАЭ. Из общего объема контрактов в 42 867 млрд. дол, заключенных США в 2007 году, на долю ОАЭ пришлось 10,23 млрд. дол., что составляет почти 24%.

Лидерство по объему поставок ПВН в 2007 г. и за пятилетний период также принадлежит США (соответственно, 21 115,1 млн. дол. и 63 426,5 млн. дол.). Показатель объемов поставки вооружений США в 2007 году является рекордным за последние пять лет и составляет 33,3% от всех поставок ПВН США в период 2003-2007 гг. На протяжении всего рассматриваемого периода США наращивали экспорт вооружений: 8 664,4 млн. дол в 2003 г., 9 123,1 млн. дол. в 2004 г., 11 049,2 млн. дол в 2005 г., 13 474,7 млн. дол в 2006 г. и 21 115,1 млн. дол. в 2007 г. На долю США в 2007 г. пришлось 38,47% от общемировых поставок вооружений. За весь пятилетний период доля США составила 36,95%.

Из общего объема американских поставок ПВН в 2007 г. в сумме 21 115 млн. дол около 15 000 млн. дол. составляют поставки по крупным контрактам. Из этой категории поставок около 6000 млн. дол. пришлось на регион Ближнего Востока, 4 200 млн. дол. — на Европу, 3 250 млн. дол. — на Азиатско-Тихоокеанский регион и 1 400 млн. дол. — на Канаду.

Третье место в рейтинге АРМС-ТАСС за период (2003-2007 гг.) по объемам заключенных контрактов на ПВН занимает Франция — 28 355,4 млн. дол. (10,31% мирового рынка).

В рассматриваемый период динамика объемов заключенных Францией контрактов на поставку ПВН по годам выглядит следующим образом: в 2003 г. — 3 646,8 млн. дол., в 2004 г. — 2 660,1 млн. дол., в 2005 г. — 7 324,4 млн. дол., в 2006 г. — 7 502,7 млн. дол. и в 2007 г. — 7 221,4 млн. дол.

Крупнейшим «разочарованием» для Франции в 2007 году стало решение правительства Индии аннулировать результаты тендера стоимостью около 600 млн. дол. на поставку 197 легких разведывательных вертолетов, победу в котором в марте 2007 года одержала компания «Еврокоптер» (входит в концерн ЕАДС) с вертолетом «Феннек».

Негативные тенденции в сфере французского оборонного экспорта, которые наметились в последнее время, потребовали рассмотрения проблемы на

самом высоком уровне. В результате президент Франции Н. Саркози распорядился полностью реорганизовать систему координации оборонных поставок.

Основные надежды на ближайшую перспективу с вероятностью заключения нескольких крупных контрактов уже в первой половине 2008 года Франция связывает с Ливией. В декабре 2007 года Франция и Ливия подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам военно-технического сотрудничества, которым предусматривается предоставление Парижу до июля 2008 года эксклюзивных прав на проведение переговоров с Триполи по поставкам вооружения на общую сумму 4,5 млрд. евро (6,6 млрд. дол.).

По фактическим объемам поставок ПВН Франция в рейтинге АРМС-ТАСС занимает третье место за весь пятилетний период — 17046,6 млн. дол (9,93%). По итогам 2007 г. Франция также заняла третье место (6232,4 млн. дол или 11,35% рынка). На всем рассматриваемом периоде Франция имела стабильные показатели объемов экспорта ВВТ (в пределах от 2,5 до 3 млрд. дол.).

По годам экспорт ПВН Францией составил 2 478,5 млн. дол в 2003 г., 2 696,0 млн. дол в 2004 г., 2 985,3 млн. дол в 2005 г., 2 654,4 млн. дол в 2006 г. и 6 232,4 млн. дол в 2007 г.

Как импортер вооружений Франция находится в рейтинге в конце пятого десятка. В период 2003-2007 гг. Франция заключила контракты на импорт ПВН на сумму 766 млн. дол (50-е место), причем только в 2007 г. — на сумму 712 млн. дол.

По фактическому импорту ПВН Франция занимает 49 место — 575,4 млн. дол в 2003-2007 гг. Самый большой объем импорта ПВН пришелся на 2004 г. — 317 млн. дол.

По объемам заключенных контрактов на поставку ПВН Великобритания занимает четвертое место за период 2003-2007 гг. — 20 248,7 млн. дол (7,36% мирового рынка).

В рассматриваемый пятилетний период динамика объемов заключенных Великобританией контрактов на поставку ПВН по годам выглядит следующим образом: в 2003 г. — 2 730,0 млн. дол, в 2004 г. — 2 106,1 млн. дол, в 2005 г. — 3 486,0 млн. дол, в 2006 г. — 980,5 млн. дол и в 2007 г. — 10 946,1 млн. дол.

Самым крупным успехом Великобритании стал контракт с Саудовской Аравией, заключенный компанией «БАе систем» на поставку 72 истребителей EF-2000 «Тайфун» с первоначальной стоимостью 8 860 млн. дол. Этот контракт стал вторым по объему, заключенным в мире в 2007 году (после контракта ОАЭ с США на сумму 9 млрд. дол на поставку систем ПВО «Пэтриот» РАС-3) и стал одним из крупнейших, заключенных с начала 1990-х гг.

По годам экспорт ПВН Великобританией составил 908,5 млн. дол в 2003 г., 812,2 млн. дол в 2004 г., 935,9 млн. дол в 2005 г., 1 723,9 млн. дол в 2006 г. и 3 467,9 млн. дол в 2007 г.

Как импортер вооружений Великобритания (в отличие от Франции) входит в лидирующую группу крупнейших мировых импортеров ВВТ. В период 2003-

2007 гг. Великобритания заключила контракты на импорт ПВН на сумму 5 513,9 млн. дол (15 место). По годам объем заключенных контрактов на импорт ПВН выглядит следующим образом: 956,0 млн. дол в 2003 г., 189,0 млн. дол в 2004 г., 1 410,5 млн. дол в 2005 г., 1 217,7 млн. дол в 2006 г. и 1 740,7 млн. дол в 2007 г.

По фактическому импорту ПВН Великобритания занимает восьмое место по периоду 2003-2007 гг. — 6 413,2 млн. дол.

Следующей страной НАТО является Германия, она занимает пятое место за период 2003-2007 гг. (17 594,4 млн. дол или 6,4% мирового рынка).

В рассматриваемый период динамика объемов заключенных Германией контрактов на поставку ПВН по годам выглядит следующим образом: в 2003 г. — 1 686,0 млн. дол, в 2004 г. — 2 927,0 млн. дол, в 2005 г. — 1 532,4 млн. дол, в 2006 г. — 8 024,2 млн. дол и в 2007 г. — 3 424,8 млн. дол.

Германия не изменила своим традициям. Основными экспортными статьями дохода в области торговли ВВТ по итогам соглашений, подписанных в 2007 году, стали подводные лодки и бронетехника. С Пакистаном подписан контракт стоимостью 1 млрд. дол на поставку трех НАПЛ тип-214.

По годам экспорт ПВН Германии составил 2 599,4 млн. дол в 2003 г., 1 902,6 млн. дол в 2004 г., 1 662,1 млн. дол. в 2005 г., 3 364,6 млн. дол. в 2006 г. и 5 725,4 млн. дол. в 2007 г.

Как импортер вооружений Германия занимает место в конце четвертого десятка. В период 2003-2007 гг. Германия заключила контракты на импорт ПВН на сумму 1 300 млн. дол (42 место).

По фактическому импорту ПВН в период 2003-2007 гг. Германия занимает 39 место (919,6 млн. дол).

По объемам заключенных контрактов на поставку ПВН Израиль занимает седьмое место — 10 706,1 млн. дол и 2 596,1 млн. дол в 2007 году — восьмое место. В рассматриваемый пятилетний период динамика объемов заключенных Израилем контрактов на поставку ПВН по годам выглядит следующим образом: в 2003 г. — 1 060,5 млн. дол, в 2004 г. — 349,0 млн. дол, в 2005 г. — 3 623,5 млн. дол, в 2006 г. — 3 077,0 млн. дол и в 2007 г. — 2 596,1 млн. дол.

По годам экспорт ПВН Израилем составил 1 316,6 млн. дол в 2003 г., 932,2 млн. дол в 2004 г., 884,6 млн. дол в 2005 г., 1 597,5 млн. дол в 2006 г., 1 727,4 млн. дол в 2007 г. и 6 458,3 млн. дол за период 2003-2007 гг.

Как импортер вооружений по объему заключенных контрактов на импорт ПВН Израиль занимает в рейтинге 25 место (247,0 млн. дол в 2003 г., 62,0 млн. дол в 2004 г., 30,0 млн. дол в 2005 г., 1 270,0 млн. дол в 2006 г., 1 904,0 млн. дол в 2007 г. и 3 513,0 млн. дол за период 2003-2007 гг.)

По фактическому объему импорта ПВН Израиль занимает 11 место (380,0 млн. дол в 2003 г., 1 190,4 млн. дол в 2004 г., 1 724,3 млн. дол в 2005 г., 1 181,2 млн. дол в 2006 г., 804,7 млн. дол в 2007 г. и 5 280,6 млн. дол за период 2003- 2007 гг.).

На протяжении долгих лет страны НАТО являются лидерами в области военно-технического сотрудничества.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 2001—2009 ГГ. АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖОРДЖА БУША МЛАДШЕГО

Лоханин А.М.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Начиная с сенсационного признания в 1978 году администрацией Никсона КНР, политика США в отношении «красного Китая» всегда была предметом ожесточенных споров. Экономически желанный и политически отталкивающий Китай до сих пор остается «горячей темой» для американских политиков, ученых, военных и журналистов. В сторонниках сотрудничества и сдерживания КНР, нет недостатка ни в демократической, ни в республиканской партиях США. И если до распада Советского Союза китайская тема чаще всего вытеснялась из фокуса внимания американской общественности глобальным противостоянием с СССР, то с начала 90-х годов Китай быстро превращается в одну из самых, если не самую обсуждаемую проблему американской внешней политики. Этому способствовали причины как объективного, так и субъективного характера. К первым следует отнести стремительное экономическое развитие страны, масштабная модернизация вооруженных сил, усиление влияния КНР на страны Северо-восточной Азии. Субъективные причины повышенного внимания американцев к Китаю были еще более разнообразны. Китай ставший после распада СССР последним крупным «коммунистическим» государством на планете стал живым вызовом представлениям американцев о глобальном «крушении коммунизма». Сам того не желая, Китай автоматически занял в их глазах опустевшее место Советского Союза, чему особенно способствовали шокирующие события 1989 года на площади Тяньаньмынь. В известной степени, подобная преемственность была удобна и привычна для многих вашингтонских политиков эпохи «холодной войны», и позволяла им сохранять без изменений множество внешнеполитических институтов и традиций выработавшихся за долгие годы «холодной войны». Их настроение прекрасно выразила госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявившая как-то, что «Внешняя политика без СССР, это как бейсбол без Высшей лиги». Смелая попытка президента Клинтона и его первой команды заложить основу нового внешнеполитического курса «Вовлечения» отдающего приоритет экономическому сотрудничеству, дипломатии, развитию и использованию международных организаций и международного права встретила жесткий отпор в Конгрессе и СМИ упрекавших демократов в отсутствии четких внешнеполитических приоритетов, идеализме, и военно-политическом ослаблении США. Непривычное после холодной войны состояние относительной безопасности страны, постоянно ставилось под сомнение многочисленными «бдительными» политиками, учеными и журналистами, делавшими себе имя на поиске новых скрытых угроз национальной безопасности. Для таких людей как законодатели Том Дэлэй,

Джесси Хелмс; журналистов Ричарда Бернштейна, Роса Мунро, Билла Гетца; ученых Майкла Пилсберри, Стивена Йетса и п.р. таким источником угрозы стал Китай. Неудивительно, что находящаяся в оппозиции республиканская партия сделала китайскую политику демократов мишенью для предвыборной критики. Конгрессмены-республиканцы инициировали «Закон об укреплении безопасности Тайваня», который недвусмысленно подталкивал США к официальному военному союзу с Тайванем, подрывая сохранявшийся на протяжении многих лет формальный нейтралитет в противостоянии между мятежным островом и бывшей метрополией.

Не смотря на то, что в ходе своей первой предвыборной кампании Джордж Буш младший фактически всего лишь несколько раз, выезжавший за пределы США и, в отличие от своего отца, не имевший абсолютно никакого опыта внешнеполитической деятельности, старался по возможности не затрагивать международную тематику, свое недовольство Китаем он обозначил достаточно твердо. И если его предшественник — президент Клинтон, всегда подчеркивал, что не смотря на многочисленные разногласия, США не рассматривают Китай как своего соперника и уверены в возможности преодолеть противоречия, то Буш в одной из предвыборных речей публично охарактеризовал КНР как «стратегического соперника». С приходом к власти тональность высказываний республиканской администрации ничуть не изменилась и последствия не заставили себя долго ждать. 1 апреля 2001 года в 110 километрах от китайского острова Хайнань американский самолет-разведчик EP-3E столкнулся с китайским истребителем-перехватчиком J-8II. В результате столкновения китайский истребитель потерпел катастрофу, а его пилот — Ван Вэй погиб. Американский самолет получил серьезные повреждения и совершил вынужденную посадку на китайской территории. 24 члена его экипажа были немедленно задержаны, а самолет был обыскан. Накал страстей с обеих сторон был высок. Китайская сторона требовала официальных извинений и настаивала на незаконности пребывания американского самолета в своих территориальных водах ссылаясь на Конвенцию ООН по морскому праву 1982, которая однако, не была ратифицирована США. Практика регулярных разведывательных полетов вблизи китайского побережья не являлась новостью для китайских властей, но инцидент задевал национальный престиж обеих сторон и стал достоянием широкой общественности по обе стороны Тихого океана. Последовавший обмен обвинениями и претензиями накалил и без того тяжелую атмосферу американо-китайских отношений. Наиболее громким демаршем скандала стало озвученное одним из заместителей министра обороны США Крисом Вильямсом решение о прекращении всех официальных контактов между оборонными ведомствами двух стран. Тем не менее, когда спустя некоторое время накал страстей поутих администрация дезавуировала заявление Вильямса, заявив, что решение об ограничении контактов с китайской стороной отдает на усмотрение министерства обороны.

Другим раздражителем в двусторонних отношениях, стала череда демонстративных шагов администрации Буша в отношении Тайваня. Нарушая давнее табу американской внешней политики, в апреле 2001 г. Джордж Буш заявил в интервью американскому телеканалу ABC, что в случае обострения между КНР и Тайванем «США предпримет любые необходимые меры» чтобы помочь Тайваню, включая высадку своих войск. И хотя президент немедленно оговорился, что его заявление не является изменением традиционной американской политики в отношении Тайваня, реакция официального Пекина была настолько холодной, что президент счел необходимым повторно высказаться по этой проблеме. В интервью каналу CNN он подчеркнул, что предидущее заявление не означает отказа США от традиционной политики «одного Китая» подразумевающей, что США признают Тайвань как часть китайской нации и не поддерживают официальное провозглашение им независимости. Необходимо отметить, что, не смотря на то, что тексты трех совместных американо-китайских коммюнике и «Закона об отношениях с Тайванем» от 1979 года, являющиеся на протяжении уже 30 лет фундаментом двусторонних отношений, весьма расплывчато формулируют американскую позицию в отношении поддержки обороноспособности Тайваня, ни в одном из них использование вооруженных сил США не рассматривается, и ни один американский президент прежде не делал подобных заявлений. Одобрение администрацией продажи Тайваню крупной партии наземных и морских вооружений включающих в себя 4 эсминца класса Kidd, 12 противолодочных самолетов P-3C и 8 дизельных подводных лодок, так же не могло остаться без внимания Пекина выразившего по этому поводу официальный протест. В результате к осени 2001 года напряжение в двусторонних отношениях достигло самого высокого уровня со времен ракетного кризиса 1996 года.

Однако события 11 сентября 2001 года привели к резкому изменению курса администрации. Выражение Пекином официальных соболезнований и формальное присоединение к аморфной международной антитеррористической коалиции принесло ему огромные политические дивиденды. Состоявшаяся в 2002, 2005 и 2008 годах официальные визиты президента в КНР прошли по самому благоприятному для принимающей стороны сценарию. Как отмечает политический обозреватель «New Republic» Джошуа Курлантзик, администрация Буша фактически покончила с практикой заведенной президентом Клинтон регулярного обращения к проблеме прав человека, когда фактически к каждому визиту китайские власти освобождали наиболее значимых китайских диссидентов. Если до 11 сентября Белый дом санкционировал продолжительный визит президента Тайваня Чень Шуйбяня в США, который не был официальным визитом главы независимого государства разве что по названию, то в дальнейшем от подобного гостеприимства не осталось и следа. В строжайшем соответствии с установившейся ранее практикой президенту непризнанной республики позволялось остановиться на территории США только для быстрой

дозаправки самолета, и его передвижение было жестко ограничено территорией аэропорта. Администрация также воспрепятствовала инициированной Тайванем кампании по получению членства в ООН. В 2002 году, на волне борьбы с терроризмом госдеп США включил в список международных террористических организаций «Движение по Освобождению Восточного Туркестана». Эта организация уйгурских сепаратистов, по мнению многих американских ученых, была изобретена Пекином для придания своей борьбе с антикитайскими выступлениями уйгуров статуса борьбы с терроризмом.

Таким образом администрация Джорджа Буша младшего, начавшая свое правление с беспрецедентного обострения отношений с Китаем с осени 2001 года фактически «потеряла его из виду», изменив свое отношение к Пекину на диаметрально противоположное. Нельзя не признать, что это благотворно сказалось на отношениях двух стран. Так, например, фактически все без исключения исследователи отмечают как большое достижение установление практики регулярных встреч в рамках американо-китайского экономического диалога. Вместе с тем невозможно не задаться вопросом о причинах столь резкого изменения курса республиканской администрации. Ответ на наш взгляд здесь следует искать скорее в области внутривнутриполитической борьбы в США. Администрация Дж. Буша младшего включавшая в себя таких ветеранов холодной войны как Доналд Рамсфельд и Пол Вулфовиц в условиях нарастания кризисных явлений в экономике США и слабого кредита доверия внутри страны нуждалась во внешнеполитических угрозах как факторе консолидации американского общества. И изначально в качестве подобной угрозы был избран именно Китай. Обладая всеми необходимыми для этого атрибутами КНР, тем не менее, была довольно неудобной мишенью ввиду своей стратегической и, прежде всего, экономической значимости для США. Страну ставшую третьим по величине торговым партнером Соединенных Штатов было крайне невыгодно использовать в качестве «стратегического оппонента». Главной, причиной по которой это делалось, на наш взгляд было то, что в глазах американских избирателей только Китай был достаточно серьезной угрозой национальной безопасности и имел наименее низкий рейтинг. Но как только события 11 сентября всколыхнувшие страну предоставили в распоряжение администрации Буша другого, во многих отношениях гораздо более удобного внешнеполитического оппонента, с КНР мгновенно снимают все предыдущие политические обвинения и предоставляют статус стратегического партнера явно непропорциональный вкладу Китая в борьбу с терроризмом. Это выводит нас на проблему социального измерения американо-китайских отношений. По данным опросов ведущих американских агентств по исследованию общественного мнения с конца 80-х годов отношение американцев к Китаю последовательно ухудшалось. Это вело к тому, что для американских политиков, Китай становился политически выгодным объектом для нападок, что в условиях усиления межпартийной борьбы в США не могло остаться без внимания. Показательно,

что усиленная критика КНР была частью предвыборных кампаний и Билла Клинтона и Джорджа Буша. Однако у подобной практики была серьезная «обратная сторона» в виде нарастания кризисных явлений в американо-китайских отношениях угрожающих, прежде всего, экономическим интересам США. Террористические атаки сентября 2001 года позволили прервать эту опасную тенденцию и существенно стабилизировать отношения между странами.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В 21 ВЕКЕ.

Воронин А.С.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Актуальность изучения внешней политики Азербайджана в 21 веке обусловлена необходимостью комплексного анализа ключевых изменений в государствах Южного Кавказа, находящихся в непосредственной близости от российских границ — Азербайджане, Армении и Грузии. При этом наибольшего внимания сегодня требует Азербайджанская Республика, как страна, обладающая высоким производственным и интеллектуальным потенциалом, многочисленной и весьма активной диаспорой в России. Необходимо определить основные причины, оказывающие влияние на формирование внешнеполитической стратегии новых независимых государств, особенности выбора той или иной ориентации в мировом сообществе, эволюцию их внешней политики, соответствие или противоречие предпринимаемых шагов национальным интересам России. В этом отношении представляет интерес анализ азербайджанских источников.

Так, в учебном пособии Али Гасанова нашли отражение формирование и этапы развития внешней политика независимого Азербайджана. В 1992 году, у политического руководства Азербайджана сформировалось мнение, что с выходом из СССР, провозглашением курса демократического развития и интеграции в Запад оно добьется расположения и поддержки всех стран мира, что Азербайджан тут же будет принят в общеевропейский дом и получит всестороннюю помощь из-зарубежа. Конечно, это было ни что иное, как эйфория, порожденная движением «Мейдан» и идеологическим влиянием различных средств пропаганды о западных ценностях и странах.

К сожалению, в 1992-1993 годах руководство Азербайджана не только не смогло определить и претворить в жизнь эти приоритетные направления, а напротив, проводя как внутри страны, так и за рубежом очень вредную политику, поставило государство в трудное положение. Своими эмоциональными заявлениями, вроде «У турка нет другого друга, кроме турка», «Иран должен опомниться и решить вопрос Южного Азербайджана», «Республики Средней

Азии свою независимость завоевали не сами, это — недемократические страны, поэтому с ними не надо налаживать отношения», «Наши счета с Россией — еще впереди», «В Китае нарушаются права человека» и т.д. руководство республики фактически добровольно изолировало Азербайджан на международной арене.

Создаваемые в области внешней политики проблемы сопровождались произволом, политическим кризисом, гражданским противостоянием внутри страны, захватом армянскими оккупантами одной за другой азербайджанских территорий и несостоятельностью властей принять серьезные меры для предотвращения этого, а также другие подобные вопросы соответственно решили судьбу тогдашнего руководства.

Формирование и определение приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Азербайджана связаны с именем Президента Гейдара Алиева. Именно при нем были приняты необходимые меры для участия Азербайджана в системе международных отношений и завоевания им достойных позиций, правильно оценены круг интересов, геополитическая и экономическая значимость страны для внешнего мира, определены совпадающие и пересекающиеся интересы международного сообщества, представленные в Южно-Кавказском и Каспийском регионах и в Азербайджане.

Во-первых, Алиев сумел понять бесперспективность военного разрешения карабахской проблемы в 1993-1994 годах, а затем выйти из войны и пойти на заключение своеобразного «брестского мира» (Соглашения о прекращении огня). Это, однако, вовсе не означало отказа от Карабаха. Согласие выйти из войны в 1994 году означало лишь одно — решение избавиться от положения страны-маргинала и начать «сосредоточение» для второго приступа к карабахской проблеме на более выгодных для Баку условиях.

Во-вторых, главе Азербайджана, начиная с 1994 года, удалось преодолеть своеобразный дипломатический вакуум вокруг республики. Если в начале 1990-х гг. и новая Россия, и США придерживались в целом проармянской позиции, то в середине 1990-х — начале 2000-х гг. приоритеты и российской, и американской дипломатии претерпели существенные изменения. И если в 1992 г. Конгрессом США была принята поправка 907 к Закону о поддержке свободы, запрещающая оказание помощи Азербайджану по государственным каналам, то после визита Алиева в США (август-сентябрь 1997 г.) к поправке 907 был принят ряд важных исключений, позволяющих наладить взаимовыгодное сотрудничество между Азербайджаном и США. Начиная с 1998 г. проамериканская ориентация стала стратегической целью азербайджанской внешней политики. В 2001 году США отменили эмбарго на поставки оружия участникам армяно-азербайджанского конфликта.

В отношениях же с РФ азербайджанской элите постепенно удалось избавиться от антироссийских комплексов первой половины 1990-х гг. В 2001 году была проведена совместная операция российских и азербайджанских спец-

служб по задержанию трех полевых командиров чеченских сепаратистов, находившихся на азербайджанской территории. Впоследствии они были выданы российским властям. Эволюция политики официального Баку вызвала резкое недовольство чеченской стороны. В мае 2001 г. Аслан Масхадов объявил, что Азербайджан перестал быть дружественной для Ичкерии страной. На позицию Азербайджана по «чеченскому вопросу» существенное влияние оказали события 11 сентября 2001 г. В октябре 2002 г. официальный Баку осудил захват заложников в Москве («Норд-Ост»), а в сентябре 2004 г. — теракт в Беслане. Несмотря на американские внешнеполитические приоритеты, Азербайджан, в отличие от Грузии, согласился сохранить на своей территории российский военный объект — Габалинскую РЛС. В январе 2002 г. лидеры России и Азербайджана подписали соглашение, по которому российская сторона возьмет в аренду базу «Дарьял» рядом с Габалой за 7 млн. долл. США в год сроком на 10 лет. Таким образом, Баку на протяжении последних лет удается, в отличие от Тбилиси и Еревана, поддерживать хорошие отношения одновременно и с Москвой, и с Вашингтоном.

Подобная позиция была высоко оценена в Москве. Если в начале 1990-х гг. и новая Россия, и США придерживались в целом проармянской позиции, то в середине 1990-х — начале 2000-х гг. приоритеты и российской, и американской дипломатии претерпели существенные изменения. И если в 1992 г. Конгрессом США была принята поправка 907 к Закону о поддержке свободы, запрещающая оказание помощи Азербайджану по государственным каналам, то после визита Алиева в США (август-сентябрь 1997 г.) к поправке 907 были приняты ряд важных исключений, позволяющих наладить взаимовыгодное сотрудничество между Азербайджаном и США. Начиная с 1998 г. проамериканская ориентация стала стратегической целью азербайджанской внешней политики. В 2001 г. США отменили эмбарго на поставки оружия участникам армяно-азербайджанского конфликта.

В отношениях с РФ азербайджанской элите также удалось избавиться от антироссийских комплексов первой половины 1990-х гг. В 2001 г. была проведена совместная операция российских и азербайджанских спецслужб по задержанию трех полевых командиров чеченских сепаратистов, находившихся на азербайджанской территории. Впоследствии они были выданы российским властям. Эволюция политики официального Баку вызвала резкое недовольство чеченской стороны. В мае 2001 г. Аслан Масхадов объявил, что Азербайджан перестал быть дружественной для Ичкерии страной.

На позицию Азербайджана по «чеченскому вопросу» существенное влияние оказали события 11 сентября 2001 г. В октябре 2002 г. официальный Баку осудил захват заложников в Москве («Норд-Ост»), а в сентябре 2004 г. — теракт в Беслане. Несмотря на американские внешнеполитические приоритеты Азербайджан в отличие от Грузии согласился сохранить на своей территории российский военный объект — Габалинскую РЛС. В январе 2002 г. лидеры Рос-

сии и Азербайджана подписали соглашение, по которому российская сторона возьмет в аренду базу «Дарьял» рядом с Габалой за 7 млн. долл. США в год сроком на 10 лет. Таким образом Баку на протяжении последних лет удается в отличии от Тбилиси и Еревана поддерживать хорошие отношения одновременно и с Москвой, и с Вашингтоном. В-третьих, стратегическое партнерство Азербайджана с Турцией, выражающееся, среди прочего, в блокаде Армении обеспечивает Баку хорошую экономическую фору. Этот экономический задел в последние годы рассматривается азербайджанской стороной как существеннейшая предпосылка для будущего разрешения «карабахского вопроса».

Азербайджано-российские отношения в последние годы отличаются высокой эффективностью и динамичностью, чему в значительной степени способствуют лидеры наших стран. В январе 2001 года состоялся первый в истории наших стран визит Президента России В. Путина в Баку, который Президент Азербайджана Гейдар Алиев назвал «поворотным моментом в истории двух стран». Его итоги получили дальнейшее развитие в ходе июньской рабочей встречи Президентов двух стран в Санкт-Петербурге и первого в истории двусторонних отношений государственного визита в Россию азербайджанского Президента 24–26 января 2002 года, в ходе которого был подписан ряд важных документов. Все эти документы, в том числе Договор о долгосрочном экономическом сотрудничестве на период до 2010 года, межправительственное соглашение об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества, Соглашения о статусе, принципах и условиях эксплуатации Габалинской РЭС, о деятельности представителей пограничных служб, об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества, о производственной кооперации были ратифицированы азербайджанским парламентом и утверждены Президентом АР 19 марта 2002 года.

Самым важным итогом рабочего визита в Азербайджан президента России Владимира Путина стала договоренность о сотрудничестве в военнотехнической сфере, которая во многом может изменить соотношение сил в регионе и перевести азербайджано-российские взаимоотношения на качественно новый уровень.

«Президенту России наверняка будет интересно услышать оценку Ильхама Алиева о состоянии дел в Иране», — заявил С.Приходько («Тренд»). Он также подчеркнул, что Россия «ценит сдержанную позицию Азербайджана по вопросам возможного размещения на его территории военных баз».

Наверняка С.Приходько намекал на отсутствие американских военных баз на территории Азербайджана. Баз, с которых могут наноситься удары по территории Ирана. По мнению некоторых наблюдателей, США довольно сильно давят на азербайджанские власти в этом вопросе. Приходько не исключил также, что в ходе переговоров будет затронута ситуация в Грузии. В этом направлении могла обсуждаться энергетическая помощь, которую Азер-

байджан оказал Грузии, и ситуация, сложившаяся вокруг российских миротворцев.

По завершении переговоров, президент Ильхам Алиев заявил: «Совпадение позиций Азербайджана и России свидетельствует о стратегическом характере отношений двух государств. Я не сомневаюсь, что после этого визита отношения между странами еще более укрепятся, что отвечает нашим интересам». По его мнению, экономики России и Азербайджана развиваются очень «динамично», что «создает новые возможности для сотрудничества».

Путин особо отметил успешное развитие торгово-экономических связей между Азербайджаном и Россией. «Мы вышли на ту планку, которую ставили два года назад — товарооборот превысил 1 млрд. долларов», — сказал Путин. «Темпы развития говорят, что мы на правильном пути», — убежден он.

В свою очередь Ильхам Алиев подчеркнул, что совпадение позиций Азербайджана и России по вопросам двусторонних отношений и региональных проблем свидетельствует, что связи двух государств находятся на уровне стратегического партнерства и укрепляются. По его словам, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам двустороннего сотрудничества и региональным проблемам. «Мы придаем большое значение как консультациям в политической сфере, так и развитию экономического сотрудничества», — сказал президент Азербайджана.

Одной из главных тем для обсуждения являлась прокачка азербайджанской нефти по трубопроводу Баку-Новороссийск. Этот трубопровод, на заре азербайджанского нефтяного бума считающийся «северным маршрутом» для транспортировки ранней азербайджанской нефти, сейчас постепенно становится головной болью для официального Баку. Когда-то Азербайджан обязался ежегодно транспортировать по этому нефтепроводу 4 млн. тонн нефти. Но сейчас, с перспективой сдачи в эксплуатацию трубопровода Баку-Джейхан, Азербайджан не имеет возможностей транспортировать указанные объемы нефти через территорию России.

По словам министра промышленности и энергетики России Виктора Христенко, официальная Москва передала азербайджанской стороне предложение по заключению долгосрочного договора на прокачку нефти по трубопроводу Баку-Новороссийск. По его словам, в Москве понимают сложности, которые создает для «северного» трубопровода введение в строй нефтепровода Баку-Джейхан. «Процесс понятен, мы пытаемся локализовать эти риски», — сказал Христенко. В свою очередь министр промышленности и энергетики Азербайджана Натик Алиев сказал, что сегодня по трубопроводу Баку-Новороссийск ежегодно реально транспортировать только 3 млн. тонн нефти. Стороны договорились о транзите по трубопроводу Баку-Новороссийск именно 3 млн. тонн нефти.

По окончании переговоров в расширенном формате Ильхам Алиев и Владимир Путин подписали совместное заявление. В данном документе главы двух государств выражают намерение поднять межгосударственные отноше-

ния на качественно новый уровень путем совершенствования многопланового сотрудничества в политической, экономической, военной и гуманитарной областях.

Выводы:

Во-первых, нельзя забывать, что мы соседи, наши страны граничат друг с другом и, конечно, мы все заинтересованы в сохранении стабильности. Но многие факторы, которые могут содействовать стабильности, до сих пор не задействованы. Так, например, Азербайджан мог бы играть серьезную роль в сохранении стабильности на Северном Кавказе, хотя бы в силу мусульманского фактора.

Во-вторых, как Россия, так и Азербайджан заинтересованы в развитии экономических отношений. Для Азербайджана Россия является важнейшим рынком сбыта не только сельскохозяйственной продукции, но и продукции машиностроения, легкой промышленности. Россия также заинтересована в азербайджанском рынке, рассматривает Азербайджан как быстроразвивающееся государство с высокими темпами экономического роста. Товарооборот между Россией и Азербайджаном составляет почти 2 млрд. долл. в год, только за первое полугодие 2008 года товарооборот вырос почти вдвое по отношению к тому же периоду 2007г.

В-третьих, Азербайджан имеет тесные связи с государствами, в развитии отношений с которыми заинтересована Россия. Это, прежде всего, Турция и Иран. Но не только. Это и среднеазиатские государства и Казахстан. И, на мой взгляд, здесь есть взаимный интерес и у России, и у Азербайджана, чтобы использовать имидж партнеров для выстраивания отношений с третьими странами. Например, Россия, как крупнейший игрок на мировой арене, могла бы поддерживать Азербайджан на политическом уровне в выработке цивилизованного решения карабахской проблемы.

В-четвертых, это развитие миграционной политики. Граждане всех постсоветских государств Южного Кавказа заинтересованы в расширении этих связей. Ведь в сложный период становления государственности кавказских республик, после развала СССР, большинство уехавших из этих стран уехали не в США, не в Европу, а в Россию. Поэтому сейчас, на мой взгляд, важно делать все возможное, чтобы экономические отношения между нашими государствами активно развивались, чтобы миграционные процессы носили цивилизованный характер, чтобы не возникали искусственные границы, не усложнялась жизнь обычных граждан.

И последняя причина необходимости и выгоды стратегического партнерства России и Азербайджана заключается в том, что как Россия, так и Азербайджан во многом зависят от мировых цен на нефть, и в наших общих интересах иметь согласованную позицию и выступать единым лагерем.

Даже самые рьяные противники такого сотрудничества вряд ли смогут найти между нашими странами непреодолимые разногласия. А коль скоро их нет,

нужно развивать диалог, способствующий повышению уровня жизни граждан России и Азербайджана.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Али Гасанов. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку, 2007. 904 с.
2. Томас де Ваал. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. 2005. http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/in_depth/newsid_4673000/4673979.stm.
3. С.Г.Лузянин Восточная политика Владимира Путина. Возвращении России на «Большой Восток» (2004-2008). М.: АСТ-Восток/Запад. 2007. 448 с.
4. Эмир-Ильясова Э.И. Регулирование внешнеэкономических связей Азербайджанской Республики в условиях интеграции в мировую экономику». — Баку, «Элм», 2006. 348 с.

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РИМСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ХРИСТИАНСКИХ НЕКАНОНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (ОБРАЗЫ РИМСКИХ «ПРАВИТЕЛЕЙ» В АПОКРИФАХ НОВОГО ЗАВЕТА)

Лях Е.Е.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г.Ярославле*

Проблема взаимоотношения духовной и светской власти для христианской цивилизации была и остается актуальной. Наиболее остро эта проблема стояла в I — IV веках н.э., когда представители государственной власти поддерживали античную языческую традицию, а христианство было гонимой религией. О значимости для христиан вопросов взаимодействия со светской властью свидетельствуют многочисленные апологии I — IV веков, составленные христианским интеллектуалами и адресованные римским императорам или другим представителям власти. Осмысление проблемы взаимодействия двух властей можно увидеть не только в апологиях — литературе интеллектуалов, но и в новозаветных апокрифах — массовой раннехристианской литературе.

Первые попытки объяснения этих вопросов встречаются уже в самых ранних апокрифах I — III веков. Эти попытки весьма своеобразны. Апокрифы, как и любая массовая литература, не содержат теоретического раскрытия проблемы. Они формируют и одновременно выражают отношения христиан к тем или иным представителям власти. Это отношение выражается в особенностях изображения «правителей», в их образах. Огромный интерес среди христиан всегда вызывал образ Понтия Пилата. Хотя вина за гибель Иисуса Христа в евангелиях возлагалась на иудеев, но Пилат являлся представителем импера-

торской власти Рима в Иудее, непосредственным участником суда над Христом. Важнейшим для христиан оставался вопрос о его виновности или невиновности в смерти Иисуса. Кроме Пилата в центре внимания ряда апокрифов находились образы реальных римских императоров: Тиберия, Клавдия, Нерона. Рассмотрим эти образы более подробно.

Об императоре Тиберии неоднократно рассказывается в апокрифах [13;7;10]. Авторы «Учения Аддая апостола» утверждают, что царь Осроэны Авгар послал Тиберию письмо, где рассказал о Христе и вине иудеев за Его казнь. Тиберий благодарит Авгара за письмо и сообщает о том, что «разжаловал с позором» Пилата, потому, что он «отступил от закона и исполнил волю иудеев, распял Христа» [13;С.102]. Христос же, по словам Тиберия, достоин «вместо смертной казни почитания и поклонения с их стороны» [13;С.102]. Тиберий обещал Авару наказать иудеев и посылает убить «правителей иудейских, бывших в Палестине» [13;С.103]. Автор апокрифа «Смерть Пилата» сообщает, что больной Тиберий исцеляется от взгляда, запечатленного на плате «образ Христа» [10; С. 123].

Автор апокрифа «Обращение Пилата» пишет, что Тиберий собирает «сенат и все власти» и приказывает Лицинию «захватить в плен иудеев, отправить их в рассеяние по всем народам, чтобы они рабствовали у них» [10; С. 128]. Тиберий в своей речи в сенате признает Иисуса Христа Богом. «Они вынудили распять некоего бога по имени Иисус» [10; С.127].

Подобные сведения о Тиберии сообщает раннехристианский писатель Евсевий. Он пишет, что Тиберий, узнав из донесения Пилата о чудесах, исцелениях и воскресении Иисуса Христа и об уверовании в Него многих людей, сообщает об этом сенату. Он дает понять, что ему нравится это учение. Он предлагает сенату ввести Христа в пантеон римских богов, так как по закону только сенат мог ввести нового бога в официальный пантеон. Но сенат отказался это сделать так как «сам предварительно не исследовал дела» [5; II.2.2-6]. Апокрифы сообщают, что после отказа сената Тиберий «остался при своем мнении о Христе», «не замышлял против христианского учения ничего несообразного» и «угрожал смертью тем, кто доносил на христиан» [5; II.2.2-6].

Итак, новозаветная апокрифическая традиция показывает императора Тиберия не только симпатизирующим христианству, преследующим тех, кто доносит на христиан, но и предлагающим сенату включить Христа в пантеон римских богов. Узнав о Тиберии все вышеизложенное, христиане могли предположить, что император Тиберий мог быть даже тайным христианином.

Созданный авторами апокрифов образ значительно Тиберия отличается от сообщений о нем римских историков Тацита и Светония. Светоний рассказывает о многочисленных пороках Тиберия: жестокости, хладнокровии, разврате, алчности [9; Тиберий. 42-67]. Эти качества были несовместимы с образом «сочувствующего» христианам императора. И Светоний, и Тацит говорят о заботе Тиберия о храмах римских богов. «Он освятил обветшалые или пострадавшие от огня храмы древних, восстановление которых было начато Августом»

[10; П.49]. «Чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды он запретил; тех, кто был предан этим суевериям, он заставил сжечь свои священные одежды со всей утварью. Молодых иудеев он под видом военной службы разослал по провинциям с тяжелым климатом; остальных соплеменников их или единоверцев он выслал из Рима под страхом военного рабства заслушание» [9; Тиберий. 36]. Несколько ниже Светоний сообщает, что «о богах и их почитании он мало беспокоился, так как был привержен астрологии» [9; Тиберий. 69].

Известие Светония о выселении Тиберием евреев из Рима и запрещении их обрядов несколько напоминает то, что сообщает о Тиберии апокриф «Обращение Пилата», рассмотренный ранее. Вероятно, факт изгнания Тиберием иудеев из Рима был известен автору апокрифа. Он переосмыслил этот факт мотивируя деятельность Тиберия его тайными симпатиями к христианству.

Другим императором, о котором сообщают тексты апокрифов, является Клавдий. Его образ беднее, чем Тиберия. Клавдий упоминается в «Учении Аддая апостола» в связи с поездкой его «супруги»-христианки Протоники в Иерусалим. Побывав в Иерусалиме, и увидев как иудеи притесняют христиан, она рассказала обо всем Клавдию. Узнав об этом, Клавдий «приказал, чтобы все иудеи покинули Италию» [13; С.83-87].

Образ Клавдия, созданный автором апокрифа, также отличается от того, что писали о нем Тацит и Светоний. Светоний перечисляет черты характера Клавдия, говорящие о невозможности его принадлежности к христианству: чревоугодие, свирепость, кровожадность, похоть, трусость, недоверчивость, гнев, вспыльчивость [9; Клавдий.23]. Светоний и Тацит пишут о сильном влиянии, которое оказывали на Клавдия окружающие. «У этих-то людей (вольноотпущенников) и у своих жен он был в таком подчинении, что вел себя не как правитель, а как слуга» [9; Клавдий.69]. Светоний действительно сообщает об изгнании Клавдием из Рима «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом» [9; Клавдий. 69]. Если предположить, что «Хрестос» является Иисусом Христом, то, возможно, были изгнаны не иудеи, а иудео-христиане.

Итак, образ Клавдия, также существенно различается в произведениях римских и христианских писателей. Вероятно авторы апокрифов, знали о факте изгнания им иудеев из Рима. Желая показать Клавдия заступником христиан и зная о влиянии, которое имели на него жены, авторы апокрифов приписывают Клавдию жену- «христианку» Протонику. Под влиянием которой он якобы наказывает иудеев и изгоняет их из Рима.

Однако не всех римских императоров авторы апокрифов изображают сторонниками христиан. Образы императоров Нерона, Диоклетиана, Домициана, Максимиана однозначно негативны. Христиане считают их своими гонителями.

Из вышеперечисленных императоров в текстах апокрифов упоминается лишь Нерон. О нем говорится в «Учении Симона Кифы в городе Риме». «После тех лет захватил его (Симона Кифу) Нерон, царь, и заточил его в темницу, и он знал, что он (Нерон) распнет его» [14; С.377].

Образы не всех правителей трактуются авторами апокрифов однозначно. По-разному авторы апокрифов изображают Понтия Пилата. Как отмечалось выше, его образ вызывал большой интерес, так как Пилат являлся единственным представителем римской администрации, лично участвующим в суде над Иисусом Христом.

Образ Понтия Пилата не занимает большое место в канонических евангелиях, но он часто рассматривается в апокрифах. Это апокрифы «Евангелие Никодима», «Учение Аддая апостола», «Смерть Пилата», «Обращение Пилата», «Учение Симона Кифы в городе Риме», не дошедшее до нашего времени «Письмо императора Тиберия к Клавдию». Образ Пилата встречается в апокрифах чаще, чем образы других правителей.

«Евангелие Никодима» более подробно, чем канонические Евангелия рассказывает о суде над Иисусом. В апокрифе уделяется большое внимание разговору Пилата с иудеями, со свидетелями, с самим Иисусом Христом. Автор старался особо подчеркнуть доброжелательность Пилата по отношению к Христу и негативный настрой к Его обвинителям. Свидетелей, обвинявших Христа, Пилат слушал невнимательно обвинял их во лжи [3; С.75]. Зато он внимательно выслушивает всех защищавших Иисуса Христа, несколько раз говорит иудеям, что они хотят погубить Иисуса «за добрые дела» [3; С.76], что они «проливают безгрешную кровь» [3; С.76]. После разговора с обвинителями Пилат дважды сообщает иудеям, что «не находит греха в Иисусе Христе» [3; С.77] и повторяет, что он «неповинен в крови этого человека» [3; С.77]. Автор не только подчеркивает доброжелательное отношение Пилата к Христу, но и прямо говорит о его приверженности к христианству. О Боге иудеев Пилат говорит «Бог наш». Христианин Иосиф считает, Пилата «не обрезанным плотью, но обрезанным сердцем» [3; С. 84].

С автором «Евангелия Никодима» согласен автор апокрифа «Обращение Пилата». Хотя в нем Тиберий обвиняет Пилата в смерти Иисуса Христа и называет его, но основная вина за смерть Христа возлагается на иудеев. Автор неоднократно подчеркивает, что иудеи вынудили Пилата распять Иисуса Христа [7; С.127]. Пилат, оправдываясь перед Тиберием, возлагает всю вину на иудеев. «О всемогущий царь! Не виноват я в этом, зачинщики и виновники — иудеи» [7; С.126]. Несмотря на то, что Пилат осужден Тиберием и его казнят, перед смертью он получает прощение от Бога. Как только закончил Пилат перед казнью молиться, раздался голос с неба: «Благословляют тебя... за то, что из-за тебя исполнились все пророчества обо Мне. И во время Второго пришествия Моего ты сам будешь свидетелем, когда буду Я судить двенадцать колен Израиля и тех, кто не принял имени Моего» [7; С.128]. После казни Пилата его отрубленную голову уносит ангел [7; С.129].

Автор «Евангелия Петра» также придерживается мнения о невиновности Пилата в смерти Иисуса Христа. Он называет Пилата «другом Иосифа и Господа» [4; С.119]. Автор обвиняет синедрион и Ирода в смерти Христа. «...вы же (иудеи) так решили» [7; С.121].

Отмечая доброжелательное, сочувственное отношение Пилата к Христу, намекая на его симпатии и почти принадлежность к христианству, авторы апокрифов даже не разбирают следующий вполне логичный вопрос: почему, сочувствуя Христу, Пилат не пытается Его спасти, а отдает в руки иудеев? Возможно, ответ на этот вопрос не входил в задачу авторов апокрифов. Им необходимо было лишь оправдать Пилата перед читателями и возложить всю вину за смерть Христа на иудеев.

Авторы ряда других апокрифов («Учение Аддая апостола», «Учение Симона Кифы в городе Риме», «Смерть Пилата») обвиняют в смерти Иисуса Христа не только иудеев, но и Пилата. В апокрифе «Учение Аддая апостола» сообщается, что Тиберий «разжаловал с позором» Пилата, так как он «отступил от закона и исполнил волю иудеев» [13; С. 375].

Автор апокрифа «Смерть Пилата» показывает Пилата виновником смерти Иисуса Христа и крайне лживым человеком. Он не только обманул посланца Тиберия, сказав, что убил Христа потому, что «Он был злодеем» [10; С.121], но и попытался обмануть самого Тиберия, приходя к нему на допрос в тунике Иисуса Христа, которая укрощала гнев императора. В отличие от апокрифа «Обращения Пилата», в апокрифе «Смерть Пилата» отмечается, что Пилат узнал о смертном приговоре и заколол себя кинжалом. «Позорнейшей смертью умер тот, к которому собственная рука была беспощадна» [10; С.124]. Горный провал, куда сбросили тело Пилата становится местом, где «и поныне бурлит и клочечет злоба дьявольская» [10; С.124].

Евсевий разделяет мнение о причастности Пилата к смерти Христа. Говоря о том, что Пилат вынужден был покончить с собой и «собственной рукой наказать себя», автор добавляет: «Божий суд не замедлил настичь его» [5; II.7].

Итак, у авторов апокрифов нет единого мнения о причастности и вине Пилата за смерть Иисуса Христа. В одних апокрифах он обвиняется в смерти Христа, в других он рассматривается как правитель, сочувствующий христианам и не виновный в Его смерти. Отражением этих двух точек зрения являются две версии смерти Пилата.

Но существует и третий образ прокуратора. О нем говорят нехристианские писатели Тацит, Иосиф Флавий. Они рассказывают, что этот безжалостный и жестокий прокуратор мог надругаться над иудейскими обычаями, грозил пере рубить всех, кто будет ему препятствовать [6; XVIII.3-4]. Пилат был отстранен от должности по жалобе иудеев за свою жестокость. В реальной жизни Пилат, презиравший иудеев и их религию, не мог сочувствовать христианству, которое в I-II веках считалось иудейской ересью.

Рассматривая в апокрифах образы правителей, можно заметить, что они даются в паре со своими подчиненными: Тиберий — Пилат; Пилат — иудейские старейшины. Во всех парах вина за гонения, за смерть христиан снимается с правителей и переносится на их подчиненных. В паре Тиберий — Пилат вина за смерть Христа возлагается на Пилата. («Обращение Пилата», «Учение Ад-

дая апостола» и другие). Но в паре Пилат — иудеи, вина за смерть Христа полностью возлагается на иудеев. («Евангелие Никодима»).

Совершенно очевидно, что образы римских «правителей», существовавшие в раннехристианской традиции, далеки от своих прототипов и значительно мифологизированы. Именно мифологизация является важнейшей особенностью их изображения. Конкретными элементами христианского мифа являются сведения о сочувствии римских «правителей» христианскому учению; признание Тиберием Христа «царем иудейским» («Обращение Пилата»); желание Тиберия включить Христа в государственный римский пантеон («Обращение Пилата»); существование жены-христианки у императора Клавдия («Учение Аддая апостола и проповедника»); написание Пилатом письма к Клавдию; наименование Пилатом бога иудеев «наш Бог» («Евангелие Никодима») и многое другое.

В чем же причины переосмысления образов, их мифологизации? Этих причин несколько: вероятно, рассказы о сочувствии римских властей христианам или даже о тайном исповедании ими христианства повышали авторитет этого нового учения в массовом сознании. Кроме того, формирование новых отношений между римским государством и христианской церковью после 325 г. привели к желанию снять вину за смерть основателя христианства с римских императоров и их администрации. Наконец такое своеобразное отношение христианских авторов к прошлому, «корректировка» истории и ее героев были особенностью мировоззрения человека поздней античности и средневековья, показателем их уважения к прошлому. Именно это уважение заставляло потомков реконструировать исторические события не такими, какими они были, а таким, какими должны быть [1; С.97].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
2. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. — М., 1997
3. Евангелие Никодима / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. — М., 1999
4. Евангелие Петра / Свенцицкая И.С. Апокрифические евангелия. — М., 1996
5. Евсевий Церковная история. М., 2000
6. Иосиф Флавий Иудейские древности. — СПб., 1990
7. Обращение Пилата / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. — М., 1999
8. Ориген Против Цельса. — М., 1996
9. Светоний Жизнь двенадцати цезарей. — М., 1990
10. Смерть Пилата / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. — М., 1999
11. Тацит Анналы. — СПб., 1993
12. Тертуллиан Апология / Отцы и учителя церкви III века. — М., 1996
13. Учение Аддая апостола / Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. — М., 1997
14. Учение Симона Кифы в городе Риме / Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. — М., 1997.
15. Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. — М., 1999.

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ КИЕВСКОЙ РУСИ (IX В. — НАЧАЛО XII В.)

Бирюков Д.С., Караваев А.В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Киевская Русь (Древнерусское государство) — раннефеодальное государство, возникшее в IX веке. В результате объединения восточнославянских племён, древнейшим культурным центром которых было Среднее Приднестровье во главе с Киевом. Верховная власть принадлежала киевскому князю, который являлся, помимо прочего, военным руководителем государства. Вооружённые силы Киевской Руси известны по летописям под названием «дружина», «рать», «воинство», «сила», «войско», «полки» и пр.

В распоряжении киевских князей находилась дружинная военная организация. Дружина, являвшаяся постоянным ядром вооружённых сил Руси, была не только военной силой, но и принимала участие в управлении страной, Киевский великий князь советовался с дружинниками о войне и мире, об организации походов, о сборе дани, о суде и управлении. Дружинники помогали князю управлять его домом и хозяйством, от его имени вершили суд и расправу, собирали пошлыны, торговали княжескими товарами, вели дипломатические переговоры с другими странами.

Княжеская дружина делилась на две группы: старшую («старейшую») и младшую («молодшую»). Старшая дружина состояла из знатных и богатых феодалов — местных князей и бояр, которые имели землю, дворы, челядь и свои военные отряды. Эти дружинники были ближайшими соратниками и советниками киевского князя по государственному управлению, выполняли его важнейшие поручения. Старшие дружинники комплектовали начальствующий состав войска Киевской Руси (воеводы, тысяцкие), были посадниками, получали от князя право собирать с ряда областей дань в свою пользу. Младшая дружина имела в своем составе детей бояр и княжеских дружинников и даже свободных крестьян. В мирное время младшие дружинники выступали в качестве слуг князя, обслуживали его дворцовое хозяйство, а во время войны были воинами.

Русский историк В. О. Ключевский писал: «Теперь бросим взгляд на состав русского общества, которым правил великий князь киевский. Высшим классом этого общества, с которым князь делил труды управления и защиты земли, была княжеская дружина. Она делилась на высшую и низшую: первая состояла из княжих мужей, или бояр, вторая из детских, или отроков; древнейшее собирательное название младшей дружины гридь или гридьба (скандинавское — дворовая прислуга) заменилось потом словом «двор» или «слуги»».

Русский историк — С. М. Соловьев в своей фундаментальной работе «История России с древнейших времен» следующим образом оценил значение дружины: «С самою начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, на время мира составляют его совет, исполняют его приказания, в виде посадников заступают его место в областях. Эти приближенные и князю люди, эта дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому. Является общество, члены которого связаны между собой не родовой связью, но товариществом;...с появлением дружины среди славянских племен для их членов открылся свободный и почетный выход из родового быта в быт, основанный на других, новых началах; они получали возможность просто развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получили возможность личной доблестью приобретать значение, тогда как в роде значение давалось известной степенью на родовой лестнице. В дружине члены родов получали возможность ценить себя и других по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; с появлением дружины должно было явиться понятие о лучших, храбрейших людях, которые выделились из толпы людей темных, неизвестных, черных; явилось новое жизненное начало, средство к возбуждению сил в народе и к выходу их; темный, безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии».

Князья постоянно заботились о консолидации дружины. В X–XII вв. сформировалась своеобразная дружинная идеология, отразившаяся в летописях, эпосе, «Слове о полку Игореве» и пр. В идеальном представлении, князь был обязан любить свою дружину, одаривать дружинников, устраивать пиры — символы духовного единения князя и дружины. Дружинники стремились своими подвигами прославить князя, а себе добиться чести.

Следующим элементом военной организации Киевской Руси являлось ополчение — вооруженные отряды, создаваемые отдельными князьями и зависимыми от них феодалами. Дело в том, что вследствие своей малочисленности княжеские и боярские дружины не могли быть решающей силой в обороне Руси. Во время больших походов или нападения внешних врагов князья собирали ополчение из сельского и городского люда. Ратники ополчения — «вои» — выступали в поход со своим оружием и в зависимости от материального положения несли конную или пешую службу.

Историк С. М. Соловьев писал: «Вои, то есть недружина, набирались лишь из народонаселения городского и сельского... Князь объявлял о походе в городе народу, собиравшемуся на вече; здесь решали выступить, и сельское народонаселение выступало по решению городского веча. Отец выходил в поход со старшими сыновьями, сколько бы их ни было, а младший (также взрослый уже) оставался дома для сохранения семейства. По окончании похода войско, набранное из городского и сельского населения, распускалось; оно пользова-

лось добычею: князья выговаривали у побежденных дань в его пользу. Но ясно, что когда народонаселение призывалось не к далекой наступательной войне, а к защите своей земли от нападения врагов, то не могло быть речи о награждении; воины могли довольствоваться только добычею».

Начиная с XI в. роль ополчения существенно возросла. Это было вызвано изменениями в общественных отношениях на Руси. С развитием феодализма все большая часть дружинников превращалась в крупных земельных собственников (бояр). Именно их вооруженные отряды составляли ополчение.

Еще одним элементом военной организации Киевской Руси являлись наемные военные отряды кочевников, варягов, венгров, чехов и др. Варяги-наемники в небольших количествах использовались только в X-XI вв. Ряд исторических источников (летописи, «Русская правда» и др.) свидетельствуют, что в это время русские князья (например, Владимир Святославович, Ярослав Мудрый) нанимали варяжских воинов и использовали их в междоусобицах и войнах с соседними странами. В 40-тысячной войске Ярослава Мудрого, с которым он в 1016 г. двинулся из Новгорода в Киев, была варяжская дружина численностью около одной тысячи человек.

В XI в. на южных рубежах Руси были поселены значительные массы кочевников (торков, печенегов, берендеев и др.), изгнанных половцами из степей. Кочевники получили название «черные клобуки». Они несли пограничную службу на огромном пространстве между реками Днепр и Рось и участвовали в военных походах киевских князей.

Таким образом, Древнерусское государство располагало значительными военными силами. Численность княжеских и боярских дружин, народного ополчения и наемников достигала 40-50 тыс. чел. и более. В 968 г. князь Святослав повел в Болгарию против византийцев около 60 тыс. воинов.

Великий князь Киевский Святослав Игоревич (дата рождения неизвестна) являлся выдающимся полководцем и почти всю жизнь провел в походах. При нем Киевская Русь значительно усилилась, началось объединение славянских земель под эгидой Киева. В 964 г. Святослав освободил от власти хазар вятичей и подчинил их Киеву; к 905 г. разгромил хазарское войско и овладел столицей каганата — крепостью Саркел (Белая Вежа) на Дону; в 966 — 967 гг. подчинил Руси волжско-камских болгар и мордовские племена, овладел г. Итиль в низовьях Волги; с выходом к Северному Кавказу взял крепость Семендер, победил племена аланов, ясов (осетин) и касогов (черкесов), основал в районе Кубани г. Тмутаракань; в 968 — 972 гг. предпринял два успешных похода против Византии.

В походах ярко выражалось полководческое искусство Святослава. Они начинались весной и продолжались до осени. Походы на дальние расстояния обычно проводились комбинированно: пехота двигалась по реке и морю в ладьях, конница — по суше, вдоль побережья. Для разведки противника и охранения войска впереди шли особые отряды. Когда войско располагалось на отдых,

выставлялась «сторожа». Большое внимание уделялось изучению стратегии и тактики противника. Святослав стремился достичь победы в одном — двух полевых сражениях, применял принцип внезапности и стремился к разгрому противника по частям, прибегал к осаде и обороне крепостей. Ввел в боевом порядке «стена» вторую линию, игравшую роль резерва.

Византиец Лев Диакон оставил описание внешности Святослава: «Видом он был таков: среднюю роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная».

Князь Святослав Игоревич был убит в 972 г. Из его черепа печенеги сделали чашу и пили из неё вино. По своему поверью тем самым они пытались воспринять воинскую мудрость и доблесть погибшего полководца.

Войско Руси делилось на пехоту и конницу. Пехота имела приоритетное значение. По вооружению и характеру действий в бою она делилась на тяжёлую и легкую. Кавалерия составляла основу княжеских дружин. С конца X в. роль конницы в русском войске стала возрастать, т.к. непрерывные бои с кочевниками-степняками требовали от русских воинов быстрого и непрерывного маневрирования и подвижности.

На вооружении славяне имели копья, мечи, булавы, секиры, топоры, рогатины, ножи «засапожные» и луки. Основным оружием профессионального воина был обоюдоострый меч с тяжёлым и длинным клинком (до 90см). С X в. на Руси стала использоваться сабля, более удобная в конном бою со степняками. Русские воины имели превосходное по тому времени защитное вооружение, которое называлось броней, а позже доспехами. Это шлемы с кольчужной сеткой, прикрывающей шею воина, кольчуги и большие щиты миндалевидной формы. Качество оружия и доспехов зависело прежде всего от достатка воина. Основное оружие и снаряжение обычно хранилось в княжских складах и выдавалось перед выступлением в поход, а после похода опять отбиралось.

Древнерусская рать отличалась высокой дисциплиной. Постепенно складывалась система взысканий и поощрений. По более поздним данным, за военные отличия воинам выдавались золотые гривны (медали), цепи и кресты, которые носились на груди. Иногда воины награждались оружием, конем или земельным владением. С древнейших времен славяне использовали военную музыку и «стяги» (знамёна), вокруг которых выстраивалось и сражалось войско. «Ставить стяг» означало строиться или готовиться к бою.

Способы ведения войны и боя древнерусской рати были весьма разнообразными. Войско собиралось на сборном пункте и организовано выступало

в поход. На походе впереди шла «сторожа», которая охраняла главные силы, вела разведку путей и противника и добывала «языков» (пленных). За «сторожей» двигались главные силы, затем обозы с продовольствием и походным имуществом. При расположении на месте рать окружала себя повозками или тыном, иногда окалывалась. Обязательно выставлялось охранение.

Основу боевого порядка древнерусского войска в IX — XI вв. составляла «стена» — тесно сомкнутое и глубокое построение из 10-20 шеренг. Ее фланги прикрывались конницей, а перед фронтом действовала легкая пехота, которая метала в противника стрелы и легкие копья (сулицы). Сила «стены» заключалась в ее монолитности и мощной атаке, недостатки — в малоподвижности, уязвимости флангов и тыла.

С XI в. войско выстраивалось для боя и «полчный ряд». По этому поводу С. М. Соловьев писал: «Войска в битвах располагались обыкновенно тремя отделениями: большой полк, или чело, и два крыла; в челе ставили варягово-наемников, если не было наемников, то земские полки, а дружину — по крылам, сохраняя ее для решительного нападения. Когда река разделяла враждебные войска и ни одно из них не хотело первым переправиться, то употребляли поддразнивания... Перед выступлением в поход трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по несколько раз в битвах, в ожесточенных схватках брали друг друга за руки и секлись мечами. Было в обычае решать войны единоборством; боролись в собственном смысле слова, без оружия, схватывали друг друга руками и старались задушить противника или повалить, ударить им о землю». Победу решали сила, мужество и умение владеть оружием. Часто применялись охваты и обходы флангов, засады и заманивание противника преднамеренным отступлением. «Полчный ряд» способствовал повышению маневренности войска.

Дружинники и «вои» были храбры и выносливы. Эти качества вырабатывались суровым образом жизни. Личный пример князя в бою имел огромное значение. Начав войну, князья стремились перенести ее на территорию противника.

Русская рать брала города приступом («копьем»), внезапным нападением или хитростью. При неудачном штурме воины обкладывали город со всех сторон и голодом вынуждали гарнизон к сдаче. Если гарнизон не сдавался, производились осадные работы — вокруг осажденного города насыпался вал, а рать располагалась в укрепленном стане, откуда, производились нападения. К городским стенам русские воины приближались под прикрытием щитов, затем срубали тын, поджигали башни и стены. Иногда засыпали ров, а у стены делали земляной присып, чтобы можно было на нее взойти. Для разрушения крепостной стены и проникновения в город проделывали подкоп, а также применяли башни, которые подкатывали к крепостной стене. Лучники с этой башни выстрелами сгоняли оборонявшихся со стены и обеспечивали производство осадных работ.

Русские воины сооружали укрепления как полевого, так и крепостного типа. Полевые укрепления назывались засеками, острогами, городками. Городские укрепления состояли из наружной крепости (окольного града или острога) и внутренней цитадели (детинца, вышгорода или кремля). Чаще всего кремль располагался на труднодоступной высоте, он имел деревянные стены с башнями, глубокий ров и тын. Стены (заборы) состояли из двойного ряда срубов или толстых бревен, между которыми насыпали землю или камни. Четырёхугольные башни (вежи или стрельницы) имели бойницы. Стены и башни иногда обкладывались дерном. Киев вначале был обнесен земляным валом длиной более километра. В 1037 г. была построена каменная ограда с тремя воротами.

Одним из славянских обычаев того времени было празднование победы «на костех», т.е. на поле боя. Преследование разбитого противника вне поля боя обычно не применялось.

В упорной и длительной борьбе с многочисленными внешними противниками Древнерусское государство, опираясь на свою военную организацию, сумело отстоять независимость, обеспечило древнерусской народности условия для самостоятельного исторического развития.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Исахаев У.Б.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

История государства Российского неразрывно связана с его военной историей. В течение столетий России приходилось силой оружия отстаивать свою независимость и территориальную целостность, оказывать военную помощь другим народам. Большинство войн России были оборонительными, освободительными или наступательными, но исторически прогрессивными. Она не только защищала себя, но и осуществляла освободительную миссию по отношению к другим странам и народам. Русские военные гарнизоны стояли на четырёх континентах, корабли под российским флагом бороздили моря всех океанов, памятники русскому воинству воздвигнуты в десятках стран. У России была, как правило, одна из лучших в мире военная организация, сильные армия и флот; Россия дала миру немало великих полководцев; русское военное искусство всегда характеризовалось богатством эффективных способов и форм вооружённой борьбы; русские солдаты известны всему миру как одни из самых лучших. Именно с военной историей связаны лучшие традиции России. Народная память бережно хранит всё, что связано с защитой родных очагов, святынь, отеческих надгробий; лучшие черты души русского человека — патриотизм, верность отеческому долгу, честь и достоинство, военная слава

Отечества. К сожалению, сегодня распространённое пренебрежение уроками истории в определённой мере препятствует научной разработке ряда весьма сложных проблем военной истории, необходимых для разработки новой военной доктрины, тормозит проведение военной реформы.

После кончины Петра I в развитии отечественного военного искусства наступил некоторый застой, который был преодолен к середине VIII в., когда дело петрово оказалось в руках его талантливых продолжателей. Перевороты в военном искусстве, как учит история, могут происходить под воздействием социально-политического фактора, когда революция (как, например Французская) ставит под ружьё принципиально нового солдата — не наёмника, а гражданина. Переворот в военном деле может произвести также новая техника или технология, как это было с изобретением пороха и огнестрельного оружия. Случалось, что оба этих фактора совмещались во времени, и тогда революционные преобразования в военном искусстве становились более глубокими.

Ренессанс русского военного искусства второй половины XVIII века не был вызван военно-техническими причинами. «Золотым веком» истории своего военного искусства Россия прежде всего обязана остро назревшим геополитическим потребностям огромной евроазиатской страны, собравшей воедино до того разбросанные земли, жизненно нуждавшейся в выходе к открытым морям и в обретении достойного её места в европейском балансе сил. Из занятой своими внутринациональными проблемами Московская Русь превратилась в великую по европейским меркам империю. Утверждавшее себя имперское величие потребовало радикальных преобразований в военном деле.

Расцвет империи был немислим без усиления её военной мощи и расцвета военного искусства. А тем, что эта объективная геополитическая потребность бала удовлетворена, Россия обязана прежде всего своим военным гениям. Без ренессанса военного искусства не было бы расцвета империи, а без П.С. Салтыкова, П.А. Румянцева, Г.А. Потёмкина, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, Алексея Орлова, их соратников и последователей не было бы ренессанса военного дела.

Формирование русской национальной военной школы Нового времени охватывает весь XVIII век. В начале его Россия бала отодвинута от активной европейской политики. Её основные усилия уходили на противодействие татарам, за которыми стояла Османская империя. Она решала проблемы внутреннего национального характера, принимала участие в судьбах таких родственных по крови и религиозной вере этносов, как украинцы и белорусы.

Вторая половина XVIII в. в истории России отмечена важными военными событиями, находившимися в тесной взаимосвязи с бурной внешнеполитической активностью русского самодержавия. В ходе многочисленных войн русская армия показала себя самой сильной и боеспособной армией Европы.

Одним из источников боевой мощи армии являлась введённая ещё Петром Великим рекрутская система комплектования, которая вплоть до 1790-х годов

была передовой по сравнению с системой комплектования западноевропейских армий, основывавшейся на найме и принудительной вербовке солдат. Существенное преимущество рекрутской системы состояло в том, что она обеспечила России создание массовой армии. Страна располагала армией, которая превосходила размерами армии нескольких ведущих государств Европы, вместе взятых.

Штатная численность полевой армии (в том числе артиллерийский и инженерный корпуса) и гарнизонных войск незадолго перед началом Семилетней войны (в 1754 г.) составляла 259 тыс. человек, а с учётом иррегулярных войск и ландмилиции всего 331 тыс. человек. К 1795 г. штатная численность полевых и гарнизонных войск (включая полевую гвардию, артиллерийский и инженерный корпуса, пехоту гребного флота) была доведена до 453 тыс. человек, а с учётом казачьих войск — до 502 тыс. человек.

Преимущество рекрутского набора (в сочетании с длительным сроком службы) заключалось в возможности обеспечения высокой профессиональной подготовки солдата, для которого военная служба становилась в прямом смысле слова делом жизни.

Наличие такой армии, а также сильного флота позволило правительству России вести активную внешнюю политику, в которой тесно переплетались как имперские, так и национальные цели. Почти половину (21 год) второй половины XVIII века Россия находилась в состоянии войны. Она вела длительные крупномасштабные войны (Семилетняя 1756 — 1763, русско-турецкие 1768 — 1774 и 1787 — 1790, походы 1799 года.), одновременно или почти одновременно с которыми велись войны меньшего масштаба.

Важнейшее значение в развитии военного искусства русской армии XVIII века имела Семилетняя война. В канун её русская военная мысль находилась под большим влиянием западноевропейской, преимущественно прусской школы. Основным методом ведения вооружённой борьбы являлось маневрирование с целью перехвата коммуникаций противника. Таким образом, главной задачей становился захват территорий, а не разгром противника. В это же время наступление на большую глубину вражеской территории считалось опасным из-за страха потери своих коммуникаций, а также ненадёжности разноплеменных наёмников, не спаянных чувством патриотизма (что выгодно отличало русскую армию), и боязни больших потерь личного состава дорогостоящих наёмных армий в генеральном сражении. Такая стратегия приводила к затяжным войнам, исход которых решался истощением одной из сторон.

В ходе Семилетней войны высшее военное руководство России стремилось придерживаться иных, во многом оригинальных взглядов.

Взять команду 1759 г., когда на пост командующего русской армией был назначен П.С. Салтыков. Имея по плану кампании единственную конкретную задачу — искать соединения с австрийской армией на Одере, Салтыков решительно двинулся из района Познани в указанном направлении, игнорируя

угрозы своим коммуникациям, 12 июля разбил при Пальциге преградивший ему путь прусский корпус, вышел к Одеру у Кроссена, продвинулся вниз по течению реки к Франкфурту, где присоединил к себе группу австрийских войск и занял этот город. Этим Салтыков создал угрозу прусской столице и вынудил Фридриха с его главными силами атаковать союзные войска, что привело к полному разгрому короля при Кунерсдофе 1 августа.

В действиях войск под командованием П.С. Салтыкова в 1759 г. присутствовали элементы новой стратегии, в частности, решимость довести операцию до генерального сражения, отказ от лишних опасений за свои коммуникации. Главным стало разбить армию врага, а не захватить территорию. Успехи, достигнутые русской армией в летние месяцы 1759 г., несомненно способствовали созреванию и раскрытию стратегического мышления русских полководцев, отдавших предпочтение разгрому противника. В этом был ключ к победе.

Так в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. А.М. Голицин, командовавший войсками 1-й армии, провёл по старым канонам всю кампанию 1769 г. в борьбе за приграничную турецкую крепость Хотин. Перелом произошёл, когда в командование этой армией вступил П.А. Румянцев. По плану, составленному в Петербурге военным советом, на армию возлагалась второстепенная задача: прикрыть осаду Бендер, порученную 2-й армии. Вопреки такому плану Румянцев предпринял решительное наступление из района Хотина вдоль р. Прут навстречу главным силам турецкой армии. В сражениях при Рябой Могиле и Ларге Румянцев разбил передовые корпуса турецко-татарских войск, а 21 июля в генеральном сражении при Калуге разгромил главные силы великого визиря. Так на смену маневренной стратегии, привязанной к коммуникациям и крепостям, пришла стратегия, нацеленная на генеральное сражение и разгром живой силы противника. Выжидательной «стратегии маневрирования» русские полководцы противопоставили стратегию решительных действий, которую можно было бы условно назвать комбинированной. Этим термином подчёркивается ограниченное единство составивших новую стратегию элементов и черт, когда манёвр-угроза сменился манёвром для решительного сражения, используя только часть «маневренной» стратегии.

К концу XVIII в. в русской армии окончательно сложились идеи новой стратегии. Полный отход от ведения маневренной борьбы на истощение, стремление сокрушить главные силы противника были нанесением прямого решительного удара, были её системообразующими признаками.

Новые элементы в развитии русской военной стратегии отражены в суворовских планах предполагаемой войны с Турцией (1793) и Францией (1799). Смысл первого плана заключался в том, чтобы в течение двух кампаний осуществить поход от нижнего течения Днестра до Константинополя (около 800 км.), сломить сопротивление полевой армии противника и завершить войну взятием турецкой столицы. Для снабжения наступающей вдоль побережья Чёрного моря армии А.В. Суворов планировал использовать морские коммуникации;

парусному флоту ставилась задача обеспечить их прикрытие, гребная флотилия должна была непосредственно взаимодействовать с сухопутными войсками. Идея глубокого наступления, направленного на жизненно важные центры противника, которая составляла стержень плана, выдвигалась впервые.

План войны с Францией также подтверждает новаторский характер русской военной стратегии, оказывавшей большое влияние на западноевропейскую военно-стратегическую мысль XVIII в. В этом плане А.В. Суворов требовал: «Атаковать и бить противника в открытом поле... Не терять времени на осады... Никогда не распылять сил для сохранения различных пунктов. Не следует перегружаться тщетными комбинациями для контрмаршей или так называемых военных хитростей». Основная идея плана — наступать на Францию сосредоточенной массой войск, «непрерывно сражаясь», идти прямо на Париж. Документ является неопровержимым доказательством, что к концу столетия идеи решительной стратегии в русской армии сложились окончательно.

И ещё одна, чрезвычайно важная и оригинальная стратегическая идея, выдвижением которой как бы завершается развитие русского военного искусства в рассматриваемый период, содержалась в суворовском плане Швейцарского похода осенью 1799 г. Он являлся попыткой спасти порочный общий план войны, принятый союзниками без Суворова. Фельдмаршал в своём плане рассчитывал захватить инициативу, нанеся удар главными силами, подходившими с юга, из Италии, по правому (южному) флангу войск противника, а затем разгромить его путём концентрического наступления нескольких групп союзных войск, расчленённых (в силу сложившейся без участия Суворова обстановки) на дугообразном фронте протяжением около 250 км. Использование внешних операционных линий для нанесения концентрических ударов и при этом согласование действий нескольких расчленённых групп войск по цели, месту и времени можно оценить, как выдающееся слово в военном искусстве.

Суворов своей «Наукой побеждать» (1769) и Инструкцией по обучению войск Итальянской армии (1799) завершил также разработку новой системы воспитания и обучения эпохи русского военного ренессанса, начало которой было положено ещё в середине 1760-х годов. Суворов лучше, чем кто-либо из современников, проник в психологию русского солдата. Это позволило полководцу найти более эффективные методы боевой подготовки и развития морально-боевых качеств войск.

В наиболее развёрнутом виде основная военно-воспитательная идея Суворова выражена во второй части «Науки побеждать» (1796) — «Словесном поучении солдатам...». Она представляет собой популярное изложение принципов суворовской школы воинского обучения и воспитания. Суворов демонстрирует там своё безграничное доверие к солдату и отеческое отношение к нему, веру в его способность сознательно исполнять воинский долг. В лаконичной форме педагогическое кредо Суворова изложено в знаменитом изречении: «Каждый воин должен понимать свой манёвр».

Взгляды Суворова по вопросам обучения и воспитания, извлечённые из «Науки побеждать» — «Словесном поручении солдатам...» и его приказов, были включены в изданную в 1918 г. первую служебную книжку красноармейца. Воистину нерасторжима связь времён, если даже такая радикальная революция, как Октябрьская, сохранила преемственность в этой сложной и тонкой области военного дела.

К концу XVIII столетия Россия предстала перед всем миром как могучая в военном отношении держава, которая заняла ключевую позицию в системе баланса сил европейских государств. Успешная внешняя политика, опиравшаяся на победы русского оружия на суше и на море, высоко подняла международный авторитет России. Никогда ранее Российская империя не достигала такого могущественного положения в мире: Россия утвердилась на Балтике и Чёрном море; завершилось воссоединение украинского и белорусского народов с российским народом. Россия заняла в Европе место, подобающее великой державе, стала одним из ведущих субъектов мировой политики.

Русские военачальники и полководцы второй половины XVIII века в своей деятельности учитывали особенности и характерные исторические условия, в которых складывалась и сражалась армия. Они показали себя великими знатоками русского национального характера, и сами воплотили в себе лучшие его черты. Их кругозор и широта мышления вместе с тем далеко выходили за рамки сугубо национального подхода: национальное и общечеловеческое соединились в их полководческом мышлении воедино. Они не только сами были войнами, обладавшими всеми необходимыми для защитника Отечества добродетелями. Лучшие из них в совершенстве владели искусством творить себе подобных. Они создали национальную военно-педагогическую и военно-патриотическую школу. Её отличало единство обучения и воспитания, глубокое понимание важности моральной подготовки и целенаправленное осуществление её на всём протяжении воинской службы. Благодаря этому русская армия в нравственно-психологическом плане заметно превосходила «хорошо вымуштрованных, но совершенно ненадёжных солдат, которых монархи вербовали из самых испорченных элементов общества, и которых только палка держала в повиновении».

Повседневное внимание к моральному состоянию солдата, к самой жизни его явилось для передовой части офицерского корпуса одним из источников зарождения в армии демократических и гуманистических начал. Эти традиции были восприняты последующими поколениями российского офицерства и нашли определённое отражение в Красной Армии, возникшей на обломках старой царской.

Русское военное искусство второй половины XVIII века — важнейшее национальное достояние. Оно питает своими живительными соками отечественную военную мысль и в наше время.

В этом плане понятен пристальный интерес к тому периоду военная истории, когда русское военное искусство достигало своего апогея. Оттуда, из этого

богачейшего и неиссякаемого источника, мы извлекаем бесценный опыт. Как оптимально решалась проблема сочетания оборонительной и наступательной тактики, как вёлся поиск наиболее эффективных способов и средств реализации новаторских идей в организации и ведении оборонительных и наступательных действий? Всё это, а также многое другое продолжает питать военную мысль преобразующегося к новой жизни Российского государства. Русская армия XVIII века была сильна потому, что феодальное военное мышление соответствовало уровню феодальной военной техники, тогда как на Западе феодальное мышление отставало от ушедшей вперёд техники.

РОССИЯ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ (1853—1856 гг.)

Постолаки С.К.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В конце 40-х годов XIX в. в центре внешней политики России находился Восточный вопрос — сложный конгломерат острейших международных противоречий, от разрешения которых зависели безопасность границ империи, дальнейшие перспективы развития черноморской торговли и экономическое состояние южных губерний. Речь шла, прежде всего, об установлении преобладающего влияния на Османскую империю, пораженную к этому времени глубоким внутренним кризисом.

Важным политическим фактором этого кризиса являлась национально-освободительная борьба балканских народов против турецкого ига. Это движение традиционно получало поддержку России, выступавшей в качестве заступницы славян христианского вероисповедания, преимущественно населявших Балканы. Такая позиция, объективно способствовавшая освобождению балканских народов, позволяла России использовать движение на Балканском полуострове для усиления собственного влияния в регионе, давала ей дополнительную опору в борьбе с Турцией.

Интересы России на Ближнем Востоке и Балканах неизбежно сталкивались с устремлениями крупнейших европейских держав — Англии и Франции, доминировавших на ближневосточных рынках сбыта, а также Австрии, преследовавшей на Балканах свои цели.

Европейские революции 1848—1849 гг., вызвавшие сильные политические потрясения на континенте, привели в то же время к активизации русской внешней политики, в том числе и в Восточном вопросе. Допуская возможность военного конфликта с Францией (позиции которой явно шли вразрез с устремлениями Николая I), Россия попыталась найти себе сильного союзника. Полагая, что англо-французские противоречия достаточно глубоки и создают

хорошую основу для договоренности с Англией, русские дипломаты и сам император предприняли ряд шагов, направленных на сближение с ней. Однако английские политики не только не желали поддерживать Россию, но и были настроены явно антирусски. Так, некоторые из них вынашивали откровенные планы послевоенного расчленения России: Финляндию предполагалось отдать Швеции, Прибалтику — Пруссии, Крым и Кавказ — Турции. Польша должна была стать буферным государством, отделяющим Россию от Западной Европы. Это совпадало и с реваншистскими планами Турции, желавшей вернуть себе Крым и территории Кавказа.

Английское правительство считало, что война с Россией будет популярной в английском обществе (поскольку царизм прочно стяжал себе славу «жандарма Европы»), и рассчитывало поднять свой авторитет. Внутриполитическое положение во Франции также заставляло Наполеона III заботиться о своем престиже. В случае победоносной войны он надеялся укрепить свои позиции в среде католического духовенства (которое вело давний спор с православной церковью из-за иерусалимских святынь) и снять внутреннюю напряженность в стране.

Если учитывать, что в Петербурге также рассчитывали на территориальные приобретения и беспокоились о судьбе черноморских проливов, опасаясь, что из рук слабой Турции они могут перейти к сильной европейской державе, то становится очевидным, что грядущая война носила захватнический характер со стороны всех ее участников.

Петербургский кабинет между тем недооценивал возможность создания антирусской коалиции и переоценивал свои силы, которые в первой половине 50-х годов казались весьма внушительными. Россия обладала огромными людскими ресурсами и имела армию численностью свыше 1,1 млн. человек. Однако армия эта была рассредоточена на огромной территории и для безопасности страны с западного направления крупные воинские силы не могли быть сняты. Техническая оснащенность и армии, и флота оставляла желать много лучшего. В войсках к началу войны практически не было нарезного оружия, артиллерия уступала по своим характеристикам западноевропейским образцам. Русский флот имел прекрасные боевые традиции, экипажи были хорошо обучены и готовы вести войну на море, однако паровых судов было весьма мало, в то время как английский и французский флоты располагали большим количеством паровых судов с винтовыми двигателями. Кроме того, была расстроена финансовая система страны. Все это делало успех в войне весьма проблематичным.

Поводом для конфликта стал спор между католическим и православным духовенством за право хранить ключи от Вифлеемского храма и ремонтировать купол над гробом господним в Иерусалиме. Царские дипломаты заняли в этом вопросе жесткую непримиримую позицию, а поведение чрезвычайного посла А.С. Меншикова носило вызывающий характер. Еще одним требованием России стало заключение конвенции о покровительстве русского царя всем православным христианам в Турции. Французские и английские дипломаты,

прикрываясь миролюбивыми заявлениями, исподволь занимались разжиганием конфликта. Особенно в этом усердствовал посол Англии лорд Стрэтфорд-Редклиф, который не останавливался перед прямым подлогом и клеветой. Ободренная их поддержкой, Турция не спешила принимать ультимативные требования русских. Не дождавшись положительного ответа, Меншиков и сотрудники русского посольства покинули Константинополь. В эти же дни корабли Франции и Англии были направлены к проливам. Война становилась реальностью.

В военных действиях в годы Крымской войны обычно выделяются два периода: с ноября 1853 г. по апрель 1854 г., включающий собственно русско-турецкую кампанию, и с апреля 1854 г. по февраль 1856 г., когда в войну вступили союзники (Англия, Франция и позднее Сардинское королевство), а боевые действия велись сразу на нескольких фронтах, прежде всего в Крыму и на Кавказе.

В июне 1853 г. русские войска вступили в Дунайские княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным протекторатом Турции. Эти события привели к тому, что 4(16) октября 1853 г. султан объявил войну России.

В начале войны русский Черноморский флот получил приказ прервать переброску морем турецких войск в Грузию и нарушить транспортные перевозки неприятеля. С этой целью русские корабли блокировали турецкие суда в их портах.

18(30) ноября 1853 г. русская эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова уничтожила лучшую часть турецкого флота в бухте Синопа. Поражение Турции ускорило вмешательство Англии и Франции, корабли которых уже в декабре 1853 г. вошли в Черное море. Спустя несколько месяцев (весной 1854 г.) Англия и Франция официально объявили войну России.

В планы союзного командования входил захват Севастополя — военно-морской базы Черноморского флота в Крыму. 2(14) сентября под Евпаторией началась высадка англо-французско-турецкой армии. Русская армия под командованием А.С. Меншикова пыталась остановить противника 8(20) сентября в неудачном для себя сражении на р. Альме, после чего отступила к Бахчисараю.

Севастополь начал подготовку к обороне с суши. Срочно была создана система укреплений из 7 бастионов, соединенных траншеями, с многочисленными редутами и батареями. 2(14) сентября в Севастопольской бухте было затоплено несколько старых кораблей, что преградило доступ сюда неприятельским судам. Около 2 тыс. орудий, снятых с кораблей, было установлено на береговых укреплениях, а черноморские матросы пополнили ряды защитников города. Большая заслуга в создании этих укреплений принадлежала военному инженеру Э.И. Тотлебену.

В октябре 1854 г. войска союзников подошли к городу и началась героическая 349-дневная оборона Севастополя. Уже 5(17) октября союзники пред-

приняли первую бомбардировку города. Артиллерийская дуэль продолжалась несколько часов, потери обеих сторон были весьма значительны (с русской стороны погиб руководитель обороны вице-адмирал В.А.Корнилов), стойкость севастопольцев заставила англо-французский генералитет изменить планы: отказаться от немедленного штурма и перейти к осаде.

Помощь Севастополю пыталась оказать русская армия, которая осенью 1854 г. под Балаклавой и Инкерманом атаковала позиции противника, и, хотя успеха в этих сражениях достигнуто не было, они отвлекли на некоторое время внимание от Севастополя. Не принесло ожидаемого эффекта и наступление на Евпаторию. Позднее, в августе 1855 г., армия под командованием нового главнокомандующего М.Д.Горчакова участвовала в сражении на Черной реке, однако потерпела неудачу и была вынуждена отступить. Таким образом, полевая армия не смогла оказать существенной помощи осажденному городу.

Тем временем бомбардировки города продолжались (2-я в марте, 3-я в мае, 4-я в июне, 5-я в августе), попытки штурма были отбиты, однако положение защитников с каждым днем становилось все тяжелее.

Подавляющим становилось англо-французское превосходство в живой силе, боеприпасах (для их подвоза использовалась специально построенная железная дорога), качестве вооружения и техническом оснащении (нарезное оружие, паровые двигатели на судах). Русские солдаты и матросы могли противопоставить неприятелю лишь массовый героизм. Вся Россия узнала имена героев-севастопольцев матросов Петра Кошки и Игнатия Шевченко, сапера Жукова, солдата Елисеева. Под пулями и ядрами находились на бастионах сестры милосердия Даша Севастопольская, Елизавета Хлапонина и многие другие. Образцы мужества показывали офицеры, генералы и адмиралы: в Севастополе погибли В.И.Истомин, П.С.Нахимов, был тяжело ранен С.А.

Хрулев. Силы защитников таяли с каждым днем, а помощь из России поступала крайне медленно (сказывалось отсутствие хороших дорог, плохо было поставлено снабжение).

27 августа (8 сентября) 1855 г. после 6-й бомбардировки города начался последний штурм. Был взят ключевой пункт обороны Малахов курган и вечером того же дня по наплавному мосту защитники перешли на Северную сторону города. Укрепления были взорваны, а остававшиеся еще на плаву корабли затоплены.

В годы Крымской войны велись боевые действия и на других фронтах. Однако фактически нигде более союзники успеха не достигли. На Балтике англо-французская эскадра блокировала русский флот в Кронштадте и Свеаборге, однако на штурм этих крепостей не решилась, был высажен десант на Аландские острова. В 1854 г. на Белом море английские корабли бомбардировали практически беззащитный Соловецкий монастырь и были вынуждены бесславно отступить. Также безрезультатно закончилась высадка десанта в 1854 г. под Петропавловском-на-Камчатке. На Кавказе успехи сопутствовали русской

армии. 19 ноября (1 декабря) 1853 г. турецкие войска были разбиты при Башкадыкларе, военные действия были перенесены на территорию Турции. В ноябре 1855 г. русские войска взяли крепость Каре.

Фактически в конце 1855 г. боевые действия прекратились. Ни англичане, ни французы не помышляли о перенесении боевых действий в глубь России, Севастополь обошелся им потерей 70 тыс. солдат. Однако и Россия продолжать войну была не в состоянии: возникла реальная угроза расширения антирусской коалиции (весьма враждебно к России были настроены Австрия, Пруссия, Швеция), в тяжелейшем положении находилась экономика, страна настойчиво требовала реформ во всех сферах жизни.

С инициативой прекращения войны выступила Франция. После дипломатической подготовки великие державы собрались в Париже, где 18(30) марта 1856 г. был подписан мирный договор.

Территориальные потери России в Крымской войне не были значительными: фактически она уступала лишь острова в дельте Дуная и Южную Бессарабию. Наиболее тяжелые статьи мира касались так называемой «нейтрализации» Черного моря (запрещение иметь здесь военный флот и арсеналы). Над Сербией, Молдавией и Валахией устанавливался протекторат великих держав. Карс был возвращен Турции, а Россия восстанавливала на Кавказе довоенные границы, оставив за собой побережье Черного моря.

Крымская война имела большое значение в военном отношении. Военные действия протекали в ходе ее в качественно новых условиях, вызванных применением передовой техники. Стала очевидной необходимость перевооружения армии, изменения принципов ее комплектования, менялась военная тактика. России требовался целый комплекс военных реформ, которые были реализованы в 60 — 70-е годы.

Россия вышла из войны с подорванной экономикой и потерянным международным авторитетом, нестабильным было внутривнутриполитическое положение. Крымская война сыграла роль катализатора, ускорившего вызревание революционной ситуации в стране, привела к крупнейшим политическим изменениям — отмене крепостного права и проведению буржуазных реформ.

ВОЕННО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. ГОЛОВИНА

Филиппов В.С.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Изучение современной войны и ее влияния на личность военнослужащих особенно актуально для реформирующихся Вооруженных сил России. Сила

армии — не в только в оружии и технике, но в людях управляющих ей. И дело тут не в количестве вооруженной силы как подчас считали многие. На войне ценен закаленный и опытный воин, а в бою приходится считаться не только с потерями в людях и технике, но и с утратой порядка, мужества, доверия, сплоченности и внутренней силы, духа войск. Отсюда следует справедливое утверждение о том, что «важнейшим элементом войны является человек; а важнейшим свойством человека — его нравственная энергия». В силу этого обстоятельства, «победа будет, до известной степени, в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее, хотя бы ценою собственной гибели, ибо тот только может победить, т.е. погубить другого, кто сам способен решиться на погибель». Технические достижения (как бы грандиозны они ни были) не должны кружить голову политикам, военным и простым гражданам: роль человека на войне не отходит на второй план, уступая первое место оружию и технике. «Техницизм» — это не просто заблуждение, а опасная тенденция, когда основная ставка в подготовке войны и в бою делается на технику и вооружение, а не на людей, владеющих ими. Принято считать, что техника является чуть ли не единственным фактором обеспечивающим победу в современной войне. До сих пор, мало кто задумывается о том, что ощущает солдат, который управляет этой техникой, о том, что какие чувства и воздействия он испытывает в ходе современного боя.

Я хотел бы рассказать о военном социологе, профессоре, генерале русской армии, — Николае Николаевиче Головине. Став одним из основателей военно-социологических и военно-психологических исследований не только в нашей стране, но и в мире Николай Николаевич Головин по сей день мало известен у себя на родине.

Николай Николаевич Головин, русский военный историк, генерал-лейтенант родился в семье генерала от инфантерии Н. М. Головина — участника обороны Севастополя. Будучи потомственным военным, он окончил Пажеский корпус (1894) и Академию Генштаба (1900). В 1908-1913 годах — профессор Академии Генштаба. Во время 1-й мировой войны 1914-18 Головин был начальником штаба 7-й армии (1915—17) и Румынского фронта. Принимал активное участие в жизни учебных и исследовательских учреждений Европы и США. Сотрудничал с П.А.Сорокиным; заинтересовавшись социологией как новой областью науки, Головин стал одним из основоположников специализированной сферы социологических знаний — социологии войны, написав одну из первых работ по этой теме — «О социальном изучении войны» (Белград, 1937). С 1932 г. он работал над своим главным трудом — «Наука о войне. О социологическом изучении войны» вышедшем в Париже в 1938 году. С докладами, посвященными проблемам военной социологии, он выступал и на 12-м международном социологическом конгрессе в Брюсселе в 1935 г. Последней его фундаментальной работой стала книга «Военные усилия России в мировой войне» в 2-х томах. (Париж, 1939).

Главная идея военной социологии Головина была в признании зависимости морального духа и боеспособности войск от социальных, культурных и политических факторов под влиянием которых формируется и воспитывается солдат. Так например, в своей диссертации «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» рассматривая социальное измерение проигранной Россией русско-японской войны, он писал:

«Японский народ во всем своем составе от первого ученого до последнего рабочего был проникнут идеей необходимости войны с Россией. Каждому японцу была присуща идея, что для дальнейшего, как политического, так и экономического развития страны, нужны новые земли и что эти земли можно приобрести лишь путем завоеваний. В какой мере эта идея вошла уже в самое существо японца показывает следующий факт. Когда в 1895 году вмешательство европейских держав заставило Японию отказаться от главных плодов ее победы над Китаем — Порт-Артура — сорок три японских офицера лишили себя жизни, заявив, что они не в силах перенести унижение своего отечества. После занятий русскими войсками Порт-Артура, почти каждая газетная статья, имевшая хотя бы незначительное отношение к политике, кончилась словами «Помни о Ляодуне!». Насколько популярной была в Японии идея борьбы с Россией хорошо иллюстрируют следующие цифры. Возникшее в Японии «Общество военной доблести», поставившее себе целью подготовку народа к войне — в частности же, к борьбе с Россией. Через два года после своего открытия имело уже 90 000 членов, а через пять лет члены его считались уже сотнями тысяч. Во время самой войны горячее сочувствие народа неизменно сопровождало японскую армию. Каждый успех ее вызывал взрыв восторга, каждая неудача острой болью отзывалась во всей стране.

В этом отношении народа к войне и находится ключ японских побед. Из него родилось стремление бойца к победе. Им всецело обуславливалась та сила, которая толкала каждого японского бойца водрузить флаг восходящего солнца на русских позициях.

Совершенно обратное мы видели в России. Не входя здесь в оценку политической идеи русско-японской войны, мы напомним только насколько она была чужда массовому бойцу. Темная народная масса интересовалась непонятной войной лишь постольку, поскольку она влияла на ее семейные и хозяйственные интересы. Большинство образованного общества относилось к войне совершенно индифферентно: оно спокойно занималось своими обычными делами. В тяжелые дни Ляояна, Шахе, Мукдена, и Цусимы театры, рестораны и разные увеселительные заведения были так же полны, как всегда. Часть же интеллигенции, не только относилась индифферентно к нашим неудачам, но даже желала и старалась их вызвать. С этой целью велась пропаганда среди запасных, войска засыпались прокламациям. Вышеизложенное показывает, что идея только что минувшей войны была чужда массам бойцов. Столкнуться же пришлось с бойцом, в котором стремление к победе было доведено до наи-

высшего напряжения. В этом и заключается одна из коренных причин наших неудач».

К научным заслугам Головина следует отнести и то что он одним из первых занялся научным изучением поведения бойца в условиях боя, обратил внимание военных и ученых на феномен боевого стресса, страха, собрав обширный фактологический и статистический материал по этой проблеме. Головин одним из первых призвал военных всего мира уйти от упрощенных представлений о солдате как пешке безропотно выполняющем любое решение командования и используя достоверные социологические методы сбора информации воссоздать реальную картину современного боя и поведения рядового бойца. Головин писал: «Нам кажется, что настало, наконец, время трезвого отношения и к военным событиям: Агамемноны, Ахиллесы и другие более или менее красивые эпические герои должны сойти со сцены и уступить место обыкновенным людям, с их великими доблестями и с их, подчас, унижительными слабостями. С их самоотвержением, доходящим до того, что бы положить голову за други своя, и с их себялюбием и своекорыстием, доводящим до стремления уложить (руками неприятеля) того ближнего, который им не пришелся по сердцу; с их способностью взбираться под пули и гранаты на вертикальные стены безо всякой посторонней помощи и с их обычаем давать иногда тыл, и бежать без оглядки, из-за одного того, что какому-нибудь негодю вздумается крикнуть «мы обойдены!»»

Дело от этого выиграет: оно всегда выигрывает от правды. В теории не будут ограничиваться все извиняющей фразой «это случайность», а будут задаваться вопросом о том, как нужно вести и организовывать войска, дабы они, возможно, менее поддавались неблагоприятным «случайностям».

Имя Головина также связано с развитием русского военного образования в эмиграции. После Октябрьской Революции Головин эмигрировал во Францию, где примкнул к правому крылу белой эмиграции. Еще в России защитив диссертацию на звание ординарного профессора, Головин издает во Франции целую серию работ посвященных военной истории и военной социологии. В лекции «Опыт применения прикладного метода обучения при обучении тактике в Императорской Николаевской военной Академии», он проводил научные изыскания в области развития военного искусства и военной психологии. Им были выпущены работы: «Высшая военная школа», «Введение в курс тактики», «Служба Генерального штаба. Оперативная служба» — 1912 г.; «Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни», «История военного искусства как наука» — 1913 г, различные работы по военному искусству и многое- многое другое.

Во время 2-й мировой войны Головин, так и не простивший большевистский режим, активно сотрудничал с гитлеровцами и даже был приговорён французским движением Сопротивления к смертной казни. С оккупацией Франции Германией он занял пост в коллаборационистском Комитете взаимо-

помощи русских эмигрантов, преобразованном в апреле 1942 года в Управление делами русских эмигрантов во Франции. В это время Головин занимался отправкой русских добровольцев на работы в Германию и пополнением армии Власова офицерами. Поражения Германии на востоке и смерть в августе 1943 г. жены подорвали его силы. Самым тяжелым ударом по его уже надломленному здоровью стал разрыв с единственным сыном Михаилом, бежавшим из оккупированной Франции в Англию и ставшим одним из ведущих сотрудников военно-технической разведки ВВС Великобритании. 10 января 1944 года Николай Николаевич Головин умер от сердечного приступа и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа а Париже. Его личный архив в 1947 г. был передан на хранение в библиотеку Гуверовского института.

Работы Головина, до сих пор полностью не изданные в России, содержат большой фактический материал, и не утратили своего значения и по сей день.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Исследование деятельности и свойств человека как бойца» Н.Н.Головин С. — Петербург 1907г.
2. «История военного искусства» Ганс Дель Брук.
3. «История военного искусства» Е.А.Разин том 1, 2. 1994г.
4. «Человек в условиях войны» г. Лесосибирск, 2004 г.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ В XIX в. — НАЧАЛЕ XX в.

Ященко А.В., Шраменко В.К.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В 1810 г. военным министром России и членом Государственного совета был назначен генерал М. Б. Барклай-де-Толли. Уже в начале марта 1810 г. он представил императору Александру I «Записку о защите западных пределов России», в которой изложил план военных действий против наполеоновской армии в случае ее агрессии. План был одобрен, после чего начались работы по подготовке театров военных действий в Прибалтике, Белоруссии и на Украине и проведению военной реформы 1810-1812 гг.

В процессе реформ было увеличено количество пехотных, кавалерийских полков и артиллерийских рот; созданы постоянные соединения — пехотные и кавалерийские корпуса и дивизии, образованы их штабы; учреждена внутренняя стража (войска, предназначавшиеся для охраны государственного порядка, несения караульной и конвойной службы и выполнения полицейских обязанностей); увеличена и получила более четкую организацию пограничная стража; проведена реорганизация Военного министерства.

Конференция, созданная при Военном министерстве под председательством Барклая-де-Толли разработала «Учреждение для управления Большой действующей армией» (1812 г.) — первое в России положение о полевом управлении войсками. Созданием 27 января 1812 г. Военно-ученого комитета было положено начало сбору и обработке сведений о вооруженных силах иностранных государств. Кроме того, в задачу комитета входило «усовершенствование ученой части военного искусства и распространение военно-научных сведений в войсках».

В 1811 г. был введен новый Устав о пехотной службе, в котором серьезное внимание уделялось прицельной стрельбе солдат. Наконец, в ходе реформ были улучшены довольствие нижних чинов, прием и обучение рекрутов. В целом, военные реформы 1810-1812 гг. повысили боеспособность русской армии, что сказалось в ходе Отечественной войны 1812 г.

Личность. Михаил Богданович Барклай-де-Толли, представитель древнего шотландского рода, родился 13 декабря 1761 г. Получил домашнее образование. Службу начал в 1776 г. вахмистром в Псковском карабинерном полку. В 1778 г. был произведен в корнеты. Отличился при штурме Очакова во время русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг., в русско-шведской войне 1788 — 1790 гг. и польской кампании 1792 — 1794 гг. С 1794 г. — командир батальона Эстляндского егерского корпуса, с 1798 г. — шеф 4-го (с 1779 г. — 3-го) егерского полка, который считался одним из лучших в русской армии. Во время русско-пруско-французской войны 1806 — 1807 гг., Барклай-де-Толли отличился, командуя арьергардом армии, особенно в Пултуском сражении при отступлении армии, когда своими искусными действиями дал возможность главнокомандующему генералу Л. Л. Беннигсену сосредоточить войска у Прейсиш-Эйлау, и в самом Прейсиш-Эйлауском сражении, где был тяжело ранен в правую руку. С 1807 г. — начальник 6-й дивизии, с которой во время русско-шведской войны 1808 — 1809 гг. занял Саво-лакскую область в Финляндии и успешно отразил контрнаступление шведских войск, удержав главный город области Куопио. Затем командовал корпусом, который вместе с корпусом генерала П. И. Багратиона совершил Ледовый поход (1809 г.). С мая 1809 г. — главнокомандующий армией и генерал-губернатор в Финляндии. В январе 1810 г. — сентябре 1812 г. — военный министр и член Государственного совета. Провел военные реформы 1810 — 1812 гг., увеличил численность армии. В марте 1812 г. назначен главнокомандующим 1-й Западной армией (в Петербурге его замещал управляющий департаментами Военного министерства генерал А. И. Горчаков). В начале Отечественной войны 1812 г. успешно осуществил отход армии к Полоцку, где 6 июля Александр I оставил армию и уехал в Москву. Александр I не назначил Барклая-де-Толли официально главнокомандующим всеми действующими русскими армиями, но фактически возложил на него ответственность за руководство военными действиями. В крайне неблагоприятных условиях Барклай-де-Толли сумел добиться соединения 1-й и 2-й армий

под Смоленском, сорвав тем самым замысел Наполеона I разгромить русские армии порознь. Барклай-де-Толли содействовал начавшемуся партизанскому движению, обращался к населению с призывами вести активную борьбу против неприятеля. По его инициативе был сформирован первый армейский партизанский (летучий) отряд под командованием генерала Ф. Ф. Винценгероде (21 июля). Отступление русской армии вызвало резкое недовольство в обществе и армии. Барклай-де-Толли обвиняли даже в измене. После оставления Смоленска он решил дать генеральное сражение. Уже начались инженерные работы по укреплению позиции у Царева Займища, когда 17 августа прибыл назначенный главнокомандующим генерал М. И. Кутузов. Барклай-де-Толли остался главнокомандующим 1-й армией. В Бородинском сражении проявил мужество, хладнокровие и распорядительность в управлении войсками. На военном совете в Филях (1 сентября) высказался за оставление Москвы, считая, что главная цель — защитить не Москву, а Отечество, для чего необходимо сохранить армию. Непосредственно руководил прохождением войск через Москву. В сентябре 1812 г. Барклай-де-Толли по личной просьбе из-за болезни был уволен от командования армией. Принял участие в заграничных походах русской армии в 1813 — 1815 гг.

Последние годы жизни командовал 1-й армией, включавшей две трети всех полевых войск России. Следуя лучшим традициям русской армии, Барклай-де-Толли основным условием обучения войск выставлял требования боевой практики. Он издал ряд руководств по обучению и воспитанию воинов. Барклай-де-Толли не имел крепостных, отличался гуманным отношением к солдатам, которых считал лучшими в мире. Осудил проект создания военных поселений, подчеркнув тяжелое положение, в котором окажутся поселяне. Он предложил отслуживших срок солдат наделять землей и зачислять в вольные хлебопашцы. Выдающийся русский полководец генерал-фельдмаршал (1814 г.), князь (1815 г. М. Б. Барклай-де-Толли умер 14 мая 1818 г. и был похоронен в своем имении Бекгоф (Лифляндия).

До 1874 г. в армии сохранялась рекрутская система комплектования. В свое время она позволила создать регулярную национальную армию, но в XIX в. рекрутчина тормозила создание массовых вооруженных сил, т. к. не обеспечивала подготовку обученных людских резервов для развертывания и пополнения армии во время войны. Численность армии России была почти одинаковой как в мирное, так и в военное время. В случае войны правительство прибегало к усиленным наборам рекрутов, которые поступали в войска плохо обученными военному делу. Наборы рекрутов производились ежегодно, в среднем бралось до 80 тыс. рекрутов.

Служба в армии продолжалась 25, а с 1834 г. — 20 лет и рассматривалась как тяжелое наказание. При длительных сроках службы солдат старших возрастов было больше, чем младших. Рекрутская система устарела, став препятствием в развитии вооруженных сил страны.

В помощь армии созывались временные формирования — ополчения. В 1806-1807 гг. в связи с угрозой вторжения французских войск в Россию было создано ополчение из казенных и помещичьих крестьян. Оно насчитывало 612 тыс. ратников, из них около 200 тыс. чел. пошли на пополнение регулярных войск. Вновь к созыву ополчения (320 тыс. чел.) пришлось прибегнуть в 1812 г. Последний раз ополчение созывалось во время Крымской войны 1853-1856 гг. (360 тыс. чел.).

С 1816 г. в широком масштабе стали создаваться военные поселения. Поселенные войска формировались из семейных солдат и государственных крестьян. В течение 10 лет в корпус военных поселений было зачислено 375 тыс. чел. Крестьян переводили на положение полувоенных, полухозяев — селян. Они совмещали военную службу с занятием сельским хозяйством. Весь уклад личной и семейной жизни поселенцев был строго регламентирован, они постоянно находились под надзором. Военные поселения, по замыслу создателей, должны были уменьшить издержки на содержание армии (что во многом удалось: к примеру, за счет освобождения от общих повинностей и более высокого развития сельскохозяйственного производства поселения кавалерии в 1825 — 1850 гг. дали 45,5 млн. руб. экономии), быть резервом обученных войск. Но военные поселения не оправдали надежд правительства. Наоборот, тяжелое положение поселенцев приводило к частым восстаниям. В 1857 г. военные поселения были упразднены.

Существенным недостатком дореформенной армии была слабая подготовка офицерского корпуса. Комплектование армии офицерами производилось в основном за счет так называемых «недорослей из дворян», которые поступали в войска юнкерами и вольноопределяющимися. После 2-3-летней службы в унтер-офицерском звании они производились в офицеры. Уровень общеобразовательной и военной подготовки таких офицеров был крайне низким. С 1825 по 1850 гг. из 59 091 офицера, вступившего в ряды армии, 36 152 (свыше 61%) были произведены из унтер-офицеров.

Однако численный рост вооруженных сил России, усложнение военного дела потребовали повышения уровня специального образования и штабной подготовки офицеров, расширения сети военно-учебных заведений. В начале XIX в. открылись Главное инженерное и Михайловское артиллерийское училища. Появились первые военно-учебные заведения штабной службы — Петербургское и Московское училища «для колонновожатых» и школа подготовки «офицеров по квартирмейстерской части». Для детей знати были учреждены Пажеский корпус и Царскосельский лицей. В 30-40-х гг. в основных губерниях открылись кадетские корпуса с 8 — 9-летним сроком обучения. Они давали общее и военное образование. Но уровень военных знаний, полученных кадетами, был невысок, так как в этих учебных заведениях на первый план выводилась плац-парадная муштра. В 1832 г. в России создано первое высшее общевойсковое военно-учебное заведение — Военная академия (позже переименованная в Академию Генерального штаба). Она стала центром военно-теоретической

мысли. В 1855 г. открылись Инженерная и Артиллерийская академии. С 1800 по 1850 гг. военно-учебные заведения выпустили свыше 44 тыс. офицеров, что удовлетворяло потребности армии не более чем на четверть.

Офицерский корпус русской армии в 1812 г. насчитывал примерно 15-17 тыс. чел., а перед Крымской войной, — около 27 тыс. Самодержавие охраняло дворянские привилегии в армии. В 1798 г. Павел I исключил из военной службы всех офицеров-недворян. Впредь было приказано не представлять военнотружущих недворянского происхождения даже к младшему офицерскому чину. Впоследствии правительство восстановило положения петровской Табели о рангах, но Николай I сильно ограничил право офицеров — выходцев из «податных сословий» в получении званий личного и потомственного дворянства.

Реакционный курс самодержавия сказался на обучении и воспитании войск. Они носили ярко выраженный крепостнический характер. Царизм вел борьбу против прогрессивных начал русской национальной военной школы Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова. Суворовские традиции ожили в войнах против Наполеона I. Но затем снова были сметены аракчеевщиной. Возрождалась и культивировалась гатчинская, прусская система, которая строилась па принципе: солдат должен бояться собственного офицера больше, чем противника. Солдат готовили не столько для боя, сколько к шествиям и парадом. В течение многих десятилетий в русской армии царил дух бессмысленной муштры и палочной дисциплины. Насилие делало жизнь солдата невыносимой. Достаточно сказать, что за 25 лет царствования Николая I в армии умерло только от болезней свыше одного миллиона человек.

В 20-х гг. XIX в. ежегодная выплавка чугуна в России была примерно в 3,5 раза, а в 1860 г. — в 24 раза меньше, чем в Англии. От состояния металлургии и металлообработки непосредственно зависело военное производство, уровень которого с каждым годом падал. Государственные оружейные заводы — Тульский, Ижевский, Сестрорецкий, производившие стрелковое и холодное оружие, не удовлетворяли потребность армии ни в количественном, ни в качественном отношении. Годовая выработка на этих заводах составляла всего лишь 52 тыс. ружей. Производительность казенных артиллерийских заводов была низкой. Русская армия постоянно страдала от недостатка вооружения, боеприпасов, снаряжения. Новые образцы оружия почти не вводились.

В 40-х годах пехота вместо кремневых получила ударно-капсульные ружья, такие же, как на Западе (калибр 7,1 линии или 18,03 мм). Но русская пехота имела гладкоствольные ружья, стрелявшие лишь на 300 шагов, в то время как в западноевропейских армиях были нарезные штуцера, бившие на 1200-1300 шагов. Нарезное стрелковое оружие имели не более 5% русских солдат. В начале XIX в. русская артиллерия еще соответствовала требованиям времени и успешно конкурировала со всеми европейскими системами орудий. Но к середине XIX в. она значительно отстала в своем развитии. Артиллерия по-прежнему состояла из гладкоствольных, заряжающихся с дула, преимуще-

ственно чугунных и медных, орудий. Наладить производство стальных орудий в первой половине века не удалось. В Крымской войне русские, гладкоствольные полевые орудия по дальности стрельбы не выдержали соперничества даже с нарезными ружьями противника.

На основе опыта войн с наполеоновской Францией с начала XIX в. были проведены некоторые изменения в организации и управлении войск. В пехоте и кавалерии постоянным войсковым соединением стала дивизия, которая состояла из 2-3 бригад двухполкового состава и артиллерийской бригады. Все артиллерийские части объединялись в бригады, состоявшие из 5 рот по 12 орудий в каждой. Дивизии сводились в корпуса, которые стали высшими соединениями как в пехоте, так и в коннице. Корпус имел, как правило, две дивизии и две артиллерийские бригады. Корпуса объединялись в армии. Так, в начале 1812 г. войска были сведены в 8 пехотных, 4 кавалерийских корпуса и два казачьих отряда. Они были распределены между 1-й и 2-й Западными, 3-й резервной и Дунайской армиями. Такая организация армии; без существенных изменений сохранилась до 60-х гг. XIX в.

Управление войсками характеризовалось дальнейшим усилением централизации военного аппарата. Во главе вооруженных сил России стоял император. В 1802 г. было создано Военное министерство, в 1827 г. восстановлен Генеральный штаб, упраздненный при Павле I. С начала века до 60-х гг. в России постоянно, даже в мирное время, существовала Действующая армия. Сначала были две такие армии, которые располагались на западных границах. После 1833 г. осталась одна Действующая армия, дислоцированная в Польше и западных губерниях. Во главе Действующей армии стоял главнокомандующий, который назначался царем и получал неограниченную власть в войсках. При главнокомандующем создавался полевой штаб. Местных органов военного управления в стране до 70-х гг. не существовало.

В первой половине XIX в. Россия имела большую регулярную армию, численность которой постоянно возрастала. В 1812 г. она насчитывала 480 тыс. чел., в 1826 г. — около 875 тыс., в 1856 г. — 1 млн. 800 тыс. чел. Кроме того, существовали значительные иррегулярные войска, главным образом казахи.

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РККА В 30-е гг. XX В.

Сахнов И.Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В годы технической реконструкции Вооруженных Сил широким фронтом велась научно-исследовательская работа по проблемам тылового обеспечения

войск. Полученные разработки и предложения проверялись на многочисленных маневрах и учениях и нашли свое отражение во Временном полевом уставе РККА (1936 г.) и Временном уставе тыла РККА (часть 1, 1934 г., и часть 2, 1936 г.).

В связи с новыми взглядами на ведение боевых действий вносится ряд изменений в организацию тылового обеспечения в организацию тылового обеспечения войск. В целях сокращения отрыва баз снабжения от войск допускалось назначение корпусам станций снабжения в 15 — 20 км от линии фронта; при глубине фронтового участка 150 км и более предусматривалось создание армией второго (дополнительного) звена грунтового участка военной дороги.

Учитывая включение в штаты дивизий (прежде всего механизированных) автомобильных подразделений, глубина войскового тылового района увеличена с 25 — 30 до 40 — 50 км. В отдельных случаях допускался отрыв частей и учреждений дивизионного тыла до 100 км. В период интенсивных боевых действий глубина войскового тылового района могла сокращаться за счет увеличения глубины грунтового участка военной дороги армии. Корпус своего отдельного тылового района не имел и обслуживался грунтовым участком военной дороги армии.

В связи с возросшей динамичностью боевых действий и подвижностью войск были внесены изменения в порядок создания и размещения запасов материальных средств. Фронтовые запасы планировалось содержать на стационарных и промежуточных складах и в военных поездах на распорядительных станциях. Удаление промежуточного склада от распорядительной станции фронта не должно было превышать 400 — 500 км. Размеры запасов на промежуточном складе определялись конкретными условиями боевой обстановки и составляли по боеприпасам до 2 боекомплектов, по продовольствию и фуражу до 7 суток.

Армейские запасы материальных средств на головных складах, размещаемых на станциях снабжения и в армейских промежуточных складах (на грунте), предусматривалось содержать в размере 3-суточной потребности приписанных к ним войск. Войсковые запасы материальных средств планировалось иметь подвижными, содержать их в войсковом транспорте в размерах 2 — 3-суточной потребности войск, за исключением продовольствия, которое должно было содержаться на 6 суток в стрелковых дивизиях и на 5 суток в мотомеханизированных дивизиях.

Отпуск материальных средств планировался начальниками служб по заявкам войск в соответствии с установленными командующим фронтом (армией) лимитами.

Подвоз материальных средств (кроме горючего) в ходе операции должен был осуществляться от станций снабжения на корпусные обменные пункты армейским транспортом. Горючее подвозилось транспортом соединений.

Значительно увеличился расход материальных средств, поэтому большое внимание уделялось экономному их расходованию.

В связи с изменением взглядов на действия подвижных групп как элемента оперативного построения войск и способы их боевого применения получили дальнейшее теоретическое обоснование вопросы их тылового обеспечения. Считалось, что тыловое обеспечение подвижной группы, вводимой для развития тактического успеха в оперативной глубине, будет осуществляться армейскими органами тыла. При наличии наземных коммуникаций пополнение запасов и эвакуацию раненых и больных планировалось проводить по распоряжению штаба армии автомобильным транспортом под надежным прикрытием танковых подразделений. При полном или временном нарушении подвоза по наземным коммуникациям обеспечение подвижной группы горючим и боеприпасами должно было осуществляться воздушным транспортом. При этом организация использования воздушного транспорта и его боевое обеспечение возлагались на командующего ВВС фронта, а доставка грузов на аэродромы — на начальника военных сообщений.

Уточнение и дальнейшее развитие получили вопросы транспортного обеспечения. Во временном уставе тыла РККА давалось четкое определение военной дороги, которая рассматривалась как система подготовленных и оборудованных путей подвоза и эвакуации (железнодорожных, водных и грунтовых), обеспечивающая своевременное и бесперебойное обеспечение войск, базирующихся на данное железнодорожное направление, и эвакуацию раненых и больных, а также всего ненужного войскам ценного имущества.

Военная дорога связывала фронтовой и армейский тыл с войсковым тылом и состояла из грунтового и железнодорожного участков. Железнодорожный участок проходил от распорядительной станции армии до ближайшей к войскам станции снабжения. На нем размещались части и учреждения армейского тыла.

Было принято, что в полосе наступления одной-двух армий должно восстанавливаться одно железнодорожное направление с пропускной способностью 18 пар поездов в сутки. Восстановление железнодорожного направления предусматривалось вести силами одного железнодорожного полка темпом 10 — 15 км в сутки.

Грунтовый участок военной дороги считался продолжением железнодорожного участка и проходил от станции снабжения до корпусного обменного пункта. В связи с развитием в стране автомобильного транспорта и поступлением на оснащение войск все большего числа автомобилей возрастала роль грунтовых участков, что в свою очередь повышало объем работы по дорожному обеспечению. Для содержания и обслуживания грунтовых участков военной дороги имелось в виду использовать дорожно-эксплуатационные полки. Восстановление и строительство дорог и мостов грунтового участка возлагалось на дорожно-строительные и мостостроительные батальоны, формируемые Главным управлением шоссейных дорог НКВД.

Принципиальные изменения вносятся в организацию медицинского обеспечения. Ранее действовавший принцип этапного лечения раненых и больных

дополнялся требованием эвакуации их «по назначению». Основными этапами медицинской эвакуации в войсковом тылу устанавливались: батальонный пункт медицинской помощи, полковой пункт медицинской помощи, дивизионный пункт медицинской помощи, пункт сбора легкораненых и дивизионный госпиталь.

В армии предусматривалось иметь полевой эвакупункт (ПЭП) с несколькими головными отделениями (ГОПЭП) и госпитальной базой (ГБА), автохирургические отряды, группы усиления, подразделения автосанитарного транспорта, санитарно-эпидемический отряд (СЭО), инфекционные госпитали (ИГ), санитарный склад. Для усиления этапов медицинской эвакуации и загруженных лечебных учреждений в непосредственном распоряжении начальника медицинской службы считалось необходимым иметь резерв.

Армейские лечебные учреждения планировалось размещать в два эшелона (ГОПЭП — ГБА), а иногда и в три эшелона (отделение ГОПЭП на грунте — ГОПЭП — ГБА). ГОПЭП размещались, как правило, в районе станций снабжения; их отделения — на грунтовом участке военной дороги; госпитальная база армии — в районе армейской распорядительной станции.

На основе приобретенного опыта было признано необходимым оказывать первую медицинскую помощь раненым и выносить их с поля боя непосредственно в ходе боевых действий, а не в между боевые периоды, как предусматривалось ранее. Оказание первой врачебной помощи в ходе боевых действий устанавливалось осуществлять не в батальонном, а в полковом пункте медицинской помощи. Медико-санитарный батальон дивизии рекомендовал себя в качестве «войсковой операционной», обеспечивающей оказание раненым квалифицированной медицинской помощи. Боевой опыт также подтвердил необходимость изъятия госпиталей из соединений и передачу их в армию.

Были уточнены некоторые вопросы ветеринарного обеспечения. Так, основной лечебной базой в армейском звене тала и начальным этапом ветеринарной эвакуации во фронтовом звене считались полевые ветлазареты, которые размещались в районах станций снабжения.

В связи с тем что противник стал обладать большими возможностями для воздействия по объектам войскового и оперативного тыла в целях дезорганизации и срыва его работы, в теоретических положениях уделялось значительное внимание вопросам охраны и обороны тыла. Предусматривалось, что оборона частей, подразделений и учреждений тыла должна быть противовоздушной, противотанковой и противодесантной. Рекомендовалось для решения задач охраны и обороны привлекать не только личный состав частей и учреждений тыла, но и боевые подразделения, авиацию и зенитно-артиллерийские средства.

Управление тылом по-прежнему было сосредоточено в руках командующего (командира) и осуществлялось через общевойсковые штабы.

Таким образом, в годы технической реконструкции Красной Армии теория тылового обеспечения войск получает свое дальнейшее развитие. Боль-

шое значение приобрели вопросы более глубокого эшелонирования запасов материальных средств и их рассредоточения в местах хранения. Высокая динамичность предполагаемых боевых действий потребовала, в зависимости от обстановки, создания вторых (дополнительных) звеньев грунтовых участков военной дороги с размещением на них армейских складов на грунте. По существу, впервые были разработаны вопросы тылового обеспечения подвижных групп. Многие из этих и другие вопросы теории тыла прошли проверку в годы Великой Отечественной войны, получили дальнейшее развитие и приобрели новое значение в настоящее время.

В условиях бурного развития ВВС и перехода их на полковую и дивизионную систему авиационные парки уже не справлялись в полном объеме с решением задач тылового обеспечения авиационных соединений и частей. В то же время необходимость поддержания в постоянной боевой готовности авиации требовала нового подхода к организации авиационного тыла. В связи с этим в мае 1938 г. директивой Генерального штаба вводится система тылового обеспечения ВВС по территориальному принципу. В соответствии с директивой театры военных действий делились на авиационные районы шириной 50 — 100 км и глубиной 150 — 200 км. Основное назначение авиационного района заключалось в подготовке территории в авиационно-тыловом отношении (строительство аэродромов, создание запасов материальных средств и др.) и обеспечении авиационных соединений и частей, располагавшихся на аэродромах. Начальник авиационного района непосредственно подчинялся начальнику тыла ВВС округа, а в оперативном отношении — командиру авиационного соединения, базирующегося на данный район.

Авиационные парки изымались из авиационных соединений и частей и переформировывались в авиационные базы, которые предназначались для решения задач тылового обеспечения авиационных корпусов, дивизий и полков. Размещались авиационные базы на аэродромных узлах. Основная часть авиационной базы находилась на главном аэродроме, а подразделения аэродромного обслуживания — на оперативных аэродромах аэродромного узла. При необходимости авиационные базы могли выделять внештатные комендатуры для обеспечения эскадрилий на отдельных аэродромах. Подвижные запасы в авиационных базах предполагалось содержать в размерах: авиационных боеприпасов — 3 — 5 боекомплектов, авиационного горючего — 3 — 5 заправок. Подвоз материальных средств со станций снабжения (армейских складов и их отделений) до аэродромов предусматривалось осуществлять силами и средствами авиационных баз, которые при необходимости усиливались армейским транспортом.

Одновременно были приняты меры по усилению инженерно-аэродромной и аэродромно-технической служб. В составе Главного управления ВВС создается управление аэродромного строительства, а в округах — отделы. В 1933 г. в составе инженерных войск формируются инженерно-аэродромные батальо-

ны, которые 1936 г. передаются ВВС военных округов. С выделением авиационного тыла из состава летных частей и соединений медицинская служба ВВС стала подразделяться на медицинскую службу летных соединений и частей и медицинскую службу частей тыла. В 1936 г. при Санитарном управлении Красной Армии вместо инспектора был создан отдел санитарной службы ВВС.

Одновременно при Главном управлении ВВС организуется отдел авиационной медицины, а в штат отдела ВВС военного округа вводится должность флагманского врача.

В результате осуществления мер по совершенствованию авиационного тыла командиры авиационных соединений и частей освободились от решения многих вопросов тылового обеспечения, что способствовало повышению в целом боевой готовности ВВС.

ВВС РККА В 30-е гг. XX ВЕКА: ИНЖЕНЕРНО-АЭРОДРОМНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Малахов Д.Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

К началу 30-х годов на оснащение ВВС РККА стали поступать более совершенные истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5 (они же самолеты-разведчики), штурмовики ТШ-2. Изменилось и соотношение родов авиации. Если в 1928 г. в составе ВВС преобладали разведывательные самолеты (82%), то теперь соотношение изменилось в пользу бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей.

С появлением на вооружении ВВС новой авиатехники повысились требования к процессу инженерно-аэродромного обеспечения [1]. Для руководства этой работой еще в начале 1924 г. в составе Главного управления ВВФ РККА был создан отдел аэродромного строительства, на который в конце 20-х годов возлагалось решение вопросов, связанных с организацией проектирования и строительства аэродромов, а также сооружений различного характера и предназначения на них [2]. Отдел был подчинен начальнику Управления ВВС РККА, но общее руководство строительством аэродромов было сосредоточено в Военно-строительном управлении Красной Армии (ВСУ РККА) [3].

В целях повышения качества инженерно-аэродромного обеспечения развивающейся советской авиации в 1932 г. отдел аэродромного строительства в Главном управлении ВВС был реорганизован в Управление, а в военных округах были созданы управления начальников авиационного строительства, а ранее существовавшие управления начальников работ и другие строительные организации были ликвидированы [4].

В составе Главного управления ВВС создается управление аэродромного строительства, а в округах — отделы. В 1933 г. в составе инженерных войск формируются инженерно-аэродромные батальоны, которые в 1936 г. из инженерных войск передаются ВВС военных округов. В управлениях ВВС округов были созданы отделы аэродромного строительства, на которые были возложены задачи по проектированию аэродромов и руководству инженерно-аэродромными батальонами, а также другими строительными организациями, занимающимися строительством аэродромов на территории военного округа.

В мае 1937 г. в управлениях ВВС округов были созданы отделы аэродромного строительства (12 военнослужащих и 35 вольнонаемных специалистов), на которые были возложены задачи по проектированию аэродромов и осуществлению технического руководства инженерно-аэродромными батальонами и другими строительными организациями, занимавшиеся строительством аэродромов на территории округа.

С введением территориальной организации тыла в 1938 г. инженерно-аэродромные батальоны были подчинены начальникам авиационных районов, которые руководили работами по освоению территории района в авиационном отношении: строили аэродромы и другие объекты, призванные проводить тыловое обеспечение [5].

В 1939 г. строительство постоянных аэродромов и капитальных сооружений на них было передано военно-строительным организациям (ВСУ РККА, Главвоенстрой)[6].

По состоянию на 30 сентября 1940 г. в составе ВВС РККА имелось 26 инженерно-аэродромных батальонов [7].

Повышенные требования к аэродромам привели к необходимости разработки теоретических положений аэродромостроения.

Увеличение объема работ по созданию аэродромной сети, вызванное строительством новых аэродромов с большими линейными размерами летных полей, потребовало создания новых методов проектирования аэродромов и в первую очередь проектирование вертикальной планировки летных полей.

В конце 20-х начале 30-х гг. многими теоретиками анализируется опыт аэродромного обеспечения боевых действий авиации, и формулируются тактико-технические требования к аэродромам. В этих требованиях устанавливается форма аэродромов в плане (в виде круга или квадрата), регламентируются линейные размеры аэродромов, качество поверхности грунта, устанавливается перечень специального оборудования аэродромов. Все аэродромы стали классифицироваться по ряду основных признаков: по принадлежности, назначению, емкости [8].

Важнейшей задачей являлось строительство новых и реконструкция старых аэродромов. В течение межвоенного периода уточнялись старые и формировались новые тактико-технические требования к аэродромам: была установлена форма летного поля в плане (она прошла эволюцию от круга через квадрат к

прямоугольнику), регламентированы его линейные размеры. На аэродроме был установлен порядок взлета, посадки и руления самолетов. Рабочая площадь аэродрома делилась на три полосы: взлета, посадки, нейтральная [9]. Размер летного поля составлял в длину от 1200 до 1400 метров и в ширину от 100 до 400 метров, также было определено качество поверхности грунта и установлен постоянно уточнявшийся перечень специального оборудования аэродромов.

До конца 20-х годов земляные работы при создании летных полей занимали незначительную долю в общем комплексе работ по строительству аэродромов. В дальнейшем в связи с количественно-качественным ростом авиации появилась необходимость проведения трудоемких земляных работ, что потребовало разработки специальных методов проектирования и подсчета объема земляных массивов, и применения в практике аэродромного строительства машин и механизмов, используемых в дорожном строительстве (скреперы, грейдеры, катки и т. д.) [10].

С ростом мощностей авиационных моторов и увеличением количества самолетов, базирующихся на одном аэродроме, значительно возросли потребные емкости бензохранилищ. Существовавшие ранее способы хранения горючего в мелкой таре, в небольших погребках уже не удовлетворяли потребностям авиации. В соответствии с этим были созданы системы бензохранилищ с огневыми предохранителями с одновременным решением проблемы централизованной подачи бензина к самолетам и решены проблемы с противопожарной безопасностью.

К началу 30-х годов для обеспечения полетов на аэродроме по нормам специального хранения необходимо было иметь, агрегаты и запасные части к двигателям для самолетов. В 1936 г. в соответствии с Наставлением по технико-эксплуатационной службе, утвержденным начальником ВВС РККА Я.И. Алкснисом и введенным в действие приказом по ВВС № 38 от 14 февраля, для обеспечения полетов авиационных частей необходимо иметь сложные средства механизации аэродромной службы, в число которых входили: автомобили, тракторы, бульдозеры, грейдеры, подъемные краны, транспортеры и другая строительная техника [11].

В 1933 г. перед аэродромостроителями была поставлена задача, обеспечить круглогодичную бесперебойную работу авиации. Для решения этой проблемы на грунтовых аэродромах стали устраивать системы поверхностного дренажа. Но эта мера не решила проблему, особенно для самолетов тяжелых типов. В этот период начинают строиться ВПП, РД, МС с искусственным покрытием. Первые искусственные покрытия на аэродромах СССР были сделаны из цементно-бетонных плит. Одновременно с этим проводилось опытное строительство аэродромных покрытий из грунтоасфальта.

В 1933 г. были сформированы инженерно-аэродромные батальоны, которые состояли из двух аэродромных рот, транспортной и учебной роты, технической части, комендантского и электротехнического взводов, штаба (численность

составляла — 642 человека). Командир инженерно-аэродромного батальона имел право привлекать для производства земляных работ вольнонаемную рабочую силу, что давало возможность в течение летнего сезона силами одного инженерно-аэродромного батальона построить 2-3 аэродрома.

В 30-е годы были построены многие крупные и хорошо оборудованные аэродромы, что дало основание называть их авиационными гарнизонами. Их состояние могли бы лучше характеризовать термины «аэрибаза» или «аэропорт»; однако первый из них вскоре стал обозначать часть авиационного тыла, а второй был задействован для характеристики хозяйства такого же уровня в Гражданском воздушном флоте. Первыми авиационными гарнизонами стали такие аэродромы, как Щелково (Чкаловский), Монино, Люберцы, Кубинка, Сеща — в Московском военном округе; Гатчина, Горелово, Пушкин, Пулково — в Ленинградском и многие действующие до настоящего времени аэродромы на территориях других военных округов [12].

На качественно новый уровень в 30-е годы была поднята разработка проблем тылового обеспечения войск в операциях всех видов. Мобилизационное развертывание тыла планировалось осуществлять исходя из взглядов на начальный период войны. В первую очередь требовалось отмотилизовать тыловые части и учреждения армий прикрытия приграничных военных округов, а также основных сил авиации и войск ПВО. Фронтовые тыловые части и учреждения, военно-учебные заведения и запасные части планировалось отмотилизовать после развертывания фронтов, а находящиеся в глубине территории страны подлежали отмотилизации в последнюю очередь. Поэтому в мирное время содержалось лишь небольшое количество органов стратегического тыла, необходимое для обеспечения повседневной деятельности войск и развертывания тыла в установленные мобилизационными планами сроки [13].

Фронтový тыл предполагалось развернуть на базе окружных стационарных тыловых учреждений. Для размещения тыловых частей и учреждений, использования местной материально-технической базы фронту определялся тыловой район глубиной до 500 км, через который должны проходить 2 — 3 железные дороги. Считалось, что для проведения фронтовой наступательной операции необходимо иметь 8 — 10 боекомплектов боеприпасов, до 10 заправок горючего, продовольствия и зернового фуража на месяц.

Количество ремонтных предприятий для фронтов определялось наличием в них боевой, транспортной и специальной техники, а также предполагаемым числом ее ремонтов при подготовке и в ходе операции. В основу технического обеспечения легла единая для всех родов войск и служб планово-предупредительная система обслуживания и ремонта: текущий ремонт осуществлялся экипажами (расчетами) и войсковыми ремонтными средствами, средний — в ремонтных подразделениях и учреждениях оперативного звена, капитальный — в ремонтных учреждениях фронтов, центра и на предприятиях промышленности [14].

В целях повышения эффективности тылового обеспечения принимались меры по созданию новых образцов техники тыла. Так, в 1932 — 1938 гг. на базе автомобильных шасси и прицепов были созданы полевые автохлебозаводы, походные автомастерские для ремонта обуви, полевые автокузницы, механизированные полевые пункты для убоя скота. Были созданы первые образцы санитарной техники на базе автомобиля: унифицированный санитарный автомобиль, обмывочно-дезинфекционная и авторентгеновская установки, санитарно-бактериологическая лаборатория [15].

Авиационная техника совершенствовалась очень быстро: уже в середине 30-х годов в части ВВС пришли самолеты второго поколения, на основе которых были сформированы соединения, а чуть позже — и объединения. Одновременная заправка горючим значительного количества самолетов с помощью ручных насосов в этих условиях стала невозможна: она отнимала слишком много времени. В 1935 г. для обеспечения механизированной заправки самолетов горючим были созданы и начали поступать в войска бензозаправщики БЗ-35, смонтированный на шасси автомобиля ЗИС-6 и автомобильный бензоприцеп БП-35. Поскольку этих машин в войсках катастрофически не хватало, в 1938 г. специально для частей истребительной авиации строились бензозаправщики БЗ-38 на базе более легкого автомобиля ГАЗ-АА, а также заправщики ШЗ-34, водомаслозаправщики ВМЗ-33, маслозаправщики МЗ-33 и другая техника [16].

Поступление на вооружение авиационных частей самолетов новых типов потребовало механизации многих процессов тылового обеспечения полетов, и в этой связи начали предприниматься меры по улучшению технического оснащения подразделений и частей авиационного тыла.

Так же, стала появляться специальная техника и средства механизации, использовавшиеся при проведении аэродромно-технического обеспечения. Так, в соответствии с Наставлением по технико-эксплуатационной службе, введенным в действие приказом по ВВС № 38 от 14 февраля [17], для обеспечения аэродромно-технического обеспечения полагалось иметь значительный перечень средств механизации, в число которых входили: компрессоры различных типов, предназначенные для зарядки бортовых и наземных баллонов сжатым воздухом для запуска моторов самолетов; автомобильные авиастартеры типа КАС-1 и КАС-2, обеспечивавшие раскрутку коленчатого вала авиационных моторов, автомобили и тракторы разных типов, а также смонтированные на автомобильном шасси бомбо-, бензо-, масло- и водозаправщики, водомаслогрейки и пожарные машины, а также другая техника. Все это не только потребовало подготовки соответствующих специалистов, но и повысило эффективность их труда и аэродромно-технического обеспечения в целом.

В составе тыла ВВС Красной Армии появились и стали совершенствоваться подразделения автотранспортной службы, использовавшие как отечественную, так и импортную технику, количество которой в Красной Армии много-

кратно увеличивалось год от года. Так, если в 1928 г. в Вооруженных Силах СССР насчитывалось около 1200 грузовых автомобилей, то к концу 1935 г. их число приблизилось к 35 тысячам; в составе транспортных подразделений содержалось свыше 6 тысяч тракторов. К июню 1941 г. в войсках имелось около 273 тыс. автомобилей и 42 тыс. тракторов. В случае войны планировалось использовать автомобильный парк народного хозяйства страны, который рассматривался как стратегический резерв и насчитывал 820 тыс. автомобилей, в том числе более 700 тыс. грузовых.

Следует отметить, что части тыла ВВС Красной Армии были не полностью укомплектованы автотранспортом. Так, в ВВС Западного Особого военного округа из 1569 грузовых автомобилей, положенных по штату мирного времени, находилось в эксплуатации 1239 машин [18]. Предполагалось доукомплектовывать тыловые подразделения транспортом, мобилизованным из народного хозяйства с началом военных действий, однако мощный внезапный удар фашистских армий не позволил сделать этого. Кроме автомобильной техники в транспортных подразделениях ВВС содержались использовавшиеся для организации фельдъегерской почтовой связи мотоциклы и велосипеды.

Однако более актуально было создание техники, предназначенной для обеспечения полетов авиации. Поэтому в то время создавались промышленностью и начинали поступать в войска разнообразные средства механизации и техника связи на механическом ходу. Так, например, усложнение авиационных моторов, повышение их массы и мощности потребовало применения специальных приспособлений для их запуска. В начале 30-х годов были освоены промышленностью и стали поступать в авиационные части аэродромные стартеры АС-2, смонтированные на шасси автомобиля ГАЗ-АА. Создавались полевые хлебозаводы, авиаремонтные мастерские на автомобильной и железнодорожной базе; появились обмывочно-дезинфекционные установки на автотяге, пожарные и санитарные автомобили. В ВВС РККА имелись два типа наземных аэродромных радиостанций с высокими антеннами, возимые на 4 — 6 гужевых повозках или на 2 — 3 автомобилях. Для связи с истребителями применяются легкие радиостанции фирмы Маркони АВ-5Д. Они были переносными и при перевозке легко размещались на одной повозке [19].

Для управления авиационными формированиями строились узлы и линии проводной связи. Связисты тыла ВВС использовали освоенный в производстве в 1934 г. полевой телеграфный кабель ПТГ-19, полевой кабель ПТФ-7, для прокладки которых использовались несложные кабелеукладчики, создававшиеся в авиаремонтных мастерских [20]. Во второй половине 30-х годов были созданы первые отечественные радиолокационные станции и первые образцы аппаратуры радиотехнического обеспечения полетов, такие как приводная радиостанция «Пчела» с дальностью действия до 1000 километров и радиотехническая система «Ночь-1», предназначенная для обеспечения ночных полетов [21].

Следует отметить, что мощность оборонной промышленности еще не по-

зволюла снабжать ВВС указанными техническими средствами в достаточном количестве. Поэтому в авиационных соединениях и тыловых частях имел место значительный некомплект подобных средств. Так, например, обеспеченность подразделений тыла ВВС Ленинградского военного округа накануне Великой Отечественной войны составляла: автомобильной техникой — 45%, наземными радиостанциями — 30%, приводными радиостанциями — 81% [22].

В период 1930 — 1940 гг. развитие тыла ВВС шло не только по линии совершенствования организационно-штатной структуры и технического оснащения его частей, но и по линии уточнения функциональной деятельности различных органов тыла. В целом в межвоенный период был сделан большой шаг вперёд, заключавшийся в переходе к использованию в целях тылового обеспечения ВВС средств механизации и специальных машин различного назначения, отвечающих, в основном, требованиям времени. Однако, из-за стремительного роста количества самолетов в ВВС и недостаточной мощности отечественной промышленности, обеспечить авиацию необходимым количеством указанных средств оказалось невозможно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Инженерно-аэродромное обеспечение — комплекс мероприятий инженерного обеспечения, проводимых с целью наибольшего приспособления и эффективного использования свойств местности в интересах выполнения боевых задач своими войсками и затруднений действий противника и нанесение ему потерь. — См.: Военный энциклопедический словарь. — С.540; Военная энциклопедия. — Т.3. — С.340.
2. РГВА. — Ф.4. — Оп.3. — Д.2575. — Л.210.
3. История создания и развития отечественных Военно-воздушных сил. [Текст]. — Т. 1. — Монино: ВВА, 1998. — С.69.
4. Мякошин, В. А., Паршинцев, А. А. Развитие авиационного тыла (1914 — 1990 гг.). [Текст]. / В.А. Мякошин, А.А. Паршинцев — Монино: ВВА. — 1991. — С. 32 — 33.
5. Развитие Тыла Советских Вооруженных Сил (1918 — 1988 гг.). [Текст]. — М.: Воениздат, 1989. — С.88.
6. Мякошин В. А., Паршинцев А. А. Указ. соч. [Текст]. — С.33.
7. ЦАМО РФ. — Ф.35. — Оп.11282. — Д.5. — Л.9 — 10.
8. Мякошин, В. А., Паршинцев, А. А. Указ. соч. [Текст]. — С.30 — 31.
9. Наставление по производству полетов Военных воздушных сил РККА (НПП-38). Часть I. Сухопутная авиация. [Текст]. — М.: Воениздат, 1938. — С.12 — 15.
10. Мякошин, В. А., Паршинцев, А. А. Указ. соч. [Текст]. — С.32.
11. Инженерно-аэродромное обеспечение авиации в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.). [Текст]. — М.: Воениздат, 1952. — С.63.
12. Зарецкий, С. В. Развитие тыла ВВС Красной Армии в межвоенный период (1921 — 1941): Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, [Текст]./ С.В. Зарецкий. — Монино: ВВА, 2006. — С.178.
13. История военной стратегии. [Текст]. — М.: Кучково поле, 2000. — С.246.
14. Там же. — С.247.
15. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. [Текст]. — М.: Воениздат, 1977. — С.66.

16. РГВА. — Ф.24699. — Оп.1. — Д.347. — Л.97.
17. РГВА. — Ф.29. — Оп.56. — Д.26. — Л.169.
18. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. [Текст]. — М.: Воениздат, 1974. — С.60.
19. История создания и развития отечественных Военно-воздушных Сил. [Текст]. Т. 2. — Монино: ВВА, 1999. — С.158.
20. Состав тыла Красной Армии. Ч. I., Войсковой тыл. [Текст]. — М.: Воениздат, 1941. — С.156.
21. Шумихин, В.С. Советская военная авиация 1917 — 1941 гг. [Текст]. — М.: Наука, 1978. — С.17.
22. Подсчитано автором по материалам: ЦАМО РФ. — Ф.35. Оп.11282. Д.39. Л132 — 134.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ В СОВЕТСКО- ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939 — 1940 гг.

Ковалев И.А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Сложная обстановка создавалась на северо-западе страны, на границе с Финляндией, отношение которой к Советскому Союзу в то время характеризует заявление П. Свинхувуда, занимавшего пост президента в 1931 — 1937 гг.: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии».

Боевые действия в ходе войны с Финляндией велись на широком фронте почти на всей советско-финляндской границе протяженностью свыше 1500 км. В начале войны финны имели 15 дивизий и около 300 самолетов. С советской стороны действовало 18 дивизий, объединенных в четыре армии, и более 1500 самолетов. И с той и с другой стороны значительным был процент неисправной авиатехники.

Применение авиации в боевых действиях на советско-финляндской границе имели свои особенности, обусловленные не испытанными ранее масштабами привлечения ВВС к участию в войне, климатическими и физико-географическими условиями, особенностями оборудования театра военных действий и другими факторами.

Боевой опыт указал на целый ряд слабых мест в техническом оснащении Советских ВВС, их организационной структуре и теории боевого применения.

В составе авиации, участвовавшей в войне с Финляндией, был большим удельный вес истребителей. К началу войны, в ВВС 7-й армии их было 40%; 33% составляли средние бомбардировщики, 9% — дальние и 18% — самолеты безнадежно устаревших конструкций. Численность истребителей в 6 раз превышала количество самолетов аналогичного класса у противника, и такой

состав группировки не отвечал целям, которые перед ней стояли. Как указывал в своем донесении народному комиссару обороны СССР К. Е. Ворошилову начальник ВВС РККА Я. В. Смушкевич, «...при наличии пассивного и слабого воздушного противника такое огромное количество... является неэкономным и даже расточительным». Однако создавшееся положение не менялось.

После создания на Карельском перешейке Северо-Западного, фронта авиационная группировка там стала включать ВВС фронта (командующий комкор Е. С. Птухин), ВВС 7-й армии (командующий комкор С. П. Денисов) и ВВС 13-й армии (командующий комбриг Ф. П. Польшин). Таким образом авиация была поделена на армейскую и фронтовую группы. Значительного увеличения сил при этом не произошло, но изменился подход к целераспределению, управлению силами и средствами.

В связи с особенностями организационной структуры управление авиационной группировкой на Карельском перешейке было децентрализованным. Отсутствие сильного противника в воздухе и подавляющее численное превосходство советской авиации позволили общевойсковому командованию осуществлять руководство ВВС не как видом Вооруженных Сил, а как родом Сухопутных войск. Командующий Северо-Западным фронтом ставил задачи частям фронтовой группы авиации, командующие армиями — находившимся в их подчинении авиационным соединениям. Это затрудняло централизованное использование сил ВВС, не давало возможности сосредоточить усилия на решении главных задач, наносить массированные удары и тем самым повышать эффективность боевого применения авиатехники, обладавшей ограниченными боевыми возможностями.

Техническое обеспечение управления авиацией оставалось на низком уровне. Проводная связь являлась основным средством для передачи любой информации. Радио широко не использовалось. Для обнаружения пролетов самолетов противника, находившихся в воздухе, под Ленинградом впервые были использованы советские радиолокационные станции РУС-1. Однако несовершенство конструкции и малое количество РЛС не позволили широко использовать их в войне.

Взаимодействие авиации с сухопутными войсками организовывалось общевойсковым командованием. В штабах армий отрабатывались плановые таблицы взаимодействия, в которых отражались действия пехоты, артиллерии, танков и авиации, приведенные к единому времени, а также сигналы взаимного опознавания и целеуказания. Были разработаны единые ориентирные схемы и таблицы радиосигналов.

В тактическом взаимодействии с сухопутными войсками должны были действовать части армейской авиации. Фронтовая группа предназначалась для поражения целей в оперативной глубине обороны противника. Перед началом наступления объекты ударов для армейской авиации выбирались на расстоянии до 1 км от боевых порядков своей пехоты, с началом же его объекты

действий авиации отодвинулись от расположения своих войск на 4 — 7 км. Это обуславливалось низкими возможностями средств, использовавшихся для обозначения переднего края. В ходе ведения наступательных боев не было возможности выкладывать сигнальные полотнища. Поэтому пехота не обозначала себя перед авиацией, целеуказание бомбардировщикам не осуществлялось.

В войне с Финляндией советская авиация решала следующие задачи: поддержка сухопутных войск; борьба за господство в воздухе; действия по коммуникациям и резервам противника; воздушная разведка; снабжение войск по воздуху; бомбардировка военно-промышленных и административно-политических центров.

Из-за отсутствия точных данных о характере сооружений на главной оборонительной полосе противника бомбардировщики действовали по районам предполагаемого расположения узлов сопротивления. Только с конца января 1940 г. действия авиации приобрели большую целеустремленность. Для разрушения особо прочных сооружений применялись авиационные бомбы крупного калибра. Однако из-за малых размеров целей, их замаскированности и отсутствия целеуказаний с земли расход боеприпасов был большим. Так, авиация 7-й и 13-й армий сбросила по малоразмерным и особо прочным объектам 873 ФАБ-500 и 6627 ФАБ-250. После взятия линии Маннергейма и осмотра ее сооружений на участках этих армий было отмечено всего 2 — 3 прямых попадания таких бомб в подобные объекты.

Борьба за господство в воздухе не велась с высокой интенсивностью из-за слабости финской авиации. Однако на нее были осуществлены значительные затраты летного ресурса — 31% от общего количества, самолетовылетов. Главной причиной этого явилось использование пассивных способов борьбы за господство в Воздухе. Основным средством для его завоевания являлась истребительная авиация, израсходовавшая около 60% своего налета на выполнение этой задачи.

Всего за время войны был уничтожен 381 самолет противника. Из этого количества 320 самолетов являлись истребителями. Из общего числа потерянных самолетов только 22 уничтожено на земле; 213 были сбиты советскими истребителями в воздушных боях; 146 истребителей противника уничтожили бомбардировщики в оборонительных воздушных боях.

Советская авиация за тот же период времени потеряла 200 самолетов. Причем 62% из них погибло при невыясненных обстоятельствах. По-видимому, это было связано со сложными погодными условиями и непригодностью самолетов к действиям в них.

Одной из важных задач авиации являлись действия по коммуникациям и резервам противника. На ее выполнение было израсходовано 13% самолетовылетов.

Борьба с оперативными резервами проводилась путем нанесения ударов по железнодорожным станциям и эшелонам, находившимся в движении. Такти-

ческие резервы уничтожались в районах сосредоточения. Железнодорожные коммуникации разрушались на всем фронте, однако основные усилия были сосредоточены на железных дорогах, ведущих от портов Ботнического залива к Карельскому перешейку.

Ведению воздушной разведки в начале войны не уделялось достаточного внимания. Она не обеспечивала необходимую полноту и достоверность представляемых данных. Характер обороны противника оставался невыясненным, и это явилось одной из причин того, что она не была подавлена в декабре 1939 г. Лишь в процессе ведения боевых действий обратились к использованию аэрофотосъемки. С ее помощью за 10 дней, начиная с 23 декабря, была вскрыта значительная часть инженерных сооружений на главной полосе обороны противника. Всего было произведено 40000 аэрофотоснимков, запечатлевших 4000 кв. км земной поверхности.

Тактика родов авиации зимой 1939 — 1940 гг. обогатилась некоторыми новыми положениями.

Бомбардировочная авиация также, как и в Монголии, действовала группами по 9 — 12 самолетов. Однако необходимость действий по малоразмерным прочным сооружениям потребовала снижения высот бомбометания до 2000 м и применения бомб крупного калибра (250 и 500 кг). При бомбардировках объектов тыла противника для снижения вероятности потерь от огня его зенитной артиллерии бомбардировщики использовали высоты 4 — 5 тыс. м. Так, ВВС Северо-Западного фронта, действовавшие в основном по объектам на линии Маннергейма, 55,6% всех своих самолетовылетов совершили на высоте 2000 м; экипажи Особой авиационной группы, осуществлявшие бомбардировки объектов тыла, 66,3% своих вылетов выполняли на высотах 4000 — 5000 м.

Истребительная авиация получила значительно меньше опыта, поскольку авиация противника оказывала слабое сопротивление. Помимо выполнения своей основной задачи — прикрытия войск и коммуникаций, она с успехом привлекалась для действий по войскам и технике противника на поле боя, ведения борьбы с железнодорожными и автомобильными перевозками, выполнения воздушной разведки.

Эффективными были штурмовые действия истребителей по железнодорожным эшелонам, находившимся в движении, с применением авиационных бомб и пулеметно-пушечного огня. Подразделения 54-й истребительной авиационной бригады в период с 14 февраля по 11 марта 1940 г. произвели 786 самолетовылетов, действуя по железнодорожным коммуникациям. Было израсходовано 36711 снарядов, 171629 патронов, некоторое количество авиабомб. При этом было выведено из строя 82 паровоза, более сотни вагонов, сожжено 12 железнодорожных цистерн. Атака эшелонов осуществлялась под углом 80 — 90 градусов к направлению их движения.

Таким образом, в войне с Финляндией Советские Военно-воздушные силы прошли последнюю перед началом Великой Отечественной войны суровую

проверку. Результаты этой проверки указали на необходимость проведения третьего перевооружения Советских ВВС на новую материальную часть. Оно началось в конце 1940 г. Было принято правильное решение о реорганизации авиационного тыла и построения его по территориальному принципу. К практической реализации этого решения приступили только через год. Лишь в марте 1941 г. начался переход авиационного тыла на новую организационную структуру. А заканчивать его пришлось уже в ходе Великой Отечественной войны. Авиаторы продемонстрировали самоотверженность и преданность Родине. Из состава ВВС 54 человека были удостоены звания Героя Советского Союза.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РККА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Жарков В.В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В середине 20-х гг. XX века военно-политическое руководство страны провело целый ряд мероприятий направленных на укрепление влияния партии в армии. Так, в принятом на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. новом уставе партии впервые был введен специальный раздел «О парторганизациях в Красной Армии», который окончательно закреплял организационные формы, права и обязанности партийных организаций Вооруженных Сил[1]. Выступавший на съезде с докладом об изменении Устава партии А.А. Андреев говорил: «Этого пункта не было в прежнем уставе, его необходимо ввести, потому что в Красной Армии у нас сосредоточена довольно значительная часть членов партии, которые работают на основе особых положений, в отступлении от нормальных условий, в которых работают обычные организации нашей партии. Надо в уставном порядке закрепить эти исключительные положения, эти особенности, в которых вынуждены работать партийные организации в Красной Армии»[2].

Все эти мероприятия по укреплению армейских партийных организаций повлияли на их количественный рост. С 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г. парторганизации в армии выросли на 40% и с 1 января 1926 г. по 1 июля 1926 г. — на 16% [3].

Выступая на XVI съезде ВКП(б), командующий ОКДВА В.К. Блюхер после окончания боевых действий на КВЖД говорил: «Партийцы и комсомольцы, которые являются сейчас застрельщиками в социалистическом соревновании и ударничестве, являлись также застрельщиками отдать свою жизнь за дело рабочего класса»[4].

В Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1928 г. «О работе военных ячеек» наряду с достижениями были отмечены следующие недостатки и болезненные явления в состоянии и работе парторганизаций в РККА:

1) недостаточно решительное изживание болезненных явлений в собственной среде (пьянство, нарушения дисциплины, очковтирательство, отрыв от партийной жизни и др.);

2) слабая борьба с бюрократическими извращениями и материально бытовыми недочетами;

3) недостаточная вербовка в партию рабочих элементов;

4) недостаточное развитие самокритики и случаи активного сопротивления со стороны отдельных руководящих лиц начсостава;

5) ряд ненормальных явлений во внутрипартийных отношениях, как-то, недостаточная спайка отдельных групп начсостава с рядовыми партияцами [5].

В 1930 г. партийные организации Красной Армии приняли в свои ряды коммунистов в два раза больше чем в 1929 г.

К концу 1931 г. общая численность военной партийной организации составила около 200 тыс. коммунистов. Пик приема в партию в Красной Армии был отмечен в 1932 г., когда в партийные организации вступило более 150 тыс. военнослужащих [6]. В приказе Реввоенсовета СССР №0100 «Об итогах боевой подготовки РККА за 1932 г. и задачах на 1933 г.» говорилось: «Выросла партийная и комсомольская прослойка, достигающая уже 59,4% общей численности РККА, причем в рядовом составе прослойка достигла 20%» [7].

Так же, проходил рост партийной прослойки у начальствующего состава (в 1929 г. она составляла 96,8% от всего числа начальствующего состава, в 1931 г. — 97%).

Основным мероприятием, повлиявшим на рост партийной организации, стало партийное просвещение. В 1931 г. всеми формами партийной учебы было охвачено 313 616 человек, (в 1930 г. всего 264 820 человек, рост — 18,4%). В Московском военном округе начальную партийную школу посещали — 79%, а союзную школу — 82% членов партии [8].

В начале 30-х годов большое внимание уделялось ВЛКСМ, как основному поставщику кадров для ВКП(б). Начальник ПУРККА Я.Б. Гамарник, выступая на совещании начальников политических управлений округов посвященному итогам XVI съезда ВКП(б), отмечал: «Комсомол в Красной Армии является прямым помощником парторганизации, и вся работа организаций ВЛКСМ проводится под непосредственным руководством политорганов и партийных организаций частей и является неотъемлемой частью партийно-политической работы» [9].

Пополнение рядов происходило не только за счет приема в партию лучших бойцов и командиров, но и за счет коммунистов, прибывающих в армию по партийной мобилизации. Так, в 1931 г. по решению ЦК ВКП(б) в военные школы было направлено 7 тыс. коммунистов. ПУРККА сообщало о про-

веденной мобилизации в ВКП(б): «Проведенная в текущем году Центральным Комитетом партии мобилизация 7 тыс. коммунистов в военные школы дала армии очень хороший контингент» [10]. В июне 1931 г. ЦК ВКП(б) предложил местным партийным комитетам и впредь отбирать для Красной Армии лучших коммунистов. Исходя из этого решения, в 1932 г. была проведена еще одна партийная мобилизация (1 тыс. коммунистов) [11].

За 1932 г. и первую половину 1933 г. из парторганизации исключено 8 671 человек. Так, например за:

пьянство в 1932 г. исключено из партии — 350 человек, а за первую половину 1933 г. — 759;

нарушение партийной дисциплины в 1932 г. — 222 человека, а за первую половину 1933 г. — 854.

При сравнении данных показателей видно, что за первую половину 1933 г. исключено в несколько раз больше, чем за предыдущий год. Так же, следует обратить внимание на то, что появились новые статьи, по которым стали исключать из партии. Если до 1933 г. за отказ от службы в РККА исключенных не было, то за половину 1933 г. — 191 человек лишился партийного билета и пр. [12].

Связано это, прежде всего с массовой чисткой партии, начавшейся в 1933 г., которая по заявлению военного руководства помогла укрепить партийные организации и очистить их от случайных элементов.

С чисткой партии, проходившей в 1933-1934 гг., тесно связана проверка и обмен партийных документов. Данное мероприятие связано с тем, что во время чистки были выявлены нарушения в выдаче и хранении партийных документов. В середине февраля 1936 г. Я.Б. Гамарник выступил в ЦК ВКП(б) с докладом об итогах проверки партийных билетов в Ленинградском, Белорусском, Московском, Киевском, Уральском, Сибирском, Закавказском, Среднеазиатском и Харьковском военных округах. Им было отмечено, что партийные документы проверены, а по выявленным нарушениям проводятся необходимые расследования. В данных округах по решению ЦК ВКП(б) был разрешен обмен на партийные документы образца 1926 г.

Данные мероприятия повлекли за собой снижение числа коммунистов в Красной Армии. За 1933-1934 гг. численность военных коммунистов резко снизилась. Но руководители страны в своих выступлениях продолжали заявлять о процессе увеличения партийной прослойки. К.Е. Ворошилов в своем докладе «15 лет Красной Армии» отмечал: «Без всякого преувеличения можно сказать, что в деле подготовки большевистских военных кадров мы добились огромных, решительных результатов... Те беспартийные, сравнительно небольшой процент, который у нас остался на командных должностях — это абсолютно наши люди» [13].

В связи со сложившейся обстановкой при приеме в партию в марте 1934 г. ЦК ВКП(б) утвердил новую инструкцию партийным организациям, которая

вводила в Красной Армии новую организацию — кандидатские и партийно-комсомольские группы. Но принятие данного документа не позволило значительно увеличить численность, не говоря уже о качественной стороне партийной ячейки.

Выступая на XVII съезде ВКП(б) К.Е. Ворошилов и затронув вопрос о важнейшей роли комсомола, отмечал: «Борьба за социалистическую культуру и культурность бойцов и командиров РККА, за воспитание нового социалистического человека является важнейшей задачей армейской парторганизации и комсостава. При проведении воспитательной работы в Красной Армии политическая учеба занимает важнейшее место» [14].

Заметную роль в укреплении партийных организаций сыграло введение института сочувствующих, вновь введенном в соответствии с Уставом ЦК ВКП(б), принятом на XVII съезде. Сначала было принято решение о том, что институт сочувствующих не будет введен в РККА, но после того, как сочувствующие стали прибывать с очередным призывом, встал вопрос о введении данного института в армии. В октябре 1936 г. ПУРККА обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой ввести институт сочувствующих и в партийных организациях Красной Армии. С данным обращением выступил заместитель начальника ПУРККА Г.А. Осемян, который писал: «Это мероприятие должно обеспечить лучшую работу с сочувствующими прибывающими в армию с очередными призывами» [15].

В феврале 1937 г. было принято решение о введении института сочувствующих в Красной Армии для этого в инструкции организациям ВКП(б) было внесено добавление: «При первичных парторганизациях частей, учреждений и учебных заведений РККА создаются группы сочувствующих ВКП(б)».

В связи с увеличением Вооруженных Сил, вызванного переводом Красной Армии от смешанной системы комплектования к кадровой, а также в связи с массовыми репрессиями против военных кадров в 1937 г. из партии и комсомола были исключены сотни тысяч человек.

Быстрый рост Красной Армии и репрессии, привели к тому, что большое число командиров, часто молодых, не имевших достаточного опыта руководства, выдвигали на более высокие должности. Большинство из них были беспартийными, тем самым возникла предпосылка снижения влияния партии в Красной Армии.

Партийная прослойка в 1937 г. уменьшилась по сравнению с 1932 г. в два с лишним раза. Причем количество красноармейцев и младших командиров составляло в партийной организации менее одного процента (1 330 человек на всю Красную Армию) [16].

В 1938 г., когда количество коммунистов в армии достигло минимального порога, руководство страны приняло серьезные меры по увеличению партийной и комсомольской организации. На январском (1938 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении

коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Данное постановление публиковалось в печати, так в газете «Правда» за 19 января 1938 г. отмечалось: «... некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом... Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют без всяких тому оснований врагами народа, чинят беззаконие и произвол над членами партии... Бывший секретарь Киевского обкома Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступающим коммунистам с провокационным вопросом: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?». В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации...» [17].

На заседании партийного актива частей МВО начальник ПУРККА заявил: «На Пленуме со всей остротой были вскрыты безобразия с рассмотрением апелляций. Не лучше положение и в армейских парторганизациях. Парткомиссия ПУРККА имеет свыше 1 300 не разобранных дел» [18]. Также Л.З. Мехлис отмечал: «Огромнейшая армия младшего и среднего командного и политического состава игнорировалась и затиралась гамарниковско-булинскими шпионами. Они выдвигали узкий круг лиц, перемещали их с поста на пост, а политических работников — политруков, комиссаров батальонов... — они всячески затирали...» [19].

В феврале 1938 г. были проведены дивизионные партийные конференции, которые полностью одобрили решения январского Пленума ЦК ВКП(б) и поддерживали мобилизацию армейских коммунистов на укрепление партийных организаций.

После январского Пленума ЦК ВКП(б) (1938 г.), потребовавшего внимательного отношения к судьбам членов и кандидатов в партии, исправления ошибок, допущенных при исключении, за первые три месяца в парткомиссию ПУРККА было подано около 1 000 апелляций на неправильное исключение из партии. При рассмотрении апелляций около половины всех ранее исключенных было восстановлено в партии. В 1938 — 1939 годах были восстановлены 4 338 человек [20].

Только в январе-феврале 1938 г. в Московском, Северо-Кавказском, Белорусском, Киевском, Забайкальском, Уральском военных округах было принято в кандидаты 2 801 человек и в члены ВКП(б) — 1 308 человек, тогда, как за весь 1937 г. в этих 6 округах было принято в кандидаты 3 963 человека и в члены ВКП(б) — 2 665 человек [21].

Это в значительной мере способствовало пополнению армейских партийных организаций. В основном главным поставщиком кадров для партии являл-

ся комсомол, почти 90% всех принятых в партию являлись комсомольцами.

Для увеличения количества коммунистов в армии было принято решение об упрощении приема в партию. В феврале 1938 г. ЦК ВКП(б), обсудив вопрос о приеме красноармейцев в партию, принял решение «О приеме красноармейцев в партию», в котором говорилось:

1. Красноармейцы срочной службы из промышленных рабочих, если у них к моменту вступления в кандидаты или члены ВКП(б) насчитывается, с учетом службы в Красной Армии, 5 лет производственного стажа, принимать по первой категории.

2. При приеме в партию комсомольцев РККА — красноармейцев и командиров приравнивать к рекомендации 2-х членов партии рекомендацию ротного собрания комсомольцев [22].

Подводя итоги партийно-организационной работы в 1938 г. начальник ПУРККА Л.З. Мехлис говорил: «Если за весь 1937 г. было принято по РККА — 7 677, то за 9 месяцев 1938 г. принято — 57 186 человек в кандидаты партии и переведено 11 551 человек в члены партии, из них: красноармейцев — 12 770, младших командиров сверхсрочной службы — 13 458, младших командиров срочной службы — 13 713, комначсостава — 6 710» [23].

При сравнении цифр можно заметить, что начальник ПУРККА, как и другие военно-политические руководители были склонны к преувеличению.

Вместе с количественным ростом происходило значительное омоложение партийной организации Красной Армии. Членов партии с партстажем до 1920 г. насчитывалось 4,4%; с партстажем с 1921-1930 гг. — 30%; с партстажем с 1931-1937 гг. — 31,5%; с партстажем с 1938-1939 гг. — 34,3%. Армейская парторганизация была молода и по возрасту. Коммунисты в возрасте до 30 лет составляли 66,1%; от 30 до 40 лет — 38,5%; и старше 40 лет — всего лишь 3,4% [24].

В 1938 г. ПУРККА был проведен ряд инспекторских проверок партийно-политической работы, которые выявили ряд возмутительных и безобразных фактов. Так, в Свердловском пехотном училище обнаружены следующие недочеты:

рост партии идет очень медленно (за 8 месяцев принято 23 человека);

комсомольская организация упускает в своей работе вопросы дисциплины;

общеучилищная газета не выпускается;

социалистическое соревнование отсутствует[25].

Увеличение численности партийной прослойки продолжалось и в последующие годы. Так, на 1 января 1941 г. в Красной Армии насчитывалось 494 335 коммунистов, из них: членов ВКП(б) — 271 471 человек и кандидатов в члены партии — 222 864 человека [26].

ПУРККА распространила инструкцию партийным ячейкам в РККА (на мирное время):

сплочение всех своих членов и проведение работы по их большевистскому воспитанию;

активная помощь начальствующему составу в деле повышения боеспособности части, укрепления воинской дисциплины;

активное участие в социалистическом соревновании и ударничестве;

систематическая работа по подготовке коммунистов для ведения политработы в походно-боевых условиях;

интернациональное воспитание членов ВКП(б) и беспартийных красноармейцев посредством глубокого разъяснения национальной политики партии;

установление тесной связи с местными ячейками и активное участие в ротной и полковой печати [27].

В связи с быстрым ростом партийной организации можно выделить ряд негативных моментов:

во-первых, погоня за увеличением партийных рядов привела к не выполнению одного из основных положений Устава ВКП(б), в котором говорилось «прием в члены партии производится исключительно в индивидуальном порядке» [28]. На данный недостаток в директиве № 0143 от 13 мая 1939 г. обращал внимание начальник ПУРККА Л.З. Мехлис: «О каком индивидуальном отборе может идти речь при подобных задачах... принимать в ряды партии только лишь проверенных и преданных делу коммунизма товарищей» [29].

Во-вторых, следующим негативным моментом, связанным с быстрым ростом партийной прослойки в армии, явилась задержка выдачи партийных документов, это было вызвано тем, что ПУРККА нарушало установленный ЦК ВКП(б) порядок выдачи партдокументов в десятидневный срок, затягивая выдачу на срок до года [30].

В-третьих, в связи с быстрым ростом партийной прослойки в Красной Армии появилась запущенность в учете принятых в партию. В приказе ПУРККА № 571 от 20 ноября 1939 г. было отмечено, что отчет Политического управления КОВО за третий квартал 1939 г. составлен неправильно. «Численный состав по округу показал на 20 461 человек меньше, чем во втором квартале этого же года... Политуправление округа до сего времени не представило объяснения, куда делись свыше двадцати тысяч комсомольцев» [31]. Данный случай потери людей не единичен, в Политуправлениях других военных округов отмечены такие же недостатки в ведении учета приема в партию. Подобные недостатки содержались и в сводке Политуправления СКВО «О недостатках отчетных собраний», так например основными из них были: «Слабая работа с несоюзной молодежью, наличие фактов извращений при приеме в партию, имеются факты нарушения индивидуального подхода при приеме в ВЛКСМ» [32].

При проверке 18 стрелкового корпуса ОКДВА был отмечен серьезный недостаток: «Выдача комсомольских билетов задерживается по 6 месяцев и более, несмотря на большое наличие в политотделах бланков комсомольских би-

летов, политотдел 12-й стрелковой дивизии не выдал до 1 000 комсомольских билетов» [33].

ЦК ВЛКСМ придавал большое значение набору в военные училища, он обязывал комсомольские организации принимать активное участие в проведении набора молодежи в военные училища и практически оказывать помощь военкоматам и училищам в отборе кандидатов для поступления. Для этого необходимо было организовать широкую массово-разъяснительную работу среди молодежи на предприятиях, в колхозах, совхозах и учебных заведениях. Так, в 1939 г. ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление «Об участии комсомольских организаций в наборе в военные училища», в котором ЦК обязывал комсомольские организации практически оказать помощь военкоматам и военным училищам в отборе кандидатов для поступления в военные училища. Так же ЦК ВЛКСМ требовал: «Установите связь с военкоматами и военными училищами и совместно с ними организуйте широкую массово-разъяснительную работу среди молодежи... Организуйте встречи молодежи с командирами и курсантами военных училищ» [34].

Деятельность партийных и комсомольских организаций в Красной Армии включала в себя:

- обеспечение численного роста членов партии и комсомола;
- проведение решений партии и советского правительства, приказов и директив руководства Наркомата обороны СССР и Политического руководства;
- обеспечение авангардной роли коммунистов в боевой и политической подготовке;
- обучение и воспитание кадров;
- руководство и постоянный контроль за комсомолом.

Выполнение всех этих мероприятий в рассматриваемый период усугублялось массовыми репрессиями, исключением из партии, что приводило в свою очередь к неисправимым последствиям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмин, И.Ф. На страже мирного труда (1921-1940 гг.) [Текст]. — М.: Воениздат. — 1959. — С.212.
2. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет [Текст]. — М.-Л., 1926. — С.880.
3. РГВА. Ф.9. Оп.40. Д.15. Л.597 — 598.
4. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет [Текст]. — С.14.
5. См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. [Текст]. — С.249-250.
6. См.: Петров, Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918-1968 гг.) [Текст]. — М.: Воениздат, 1968. — С.223.
7. РГВА. Ф.4. Оп.18. Д.22. Л.365.
8. Там же. Ф.9. Оп.40. Д.31. Л.207.
9. Там же. Оп.29. Д.10. Л.88.
10. Там же. Л.303.
11. Петров, Ю.П. Указ. соч [Текст]. — С.224.

12. РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.12. Л.198.
13. Там же. Л.199
14. РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.243. Л.82
15. Там же. Л.83.
16. См.: Сувениров, О.Ф. Если б не та вакханалия [Текст] // Военно-исторический журнал. — 1989. — № 2. — С.56.
17. Правда [Текст]. — 1938. — 19 января.
18. См.: Партийно-политическая работа в РККА [Текст]. — 1938. — № 1-2. — С.17.
19. См.: Там же. — С.18.
20. Известия ЦК КПСС [Текст]. — 1990. — №1. — С.188.
21. См.: Партийно-политическая работа в РККА [Текст]. — 1938. — № 7. — С.5.
22. См.: Там же. — № 4. — С.40.
23. Известия ЦК КПСС [Текст]. — 1990. — №3. — С.193
24. Там же. — С.195.
25. РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.351. Л.38.
26. Там же. Оп.36. Д.4206. Л.1.
27. Там же. Оп.29. Д.10. Л.107.
28. См.: XVIII съезд ВКП(б) [Текст]. — С.678.
29. РГВА. Ф.9. Оп.40. Д.61. Л.129.
30. См.: Военно-исторический журнал [Текст]. — 1992. — № 1. — С.15.
31. РГВА. Ф.9. Оп.40. Д.66. Л.41.
32. См.: Там же. Оп.34. Д.22. Л.143.
33. Там же. Оп.29. Д.374 Л.173.
34. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.2. Д.91. Л.58.

РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ВОЙНЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Науменко А.А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Для того чтобы глубоко и всесторонне раскрыть развитие оперативного искусства ВВС в годы Великой Отечественной войны и показать значение опыта войны для современности, необходимо определить, что следует понимать под оперативным искусством Военно-воздушных сил и какие факторы влияют на его развитие.

Оперативное искусство Военно-воздушных сил — это наука о законах, формах и способах вооруженной борьбы (боевых действий) и искусство реализации боевых возможностей авиационных объединений. То есть, основное его направление — достижение целей с минимальными затратами сил и

средств. А это возможно лишь при условии, что будет правильно учтено положительное влияние факторов, влияющих на развитие оперативного искусства, к основным из которых следует отнести:

- военно-политическую обстановку;
- количество и качество средств вооруженной борьбы;
- взгляды сторон на ведение вооруженной борьбы;
- организационную структуру и систему управления войсками;
- опыт боевых действий и уровень подготовки командных кадров.

Именно с позиций оценки влияния указанных факторов и проследим развитие оперативного искусства ВВС в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, понимая при этом, что его основным содержанием является разработка и выбор целей, форм и способов, времени и объектов, определение способов управления, взаимодействия и обеспечения авиационных объединений.

Давая общую оценку оперативному искусству ВВС как науке и искусству, следует сказать, что оно в тяжелых условиях войны смогло превзойти военную мысль фашистской Германии, а наши командные кадры в трудной обстановке и в исключительно короткий срок смогли овладеть искусством управления оперативными объединениями Военно-воздушных сил.

Однако было бы неправильным, если мы сейчас основное внимание будем акцентировать только на положительном опыте, который дала нам война. Главное для нас — изучить историю, учесть положительное и сделать правильные выводы.

Военно-политическая обстановка накануне Великой Отечественной войны складывалась не в нашу пользу. Фашистская Германия перед нападением на Советский Союз перевела всю экономику на военные рельсы, идеологически обработала народ своей страны и народы поработанных стран. Ее армия была полностью развернута и оснащена самым современным по тому времени оружием.

Мы подготовку страны к отражению агрессии не завершили. Экономика в полном объеме не была подготовлена к войне. Происходило перевооружение Красной Армии и Военно-Морского Флота, шла организационная перестройка Вооруженных Сил.

Боевая мощь ВВС фашистской Германии превосходила боевую мощь наших Военно-воздушных сил. Если количественно по самолетному парку мы несколько превосходили Германию, то в качественном отношении значительно уступали ей. В составе наших ВВС свыше 80 процентов самолетов было старых типов, характеристики которых уступали противнику.

Фашистская Германия рассматривала свою авиацию как самостоятельный наступательный вид вооруженных сил, основными задачами которой являлись: завоевание превосходства в воздухе с самого начала войны; проведение самостоятельных воздушных операций; оказание поддержки сухопутным войскам

там и тогда, где и когда действия авиации могли дать наибольший эффект. Бомбардировочная авиация составляла 58 процентов самолетного парка.

В проекте Полевого устава Красной Армии 1941 года было определено, что основная задача авиации — содействие наземным войскам.

ВВС фашистской Германии перед нападением на Советский Союз состояли из пяти воздушных флотов.

Война застала наши Военно-воздушные силы в стадии организационной перестройки, итогом которой явилась децентрализация управления, распыление усилий авиации в результате передачи ее в подчинение различным инстанциям общевойсковой командования.

Враг имел двухлетний опыт боевых действий. Мы же такого не имели. Хотя часть наших авиационных командных кадров получила боевой опыт в Испании, на Халхин-Голе, в советско-финляндской войне, однако это был в основном опыт применения авиации в тактическом масштабе.

Теория применения Военно-воздушных сил в стратегической обороне и в условиях, когда противник захватил и прочно удерживает превосходство в воздухе, разработана не была.

Пагубно на Военно-воздушных силах сказалась частая смена руководящего состава в оперативно-стратегическом звене. Так, за три предвоенных года у руководства Военно-воздушными силами находилось пять начальников Главного управления ВВС, а за первые 20 дней войны дважды сменились командующие ВВС фронтов. К этому следует добавить, что перед войной из всех командующих ВВС военных округов лишь 13 процентов исполняли эту должность свыше одного года. Поэтому перед войной в своем большинстве командные кадры ВВС теоретически и практически не были полностью готовы к руководству авиационными соединениями и объединениями.

Фашистская Германия, максимально используя благоприятное влияние вышеназванных факторов, с самого начала войны лишила нас количественного превосходства по авиации. Только за первый день войны мы потеряли около 1200 самолетов, из них более 800 — на аэродромах. В результате этого с июня 1941 года и вплоть до лета 1943 года фашистская Германия, захватив инициативу, прочно удерживала превосходство в воздухе.

В исключительно трудных условиях начального периода войны наша военная мысль искала пути уменьшения отрицательного и усиления положительного влияния рассмотренных выше факторов. Результатом явилось:

а) Придание Военно-воздушным силам роли самостоятельного вида Вооруженных Сил — с июня 1941 года введена должность командующего ВВС и создан Военный совет Военно-воздушных сил.

б) Уточнение взглядов на применение авиации и изменение оргструктуры ВВС. Основной акцент был перенесен на массирование усилий и централизацию управления, что потребовало изменить оргструктуру ВВС. С мая 1942 года Военно-воздушные силы стали состоять из воздушных армий с подчинением их командующим фронтами.

в) Разработка и внедрение новых, более эффективных форм и способов боевого применения авиации главным образом в интересах сухопутных войск. Военная наука в этот период предложила авиационный удар, прикрытие войск, авиационное наступление.

В период, когда наши войска вели стратегическую оборону на всем советско-германском фронте, авиация самостоятельно проводила оперативно-стратегические задачи, но, как правило, не решала их. Ее основные усилия направлялись непосредственно на поддержку и прикрытие войск на поле боя. Отсюда основным способом боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации были эшелонированные удары частей и соединений мелкими группами с интервалами 10 — 15 минут под прикрытием 4 — 6 истребителей. А в истребительной авиации при прикрытии войск и тыловых объектов применялось патрулирование над заданными районами, перехват из положения дежурства на аэродроме или из засад, «свободная охота».

Самым распространенным способом при прикрытии войск было патрулирование. На патрулирование в годы Великой Отечественной войны было затрачено около 90 процентов самолетовылетов истребительной авиации. Такое применение авиации обеспечивало непрерывность воздействия по противнику в узкой полосе, однако вело к нерациональному расходованию сил, особенно истребительной авиации. Но другого выхода не было — техническая база управления авиацией была крайне слабой.

Более эффективно ВВС решали свои задачи в ходе авиационного наступления. Суть его заключалась в непрерывной поддержке наступающих сухопутных войск массированными действиями авиации на всю глубину операции. Первый опыт подготовки и проведения авиационного наступления был частично получен в контрнаступлении под Сталинградом, а в полном объеме — в контрнаступлении под Курском. В среднем, на авиационное наступление в ходе фронтовых наступательных операций было затрачено 40 — 56 процентов самолетовылетов от общего числа.

Продолжая оценку оперативного искусства ВВС в этот период, следует сказать, что проблема завоевания господства в воздухе в теоретическом и практическом плане в полном объеме не была решена. Военная наука указывала, что для завоевания господства в воздухе могут проводиться специальные воздушные операции и авиация противника может уничтожаться в ходе повседневных боевых действий. Однако теория воздушной операции с целью завоевания господства в воздухе глубокой разработки не получила.

В то же время опыт войны подтвердил, что воздушная операция — наиболее целесообразная форма для достижения господства в воздухе.

Примером может служить воздушная операция, проведенная в мае 1943 года совместными усилиями шести воздушных армий с целью ослабления 4 и 6-го воздушных флотов фашистской Германии. В результате было уничтожено свыше 500 самолетов противника, наши потери составили 122 самолета, т.е. в четыре с лишним раза меньше, чем у противника.

Наиболее эффективным был первый удар, в котором совершено около 450 самолетовылетов. В результате было уничтожено 194 самолета врага на аэродромах и 21 — в воздухе. Наши потери составили 20 самолетов.

Выводы по содержанию оперативного искусства ВВС за период с начала войны и до лета 1943 года.

1) Отрицательное влияние на развитие оперативного искусства ВВС оказали все рассмотренные ранее факторы, в силу чего многие его положения не полностью выдержали суровую проверку и подверглись изменениям и уточнениям.

2) Военной наукой своевременно не сделан был акцент на то, что Военно-воздушные силы — самостоятельный вид Вооруженных Сил, способный решать задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил и родов войск.

3) Завоеванию господства в воздухе в теоретическом и практическом плане должного внимания не уделялось.

4) Рассредоточение усилий Военно-воздушных сил не давало возможности рационально использовать их боевую мощь.

С лета 1943 года военно-политическая обстановка изменилась в нашу пользу — от стратегической обороны мы перешли к общему наступлению на всём советско-германском фронте, захватили стратегическое господство в воздухе, авиация стала занимать важное место в проводимых операциях. Благодаря превосходству нашей экономики, героическим усилиям советского народа, мужеству и героизму личного состава Военно-воздушных сил, в количественном и качественном отношении мы стали превосходить авиацию фашистской Германии. Был создан необходимый резерв для усиления воздушных армий, действующих на главных направлениях. В резерве Ставки Высшего Главнокомандующего находилось свыше 40 процентов самолетного парка. Был обобщен накопленный боевой опыт, повысился уровень оперативной подготовки командных кадров и стабилизировался их состав.

Новая оргструктура и созданный резерв Ставки Высшего Главнокомандующего позволили массировать усилия авиации и централизованно управлять ею.

По-иному указанные факторы повлияли на применение авиации фашистской Германии. Действия фашистских ВВС стали носить оборонительный характер. Удельный вес бомбардировочной авиации с 58 процентов в начале войны снизился до 17 процентов, а удельный вес истребительной авиации соответственно возрос с 31 до 59 процентов.

Однако, объективно оценивая противника, следует сказать, что даже в этих исключительно трудных для него условиях неукоснительно соблюдался принцип массирования сил, что позволяло ему на отдельных участках на короткое время создавать тактическое превосходство в воздухе.

Переход к централизованному управлению авиацией давал положительные результаты. Однако многие общевойсковые военачальники, получив в свое

распоряжение крупные авиационные объединения, стремились использовать все силы авиации, независимо от складывающейся обстановки, только для авиационной поддержки и прикрытия войск на поле боя.

Поэтому борьба за завоевание господства в воздухе, как необходимого условия для завоевания общего успеха, целенаправленно не велась. Господство в воздухе было завоевано в ходе авиационной поддержки и прикрытия войск, и благодаря всё возрастающему численному превосходству нашей авиации над противником.

Оперативное искусство ВВС не показало, насколько эффективными в этих условиях могли стать воздушные операции по уничтожению авиации противника на земле.

На борьбу с авиацией противника путем уничтожения ее на аэродромах, авиация затратила всего шесть процентов от общего количества совершенных ею самолетовылетов. Заметим, что за годы войны на один уничтоженный в воздухе самолет противника было произведено свыше 30 самолетовылетов, а на один, уничтоженный на земле, — около пяти самолетовылетов.

Военная наука в то время не дала четких рекомендаций по рациональному применению боевой мощи Военно-воздушных сил, а командные кадры не полностью использовали их возросшие боевые возможности. Достаточно сказать, что в ходе фронтовых наступательных операций завершающего периода войны основные усилия бомбардировочной и штурмовой авиации в основном сосредоточивались на уничтожении объектов противника на поле боя и в ближайшей оперативной глубине. Так, штурмовики свыше 80 процентов самолетовылетов совершили на глубину до 10 км, фронтовые бомбардировщики около 93 процентов самолетовылетов — на глубину до 50 км. На борьбу с резервами и для нарушения перевозок фронтовая авиация произвела не более 5 процентов самолетовылетов от общего количества.

Война показала, какое значение имеет правильно разработанная теория, насколько важно своевременно, всесторонне и объективно оценивать факторы, влияющие на развитие оперативного искусства ВВС.

Великая Отечественная война закончилась убедительной нашей победой, но победа досталась нам очень дорогой ценой.

Для нас извлечь уроки из опыта войны означает, что нужно сделать все возможное заранее, чтобы ослабить отрицательное и усилить положительное воздействие факторов, влияющих на развитие оперативного искусства ВВС.

Великая Отечественная война показала, насколько важно правильно решить проблему управления войсками. Говоря об управлении сейчас, следует иметь в виду глубину разработки теории, степень овладения ею командными кадрами, техническую базу и организационную структуру войск. Эти вопросы в настоящее время приобретают особую актуальность, так как фактор времени, когда стороны располагают такими высокомобильными и дальнобойными средствами вооруженной борьбы, приобретает решающее значение.

Великая Отечественная война показала, какое значение имеют морально-боевая, психологическая подготовка личного состава и всестороннее обеспечение боевых действий авиации. Этим вопросам и сейчас надо уделять постоянное внимание. Обстановка требует, что надо иметь такие методы подготовки и такие командные кадры, которые на деле обеспечивали бы высокое качество боевой, психологической подготовки и постоянную высокую боевую готовность войск к срыву агрессии противника.

Опыт Великой Отечественной войны — наше бесценное достояние, однако использовать его нужно творчески, с учетом изменившихся условий, резко возросших возможностей, с учетом имевших место недостатков накануне и в ходе Великой Отечественной войны.

ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА

Малыгин А.Б.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Общепринятое название «Вьетнамская война» или «война во Вьетнаме» — это Вторая Индокитайская война Вьетнама с США. Она началась примерно в 1961 году и окончилась 30 апреля 1975 года. В самом Вьетнаме эта война называется Освободительной, а иногда и Американской войной. Часто Вьетнамская война рассматривается как пик «холодной войны» между советским блоком и Китаем, с одной стороны, и США с некоторыми их союзниками — с другой. В Америке война во Вьетнаме считается самым темным пятном в ее истории. В истории Вьетнама эта война является, пожалуй, самой героической и трагической страницей.

Вьетнамская война являлась одновременно гражданской войной между различными политическими силами Вьетнама и вооруженной борьбой против американской оккупации.

После 1955 года Франция как колониальная держава уходит из Вьетнама. Половина страны севернее 17-й параллели, или Демократическая Республика Вьетнам, контролируется компартией Вьетнама, южная половина, или Республика Вьетнам — Соединенными Штатами Америки, которые управляют ею через марионеточные южновьетнамские правительства.

В 1956 г., в соответствии с Женевскими соглашениями по Вьетнаму, в стране должен был проводиться референдум о воссоединении страны, что в дальнейшем предусматривало выборы президента на всей территории Вьетнама. Однако, президент Южного Вьетнама Нго Динь Зьем отказался проводить референдум на Юге. Тогда Хо Ши Мин создает на Юге Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), который начинает партизанскую

войну с целью свергнуть Нго Дин Зьема и провести всеобщие выборы. Американцы называли НФОЮВ, а также правительство ДРВ, Вьетконгом. Слово «Вьетконг» имеет китайские корни (вьет конгшан) и переводится как «вьетнамский коммунист». США оказывают помощь Южному Вьетнаму и все более втягиваются в войну. В начале 60-х они вводят в Южный Вьетнам свои контингенты, с каждым годом увеличивая их численность.

2 августа 1964 эсминец ВМС США «Мэддокс» подошел к побережью Северного Вьетнама и якобы был атакован северовьетнамскими торпедными катерами. До настоящего времени неясно, была атака или нет. Со стороны американцев не было представлено свидетельств повреждений авианосца от атак вьетнамских катеров.

В качестве ответной меры президент США Л.Джонсон приказал американским военно-воздушным силам нанести удар по военно-морским объектам Северного Вьетнама. Затем подверглись бомбардировкам и другие объекты ДРВ. Таким образом, война распространилась на Северный Вьетнам.

Союзниками США во Вьетнамской войне были южновьетнамская армия (ARVN, то есть, Army of Republic of VietNam), контингенты Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи. С другой стороны воевали только северовьетнамская армия (ВНА, то есть Вьетнамская Народная Армия) и НФОЮВ. На территории Северного Вьетнама находились военные специалисты союзников Хо Ши Мина — СССР и Китая, которые непосредственно в боях не участвовали, за исключением обороны объектов ДРВ от налетов военной авиации США на начальном этапе войны.

Локальные боевые действия между НФОЮВ и армией США происходили каждый день. Крупные боевые операции, в которых было задействовано большое количество личного состава, вооружения и военной техники, были следующие.

В октябре 1965 года армия США предприняла в Южном Вьетнаме крупное наступление против отрядов НФОЮВ. Было задействовано 200 тыс. американских солдат, 500 тыс. солдат южновьетнамской армии, 28 тыс. солдат союзников США. При поддержке 2300 самолетов и вертолетов, 1400 танков и 1200 орудий наступление развивалось от побережья к границе с Лаосом и Камбоджей и от Сайгона к камбоджийской границе. Американцам не удалось разбить основные силы НФОЮВ и удержать территории, захваченные в ходе наступления.

Весной 1966 года началось следующее крупное наступление. В нем участвовало уже 250 тыс. американских солдат. Это наступление также не принесло существенных результатов.

Осеннее наступление 1966 года было еще более масштабным и проводилось к северу от Сайгона. В нем участвовали 410 тыс. американских, 500 тыс. южновьетнамских и 54 тысячи солдат союзных войск. Их поддерживали 430 самолетов и вертолетов, 2300 крупнокалиберных орудий и 3300 танков и бро-

нетранспортеров. С другой стороны противостояли 160 тыс. бойцов НФОЮВ и 90 тыс. солдат ВНА. Непосредственно в боях участвовало не более 70 тысяч американских солдат и офицеров, так как остальная часть служила в частях тылового обеспечения. Американская армия и ее союзники вытеснили часть сил НФОЮВ на границу с Камбоджей, но большей части Вьетконга удалось избежать разгрома.

Подобные наступления в 1967 году не привели к решительным результатам.

1968 год был переломным во вьетнамской войне. В начале 1968 года НФОЮВ провел кратковременную операцию «Тет», захватив ряд важных объектов. Бои шли даже рядом с посольством США в Сайгоне. Во время проведения этой операции силы НФОЮВ понесли большие потери и в период с 1969 по конец 1971 перешли к тактике ограниченной партизанской войны. В апреле 1968 года в связи со значительными потерями американской авиации над Северным Вьетнамом президент США Л.Джонсон отдал приказ о прекращении бомбардировок, кроме 200-мильной зоны на юге ДРВ. Президент Р.Никсон взял курс на «вьетнамизацию» войны, то есть постепенный вывод американских частей и резкое повышение боеспособности южновьетнамской армии.

30 марта 1972 года ВНА при поддержке НФОЮВ начали крупномасштабное наступление, заняв столицу пограничной с Северным Вьетнамом провинции Куангчи. В ответ США возобновили массированные бомбардировки территории Северного Вьетнама. В сентябре 1972 года южновьетнамским войскам удалось вернуть Куангчи. В конце октября бомбардировки Северного Вьетнама были прекращены, однако в декабре возобновились и продолжались двенадцать дней почти до момента подписания Парижских мирных соглашений в январе 1973 года.

27 января 1973 г. были подписаны Парижские соглашения о прекращении огня во Вьетнаме. В марте 1973 г. США окончательно вывели свои войска из Южного Вьетнама, за исключением 20 тыс.военных советников. Америка продолжала оказывать южновьетнамскому правительству огромную военную, экономическую и политическую помощь.

В апреле 1975 г. в результате молниеносной операции «Хо Ши Мин» северовьетнамские войска под командованием легендарного генерала Во Нгуен Запа разгромили оставшуюся без союзников деморализованную южновьетнамскую армию и овладели всем Южным Вьетнамом.

В целом оценка мировым сообществом действий южновьетнамской армии и США в Южном Вьетнаме из-за их жестокости была резко отрицательной. В западных странах, в том числе, США проводились массовые антивоенные демонстрации. Американские средства массовой информации в 70-годы уже были не на стороне своего правительства и часто показывали бессмысленность войны. Многие призывники стремились из-за этого уклониться от службы и направления во Вьетнам.

Протесты общественности в определенной мере повлияли на позицию президента Никсона, решившего вывести войска из Вьетнама, но главным фактором была военно-политическая бесперспективность дальнейшего продолжения войны. Никсон и госсекретарь Киссинджер пришли к выводу, что во вьетнамской войне победить невозможно, но при этом «перевели стрелки» на демократический Конгресс, который формально и принял решение о выводе войск.

Со стороны США главной заинтересованной силой в войне были корпорации США, производящие вооружения. Несмотря то, что Вьетнамская война считается локальным конфликтом, в ней было использовано очень много боеприпасов, например, взорвано 14 млн. тонн взрывчатых веществ, что в несколько раз больше чем во время Второй мировой войны на всех театрах боевых действий. За годы Вьетнамской войны прибыли военных корпораций США составили многие миллиарды долларов. Может показаться парадоксальным, но, военные корпорации США, в общем-то, не были заинтересованы в быстрой победе американской армии во Вьетнаме.

Косвенным подтверждением негативной роли крупных корпораций США во всей политике служат высказывания в 2007г. одного из кандидатов в президенты от республиканской партии Рона Пола, который заявил следующее: «Мы идем к фашизму не гитлеровского типа, а к более мягкому — выражающемуся в потере гражданских свобод, когда всем заправляют корпорации и... правительство лежит в одной постели с большим бизнесом».

Простые американцы вначале верили в справедливость участия Америки в войне, считая ее борьбой за демократию. В результате же погибло несколько миллионов вьетнамцев и 57 тыс. американцев, американским напалмом были выжжены миллионы гектаров земли.

Политическая необходимость участия США в войне во Вьетнаме американской администрацией объяснялось общественности своей страны тем, что якобы произойдет «эффект падающего домино» и после завоевания Хо Ши Мином Южного Вьетнама под контроль коммунистов одна за другой перейдут все страны Юго-Восточной Азии. Скорее всего, США планировали «обратное домино». Так, они построили для режима Нго Динь Зьема ядерный реактор в г. Далате для проведения исследовательских работ, сооружали капитальные военные аэродромы, внедряли своих людей в различные политические движения в соседних с Вьетнамом странах.

СССР оказывал ДРВ помощь вооружениями, горючим, военными советниками, особенно в области противовоздушной обороны в связи с тем, что противоборство с Америкой осуществлялось тотально, на всех континентах. Помощь ДРВ оказывал и Китай, опасавшийся усиления США у своих южных границ. Несмотря на то, что СССР и Китай в тот период были почти врагами, Хо Ши Мину удавалось получать помощь от них обоих, проявляя свое политическое искусство. Хо Ши Мин и его окружение самостоятельно разрабатывали

стратегию ведения войны. Советские специалисты оказывали помощь лишь на техническом и образовательном уровнях.

Во вьетнамской войне не было явного фронта: южновьетнамцы и США не решались наступать на Северный Вьетнам, так как это вызвало бы направление во Вьетнам китайских военных контингентов, а со стороны СССР — принятие других военных мер против США. ДРВ фронт не был нужен, потому что подконтрольный Северу НФОЮВ фактически окружил города Южного Вьетнама и в один благоприятный момент мог бы ими овладеть. Несмотря на партизанский характер войны в ней применялись все виды вооружений, кроме ядерного. Боевые действия велись на суше, в воздухе и на море. Интенсивно работала военная разведка обеих сторон, проводились диверсионные атаки, высаживался десант. Корабли 7-го флота США контролировали все побережье Вьетнама, минировали фарватеры. Явный фронт тоже существовал, но недолго — в 1975 году, когда армия ДРВ повела наступление на Юг.

Во время вьетнамской войны были отдельные эпизоды прямого столкновения между США и СССР, а также гибели гражданских лиц из СССР. Вот некоторые из них, опубликованные в российских СМИ в разное время на основе интервью с непосредственными участниками военных действий.

Первые бои в небе Северного Вьетнама с использованием ракет ПВО «земля-воздух» против самолетов США, осуществлявших бомбардировки без объявления войны, проводили советские военные специалисты.

В 1966 году Пентагон с одобрения президента США и Конгресса разрешил командирам авианосно-ударных групп (АУГ) уничтожать в мирное время советские подводные лодки, обнаруженные в радиусе ста миль. В 1968 году советская атомная подлодка К-10 в Южно-Китайском море у берегов Вьетнама в течение 13 часов незаметно на глубине 50 метров следовала под днищем авианосца «Энтерпрайз» и отрабатывала условные атаки по нему торпедами и крылатыми ракетами, подвергаясь риску уничтожения. «Энтерпрайз» был самым большим авианосцем ВМФ США и с него большего всего осуществлялось вылетов самолетов для бомбардировок Северного Вьетнама. Об этом эпизоде войны подробно писал в апреле 2007 г. корреспондент Н.Черкашин.

В Южно-Китайском море во время войны активно работали корабли радиотехнической разведки Тихоокеанского флота СССР. С ними было два инцидента. В 1969 году в районе южнее Сайгона корабль «Гидрофон» был обстрелян южно-вьетнамскими (союзник США) патрульными катерами. Возник пожар, часть аппаратуры вышла из строя.

В другом эпизоде корабль «Пеленг» был атакован американскими бомбардировщиками. Бомбы сбрасывались по носу и по корме корабля. Жертв и разрушений не было.

2 июня 1967 г. американские самолеты обстреляли в порту Камфа теплоход «Туркестан» Дальневосточного пароходства. Были ранены 7 человек, двое из них скончались.

В результате грамотных действий советских представителей торгового флота во Вьетнаме и работников МИДа американцам была доказана их вина в смерти гражданских лиц. Правительство США назначило семьям погибших моряков пожизненную выплату пособий. Были случаи повреждения других торговых судов.

Общие боевые потери США — 47 378 человек, небоевые — 10 799. Ранено — 153 303, пропало без вести — 2300.

Сбито примерно 5 тыс. самолетов ВВС США.

Потери армии марионеточной Республики Вьетнам (союзника США) — 254 тыс.чел.

Боевые потери Вьетнамской народной армии и партизан Национального фронта освобождения Южного Вьетнама — более 1 млн. 100 тыс.чел.

Потери гражданского населения Вьетнама — более 3 млн.чел.

Взорвано 14 млн.тонн взрывчатых веществ, что в несколько раз больше, чем во время Второй мировой войны на всех театрах боевых действий.

Финансовые затраты США — 350 млрд.долларов (в нынешнем эквиваленте — более 1 трлн. долларов).

Военно-экономическая помощь Китая составила от \$14 млрд. до \$21 млрд., СССР — от \$8 млрд. до \$15 млрд.

Самый большой урон в этой войне понесло мирное население Вьетнама, как его южной, так и северной частей. Южный Вьетнам был залит американскими дефолиантами, в северном Вьетнаме в результате многолетних бомбардировок американской авиацией погибло много жителей, была разрушена инфраструктура.

После ухода США из Вьетнама многие американские ветераны впоследствии страдали психическими расстройствами и различного рода заболеваниями, вызванными применением диоксина, содежащегося в «agent orange». Несколько десятков тысяч покончили жизнь самоубийством. Во Вьетнаме воевали представители нынешней американской элиты: сенаторы Джон Керри, МакКейн (один из кандидатов в президенты).

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1991 г.

Димитренко С.А., Кокорин С.А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

К лету 1991 года численность вооруженных сил составляла 3 млн. 993 тыс. чел; на вооружении армии состояли: 1398 межконтинентальных баллистических ракет, 940 баллистических ракет подводного базирования, 162 тяжелых бомбардировщи-

ка, 8207 боевых самолетов, 76520 БМП и БТР, 66880 ракетных систем залпового огня, артиллерийских орудий и минометов, 161 большой надводный корабль, 260 подводных лодок общего назначения, 113 атомных подводных лодок.

Многие политические силы пытались разыграть «армейскую карту», т.е. втянуть армию в политическую борьбу на своей стороне. Очевидно, главной из попыток подобного рода явилась попытка привлечь вооруженные силы к участию в событиях августа 1991 г. В Москве и других городах страны.

После путча остро стал вопрос о преобразованиях в армии. В ход пошли лозунги департизации и деполитизации, означавшие стремление нового политического и военного руководства исключить вооруженные силы из политической борьбы. 24 августа 1991 года Горбачев подписал указ «О прекращении деятельности политических партий политических движений в Вооруженных Силах СССР, правоохранительных органах и государственном аппарате», а 29 августа 1991 года он же своим указом упразднил военно-политические органы в армии и на флоте, в войсках КГБ, внутренних войсках, в МВД СССР, в железнодорожных войсках.

В начале сентября 1991 года в соответствии с указом М.Горбачева была создана комиссия Министерства обороны по упразднению военно-политических органов и созданию органов боевой подготовки, а также структур по работе с личным составом. Председателем комиссии стал генерал-полковник Д.А. Волкогонов. В ноябре 1991 года комиссия завершила свою деятельность. На основе разработан ею предложений при министерстве обороны создавался Комитет по работе с личным составом (его возглавил генерал-майор Н. Столяров); в частях и соединениях вводился институт помощников командиров по работе с личным составом. Ликвидация политорганов затронула судьбу значительного отряда офицеров-политработников (40 генералов и 90 тыс. офицеров).

Департизация означала ликвидацию власти коммунистов в армии, прекращении действия марксистско-ленинской, а во многом и социалистической идеологии. Проведенные в конце 1991 года социологические исследования показали, что от 80 до 95% офицеров отмечали, в связи с декоммунизацией, улучшении обстановки в воинских коллективах.

Однако департизация армии оказалась далеко не полной. Так, запрещалось создание организаций любых партий и движений в войсках, но военнослужащим разрешалось вступать в территориальные организации любых политических движений и партий, участвовать в их деятельности вне службы. Кроме того, появилось много политизированных союзов, объединений и движений военнослужащих; некоторые партии (коммунисты, ЛДПР и др.) стремились к созданию и расширению конспиративных организаций в армии и на флоте.

В августе-сентябре 1991 года командование Вооруженных Сил СССР было обновлено на 80%, так как со своих должностей были смещены лица, активно поддерживавшие ГКЧП.

21 сентября 1991 года указом Президента СССР при Госсовете СССР был создан Комитет по подготовке и проведению военной реформы, которую воз-

главил генерал армии К. Кобец. Концепция военной реформы предполагала: изменение организационно-штатной структуры в интересах мобильности и повышении эффективности управления частями и соединениями; повышение профессионализма и уровня обученности во всех звеньях армейского организма (переход к контрактной системе набора в вооруженные силы, реформа подготовки офицеров в вузах и пр.); повышение уровня социальной защищенности военнослужащих (принятие нового закона о порядке прохождения военной службы и закона о статусе военнослужащих, разработка социальных льгот и пр.); качественные изменения принципов материально-технического снабжения частей и соединений.

В конце 1991 года было вновь учреждено Всеармейское офицерское собрание во главе с Координационным советом. Его заседание состоялось 17 января 1992 года в Москве. Офицерское собрание, без сомнений предназначалось для оказания давления на политиков в целях решения вопросов реорганизации вооруженных сил и решение социальных вопросов.

В конце 1991 года был проведен социальный опрос среди офицеров, показавший, что:

80% опрошенных настроены, чтобы военные, а не политики, решали судьбу вооруженных сил;

70% являются сторонниками возврата к единому государству типа СССР с едиными вооруженными силами;

69% имеют определенную установку на наличие «внутреннего врага».

Распад Советских Вооруженных Сил. 20 июля 1990 года увидел свет указ президента СССР «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». 1 декабря 1990 года появился указ «О некоторых актах по вопросам обороны, принятых в союзных республиках», который касался решений об альтернативной службе и призыве на территории республик, принятых в Грузии, Молдове, Латвии, Литве и Эстонии.

После августа 1991 года произошел распад ранее единых вооруженных сил. 14 сентября 1991 года члены Госсовета СССР высказались за сохранение единых вооруженных сил. Вместе с тем было решено, что за счет собственных бюджетов на основе подразделений внутренних войск МВД республик для охраны важнейших государственных и правительственных объектов будут созданы республиканские гвардии. Однако республики избрали другой курс начав «национализацию» частей и соединений советских Вооруженных Сил, дислоцированных на их территории.

В сентябре 1991 года Верховный Совет Республики Беларусь принял решение начать подготовку к созданию собственных войск.

14 сентября 1991 года указом президента Молдовы М. Снегура оружие, боеприпасы и военная техника, принадлежавшие частям Советской Армии, были объявлены собственностью республики.

В октябре 1991 года президент Азербайджана А. Муталибов заявил о создании собственной армии на базе вооружений и техники частей Советской Армии, расположенных в республике.

11 октября 1991 года правительством Украины был подготовлен и передан на рассмотрение сессии Верховного Совета республики пакет документов по военному строительству. В одном из них определялось, что оборона Украины — это прерогатива исключительно народа Украины, который создает в этих целях собственные силы.

1-3 декабря 1991 года в Москве состоялось совещание представителей парламентов республик, ведавших оборонными вопросами. Украина, Молдова и Грузия высказались за создание собственных вооруженных сил, а Россия, Казахстан и республики Средней Азии — за единую армию и флот. После провозглашения СНГ процесс создания собственных армий бывших советских республиках стал необратим.

Таким образом в 1985-1991 годах вместе с СССР пережили период распада Советские Вооруженные Силы. Изменения во внешней политике Советского Союза предвосхитили появление новой оборонительной военной доктрины советского государства. Несмотря на несколько попыток, военно-политическому руководству страны не удалось реформировать Советскую Армию и Военно-Морской Флот в соответствии с требованиями современности. Обнажились многочисленные противоречия и проблемы, казалось бы, могучего и непобедимого армейского организма. Существующий военно-хозяйственный механизм во многом не обеспечивал эффективности поставок в армию оружия, боевой техники, припасов и имущества. Сама жизнедеятельность вооруженных сил отставала от требований современного военного дела. Серьезные проблемы имелись в военной науке, боевой и политической подготовке; вызывало тревогу состояние правопорядка в армейских рядах; не были решены многие социальные проблемы военнослужащих. Демократизация, департизация армии серьезно деформировали сознание офицерского корпуса и всех военнослужащих. Отсутствие эффективной политико-воспитательной работы привело к деградации общественного армейского сознания.

Поляризация политических сил в стране заставляло их разыгрывать «армейскую карту» в целях привлечения армии на свою сторону. К чести солдат и офицеров, чаще всего они не выступали против народа, оставаясь скорее аполитичными, нежели непатриотичными. Зачастую армейские части и соединения незаконным порядком вовлекались в разрешения различных конфликтов на территории СССР. Это приводило к закономерному снижению авторитета армии, не предназначенных для выполнения подобных функций. Среди военнослужащих усиливались настроения пессимизма и упадка, многие желали уволиться из армии.

К концу 1991 года распад Советских Вооруженных Сил оказался неизбежным. Реальная обороноспособность страны упала до критических отметок.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ РОССИИ

Павлов А.Л.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Появление средств воздушного нападения в начале XX столетия обусловило необходимость разработки специальных мер борьбы с ними. Так возникла воздушная, а в дальнейшем — противовоздушная оборона страны. Ее зарождение и процесс исторической эволюции регулировался официальными документами, имевшими юридическую силу в масштабах государства и его Вооруженных Сил.

Правовые предпосылки организации ВКО в России

Нормативной базой для организации и совершенствования ПВО являлись директивы штаба РККА, постановления Реввоенсовета, СНК, ГКО, Совета Министров и ЦК КПСС, а также приказы Министра обороны, определявшие функциональную и организационную структуру Войск ПВО, их роль и место в вооруженной борьбе, основы подготовки и боевого применения.

Во второй половине XX столетия развитые государства и их вооруженные силы начали освоение космоса. Очень скоро реализация их военных программ привела к полному стиранию грани между ведением военных действий в воздушном и космическом пространстве.

Достигнутое единство сил воздушного и космического нападения, целостность освоенных ими форм воздушно-космической агрессии объективно требовали организации такой же интегрированной по решаемым задачам, привлекаемым средствам, реализуемым формам, пространству и времени действий воздушно-космической обороны государства. Но никаких юридических оснований для этого в стране не было.

Первым нормативным документом, содержащим термин «воздушно-космическая оборона», определившим принципы организации ВКО, стал Указ президента РФ 1993 г. № 1032 от 13 июля 1993 г. «О создании единой системы ВКО РФ». Так с 1993 г. появились юридические условия для создания ВКО РФ. Причем в Указе отмечалось, что ВКО РФ создается на базе Войск ПВО.

Но уже 16 июля 1997 г. Указом Президента РФ № 725 были ликвидированы Войска ПВО как вид ВС, на базе которого должна была строиться воздушно-космическая оборона России. По сути дела, единственный правовой акт в области организации ВКО, формально не отмененный, фактически утратил свою силу и потерял первоначальный смысл. Наконец, в апреле 2006 г. Президентом РФ была утверждена Концепция создания воздушно-космической обороны России и разработан план по ее реализации в государстве.

В целом нормативно-правовая база организации и функционирования воздушно-космической обороны страны пока далека от совершенства. Но сам

факт, что о ВКО в государстве заговорили, подает надежду на возможное изменение ситуации к лучшему.

История зарождения и становления

Примечательно, что при полном отсутствии концепции построения и теории применения ВКО наша страна впервые в мире ее создала и успешно использовала как один из факторов сдерживания войны.

Еще в 1960-е гг. были заложены практические начала ВКО. Она строилась на принципах комплексного ведения как противовоздушной (ПВО), так и ракетно-космической (РКО) обороны против единого противника, действующего в воздушно-космическом пространстве. В рамках единого вида ВС (Войск ПВО) было организовано единое управление округами и отдельными армиями ПВО, армией предупреждения о ракетном нападении (ПРН), армией противоракетной обороны (ПРО) и корпусом контроля космического пространства (ККП) [1]. Совместное применение предусматривалось в рамках общей формы военных действий — стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника. А Главком Войск ПВО и его штаб осуществляли подготовку этой операции, управляли войсками в ходе ее проведения и несли ответственность за результат действий всех сил ВКО. Безусловно, организацию ВКО того времени нельзя считать совершенной. Она имела существенные недостатки.

Во-первых, уже существуя фактически, ВКО не была оформлена юридически и защищена законодательно. В руководящих документах не было ни такого вида обороны, ни вида ВС, ни командования, ни самого понятия ВКО.

Во-вторых, система борьбы с воздушно-космическим противником была структурно непропорциональной. Ее противовоздушная составляющая прошла испытание второй мировой войной, впитала опыт боевых действий в локальных войнах и была организована с учетом уроков, полученных на полях сражений. Ракетно-космическая составляющая, напротив, едва зародилась и не имела такого опыта. По своим масштабам, боевому составу и потенциальным возможностям система ПВО была несоизмеримой с системой РКО [2].

В-третьих, подготовка высококвалифицированных кадров для войск, решающих задачи ПВО, и для войск, решающих задачи РКО, велась недостаточно интегрировано, а Военная командная академия, готовившая специалистов для обеих ветвей ВКО, даже своим наименованием отражала не суть выпускаемого продукта, а принадлежность к виду ВС СССР — Войскам ПВО.

Вплоть до 1990-х гг. дело стояло за малым — переименовать Войска ПВО в Войска ВКО. Изменение формальных признаков материальной системы ВКО могло инициировать прогрессивные изменения в содержании ее действий. В свое время, анализируя возможности такой трансформации, П.Ф. Батицкий сказал: «При очень разных пока масштабах ПВО и РКО единая система на двух разных ногах — слоновьей и журавлиной — не смотрится, подождем».

После развала страны новые независимые государства растащили систему ВКО СССР по принципу «что на моей территории, то мое». В сложившихся

условиях как искра надежды на восстановление утраченного, был воспринят указ Президента от 13.07.1993 г. № 1032. В соответствии с этим документом на базе доставшейся России части систем ПВО и РКО должно было начаться создание «единой воздушно-космической обороны РФ». Причем в Указе отмечалось, что ВКО РФ создается на базе Войск ПВО.

Но надежды оказались преждевременными. Дальнейшие реорганизации ВС РФ, проводившиеся под вывеской военной реформы, усугубили положение, сдвинув процесс организации ВКО с мертвой точки в сторону ее очевидного регресса. Здесь следует выделить три шага «эволюции во вред».

Первый шаг связан с передачей войск РКО из Войск ПВО в РВСН.

Основным аргументом в пользу слияния войск РКО с РВСН в 1990-е гг. приводилось то, что для своевременного и эффективного нанесения ответно-встречного ядерного удара необходимо вскрытие факта старта МБР противника. А это, как раз, и есть основная функция войск РКО. Поэтому, если объединение РКО будет подчинено ГК РВСН, то эффективность ракетно-ядерного удара якобы повысится. Звучало убедительно, но конъюнктурно. Принятое и состоявшееся в 1997 г. решение о переподчинении войск РКО РВСН не принесло никакой пользы ракетно-ядерным силам России, зато нанесло существенный вред воздушно-космической обороне государства. Оно ставило больше вопросов, чем находило ответов, что и обусловило поиск новых направлений реформирования ВС РФ [3].

Вновь представился шанс возродить систему ВКО (ценой признания и исправления допущенной ошибки). Но он не был использован.

Военно-космические силы, созданные в 1992 г., включали космодромы, Главный испытательный центр испытаний и управления космическими аппаратами (КА), арсеналы, учебные, научно-исследовательские и другие учреждения. Основная задача ВКС — поддержание в установленном составе и боевспособном состоянии орбитальных группировок КА военного назначения и наземных средств запуска и управления, осуществление запусков КА и управление ими в орбитальном полете. Формирования ВКС применялись в форме обеспечивающих действий [4].

За войсками РКО сохранялись их прежние функции. Основной формой применения объединения РКО, способного поражать баллистические и (в перспективе) космические средства противника, были боевые действия.

По своему целевому предназначению, решаемым задачам, формам и способам их выполнения силы РКО совместимы с военно-космическими силами не более чем с РВСН. С аналогичным успехом (для ВКО) их можно было включить в состав ВДВ или передать в подчинение партизанам.

Но обсуждаемая проблема состоит не в этом. Главное, что система ВКО по-прежнему осталась разделенной. Борьба с единым воздушно-космическим противником организуется разными штабами. Вместо централизованного управления силами ВКО мы в лучшем случае имеем их взаимодействие. А отвечать за результаты отражения воздушно-космической агрессии просто некому.

Таким образом, структурное объединение двух важнейших составляющих ВС РФ — сил РКО и ВКС не привело (и не могло привести) к их функциональному единству в рамках вновь созданных Космических войск. Ни ВКС, ни РКО не приобрели новых свойств. А системы ВКО как не было, так и нет.

Третий шаг преобразований войск, ответственных за воздушно-космическую безопасность страны, был сделан не после, а наряду с предыдущими. Речь идет о ликвидации Войск ПВО как вида ВС, на базе которого должна была строиться ВКО России.

Прежняя система управления (ее техническая составляющая) сохраняется и эксплуатируется. Но дальнейшее развитие этой системы под потребности совместных действий разнородных войск ПВО свертывается ввиду отхода от территориального принципа их организации. Новые комплексы средств автоматизации не разрабатываются. А имеющиеся КСА позволяют управлять в автоматизированном режиме лишь силами противовоздушной обороны ВВС и частично фронтовыми, армейскими комплектами ПВО. Остальные силы ПВО (в СВ — ниже армейского уровня, в ВМФ — все) оказались не замкнутыми в общий контур автоматизированного управления [5].

Дальнейшие шаги «совершенствования» того, что осталось от системы ВКО, можно прогнозировать, исходя из проходящих военно-стратегических экспериментов и на фоне общих тенденций реформирования ВС РФ. Переход на управление «по стратегическим направлениям» (или «по региональным командованиям») при неочевидных плюсах организации вооруженной борьбы «на земле», не выводит из сложившегося тупика ее организации в воздушно-космической сфере. В ней нет места единой системе ВКО в масштабах государства, а противовоздушная оборона объектов на территории страны уступает место противовоздушной обороне войск во фронтовой полосе [6].

Рано или поздно придет понимание того, что ВКО является не просто разновидностью военных действий, а важнейшей составляющей военной безопасности. И ее организация является не функцией вида ВС (ВВС) и даже не функцией МО РФ, а предметом заботы государственных органов управления.

Если все-таки это произойдет (хорошо бы еще в мирное время), то в процессе ее дальнейшей эволюции необходимо будет решить целый ряд проблем.

Первая проблема — нормативно-правовая. И Концепция создания воздушно-космической обороны, и план по ее реализации в России разрабатывались при отсутствии стройной концепции военного (тем более — оборонного) строительства в РФ, на фоне несформированного облика ВС РФ, в условиях, когда вектор военной реформы постоянно менял свое направление. Воздушно-космическая угроза не выделена как важнейшая среди внешних военных угроз в Концепции национальной безопасности России, а строительство воздушно-космической обороны не заявлено в отечественной Военной доктрине [7].

Вторая проблема таится в опасности «забалтывания» самого предмета разговора — Воздушно-космической обороны РФ. Сегодня многие говорят, а те, от кого

зависят ключевые решения, безусловно, понимают важность организации ВКО России, но с оговоркой — чтобы ее построить, не вкладывая туда ни копейки.

Воздушно-космическая оборона возможна только в масштабах государства (даже не в масштабах Вооруженных Сил). Любая другая затея должна рассматриваться как авантюра, направленная на отвлечение финансовых средств из государственного бюджета в никуда. Нельзя защитить Москву отдельно от России.

Третья проблема состоит в размытости понимания сущности ВКО. Отдельные реформаторы под системой ВКО понимают все, что стреляет в воздух и космос, летает, излучает электромагнитную энергию, обнаруживает, ставит помехи, то есть — обладает определенными свойствами и применяется в борьбе с силами воздушного и космического нападения.

Поэтому сегодня срыв стратегической воздушно-космической операции вероятного противника возлагается не на цельную систему ВКО, а на некую совокупность войск (сил), набор формирований видов и родов войск ВС, подчиненных разным органам управления, реализующих свои формы действий, находящихся там, где им предписано быть развернутыми по линии непосредственного подчинения, и не имеющих единого стратегического органа управления.

Безусловно, имеются и другие проблемы, часть из которых носят объективный характер и неразрывно связаны с экономическим потенциалом государства, возможностями его военного бюджета, состоянием оборонного комплекса. Есть препятствия чисто технического характера — построение системы управления ВКО, ее увязка в общую систему управления Вооруженными Силами и др.

Важно, чтобы к моменту выхода из кризиса объективно сложившихся проблем мы не загнали сами себя в тупик проблем искусственно созданных, не запутались концептуально и понимали, какую воздушно-космическую оборону мы хотим реализовать, и какую систему ВКО для этого следует строить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барвиненко В.В. Ретроспективный анализ повышения роли вооруженного противоборства в воздушно — космическом пространстве [Текст] / В.В. Барвиненко // Военная мысль. — 2006. — №7. — С. 12.
2. Борчев М.А. Околоземный космос как возможная сфера вооруженной борьбы: [Текст] / М.А. Борчев // Военная мысль. — 1998. — №3. — С. 22.
3. Армия России: состояние и перспективы [Текст] / Под ред. Р.Г. Яновского, Ю.И. Дерюгина. — М., 1999. — 125 с.
4. Красковский В. Ядро воздушно-космической обороны. Им могут стать космические войска Российской Федерации [Текст] / В. Красковский // Воздушно-космическая оборона. — 2004. — №1(14). — С. 11.
5. Корабельников А.П. Неочевидные аспекты очевидных проблем управления войсками (силами) ВКО [Текст] / А.П. Корабельников // Военная мысль. — 2007. — №4. — С. 39.
6. Крейдин С.В. Ограниченная ПРО: ликвидация слабости или укрепление силы? [Текст] / С.В. Крейдин // Военная мысль. — 2000. — №1. — С. 17.
7. Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности России [Текст] / П.Г. Белов — М.: Русский проект. 2002. — 185 с.

ХРАМ ПОКРОВА НА РВУ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Косякова В.А.

Российский государственный гуманитарный университет

На протяжении практически всего существования науки, занимающейся исследованиями в области русского зодчества, края московского и историей Руси в целом, храм, расположенный не в Кремле, но в центре Москвы, всегда пользовался особым вниманием среди исследователей.

Храм Покрова на Рву, относящийся к памятникам московского каменного зодчества XVI столетия, несмотря на многочисленные исследования, а может быть и вопреки им, продолжает таить в себе немало загадок и противоречий, связанных с историей создания и архитектурной традицией. Олицетворяя собой необычное для иностранцев русское зодчество и не вполне традиционное для самих русских, храм породил вокруг себя немало легенд и научных монографий об истории своего создания.

«Конечно, нет в мире другого памятника, в котором бы можно было найти подобное смешение противоположенных архитектур, затейливости азиатской, с величием и благородством итальянской смелости и легкости мавританский, с тяжестью и излишеством в украшениях готического вкуса», - свидетельствует о храме французский путешественник. В XIX веке о соборе говорили как «об изящном в готическом стиле здании» [5 С. 6-8], в XX веке общепринятым стало мнение о соборе как «исконно русском» зодчестве [6 С. 44].

В данной статье мы кратко коснемся историографии собора. Начнем обзор с небольшой работы священника И.И. Кузнецова 1900 года, озвучивающий общепринятые на тот момент положения касательно истории создания храма. Храм Покрова на Рву — обетный памятник, возведенный по случаю взятия Казани. Возвратившись в Москву, Иван Васильевич, обрадованный столь важной победой, решил для увековечения в памяти народной этой и других побед над татарами построить по тогдашнему обычаю несколько церквей во имя святых, в день памяти которых по церковному календарю приходились числа, в кои были одержаны победы. Кузнецов, однако, замечает, что о строительстве храмов ясно рассказано в других летописях, которые до нас не дошли. Стоявшую ранее Троицкую деревянную церковь, пришедшую в ветхость, приказали снести. На ее же месте воздвигнуть восемь новых церквей — семь деревянных вокруг одной каменной. И так 1 октября 1554 года митрополитом московским Макарием были освящены восемь отдельных друг от друга церквей. Эта конструкция существовала не долго. Вскорости было решено заменить церкви новыми- каменными, возведенными Бармой и Посником. Так было положе-

но начало девятистолпному собору. Главный придел был возведен во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в день этого праздника 1 октября 1552 начался приступ Казани. Второй придел — во имя св. Троицы — во славу Триипостасному Богу христианскому, помогавшему сокрушить врага мусульманского. Третий — во имя Входа Господнего в Иерусалим. Четвертый — во имя Священномучеников Киприана и Иустины, 2 октября в день их памяти была взята Казань [12 С.3-5]. Престолы также связанные с событиями побед: святителя Григория Армянского, память 30 сентября день, когда была взорвана Арская башня Казани и одержана победа на Арском поле, преподобного Александра Свирского и святителей Александра, Ионна и Павла Нового, поминаемых 30 августа, когда произошла битва с войсками Епанчи [4 С. 14-16]. В советской историографии обетный храм пытались превратить в мемориальный памятник взятия Казани. Но придел Входа Господня в Иерусалим, св. Варлаамия Хутынского с событиями победы напрямую не связаны. Последний придел посвящен Николе Великорецкому, чья икона в 1555 году была привезена в Москву. На появление девятого престола стоит обратить особое внимание. За исключением Покровского придела к осени 1559 стройка была почти закончена и освящена. В 1560 был окончен и освящен Покровский придел [12 С.6].

Обратимся к Н. И. Брунову, наиболее подробно осветившему историю архитектуры собора, его книга до сих пор является единственным и наиболее целостным обзором Покровского храма. Тем не менее, история создания собора представлена в ней не столь широко как исследования архитектуры. О деревянной церкви, стоящей на месте собора, сказано: только то, что она там была, а каменный собор воздвигнут в период с 1555-1561г. Бармой и Посником. Выдающиеся русские зодчие, совместили в архитектуре собора традиции позднеготической архитектуры, Высокого Ренессанса, мусульманского востока, исконно русского зодчества и Индии. Можно только дивиться энциклопедическим познаниям в области истории искусств Бармы и Постника, применивших при воздвижении собора столь широкий спектр материалов для создания новой формы русского зодчества. Феномен необычайного прорыва в области архитектуры Брунов объясняет кратковременным общением русских зодчих с итальянскими, под влиянием которых мастера научились математике, чертежу, перспективе. Только этот феномен носил эпизодический характер, позже знания были утрачены.

Брунов выстраивает логичную структуру динамики развития московского зодчества, отсчитывая новую эру в строительстве с церкви Воздвижения в Коломенском 1532 г., посвященную рождению Ивана Грозного. Памятником венчания Грозного на царстве стала следующая строительная веха- церковь Иоанна Предтече в Дьяково 1547г. Взятие Казани и Астрахани увековечено Покровским собором- памятником 1555-61г. Эти же памятники и церковь на Острове являлись непосредственными прототипами Покрова [6, С.24, 44, 65, 120-125].

Озвученная еще в 1860-х. г.Ф.И. Буслаевым: «Откуда бы ни взялся башенный стиль Василия Блаженного, стиль этот должен был выработаться у нас

исторически, последовательно», — точка зрения об эволюционном развитии архитектурной традиции остается влиятельной и по сей день. Однако, если дата построения Воздвижения в Коломенском устойчива, то дата основания церкви Иоанна Предтечи остается открытой. Изначально датируемая 1529-1530, затем 1534-1547 и 1553-1554 гг., по последним исследованиям церковь в Дьякове принадлежит к 1570-м.г. [1 С.220,234]. Следовательно, была воздвигнута после Покрова. Таким образом, принятая концепция Брунова о развитии столпообразного храма попадает под сомнение.

Открытые в конце XIX века новые источники — «Сказании о Николе Великорецком» (Сказание) и летописце из собрания Д. В. Пискарева (Пискаревский летописец — ПЛ) расширили картину событий 1550-х г., но, из-за отсутствия единства в описании событий, однозначного ответа на историю строительства собора не дали.

В сообщениях этих источников можно увидеть три версии истории строительства собора. Первая, наиболее близкая по времени к описываемым событиям изложена в Летописце начала царства редакции 1556г. (ЛНЦ), выделенная в составе Никоновского летописного свода, а так же редакции 1560 г., отразившейся во Львовской летописи. Согласно ЛНЦ осенью 1554 г. последовало повеление государя построить храм Покрова «с приделы о Казаньской победе», который был освящен 1 октября 1554 г. Как становится ясно из других известий ЛНЦ, тогда был освящен деревянный собор. В том же году в Москву из Вятки прибыли священники и «лутчие люди» с просьбой обновить образ Николы Великорецкого. А в 1555 образ прибыл в Москву, в его славу был заложен девятый придел. Вторая версия изложена в ПЛ, датируемом 1640-ми гг., и Сокращенном временнике (СВ) 1690-х гг. По ПЛ образ Николы приносят на закладку собора Покрова и при основании храма происходит обретение «лишнего» престола во имя Николы Великорецкого. Третью версию событий 1555 г. сообщает Сказание, известное по единственному списку конца XVII — начала XVIII в. Сказание, так же как ПЛ и СВ, говорит о «нечаянном» появлении девятого придела, но последовательность событий иная. По Сказанию, Иоанн IV, возвратившись после взятия Казани, повелел поставить семь деревянных приделов вокруг каменного храма. Потом государь велел заложить каменный собор. При «размерении основания» мастера обрели девятый престол. Девятый придел оставался не нареченным до прибытия в Москву чудотворной иконы Николы Великорецкого [2 С.51-52].

Теперь видно, откуда пошли разногласия в последовательности изложения событий строительства и разные даты закладки Храма и освящения приделов. Мы можем предположить, что уже зимой 1554-1555 г. при повелении принести икону в столицу предполагалось и сооружение во имя нее церкви. Повеление привезти образ было отдано в конце зимы 1555 г., а строительство каменного собора могло начаться не ранее апреля [2 С.57].

Последняя историографическая модель представлена работой А.Л. Баталова и Л.С. Успенской. Из имеющихся материалов авторы пытаются восстановить

последовательность событий строительства храма, связанного с покорением татарского Поволжья. Авторы высказывают сомнение о присутствии деревянной церкви до взятия Казани. Компилируя летописные свидетельства, начало строительства датируется весной 1555г., а в полугодовой период с 1554г был поставлен деревянный собор Покрова [4]. Хотя в летописи завершение и освещение храма происходит в 1560 г., в виду найденной в 1960-х. г. храмовозданной летописи, окончание строительства приходится на Петров день 1561г.

В завершении, обратимся к самому Храму Покрова, который может быть ничуть не меньшим источником информации. Посмотрим, что сама архитектура может сказать о себе. Благодаря уникальным исследованиям реставратора собора Н.Н. Соболева, у нас есть такая возможность.

Храм Покрова представляет собой квадратную в плане бесстолпную посадскую церковь, перекрытую шатром (это основное отличие от церквей в Коломенском, Дьякове, Острове). Покров Богоматери- центральный храм, вокруг которого сгруппированы восемь приделов.

По обмерам, сделанным Н.Н. Соболевым мы можем судить о потрясающей точности, с которой выполнен подклет. Нижние части стен башен собора отличаются большей тщательностью и проработкой форм, в то время как наружные лестницы и продолжения башен имеют значительно более не регулярный характер. Архитектура, кладка лестницы, не привязанной с основным объемом и формы несущих столбов отчетливо показывают как подклет отличен от поставленных на него башен. Стены и своды, оконные и дверные проемы подклета, особенно его наружная декорация, мелкие детали очень точны и строги по форме и рисунку, тогда как в очертаниях башен ощутима большая свобода. Внутри западного предела Входа в Иерусалим при взгляде на свод бросается в глаза неравенство сторон восьмигранника и нерегулярность декоративных форм, украшающих его стены. Такое разительное различие главной части и лестницы говорит о том, что главная часть была воздвигнута на основе архитектурных чертежей, а башни, лестница и галереи возводились другими мастерами, возможно, в другой строительный период [6 С.42,45].

Заметно, что единства в трактовке, как самой архитектуры, так и истории создания собора нет. Вероятно, сложившиеся историографические модели как хронотоп, целостная и достаточная концепция являются не состоятельными. Мы не можем сказать с убедительной точностью, когда именно была заложена церковь, когда существовала и существовала ли вообще до нее деревянная Троицкая церковь или это был « пространственный чертеж» будущего каменного храма, возводился ли храм в два строительных этапа разными артелями мастеров и кто был автором такого сложного архитектурного проекта. Эти важные вопросы ждут своего дальнейшего исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996.
2. Баталов А.Л. Русская художественная культура XV-XVII веков. М., 1998.

3. Баталов А.Л. Сакральная топография средневекового города: Известия Института христианской культуры средневековья. Т.1. М., 1998.
4. Баталов А.Л., Успенская Л. С. Собор покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М., 2002. С.4-10
5. Белянкин Л.Е. Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе. М., 1867.
6. Брунов Н. И. Храм Василия Блаженного в Москве: Покровский собор. М., 1988. С. 42, 45
7. Буслаев Ф.И. Русское искусство в оценке французского ученого//Критическое обозрение. М., 1879.
8. Верещагин А. С. Повести о Великоорецкой иконе Николая Чудотворца: Памятники вятской письменности XVII-XVIII вв. // Труды ВУАК. Вятка, 1905.
9. Дела- Кроа. И.И. Картины России. М., 1867.
- 10.Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980.
- 11.Клосс. Б.М. Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989.
- 12.Кузнецов И.И. О построении московского Покровского (Василия Блаженного) собора // «Сказание о святей чудотворней великорецкой иконе святого чудотворца Николы архиепископа о чудесах от образов святого Ионы митрополита и преподобнаго отца Александра Свирского чуд». Кн. II М., 1896.
- 13.Кузнецов И.И. О построении московского Покровского (Василия Блаженного) собора: Новые летописные данные // Статья Пискаревского летописца о закладке собора Покрова на Рву. Кн. I. М., 1996.
- 14.Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. М., 1900.
- 15.Снегирев В. Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953.
- 16.Соболев Н.Н. Реставрация и результат исследований Покровского собора 1954-55г. Архитектура и строительство Москвы 1956. М.,1956.

П.Н. САВИЦКИЙ И П.Н. МИЛЮКОВ О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИИ

Быстрыков В.Ю.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Самаре*

В русской исторической науке всегда подробно рассматривалось влияние географических особенностей страны на ее развитие. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и многие другие ученые уделяли особое внимание физико-географическим характеристикам, климатическим условиям, колонизационным процессам и связанной с ними хозяйственной деятельностью, усматривали в этом своеобразие России.

П.Н. Савицкий являлся лидером евразийства — общественно-политического и научного движения, возникшего в эмиграции. Несостоятельность дореволю-

ционной власти, беспомощность оппозиционному правительству сил (Дума и политические партии), революция, развал страны и последующее ее объединение большевиками в результате победы в гражданской войне заставили участников нового движения по-новому взглянуть на всю историю России.

Значительную часть своих работ П.Н. Савицкий посвятил анализу географических особенностей России. Он не признавал деления нашей страны на Европейскую и Азиатскую части и выделял Россию-Евразию как особый географический мир, обладающий набором признаков, отличающий его от Азии и от Европы. Мир этот состоит из трех равнин: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской. В зональном строении Евразии П.Н. Савицкий выделял «флагоподобное» расположение природных зон: в направлении с юга на север друг друга сменяют пустыня, степь, лес и тундра. Географическая структура Евразии, по мнению П.Н. Савицкого, отличалась от Азии и Европы.

Как и П.Н. Савицкий, П.Н. Милуков считал, что в истории России большое значение имеют географические особенности страны. Но если П.Н. Савицкий доказывал, что они своим влиянием выводят страну из рамок европейского пути, то П.Н. Милуков считал, что ими исторический процесс лишь замедляется, но идет «на европейской почве и в европейских линиях». Он признавал, что географические особенности нашей страны могут влиять на ее национальное своеобразие. «Однако же, г. Савицкий доводил эту идею до крайности, понимая своеобразие, в славянофильском духе, в смысле неразложимости, единственности и неповторимости русского исторического процесса...». П. Н. Милуков соглашался, что название «Евразия» отмечает своеобразие переходной полосы континента между Азией и Европой. Но таких переходов много, они характерны как для растительных и животных царств, так и для антропогеографических. Но никто не думает закреплять их в самостоятельные типы. «И в закреплении одного из них евразийцами нельзя не видеть дурного отголоска устарелого учения о неподвижности и неизменяемости культурных типов, которое защищал один из его учителей Н. Данилевский». П. Н. Милуков критически оценивал выводы П. Н. Савицкого о «четырехполосном» флагоподобном расположении природных зон России, считал, что они никак не могут связать Европейскую и Азиатскую ее части. Ни тундра, ни пустыня, ни лес, ни степь не являются характерными для нашей страны, они выходят далеко за пределы России. П. Н. Савицкий, по мнению П. Н. Милукова, не замечает главной черты русского климата — его возрастающей континентальности по направлению с запада на восток. «С этим он связывал движение культуры не с Востока на Запад и не с Юга на Север, а именно с Запада на Восток, из леса в степь, никогда не составлявшую одного целого с лесными областями культуры».

Таким образом, и П.Н. Милуков и П.Н. Савицкий признавали, что пространственно-климатические характеристики нашей страны обладают целым рядом особенностей, накладывающих свой отпечаток на весь ход ее исторического развития. Только выводы из этого утверждения ученые дела-

ли разные. Для П.Н. Савицкого и для евразийства в целом, географические особенности страны служили фундаментом для обоснования культурно-исторических отличий России от других стран Запада и Востока. Для П.Н. Милюкова они лишь придавали своеобразие, несколько замедляли развитие страны, которое, тем не менее, шло по одной линии с европейским. На разницу во взглядах сильное влияние оказывали политические воззрения обоих ученых. П.Н. Савицкий принадлежал к поколению, разочарованному в идеалах, проповедуемых политическими силами дореволюционной России. Оно убедилось в несостоятельности и монархистов и оппозиции трону вывести страну из глубочайшего кризиса и попросту не верило им. Поэтому они отрицали какие-либо параллели с Западом. «Русский европеец» П.Н. Милюков, проникнутый идеями либерализма, не мог мыслить русский путь иначе, чем европейский. Кажущейся строго научной проблема географических особенностей России на самом деле несла определенную политическую смысловую нагрузку. Ее решение по-своему определяло для русских ученых и политиков видение всей истории России, ее настоящего и будущего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий П.Н. Географические особенности России. Часть I. Растительность и почвы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 С.
2. Савицкий П.Н. Россия — особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. — 71 С.
3. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 234-260.
4. Милюков П.Н. Народник-марксист о русской народности // Современные записки. 1932. № L. С. 434-438.
5. Милюков П.Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 326-330.
6. Милюков П.Н. Евразианизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1994. С.58-66.

«РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Никифоров Ю.С.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

«Русская историческая школа», сформировавшаяся на рубеже XIX-XX вв., представляет особый социокультурный феномен в научной жизни России. Она получила свое название от зарубежных коллег (французского историка

Жореса) и никогда не воспринималась однозначно. Изучением наследия «русской школы» занимались такие исследователи как В.П.Золотарев, С.Н.Погодин, Г.П.Мягков, Б.Г.Сафронов и др. [5, 10, 11, 12, 14, 15]. На наш взгляд, в истории изучения «русской школы» можно выделить ряд дискуссионных вопросов: о составе и поколениях, периодизации и истоках «русской школы», об общности и различиях в научной тематике и методологии историков. Из трех широко употребляемых в историографии понятий «течение», «направление» и «школа», самым узким является последнее, подразумевающее «не только общность методологии и проблематики исследований, но и приверженность к определенным методам исследования» [16. С.5]. В школах, как правило, имеется исходный лидер или родоначальник школы — крупный ученый, вокруг которого группируются его соратники и ученики. Не является исключением и «русская школа» историков. Исходным лидером школы можно назвать В.И.Герье (продолжателя традиций Т.Н.Грановского), оказавшего влияние, по крайней мере, на трех выдающихся историков «русской школы» — Н.И.Кареева, П.Г.Виноградова, М.С.Корелина, бывших его непосредственными учениками и участниками его семинаров.

Временем формирования школы стала последняя четверть XIX в. Расцвет пришелся на рубеж XIX-XX вв., а закат, связанный со смертью ее основателей, — на конец 20-х гг. XX в. Традиционно «русская историческая школа» ассоциируется с именами Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского и И.В.Лучицкого. Эти ученые во многом определили историографическое лицо школы. Именно в таком составе рассматривал «русскую школу» петербургский ученый С.Н.Погодин в своей обобщающей монографии [12]. Ряд авторов — Г.П.Мягков, Л.П.Репина [6, 10] вполне обоснованно относят к «русской исторической школе» и знаменитого медиевиста П.Г.Виноградова. Г.П.Мягков в своей монографии [10] также отмечает среди менее известных представителей этой школы А.М.Ону, А.П.Ардашева, А.И.Чупрова и других. Указанные историки могут быть отнесены к «русской школе» по близости научной тематики. А.И.Ону был и вовсе непосредственным учеником Н.И.Кареева. Про этих историков можно сказать, что это «неизвестная» «русская школа». Заметим, что «русская школа» не прекратила свое существование с физической смертью ее основателей. Продолжателями традиций «русской исторической школы» стали советские историки, специализировавшиеся на всеобщей истории, — ученики Кареева и Виноградова, Ковалевского и Лучицкого. Например, выделяется так называемое второе поколение «русской школы», представленное, по мнению Л.П.Репиной [6], фигурами А.Н.Савина и Д.М.Петрушевского. Другим ярким примером может служить Е.В.Тарле (ученик И.В.Лучицкого). Следовательно, вопрос о составе и периодизации «русской исторической школы» продолжает оставаться дискуссионным.

При всем разнообразии названных имен историков их объединяет одна общая черта — интерес к экономической и социальной истории стран Запада в средние века и новое время. На этот факт, в частности, указывает Л.П.Репина [6]. Однако, несмотря на доминирование социально-экономической проблематики в творчестве большинства представителей «русской школы», она не была единственной.

В научных трудах Лучицкого и Виноградова действительно преобладает экономическая тематика (а, у Виноградова также и государственно-правовая). Но, в отдельных трудах Н.И.Кареева и М.М.Ковалевского можно встретить и атрибуты культурно-исторического подхода. Но, пожалуй, самым ярким представителем культурно-исторического подхода в «русской школе» является М.С.Корелин. На этот факт указывает исследователь Г.П.Мягков: «М.С.Корелин сформировал внутри школы с преобладанием социально-экономической парадигмы своеобразный анклав культурно-исторической парадигмы» [11. С.295].

Не бесспорен и вопрос о методологии. По мнению большинства исследователей [6, 18], приверженность позитивизму — характерная черта историков «русской школы» (возможно, за исключением М.С.Корелина). Но степень этой приверженности была разная и далеко не безграничная. По мнению Е.С.Кирсановой, «среди крупных русских историков не было ни одного правоверного позитивиста в «боклевском» или «тэновском» смысле: Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский, И.В.Лучицкий, П.Г.Виноградов с иронией относились к редуccionизму Бокля и психологическим методам Тэна» [8].

Дадим краткий обзор историографии «русской школы». Впервые о «русской исторической школе» как о целостном феномене в области изучения новой истории заговорили В.П.Бузескул и В.А.Бутенко [2, 3] в 1920-е гг. С 1930-х гг. и до 2-й половины 1980-х гг. в советской историографии установилась прочная традиция изучения творчества «русской школы» с точки зрения марксистской методологии. Она связана с критикой позиций ученых, которые характеризуются как либеральные и эволюционистские, буржуазные и немарксистские. Их высокая оценка как историков Европы нового времени и средних веков во многом связывалась с известными оценками классиков марксизма-ленинизма. Среди исследователей творчества этого периода отметим исследования В.П.Золотарева, К.В.Романова, [5, 13]. Серьезный вклад в изучение взглядов М.М. Ковалевского на государство и право внесла монография Н.Я. Куприца «Ковалевский» [7]. Признанным знатоком творчества Н.И.Кареева можно назвать В.П. Золотарева [5]. Он же проделал работу по публикации мемуаров Н.И.Кареева «Прожитое и пережитое». Среди других авторов, писавших об историках «русской школы», отметим монографии Б.Г.Сафронова [14, 15]. Он анализирует методологические представления русских историков. Глубокий анализ научного наследия П.Г.Виноградова провела Л.Г.Моисеевкова [9]. В сравнении с другими историками «русской школы» М.С.Корелин не столь часто подвергался анализу. Как исследователь итальянского гуманизма он отмечен В.П.Бузескулом [2]. Наиболее детальное исследование творчества М.С.Корелина, на наш взгляд, представлено в монографии Б.Г.Сафронова [14].

Второй период в изучении «русской школы» связан с ослаблением идеологического контроля над исторической наукой в конце 1980-х гг. В 80-90-е гг. выходят в свет работы историков, более свободные от идеологии и затрагивающие новые грани творчества «русской школы». Казанский историк Г.П.Мягков и петербургский исследователь С.Н.Погодин провели в своих

монографиях [10, 11, 12] комплексный анализ «русской исторической школы». В 2005 году были изданы мемуары М.М.Ковалевского «Моя жизнь». В предисловии дается краткая биография ученого, анализируются его научная и общественно-политическая деятельность. Из трудов последнего времени выделим монографию О.В.Бодрова о Ковалевском [1]. Среди обзорных работ отметим монографии Е.В.Гутновой и Л.Н.Хмылева [4, 17] советского периода, а из современных — труды Л.П.Репиной и А.Б.Соколова [6, 16].

Таким образом, можно констатировать стабильный интерес, который существует в научной среде к «русской исторической школе».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров, О.В. Профессор М.М.Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России [Текст] / О.В.Бодров. — Казань, 2006
2. Бузескул, В.П. Всеобщая история и ее представители в России [Текст] / В.П.Бузескул. — Л., 1929.
3. Бутенко, В.А. Наука новой истории в России (историографический обзор) [Текст] / В.А.Бутенко // Аналлы. — 1922. — № 2. — С.25-79.
4. Гутнова, Е.В. Историография истории средних веков [Текст] / Е.В.Гутнова. — М., 1971.
5. Золотарев, В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция [Текст] / В.П.Золотарев. — Л., 1988.
6. История исторического знания [Текст] / Л.П.Репина [и др.]. — М., 2004.
7. Куприц Н.Я. Ковалевский [Текст] / Н.Я.Куприц. — М., 1978. — 130 с.
8. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований [Текст] / Б.Г.Могилиницкий [и др.]. — М., 2004. — 169 с.
9. Моисеенкова, Л.С. П.Г.Виноградов — патриарх российской медиевистики [Текст] / Л.С.Моисеенкова. — Симферополь, 2000. — 192с.
10. Мягков, Г.П. Русская историческая школа. Методологические, идейно-политические позиции [Текст] / Г.П.Мягков. — Казань, 1988. — 245с.
11. Мягков, Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] / Г.П.Мягков. — Казань, 2000 — 286с.
12. Погодин, С.Н. Русская историческая школа: Н.И. Кареев, М.М.Ковалевский, И.В.Луицкий [Текст] / С.Н.Погодин. — Спб., 1997. — 280с.
13. Романов, К.В. Критика теории исторического процесса Н.И.Кареева [Текст] / К.В.Романов. — М., 1978. — 240 с.
14. Сафронов, Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина [Текст] / Б.Г.Сафронов. — М., 1984. — 153 с.
15. Сафронов, Б.Г. М.М.Ковалевский как социолог [Текст] / Б.Г.Сафронов. — М., 1961. — 190 с.
16. Соколов, А.Б. Введение в современную историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США [Текст] / А.Б.Соколов. — Ярославль, 2007. — 242 с.
17. Хмылев, Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии XIX-XX вв. [Текст] / Л.Н.Хмылев. — М., 1979. — 170с.
18. Шкуринов, П.С. Позитивизм в России XIX века [Текст] / П.С.Шкуринов. — М., 1980. — 416 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ О РУССКОМ НАРОДЕ И МЕТОДЫ ИХ АНАЛИЗА

Сараева Е.Л.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

Возникновение исторических мифов обусловлено интерпретациями явлений с различных идейно-аксеологических позиций, заинтересованностью отдельных лиц, политических и социальных сил в придании событиям определенного смысла. Исследование мифов предполагает выяснение целей, условий их происхождения, создателей, способов и среды распространения, его устойчивых элементов, трансформации в зависимости от политических и социокультурных условий. Важнейшим компонентом анализа мифотворчества является проникновение в подлинные исторические тексты. Сопоставление источников, созданных в разной культурной среде, позволяет выяснить ценностные ориентиры, идейные позиции представителей социумов, их картины мира.

Осмысление судеб российской цивилизации, основ ее развития обусловили рождение мифов о народе. Формирование определенного образа народа приняла власть в «бунташный» век, когда социальные низы стали заявлять о своих интересах. Наибольшей живучестью отличаются мифы, укорененные в общественном сознании. В традиционном обществе творцами мифов являлись как народные массы, так и государство. Фактическая изолированность культурного мира народа от политической сферы была одним из условий успешного формирования правящей элитой различных социальных образов и веры в их истинность. Ее стремление внедрить в сознание людей нужные представления о власти побуждало давать официальные трактовки процессов и их действующих лиц. А.В. Бородин доказывает, что русское правительство и церковь с середины XVII в. создавали «правильное» представление о расколе и движении старообрядцев с целью его дискредитации как асоциального поведения темных, деклассированных элементов. Длительное воспроизводство этого мифа формировало настороженное отношение к духовной культуре старообрядцев как чуждой, основанной на ложных ценностях. Автор выявил мифические элементы образа старообрядцев, сложившегося в ментальности русского народа под идейным влиянием государства и церкви. Выявление мотивации и приемов создания образа старообрядцев как образа Другого представляет собой оригинальный подход к изучению мифотворчества.

Развитие национального самосознания в модернизирующейся России петербургского периода сопровождалось складыванием различных образов русского народа. Несовпадение их черт — свидетельство наличия мифических черт в этих идеологических конструкциях. Официальная трактовка особенностей духовного образа русского народа выделяет такие его черты, как по-

корность, смирение, трудолюбие. Славянофильский вариант выявления сущностных качеств русского народа сконцентрирован в мысли о его высокой духовности, миролюбии. Западнический взгляд на народ — это акцентирование внимания на невежестве и нищете народа. Все участники дискуссии настаивали на истинности своего понимания характера русского народа и его роли в национальном сообществе.

Эти образы создавались в условиях социокультурного раскола общества представителями разных интеллектуальных кругов, оппонировавших друг другу в их стремлении осмыслить направления развития страны. Культура народа в европеизировавшейся России была для интеллигенции культурой Другого, она воспринималась сквозь призму ценностей разных социумов в высшем обществе. Следовательно, исследование мифов должно осуществляться в контексте воззрения социумов, их создававших. Кроме того, изучение субкультур, в рамках которых возникали мифы, обеспечивает выявление спектра зрения на народ. Так, официальная доктрина, утверждавшая величие самодержавия, делала акцент на патерналистском отношении власти к народу, призванного воплощать в жизни замыслы справедливого монарха и являющего добродетельные качества. Доминирование в славянофильстве идеи христианского воспитания людей обусловило интерес этой группы мыслителей к духовным ценностям народа. Внимание западников к социальной стороне жизни определило их критику условий существования народа, а отношение к человеку как высшей ценности позволяло им признавать неразвитость личностного начала в крестьянском мире. Создаваемые характеристики народа необходимо рассматривать, прежде всего, как компоненты мировоззренческих систем своего времени.

Несовпадение образов народа, творимых представителями разных интеллектуальных кругов, давало основание для взаимной критики их как мифических конструкций и побуждало аргументировать свои суждения. Так, утверждение западников 40-х гг. XIX в. о косности народа, неразвитости его сознания, неподвижности традиционного уклада жизни было воспринято почвенниками как равнодушие к судьбам народа, непонимание исключительности духовного мира крестьян. Западники были обвинены в мифотворчестве, разрушавшем истинный образ народа. Однако горькое признание западниками нищеты и невежества народа нельзя трактовать как неуважение к нему. Они желали изменения социальных отношений в деревне: освобождения крестьян, отмены телесных наказаний, повышения благосостояния народа, развития у него чувства достоинства личности. Н.П. Огарев, имея в виду ненормальность крепостных отношений, писал, что правильные разумные хозяйственные отношения позволят крестьянам иметь достаток. «Дай бог, чтоб наш мужичок каждый день мог иметь за обедом винцо, и дай бог, чтоб мы все были в состоянии жить роскошно». Материальный достаток Огарев, как и все его единомышленники, считали необходимым условием достойной жизни человека. Он

писал, что 99/100 крестьян живут бедно не потому, что они ленивы или страдают от пристрастия к вину. «...Ищите зло... в ненормальности, неправильности хозяйственных отношений...». Основные проблемы жизни помещичьих крестьян западники объясняли рабством, нищетой и неграмотностью крепостных людей. Они стремились освободиться от иллюзий и фантазий в отношении народа. Народ, лишенный элементарных человеческих прав, должен быть поставлен в иные, цивилизованные условия жизни.

В отличие от официальной теории западники объясняли смирение народа длительным пребыванием его в рабстве, повлиявшем на формирование характера, чертой которого стало покорное восприятие обстоятельств, диктуемых властью. Полемизируя со славянофилами, западники были осторожны в своих оценках культурного мира крестьян, вынужденных терпеть унижение, жестокость. «Возможно ли вообразить, чтобы способности, которые находят у русского народа, могли развиваться в обстановке рабства, безропотной покорности и петербургского деспотизма? Долгое рабство — факт не случайный, оно, конечно, отвечает какой-то особенности национального характера», считал А.И. Герцен. Характер народа — одно из условий, определяющих будущее. Западники верили, что русский народ обладает большим духовным потенциалом, что он умен, сметлив. Они не разделяли мысль славянофилов о том, что только крестьяне являются гарантом сохранения национальной самобытности. Преодолению культурного раскола, по мысли западников, должно содействовать изменение отношения государства и образованного общества к народу. По убеждению западников, традиционный образ жизни крестьянства искусственно консервировался государственной политикой, социальными отношениями. Народ, не имеющий возможности самостоятельно определять свою судьбу, не может быть движущей силой нации. Проблему народа классические западники решали в рамках своего учения о личности, глубоко уверенные в том, что развитие индивидуального сознания — основной путь формирования самостоятельно мыслящего человека. Диалог цивилизаций, полагали «русские европейцы» сороковых годов XIX в., не мог разрушить духовный мир народа. Они ожидали благотворных последствий от восприятия народом новой русской культуры и элементов духовного наследия других сообществ. Определение западниками интересов развития народа было проверено историческим опытом страны, когда государство, с одной стороны, и общественные деятели, с другой, решали в пореформенный период задачу раскрепощения народа и приобщения его к новой культуре, сформировавшейся в период модернизации.

Созданные интеллектуалами образы народа было бы неверно делить на исключительно мифические и адекватные, воспроизводившие реальные черты жизни. Все образы — идейные конструкции, представлявшие различные взгляды на ментальность народа, его характер, место в социально-политической системе. В той или иной мере они имели и мифологические и реальные составляющие. Степень адекватности воссоздания действительности познается

в сопоставлении идейных принципов творцов образов с самосознанием народа, в определении его действительного участия в национальной жизни, последующих тенденций развития, постигается в реализации конкретных программ преобразований. Применение историко-сравнительного метода к анализу исторических мифов подтверждает его универсальность. Изучение создания и бытования мифов наиболее плодотворно в рамках цивилизационной парадигмы, выработавшей социокультурный подход к исследованию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бородкин А.В. «Человек, которого не было» // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ. Ярославль, 2008. С. 227-232.
2. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Киев, 1897.
3. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954-1956. Т. 7.
4. Огарев Н.П. Замечание на замечание г. Чихачева, помещенное в №59 «Земледельческой газеты» 1847 года, под заглавием «Два слова о работах господских людей» // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 101- 105.
5. Волкова Т.И. Участие земств в формировании сельской культурной среды во второй половине XIX — начале XX веков // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. Ярославль, 2008. С. 107-110.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ПРИКАМЬЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1918—1919 гг.)

Молчанов Л.А.

Российский государственный гуманитарный университет

Газеты в годы гражданской войны являлись основным средством агитации и пропаганды. Главная причина появления большого количества газетных изданий в то время объясняется тем, что в условиях войны каждому политическому режиму, каждому общественно-политическому движению для доказательства своей силы и правоты программных и тактических установок необходимо было разворачивать широкомасштабную агитационную работу в целях привлечения на свою сторону населения страны. Самым массовым средством информирования населения в то время была газетная пресса.

Значительным арсеналом газет обладали антибольшевистские режимы. На страницах газетной периодики антибольшевистских государственных образований России 1918–1919 гг. получили отражение основные аспекты сопротивления общества власти большевиков. Задача данной работы заключается в том,

чтобы показать, как в антибольшевистской газетной прессе отражено сопротивление большевистскому террору в Прикамском крае. Эта проблема еще не становилась предметом самостоятельного изучения.

В 1918 г. наиболее ценный материал о сопротивлении большевизму в крае имеется в газетах Воткинска и Ижевска, которые в августе подняли восстание против большевиков и оказывали сопротивление красноармейским отрядам до середины ноября. В Ижевске выходили «Ижевский защитник» и «Народовластие», а в Воткинске — «Воткинская жизнь». «Ижевский защитник» был органом Ижевского исполкома советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и штаба Народной армии. «Воткинская жизнь» являлась органом исполкома Воткинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Народовластие» заявило о себе как о газете общественно-политической и литературной. Она считалась печатным органом чрезвычайного уполномоченного Уфимской директории Н. Евсеева, одного из членов Прикамского Комуча. В издание этих газет принимали участие А.Я. Гутман, литератор Тарабукин, петербургский присяжный поверенный Г. Миленко и московский литератор А.Л. Фовицкий, писавший под псевдонимом Альфа и др.

Возобновление работы антибольшевистских газетных изданий края произошло в конце 1918 — начале 1919 гг. после занятия его войсками Колчака. Центром издательской деятельности региона стала Пермь. В городе выходили официальные «Бюллетени Пермской городской Думы» и «Пермская земская неделя» — орган Пермской губернской земской управы. Редактором первой газеты был И.И. Зайцев, функции ответственных редакторов второй выполняли Ф.Я. Дьяков и И.Ф. Пономарев.

Солидной газетой этого времени являлась кадетская газета «Свободная Пермь», переименованная позднее в «Современную Пермь». Газета называла себя наследницей «Народной свободы», которую закрыли большевики в начале 1918 г. Она редактировалась В.А. Калинин, М.М. Кузнецовым и Б.М. Пановым. В середине июня 1919 г. газета слилась с «Военными ведомостями» и журналом «Отечество». Вместо них стала выходить газета «Отечество», выражавшая интересы предпринимателей и военных. Она представляла себя как орган национальной и государственной мысли и звала все политические силы к объединению. Газета издавалась при штабе Сибирской армии. Ее издателем-редактором являлся Н.С. Григорьев.

Была близка кадетской ориентации газета «Освобождение России», редактором-издателем которой был Б.А. Броневский. Интересы Сибирской армии защищала газета 1-го Средне-сибирского армейского корпуса «Сибирские стрелки», пропаганда которой в ряде случаев носила антисемитский характер. В конце мая — начале июня 1919 г. в Перми выходил «Голос Сибирской армии», который выпускало информационное отделение штаба Сибирской армии. Ее редактором значился подпоручик И.И. Кашкадамов. Боевой и интересной газетой была социал-реформистская «Народная мысль». Ее редактором-

издателем был С.Г. Макунин. Газета выходила при ближайшем участии лидера пермских меньшевиков Л.А. Шнеерова.

В других городских центрах региона в 1919 г. газетное дело было поставлено значительно хуже. Средств и сил не хватало. Край сильно пострадал от боевых действий и политики большевиков. Издавались в основном военные газеты, которые в ряде случаев называли себя военными, общественными и литературными. В Ижевске штаб 18-й Сибирской стрелковой дивизии издавал «Нашу газету». В Сарапуле выходила газета «Русский гражданин». Ее редактором значился подпоручик А.И. Монастырский. Боевая колонна подполковника Казагранди выпускала в г. Оса «Нашу газету». В Глазове военные издавали газету для красноармейцев «Наша правда». Все антибольшевистские газеты региона в первую половину 1919 г. прекратили существование по мере занятия края красной армией.

Один из главных недостатков антибольшевистской прессы Прикамья 1919 г. заключался в том, что в регионе не удалось создать популярной, доступной массам газеты. Эта была проблема, характерная для всех белых режимов. В это же время большевистские пропагандистские органы сумели ее решить. В Москве в 1918 г. были созданы массовые популярные газета «Беднота» и «Коммунар». Они стали образцами советской «желтой» прессы. «Беднота» выходила на протяжении всей гражданской войны и сыграла важную роль в манипулировании общественным мнением рабочих и крестьянских масс. Газеты, аналогичные «Бедноте», создавались на всей территории, контролируемой советской властью. Подобной эффективной «желтой» антибольшевистской периодики в Прикамском крае создано не было. Об этой с чувством тревоги говорилось на совещании осведомительного отдела Пермского губернского земства и представителей прессы, созванного 14 мая 1919 г. На совещании отмечалось, что газеты края имеют слабую связь с читателями, особенно с деревенскими. Поэтому они слабо отражают деревенскую жизнь и малоинтересны для сельского читателя. Низкую оценку состояния работы в регионе давали сами работники антибольшевистского агитационного аппарата. По их мнению, эта работа характеризовалась отсутствием широкой антибольшевистской агитации и «часто просто понятного для всех разъяснения действий правительства и земства»[1].

В газетах помещались постановления Комитета членов Учредительного собрания в Самаре, Временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания, решения омского Российского правительства, обращения Воткинского и Ижевского советов. Много места в газетах отводилось выдержкам из протоколов заседаний Прикамского Комуча. В 1919 г. в антибольшевистской прессе Прикамья постоянно печатались приказы Колчака.

Основными рубриками газет, где освещалась жизнь региона, являлись: «Военный обзор», «Дела церковные», «Местная жизнь», «От наших корреспондентов», «По губернии», «По нашему краю», «По Пермскому краю», «Хроника» и т.д. События в России и за рубежом освещались в рубриках: «По России», «Телеграммы», «Последние известия» и т.д. Местную информацию

газеты получали от своих корреспондентов, органов самоуправления, военных властей и т.д. Особенно много корреспондентов имели достаточно богатые кадетские газеты. Так, газета «Современная Пермь» регулярно печатала сообщения своих корреспондентов в регионе. Они подписывались псевдонимами: Ковинский, Кунгурский, Прикамский.

Основными источниками информирования газет о событиях в России и за рубежом являлись материалы радиоперехвата и перепечатки из других газет. В восставших Ижевске и Воткинске имелись радиостанции, которые осуществляли прием радиосводок Самарского Комуча, советского РОСТА, зарубежных радиостанций. Позднее основной информационный материал о событиях в мире и других регионах России газеты получали от колчаковских информационных служб. Очень много было перепечаток из газет, издававшихся в других регионах России. Особенно активно перепечатывались материалы из уральских, сибирских газет, прессы Северной области и Комуча. На страницах газет Прикамья можно было встретить много перепечаток из советской прессы. Особенно активно цитировалась «Беднота».

В конце октября 1918 г. в Ижевске было открыто отделение Агитационного культурно-просветительного отдела самарского Комуча. Но какого-либо заметного влияния на характер газет восставших это отделение не оказало, да и времени на развертывание своей деятельности у него не было.

Плохо обстояли дела в крае с распространением антибольшевистских газет. Практически весь тираж газет оседал в городах и на железнодорожных станциях. До деревень и сел он доходил слабо, большие перебои наблюдались с распространением газет на фронте. Серьезные недостатки с распространением газетной прессы среди населения региона являлись главной причиной, по которой идеологические концепции и взгляды антибольшевистских сил во многих случаях не смогли стать основой для формирования общественного мнения. Часто эти функции выполняли слухи, которые не несли в себе идеологических установок антибольшевистского движения, а выражали настроение и психологию масс. Такое положение создавало большие трудности в борьбе с большевистской агитацией.

С помощью газетных повременных изданий антибольшевистскими силами Прикамья был сформирован пропагандистский механизм, ставший основным способом идеологического воздействия на население. Газеты региона публиковали обширный материал о ходе боевых действий, о деятельности местных органов самоуправления, о разрушительной экономической политике советской власти, о красном терроре, о народном сопротивлении коммунизму. Газеты ижевско-воткинского района 1918 г. давали достаточно полную картину восстания. Они показывали причины и ход восстания, деятельность органов антибольшевистской власти. Главное значение восстания заключалось в том, что рабочие и крестьяне открыто выступили против разрушительной стихии революции. Ижевско-воткинское восстание дало наглядный пример того, что

большевики добровольно власти не отдадут, и с ними предстоит кровопролитная борьба. Чтобы победить большевиков необходимо объединение всех сил общества, а форма борьбы может быть только военная. «Итак, все за оружие! Сплотитесь... все до одного!», — взывала к обществу газета «Народовластие»[2].

Газеты края 1918–1919 гг. достаточно подробно рассматривали причины и ход революции и гражданской войны. Причинами революции 1917 г. газеты называли противоречия развития России в XIX нач. — XX веков. Эти противоречия были обострены мировой войной. Имперский российский государственный организм не выдержал напряжения войны и рухнул. Развитие и углубление революции привели к хаосу, который, по словам Бердяева, напоминал «революционный маразм», выразившийся в продолжающемся развале общества [3].

Журналисты стремились внедрить в сознание читателей мысль, что развал российской государственности имел следствием разложение общества. Оно не выдержало испытания революцией. Это разложение привело к тому, что все темные, погромные, шкурные, антиобщественные интересы и инстинкты масс выплыли наружу и стали определять развитие страны. Ухудшающееся экономическое положение, неспособность либеральных и социал-реформистских партий найти выход из тупика привели к тому, что у власти оказались большевики. Согласно Бердяеву, только они и могли прийти к власти, так как в «революциях неотвратимо господство якобинцев или большевиков» [4]. Действия большевистских руководителей были реакционными и противообщественными, так как нарушали «все основные условия общественной жизни — собственность, функции управления, международные обязательства, суд, все основные права личности»[5]. Эти действия усиливали анархическое разложение страны и готовили будущие бедствия общества.

Прикамская газетная пресса формировала в сознание людей представления о том, что большевики усиливали погромные, разрушительные, корыстолюбивые настроения масс для того, чтобы раздробить общество, натравить одни социальные слои на другие и установить тоталитарный режим. Для этого большевистские вожди стремились к освящению «низменно-корыстных мотивов моральным пафосом благородства и бескорыстия... через прививку идейного яда социализма»[6]. Народные массы, доведенные до отчаяния, не смогли разобраться в мотивах большевистских лидеров, все идейные народные ценности оказались разрушенными и не давали ответов на суровые вопросы современности. «Так разбивались все доступные пониманию народных масс связи, которые поддерживали в душе народа живое сознание единства родины, — писала «Пермская земская жизнь»[7].

Пропагандистские материалы на страницах белой газетной периодики Прикамья преследовали цель объяснить читателям причины, по которым большевикам удалось убедить общество и завоевать симпатии значительной его части. Среди них в первую очередь назывались нищета масс и их политическая и культурная безграмотность. Сказалась также религиозность сознания общества,

прочно устоявшееся представление, «что Небесный Иерусалим вдруг сойдет на русскую землю»[8]. Если раньше русский мужик всех благ ждал от царя, то теперь он всего необходимого ожидал «от фиктивного существа, именуемого социализмом»[9]. Эти настроения были обострены военными трудностями. Большевицкая агитация вызывала сочувствие в рабоче-крестьянском обществе. Широким массам народа очень хотелось верить, что все тяготы скоро останутся позади и наступит время, когда не будет ни бедных, ни богатых, и все будут счастливы. «Таких людей везде много и в городе, и в заводе, и в деревне.., — писала «Пермская земская неделя». — Ни города, ни заводы не смогли бы ничего сделать, если бы учение большевиков не встретило эту поддержку»[10].

Антибольшевистские газетные публицисты Прикамья стремились информировать читателей о функционировании белой государственности на востоке России. Они пытались проанализировать, почему политика белых правительств не устраивала общество. Газеты писали, что эта политика не внушала доверия населению, не создавала надежд на будущее. Народ считал, что его опять могут обмануть. Значительную часть прикамской деревни пугало то, что колчаковское правительство не установило «определенного образа правления, а откладывает решение этого вопроса до Учредительного собрания — опять-де жди»[11].

Кроме того, власти, управленческий аппарат не показывали образцы общественной порядочности и самодисциплины. Злоупотребления властными полномочиями были обыденным явлением антибольшевистской государственности. Они подрывали доверие населения к властям, препятствовали объединению общества вокруг властных структур и активизации общественной деятельности. Практически во всех газетах региона был опубликован приказ Колчака, где он вынужден был признать, что «самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются»[12].

Белые газеты Прикамья тонко подметили характерные черты и слабости антибольшевистского фронта в регионе. Состояние российского общества не давало возможность создать единый фронт борьбы с большевиками. В стране отсутствовало гражданское общество, население было разобщено, оно плохо понимало свои перспективные интересы. Антибольшевистские публицисты неоднократно писали об идейной и организационной слабости российского либерального движения. Основную его слабость они видели в том, что идеология либерализма не могла увлечь общество. Организационная слабость российского либерализма заключалась в его неопытности, в отсутствии лидеров, способных вызвать доверие общества. Они нередко выступали, по меткому наблюдению Франка, как «отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты», отчасти как полусоциалисты, «усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма, но несогласные на полное его осуществление»[13]. Поэтому либералы не могли выступать в роли организаторов общества для борьбы с разрушительными действиями социалистов-большевиков. «Мы знаем тоже, что столь несносный вашему сердцу либерализм таким влия-

нием не пользуется», — отвечала на критику социал-реформистов кадетская «Современная Пермь»[14].

Анализ прикамской антибольшевистской газетной периодики региона свидетельствует о том, что единого антибольшевистского политического фронта в регионе создать не удалось. Меньшевики, эсеры, кадеты и другие антибольшевистские партии сильно конфликтовали, и между ними наблюдались большие разногласия. Все это не давало возможности объединиться и сплоченно противостоять большевикам. Используя газеты как одно из действенных средств в идеологическом обеспечении своих действий, пермские кадеты обвиняли меньшевиков и эсеров в том, что это они развалили страну и фактически привели большевиков к власти. По мнению кадетских газет, в настоящее время необходимо было вводить единоличное правление, укреплять государственность и армию. Главное внимание надо уделить военному противодействию большевикам, а не развитию демократических начал в обществе. Пермские социал-реформистские партии, в свою очередь, обвиняли местных кадетов в стремлении узурпировать власть и реставрировать старые порядки.

Антибольшевистская газетная периодика Прикамья является ценным историческим источником по истории гражданской войны в крае. Раскрытие ее информационных возможностей помогает освещению социальных, политических, экономических и других аспектов истории этой большой и недостаточно изученной проблемы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Деятельность губернского земства по осведомлению населения // «Освобождение России» (Пермь). — 1919. — 3 июня.
2. Блох С. Обманутые. // «Народовластие» (Ижевск). — 1918. — 21 окт.
3. Бердяев Н.А. Была ли в России революция? // Духовные основы русской революции. — Париж, 1990. С. 105.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства. — М., 1990. — С. 26.
5. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1990. — С. 41.
6. Франк С.Л. De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1991. — С. 309.
7. Единая великая Россия // «Пермская земская неделя». — 1919. — № 11. — 9 апр. — С. 6.
8. Там же. С. 182.
9. Там же. С. 186.
10. Гамаюн. Большевизм и деревня // «Пермская земская неделя». — 1919. — 12 марта. — № 4. — С. 8, 11.
11. Деятельность губернского земства по осведомлению населения // «Освобождение России» (Пермь). — 1919. — 3 июня.
12. Приказ № 275 6 мая 1919 // «Наша газета» (Ижевск). -1919. — 20 мая.
13. Франк С.Л. Указ. соч. С. 311-312.
14. Иванов В. Либерализм и социал-демократия // «Современная Пермь». — 1919. -13 мая.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ЗА СРОКАМИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Купцова Ю.И.

Российский государственный гуманитарный университет

Контроль исполнения порученного задания является одной из важнейших функций управления. В современных условиях рыночных отношений и конкурентной борьбе, четкость и своевременность при исполнении документов являются определяющими при получении выгодных заказов, налаживании деловых отношений с другими организациями и т.д.

К сожалению, учитывая пока еще низкую исполнительскую дисциплину в организациях, исполнение документов должно быть поставлено на контроль. Ведение контроля требует знания несложных методов, приемов и наличия технических средств.

Обычно в организациях контроль за сроками исполнения документов возлагается на службу документационного обеспечения управления или в небольших фирмах — на секретаря, а контроль за исполнением документов по существу, т.е. определение насколько правильно и полно решен вопрос, осуществляет руководитель.

Сроки исполнения документов могут быть определены законодательством, указаны в самом тексте документа организацией, направившей документ, отражены в резолюции руководителя организации или иного уполномоченного лица и должны быть перечислены в инструкции по делопроизводству. Например, типовая инструкция по делопроизводству в Федеральных органах исполнительной власти определяет следующие сроки исполнения документов: с конкретной датой исполнения — в указанный срок; без указания конкретной даты исполнения, имеющие в тексте пометку «срочно» — исполняются в 3-дневный срок; имеющие пометку «оперативно» — в 10-дневный срок, остальные — в срок не более месяца [1]. Изменение срока исполнения документа осуществляется руководителем организации по согласованию с автором документа.

Контроль исполнения документов строится на базе данных полученных при регистрации документов, которая является одним из важнейших этапов работы с документами.

ГОСТ определяет регистрацию, как «Запись учетных данных о документе по установленной форме, фиксирующая факт его создания, отправления или получения» [2]. Иными словами, регистрация — подтверждение факта создания или получения документа в определенный день путем внесения его реквизитов в определенную регистрационную форму с присвоением учетного регистрационного номера. Это позволяет создать базу данных о документах организации для последующего контроля за исполнением документов и для построения информационно-справочной и поисковой системы по документам

организации. Фиксируя факт создания или получения документа, регистрация придает юридическую силу документу, т.к. с этого момента документ начинает свое «существование» и организация несет за него ответственность.

Регистрации подлежат практически все документы, требующие специального учета, исполнения и использования в справочных целях независимо от способа получения, за исключением рекламных писем, поздравительных писем, приглашений, программ семинаров и пр. мероприятий, печатных изданий (книги, брошюры, журналы), а также, копий нормативных документов, постановлений и распоряжений государственных органов, которые относятся к нерегистрируемым документам.

Для входящих, исходящих и внутренних документов ведутся отдельные регистрационные формы с самостоятельными регистрационными номерами, состоящих из порядковых номеров, которые, по усмотрению организации, могут дополняться буквенным или цифровым индексом, индексом дела по номенклатуре дел и т.д.

Из входящего документа в процессе регистрации в регистрационную форму выписываются, как правило, следующие сведения: дата получения; регистрационный номер, присваиваемый документу организацией-получателем; дата документа; регистрационный номер документа, присвоенный ему организацией-автором; автор (корреспондент) — т.е. чей это документ; заголовок (о чем документ, т.е. краткое содержание документа); резолюция (исполнитель, содержание поручения, подпись автора резолюции, дата); срок исполнения; исполнитель (кто с этим документом будет работать).

После выполнения, поставленных в документе и/или резолюции заданий, т.е. после исполнения документа, в регистрационную форму добавляются следующие пункты: ход исполнения (фиксируются все передачи документа и как исполнен); № дела (куда документ помещен после исполнения).

При регистрации внутренних и исходящих документов, сведения, вписываемые в регистрационные формы, частично изменяются и дополняются.

В настоящее время, в организациях существует три вида регистрационных форм: журнальная, карточная и автоматизированная.

При карточной системе регистрации документов на каждый документ заполняется 2 регистрационные карточки. Заполнив карточку, одну из них помещают в сроковую картотеку, другую — в информационно-справочную, а документ передают исполнителю для работы. Справочная картотека строится из регистрационных карточек. Для картотеки нужен длинный ящик или несколько ящиков, так как карточки будут, в отличие от сроковой контрольной картотеки, накапливаться в течение года. Разделителями в справочной картотеке будут названия структурных подразделений (если они есть) или направления деятельности в учреждении. Внутри этих разделов удобнее всего размещать карточки по алфавиту корреспондентов или вопросов деятельности (товаров, изделий и т.д.). Отдельно ведется картотека на законодательно-

нормативные и распорядительные документы, которая строится по тематическому принципу.

Для ведения контроля за сроком исполнением документов, в данном случае, используются регистрационные карточки и картотечный ящик с 32 подвижными разделителями. Тридцать один разделитель — это числа месяца (31 день). За 32-й разделитель ставят карточки на документы, срок исполнения которых падает на следующий месяц (в последних числах месяца эти карточки будут расставлены по числам нового месяца). Карточки расставляют по срокам исполнения, т.е. ставят каждую карточку в картотеку за то число, на которое документ должен быть исполнен. После исполнения документа карточка из сроковой картотеки с отметкой об исполнении документа, как более полная и имеющая все отметки о решении вопроса, затронутого в документе, переставляется в справочную картотеку, а аналогичная карточка из справочной картотеки вынимается и уничтожается либо используется при создании дополнительной справочной картотеки для поиска документов по другому поисковому признаку (например, если основная картотека построена по тематическому признаку, то в дополнительной, карточки могут располагаться по алфавиту корреспондентов). На исполненном документе также проставляется отметка о его исполнении, и он подшивается в дело в соответствии с номенклатурой дел организации.

Таким образом, по сроковой картотеке легко можно узнать, что на какой день должно быть исполнено и кто является исполнителем того или иного документа.

Ручная карточная система регистрации быстро заменяется сегодня регистрацией документов на компьютере. Но и в этом случае на экран выводится форма карточки (экранная форма РКК) с аналогичными полями и в нее заносятся сведения о документе. При автоматизированной системе регистрации документов данные, заложенные при регистрации, автоматически будут использованы в программах по автоматизированному контролю, когда на экран выводятся списки документов, исполнение которых истекает в определенный срок и в справочной работе по документам организации. При этом поиск можно вести по любому из введенных показателей. Автоматизированная система контроля легко позволяет просмотреть все задания не только по срокам, но и по исполнителям, и таким образом видеть загрузку каждого.

Конечно, сегодня наиболее рациональной является автоматизированная регистрация документов и автоматизированный контроль за исполнением сроков документов, но как быть работникам организаций, у которых до сих пор существует журнальная система регистрации, затрудняющая ведение контроля за сроками исполнением документов и от которой они не могут отказаться по независимым от них причинам?

В данном случае можно предложить следующий вариант. Сроковой картотекой при журнальной системе регистрации может служить папка с 32 раз-

делителями, а карточки можно заменить документами. Т.е. в этом случае, после регистрации документа, его копия передается исполнителю, а сам документ размещается в папке с разделителями за то число, на которое документ должен быть исполнен. Для осуществления контроля, необходимо взять папку и посмотреть, что и в какой день должно быть исполнено. Так как документы, размещенные в папке, имеют регистрационные номера, то для уточнения определенных данных по документу, необходимо найти этот регистрационный номер в журнале регистрации, в который были внесены все данные по документу. После снятия документа с контроля, т.е. после исполнения документа, он вынимается из папки, на нем и в журнале регистрации проставляется отметка об исполнении и документ размещают в соответствующее дело.

Одна из главных обязанностей инспектора по контролю — в начале рабочего дня просмотреть сроки картотеки и проверить, будут ли документы исполнены сегодня. Это может быть личный опрос, опрос по телефону и т.п. Если выполнение какого-либо задания срывается и необходим перенос срока исполнения, об этом докладывается руководителю.

Помимо текущего контроля желательно вести предупредительный контроль. Для этого выявляют по картотекам документы, срок исполнения которых истекает через 3 дня, и предупреждают об этом каждого исполнителя. Ежедневный контроль (текущий и предупредительный) создает нормальную рабочую атмосферу в организации. Работники приучаются к тому, что за исполнение всякого задания обязательно спросится в срок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Типовая инструкция по делопроизводству в Федеральных органах исполнительной власти. — М. 2004 г. 8.1.5. С. 46
2. ГОСТ Р 51141-98 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — М.: Изд-во стандартов, 1998, п. 65 С.4

ИНФОРМАЦИОННОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Зверкова И.В.

*Российская международная академия туризма
Ярославский филиал*

Главные функции процесса управления персоналом в туризме, реализуемые на разных уровнях системы управления организацией, — выработка решений и контроль над их исполнением. Именно необходимость обеспечения выпол-

нения этих функций дает возможность рассматривать управление персоналом как информационный процесс, т. е. функционально включающий получение, передачу, обработку (преобразование), хранение и использование информации, а саму иерархическую систему управления — как информационную систему.

Процесс управления персоналом можно представить в виде множества согласованных, постоянно принимаемых и реализуемых решений, направленных на достижение главной цели функционирования организации. Выработка каждого из этих решений должна быть информационно обеспечена.

Информационное обеспечение системы управления персоналом представляет собой совокупность реализованных решений по объему, размещению и формам организации информации, циркулирующей в системе управления при ее функционировании. Оно включает оперативную информацию, нормативно-справочную информацию, классификаторы технико-экономической информации и системы документации (унифицированные и специальные).

Для того чтобы служба управления персоналом могла успешно выполнять свои функции, необходимо соблюдать следующие требования, предъявляемые к качеству информации: комплексность, оперативность, систематичность, достоверность.

Информационное обеспечение службы управления персоналом можно подразделить на немашинное и внутримашинное. Такая классификация информационного обеспечения может быть использована только при том условии, если в подразделениях службы управления персоналом имеются средства вычислительной техники (например, персональные компьютеры или используемые вычислительные ресурсы организации).

Немашинное информационное обеспечение позволяет провести идентификацию объекта управления, формализовать информацию, представить данные в виде документов. Оно включает в себя систему классификации и кодирования информации; системы управленческой документации; систему организации, хранения, внесения изменений в документации.

Немашинная информационная база представляет собой совокупность сообщений, сигналов и документов в форме, воспринимаемой человеком непосредственно без применения средств вычислительной техники.

Внутримашинное информационное обеспечение содержит массивы данных, формирующие информационную базу системы на машинных носителях, а также систему программ организации, накопления, ведения и доступа к информации этих массивов.

В последнее время широкое распространение в туризме получило использование персонального компьютера в структурных подразделениях организации, в том числе в отделе кадров, отделах труда и заработной платы и т. д. В этой связи одной из центральных проблем проектирования информационного обеспечения службы управления персоналом является организация данных в памяти персонального компьютера.

Недостатки традиционного подхода организации массивов информации в памяти персонального компьютера, при котором разработка информационной базы ориентировались на конкретные функциональные задачи, привели к необходимости ориентации собственно на информацию, на данные, что обусловило переход от проблемно-ориентированной базы данных к информационно-ориентированной.

Все это обусловило новую организацию данных в ЭВМ, что нашло свое отражение в разработке банков данных, представляющих собой совокупность баз данных пользователей, технических и программных средств формирования и ведения этих баз.

Банк данных строится из баз данных, каждая из которых представляет собой совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными.

В базе данных накапливается и постоянно обновляется информация в виде небольшого числа массивов, каждый из которых ориентирован на использование при решении многих задач управления. При этом основное внимание уделяется непрерывному поддержанию в системе точной динамической информационной модели объекта управления.

В этой связи открывается принципиально новая возможность использования ЭВМ несколькими пользователями, которые совместно разрабатывают и используют программы, обобщают получаемые результаты.

К разработке информационного обеспечения службы управления персоналом в туризме предъявляется ряд организационно-методических требований: рациональная интеграция обработки информации в информационной базе, сокращение числа форм документов; возможность машинной обработки информации, содержащейся в документах и во внутримашинной сфере; необходимая избыточность информационного обеспечения, позволяющая пользователям различного уровня получать информацию с различной степенью детализации.

Основу технического обеспечения системы управления персоналом в туризме составляет комплекс технических средств (КТС) — совокупность взаимосвязанных единым управлением и (или) автономных технических средств сбора, регистрации, накопления, передачи, обработки, вывода и представления информации, а также средств оргтехники.

КТС должен обеспечивать решение задач управления с минимальными трудовыми и стоимостными затратами, с заданной точностью и достоверностью, в указанные сроки. Эффективность функционирования службы управления персоналом при использовании КТС должна обеспечиваться как за счет повышения производительности труда персонала конкретной службы, так и за счет возможности использования экономико-математических методов решения задач управления на основе более полной и точной информации.

В связи с этим эффект применения КТС в службе управления персоналом туристского предприятия должен определяться не снижением управленческих и эксплуатационных расходов (в частности, сокращением персонала службы), а улучшением экономических показателей работы службы в целом и отдельных ее подразделений за счет более рационального управления.

КТС должен обладать информационной, программной и технической совместимостью входящих в него средств; адаптированностью к условиям функционирования службы управления персоналом; возможностью расширения с целью подключения новых устройств.

Исходными данными для выбора технических средств являются:

- характеристики задач, предназначенных для решения службой управления персоналом организации;
- характеристики технологического процесса обработки информации;
- технические характеристики оборудования, которое может быть использовано как составная часть КТС службы управления персоналом.

При выборе оборудования следует учитывать назначение и состав комплектов оборудования и его основные характеристики: производительность при выполнении технологических операций, надежность работы, совместимость работы оборудования различных типов, в том числе персональных компьютеров, стоимость оборудования, состав и количество обслуживающего персонала, площадь, требуемая для размещения оборудования.

В соответствии с последовательностью стадий технологического процесса преобразования информации все технические средства, которые могут быть использованы в службе управления персоналом, можно разделить на пять групп:

- средства сбора и регистрации информации: устройства подготовки данных, регистраторы информации, устройства сбора информации (например: служба приёма и размещения гостей);
- средства передачи информации: системы телетайпной, телефонной, факсимильной связи (например: служба бронирования);
- средства хранения информации: внешние запоминающие устройства персональных компьютеров, картотеки;
- средства обработки информации (средства вычислительной техники) составляют основу КТС службы управления персоналом, предназначены для преобразования исходных данных в результирующую информацию, необходимую для принятия управленческих решений;
- средства выдачи информации: печатающие устройства, знаковые индикаторы, видеотерминальные устройства (дисплеи), графопостроители и пр.

Следует отметить, что приведенная выше классификация технических средств службы управления персоналом туристской организации условна, так как многие типы технических средств выполняют комплекс функций, относящихся к разным классификационным группам различных организаций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гуляев В.Г. Туризм: экономика и социальное развитие. — М.: Финансы и статистика, 2003. — 304 с.: ил.
2. Кротов Н.В. Управление персоналом / Кротова Н.В, Клеппер Е.В. — М.: Финансы и статистика, 2005. — 318 с.
3. Квартальнов В.А. Менеджмент туризма: Туризм как объект управления: Учебник / Квартальнов В.А. — М.: Финансы и статистика, 2002. — 302 с.: ил.
4. Олифер В., Олифер Н. Компьютерные сети. Принципы, технологии, протоколы — СПб: «Питер», 2001.
5. Райли Майкл Управление персоналом в гостеприимстве: Учебник: пер.с англ. / М.Райли. — М.: ЮНИТИ-ДАНА,2005.- 189 с.

ДИВЬИ КАМНИ

Курдюков Ю.В.

*Угличский государственный историко-архитектурный
и художественный музей (УГИАХМ)*

Геологическое прошлое Угличского Верхневолжья изучено слабо. Тем не менее, следы былых эпох в нашем районе имеются в достаточном количестве. Это — геологические обнажения берегов реки Волги, рек Корожечной, Улеймы, Воржехоти, Постна, ручья Орлек и ряда других ручьев и речушек, выходы глубинных пород на поверхность, палеонтологические находки, местные месторождения песка, глин, гравия, гальки и, распространенные по всей территории, валуны и останцы — памятники прошлых оледенений.

О последних и пойдет речь в данной статье. Условно, только здесь, я разделил их на 3 группы:

1. Легендарные камни — это камни-следовики.
2. Камни — геологические памятники.
3. Камни, находящиеся за пределами Угличского муниципального района, в пределах нашего Верхневолжья.

Самое распространенное на Руси мнение об этих камнях со знаками было то, что они — «дивьи», т.е. особенные, чудесные, обладающие магической силой.

«Дивьи камни» - называл их народ. Они лежат в лесной чаще, в глухомани, спрятанные от людских глаз. И нет к ним ни прямых дорог, ни хоженных троп, а ведет лишь одна единственная заветная тропка, отыскать которую удастся не всем. Возле таких камней селились монахи — отшельники, строили часовни и скиты.

Но, время порой, безжалостно и к ним:

«...Усердием миряне в старину

Воздвигли возле камня церковь Божью.

Все поросло бльем, - мы к старине глухи:

И камня нет, и церкви нету боле.

Осталось лишь название «Петухи» -

Селение на Угличе — на — «Поле».

(М.Д. Бучкин, 1978 г.)

«Петухова слобода» была известна в Угличе в XV — XVII веках [12]. Свое название она получила, вероятно, от Петухова камня, лежавшего близ церкви св. Николая Чудотворца — что на Петуховом поле.

- «Камень величиной с порядочный стол и глубоко сидел в земле. Его верх, как бы срубленный топором, был немного наклонен, и на нем можно было различить четырехпалый след петушиной лапы, длиной сантиметров в 30. Этот

валун находился метрах в 100-х на Юго-запад от церкви Николы — на «Петухах»... - из описания Угличского краеведа И.Н. Потехина [9].

Именно с этим камнем связана самая красивая и известная легенда. В ней говорится о том, что если городу угрожала какая — либо беда, то прилетал огромный петух. Он садился на камень, поворачивался в сторону грозившей опасности и троекратным пением предупреждал горожан о ней. С тех пор на камне «якобы и остался след петушиной лапы». Существует мнение, что эта легенда легла в основу сказки «О золотом петушке», написанной А.С. Пушкиным.

Жители Петуховой слободы являлись крепостными Алексеевского монастыря в Угличе. По государевой грамоте, им предписывалось — «ни в каких службах не быть и в целовальниках не сидеть». Теперь, на месте этой слободы проходят улицы: им. Нариманова, им. Шаркова (бывшая Крестьянская), Свободы и Пролетарская. Сама церковь Николы — на «Петухах» была разобрана в 1957 -1958 гг., а фундаменты оставались до 1961 года. «Петухов» камень был разбит и использован для мощения угличских дорог.

Упоминания одной легенды и одного камня не дает полного представления об уникальности подобных памятников. На Угличской земле известно около десятка «дивьих» камней. Местными краеведами записаны легенды и сказания: о Еросимовском «петуховом» камне, о «Следочкином» камне (у д. Карповская), о «Золотом» камне (у д. Кулиги), о «Волховом» камне на Малой стороне и о ряде других.

Являясь, по — сути, геологическими памятниками ледниковой эпохи, они оказали немалое влияние на местный эпос, традиции и топонимику Угличского Верхневолжья.

Вторым «петушиным» камнем является Еросимовский камень. Он находится в урочище ручья Кека около д. Еросимова (бывшей Спасской волости) в 600м от правого берега реки Корожечна.

Урочище образовалось в результате действия ледника в виде ванны выпахивания. Глубина ванны - 25-30м, ширина 150-180м. Ванна представляет собой задернованную балку, следов действия постоянных талых или ручьевых вод, характерных для оврагов, не наблюдается. Имеется начало заболачивания места вокруг камня. Дно ванны представляет собой валунные суглинки и супеси. Ванна ориентирована на С — В, имеет длину около 2км и выходит в пойму реки Корожечна в 2км от реки Волга.

В настоящее время ванна представляет собой окустаренное ивой — брединой, заросшее черемухой и ольхой, камышом и тростником урочище ручейка Кека. (1994 г.)

Сам камень представляет собой валун окатанного серого гранита большой массы (около 25 тонн) объемом в 22м³, с размерами 5,8м по большой оси и 4,5м по малой.

На верхней, плоской части был выбит след «петушиной» или «глухаринной»

[7] лапы, увеличенный втрое, в пределах 35-40 см. При обследовании камня в 1988 году след был уже утрачен. Местная молодежь любила разжигать на камне костер во время ночных гулянок, в результате перепадов температуры гранит в верхнем слое потрескался на глубину 10-15мм и отслоился. След лапы был утрачен навсегда, хотя, до этого, он прожил не один век. Теперь это уже легенда.

Камень, по — сути своей, является эратическим ритуальным камнем, вторым «петушиным» камнем — следовиком. Его неоднократно описывали и фотографировали.

Добраться до него можно автобусом №1 до конечной остановки на Левом берегу, затем пешком пройти через д.Ульяново до д.Еросимово, около 5км.

Камень обследовался С.Н. Ильиным (краеведом из Иваново) в 1965 году, в 1974 году мною, в 1986 году К.И. Комаровым — след, глубиной около 1см еще был жив. При повторном обследовании мною в 1988 году след был уже утрачен.

«Следочкин камень». Это название неразрывно связано с жителями Улейминской земли и ее местным краеведом — Мухиным Олегом Константиновичем.

Камень известен с древних времен. Местные жители приходили к нему с дарами и просьбой помочь при болезни, при трудных родах, а то и просто — в дальней дороге. Люди приходили к нему и оставляли записки, ленточки, тряпочки и свято верили в его чудодейственную силу и помощь.

В былые времена камень, по одной из версий был межевым, потом придорожным т.к. лежал на пересечении 2-х дорог: из Тчаново в Манушкино и из Карповской на Угловку и Бастыли (Быльцино).

В 90-е годы, в ходе лесовальных работ Угличского лесокомбината, он был сдвинут на несколько десятков метров в сторону и свален в яму.

Несколько раз мы, с Олегом Константиновичем, выходили на поиск и, наконец, 30 июля 1995 года, обнаружили его. Он находился в 118 квартале Дивногогорского лесничества в 3-хкм к северу от д.Карповская, в лесу.

«Как сторож — домосед,
Лежит, не знает счета
Седых веков минувших, -
Хранитель памяти трудов
Людей давно ушедших...»[8]

«Следочкин» камень — это валун из серого гранита с крупными прослойками и пятнами полевого шпата розового цвета. На камне имеется около десяти углублений (от 1 до 3,5см глубиной). Все они естественного происхождения, за исключением некоторых, подправленных рукой человека. Они имеют различную конфигурацию, напоминающую лосиное и кабанье копыто, копыто косули или козы, увеличенный след рябчика и, главное, след детской ступни.

По моему мнению; следы образовались в результате разрушения включе-

ний полевого шпата. Они очерчены кварцевыми жилами толщиной 1,5-2см, более стойкими к времени и физическому выветриванию. Примерная масса «следочкина» камня, по результатам обмеров, составляет 3т 770кг.

Найти этот камень можно проехав из Углича на автобусе до д.Карповская, а затем, пешком через поле и лес в 118 квартал затратив 40-45 минут. А, в том, что он нужен людям, мы убедились, опрашивая местное население из окрестных деревень. Благодаря помощи Олега Константиновича, этот камень вновь вернулся к жизни.

«Золотой камень», «Большой камень». Данный камень находится в 1км на Ю-В от д.Кулиги (бывшей Маймерской волости) на границе поля и небольшого соснового бора, в 50 м от лесной дороги к с.Сергиевскому. Он стоит, вросший в землю, в заболоченной низине, в зарослях ольхи и кустарников. Летом его обнаружить труднее из-за высокой травы. По воспоминаниям старожилов (Киселева Алла Александровна, 1925 г.р. с.Сергиевское и др.) этот камень, в 20-х годах XX столетия, был больших размеров. Алла Александровна показала нам фотографию 30-х годов — так на этом камне сидело с десяток человек (почти вся ее семья). Сейчас этот камень меньших размеров, но 3 человека свободно разместятся на его вершине. Данный остенец является посланцем ледниковой эпохи — очень крупным липаритом (гранитоидная порода). Высота камня — 2,5м над поверхностью, длина по периметру — 9,5м, масса наружной части около 30тонн. Местные жители прозвали его «Золотым» камнем.

История названия такова: после Великой Отечественной войны в д.Кулиги вернулся из плена один из жителей. Он привез с собой книгу, в которой говорилось о том, что вблизи каменных столбов (старинных пограничных столбов с Тверской губернией) находится камень очень больших размеров и под ним, якобы, закопано золото. Этот мужчина окопал камень на глубину 2-2,5м, но камень не кончался — уходил вглубь. Копать стало опасно, и поиски клада вынуждены были прекратить. Пытались также, в 70-е годы, мелиораторы ПМК-16 двумя тракторами С-100 сдвинуть его с места, но из этой затеи ничего не вышло. Пришлось камень оставить в покое, а легенда так и осталась нераскрытой. С каждым годом камень все глубже врастает в землю. Я трижды посещал его в разное время года: 06.11.1998г.; 26.06.1999г. и, в последний раз, снимки сделаны 30 января 2000 года.

Поскольку местных жителей осталось немного, в основном — это московские дачники, то и зовут этот камень они просто — «Большой камень». Добираться до него непросто: либо ехать автобусом до д.Маймеры, а дальше пешком; либо на поезде до с.Сергиевского (до переезда), а там также пешком.

Помимо настоящих, к следовикам можно отнести и так называемые маленькие камни-крестовики. На них обычно высекался крест, иногда условно человеческие фигурки. Обычно имелись округлые или конусовидные углубления для свечей, сбора воды (якобы лечебной), а возможно и жертвенной крови птицы или животного.

Подобный камень в нашем районе находится справа от старой Никольской дороги в лесной поросли, между деревнями Чурьяково и Матвеевкой. Якобы он служил местом поклонения пастухов. На камне, сравнительно небольшом, с плоским косым верхом, выбито примитивное изображение фигурки человека и креста, рядом имеется углубление. Кроме того, на камне есть поздние процарапанные нечитаемые надписи. Так описывал И.В. Дубов [2] в своей работе. Писал, в свое время об этом камне и известный нам атеист А.М. Лобашков, правда его статья носила пропагандистский, нежели исследовательский характер. В настоящее время камень почти весь врос в землю так, что его частично затянуло мхом и травой.

Волховов камень. (Полховов или Полховский). Он является крупным полевошпатым (из группы ортоклазов) останцем массой около 47 тонн. Свое название он получил от бывшей деревни Полховки, стоявшей над ним на левом берегу р.Корожечна. Деревня утрачена в 30-е годы XX столетия.

Камень покоится на 3-х валунах в реке. Под ним, по словам аквалангиста — любителя Петра Петровича Савина учителя французского языка в СШ № 5, в яме любят стоять щуки и большие окуни. А, однажды он выловил из-под камня сома на бкг.

По воспоминаниям старожилов, в ночь на Ивана-Купалу на камне веселились русалки. Вероятно, поэтому и название Полховов камень, после утраты деревни обратилось в Волховов камень. То есть камень, стал уже в советский период, вновь приобретать черты ритуального и девушки, с окрестных деревень, плели венки и пускали их по воде (гадали на судьбу, на суженого — волховали), именно здесь, в ночь Ивана — Купала — 2 августа. А на берегу, они с парнями водили хороводы и прыгали через костер.

Камень находится в реке Корожечна, в 10м от левого берега, в 300м от с.Спасское (колокольня сохранилась высокая) и в 500м от д.Бурмасово,; СПК «Верный путь» (бывшего Спасского с/с).

Еще один - Русалочий камень на р.Корожечне находится (?необходимо проверить) на островке у д.Городищи (под Красной Горкой),а рядом с ним стоит второй поменьше, наполовину погруженный в воду р.Корожечной.

По рассказу жительницы д.Городищи (бывшее Спасское с/с) Жаровой Зинаиды Алексеевны (1933 г.р.); «на «Русалочий» камень в ночь на Ивана- Купалу; появлялась прекрасная русалка и своим нежным пением завлекала молодежь, гадавшую в эту ночь».

Третий - Русалкин камень находится уже на реке Волге, у левого берега, недалеко от Покрово — Паисьевого монастыря. Он имел в высоту 1,5м, а в ширину — около 1м 80см. В 30-40м от него, в воде же, находился другой большой камень — длиной 5м, высотой от воды примерно 1м 40см- Кувалдин камень.

Вот что написал об этих камнях Михаил Дмитриевич Бучкин в январе 1981 года: «Вода под Кувалдиным камнем бурлила и пенилась, особенно в ненастную погоду. Сильное течение вымыло под камнем яму и круговоротом затяги-

вало жертву под камень. Предательская яма и, бушующая под камнем вода, и создали поверье, о Водяном, живущем под камнем.

Деревенские девушки любили резвиться на Золотом песке у Русалкина камня и, заигравшись в «мелкой» воде соскальзывали по песку в обрыв. Течение подхватывало и несло их под Кувалдин Камень. Не всем удавалось оттуда выплыть живыми».

Оба камня были расколоты и использованы при строительстве Угличской ГЭС в 40-е годы. Откуда возникло название камня — Кувалдин, выявить не удалось. Вот что пишет в своей работе Арья Алквист: «Так, например, Кувалдин, для которого можно найти не одно подходящее толкование на финно-угорской языковой и мифологической почве, мог развиваться в сторону русских нарицательных существительных. Однако без дополнительных сведений о камне и о преданиях, связанных с ним, этимологизировать название рискованно» [1]. Кувалдин камень описывали в своих трудах и Угличский историк Л.Ф. Соловьев [10] и исследователь И.В. Дубов [2]. Оба отмечают, что это место имело нехорошую славу — лунная ночь, на Ивана-Купалу, русалки, купание в реке и, как правило, утопленницы.

Чередовский камень. Огромный гранитный камень в форме цилиндра, завершающегося пологим конусом, отчего был похож на шлем русского богатыря, стоял с незапамятных времен среди полей, на крутом берегу реки Сабли. Высотой он был метра три, а рядом из земли бил ключ. Часто приходили сюда жители окрестных деревень Ивановки, Петрецова, Фенина, Рогатина за ключевой водой, а, бывало, и погадать, помолиться возле камня, надеясь на его чудодейственную силу. Да, видно помешал этот камень помещику при распашке поля. Съехал камень вниз в пойму, да и встал, как стоял — вершиной вверх. Только тонкий грунт год за годом засасывал его, пока не осталась одна конусообразная вершина. Сейчас пойма заросла кустарником и деревьями, не сразу и отыщешь его. Весь покрытый мхом, как старый колдун, он стоит в окружении деревьев, а на них развешаны были детские рубашки. Значит и в конце двадцатого века люди верили в его силу (1989г.).

Эту историю рассказал угличский краевед директор музея «Угличские звоны» - А.В. Кулагин. А узнал он об этом камне от своей бабушки — Пликиной (дев. Головиной) Прасковьи Петровны, жившей рядом в д.Ивановке [6]. Относится к культовым камням и чудодейственный камень — медведь. По рассказу угличского пенсионера Усольцева [11] и Красиной [5] этот огромный валун, похожий на спину медведя, лежит в 4-х километрах на восток от стрелки Селивановского ручья и Волги. Этот камень из серого гранита длиной два с половиной метра, а шириной и высотой в полтора, окружен свитой — валунами поменьше, а около головы лежит плоский камень с выемкой в центре, похожий на след от топора. По рассказам местных жителей, к этому камню с апреля по октябрь, ходят люди с разными просьбами о помощи в делах и личной жизни. Также приходят избавиться от тяжких болезней. Подойдут к этому камню с

восточной стороны, прислонят тело к нему, положат руки сверху на «спину» камня — медведя и просят здоровья, обратившись лицом на запад, минут 30-40. Говорят, что помогает многим. Помог камень и пенсионеру Усольцеву.

К сожалению, точно установить местонахождение камня в настоящее время не представляется возможным. Благодаря усилиям мелиораторов в Угличском районе исчезли многие известные старожилам камни — памятники ледниковых эпох. Если пройти по нашим полям, то везде можно встретить огромные скопления валунов, иногда значительных размеров.

Существовали еще культовые камни с отверстиями — углублениями, но они нуждаются в дополнительном обследовании. Возможно они уже утравлены. Это камни: у д.Грибаново описан А.В. Киселевым [3], у д.Деревеньки [1] описан А.Алквист, у д.Левайцево описан И.Н. Потехиным [9].

Постепенно сведения о крупных валунах поступают к нам в музей. Большинство из них это геологические памятники: без историй, без легенд, без выбитых на них следов и знаков. Есть и легендарные, но навсегда утраченные, человек умело использовал их в строительстве дорог, домов, плотин и заводов.

В настоящее время имеются косвенные сведения и свидетельства примерно о трех десятках камней, которые требуют проверки и фиксации. Время неумолимо, старожилы умирают, зачастую не передав память о таких камнях детям и внукам. Иногда появляются новые камни — река Волга размывает берега и огромные (до 20 тонн) валуны сползают на бечевник. В соседних районах также есть свои культовые камни. О Мышкинских писал местный краевед Олег Борисович Корсаков [4]. Это камни Мардас, дядя Яков, Юхотские камни, камни на р.Сутке. В Большесельском районе — Тиханов камень на реке Молокше и, вновь открытый следовик — «Божий след». Есть камни и в Ростовском, и в Борисоглебском, и в Переславском районах, о них написано достаточно другими исследователями. Нам же остается проверить имеющиеся сведения, и, быть может, вновь открыть старую, давно забытую легенду об одном из них.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алквист Арья, «Загадочные камни Ярославского края», Финляндия, Ювексюре, 1995.
2. Дубов И.В., «Новые источники по истории Древней Руси», Л., 1990., с. 101-106
3. Киселев А.В., «Деревенские святыни южных регионов Ярославского Поволжья в XIX-XX вв.»,
4. Корсаков О.Б., «Культовые камни в окрестностях Мышкина», Опочининские чтения, выпуск 1, Мышкин, с.51-54, 1991.
5. Красин К., «Камень лучше, чем собес», газета «Золотое Кольцо», Ярославль ст. 1 марта 1997
6. Кулагин А.В., «Моя Русь», «История Углича», «Угличские звонь», Углич, 2004 .
7. Лапина Е., А. Тодоров, М., журнал «Турист» №12-1970.
8. Мухин О.К., «Найден следочкин камень», газета «Авангард», с.3., Углич, 11 октября 1995.
9. Потехин И.Н., «Две угличские легенды. Петухов камень». Исследовательские

материалы по истории Угличского Верхневолжья, выпуск 1-й.

10. Соловьев Л.Ф., «Краткая история города Углича», СПб, 1985.
11. Усольцев, «Камень-медведь», газета «Авангард», Углич, январь 1997.
12. Шумаков С., «Угличские акты», (1400-1749гг.)

КАМНИ С ЖЕЛОБАМИ, ЕЩЕ ОДИН ТИП КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

Мизин В.

Действительный член РГО, Санкт-Петербург

Среди культовых валунов, распространенных на Северо-западе России, можно выделить особняком одну категорию объектов, которая является наименее изученной. Данная категория артефактов практически не изучена, и эта небольшая работа является одной из первых попыток систематического подхода к изучению данных объектов на территории северо-западного региона России. На настоящий момент камней с желобами здесь известно несколько:

- а) 2 камня в верховьях реки Луги (С.Алексашин, Новгородская область)
- б) 2 камня на реке Оредеж (А.Лаврентьев, Ленинградская область)
- в) 1 камень в среднем течении реки Луга (Ленинградская область)
- г) 1 камень на Стороженском мысу, Ладожское озеро (Ленинградская область)

Предположительно еще один подобный камень расположен в святилище на озере Воловжа [1]. Для всех перечисленных камней характерно наличие на верхней поверхности камня вырубленного желоба, идущего от края до края, либо от вершины камня по одной из граней. Глубина и размеры желобов варьируются. До настоящего времени никаких обзорных исследований этих объектов не проводилось, в первую очередь по причине отсутствия сведений о них в исторических источниках. Но, рассмотрев указанные выше камни, можно сделать некоторые предварительные выводы.

Одним из базовых вопросов в исследовании валунов с выбитыми желобами является вопрос о функциональном назначении желобов. Для чего люди выбивали на камнях желоба? Есть ли связь между камнями с желобами и камнями с выбитыми в линию пазами? Поскольку в процессе исследования пришлось столкнуться с обеими категориями объектов, необходимо внести некоторую ясность. Валуну с пазами известны:

- один камень у деревни Горки (Ленинградская область) [2]
- один камень на реке Хревица (Ленинградская область) [3]
- два камня с пазами известны возле Пушкинских гор (Псковская область) [4]
- один камень у бывшей деревни Киискинкюля (остров Гогланд, Ленинградская область) [5]

Действительно, валуны с желобами и пазами внешне весьма похожи и на

первый взгляд могут казаться объектами одного ряда. Но между ними есть несколько принципиальных отличий. В ходе сбора информации о валунах с пазами было выявлено несколько нюансов, позволяющих рассматривать наличие пазов как следы средневековой и более поздней камнедобычи. Метод раскалывания валунов посредством выбивания пазов был довольно широко распространен и достаточно эффективен. Если пазы на камне у Пушкинских гор вполне можно отнести ко времени строительства Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря, основанного в 1569 году по приказу царя Ивана Грозного, пазы на камне с острова Гогланд - ко времени существования поселка Киискинкюля, то камень с пазами у реки Хревица, скорее всего уже к началу 20 века, времени строительства бумажной фабрики, руины которой сохранились и сейчас.

Таким образом, можно констатировать, что столь внешне схожие следы на валунах имеют разное происхождение и несут различную смысловую нагрузку. Рассмотрев вкратце камни с пазами, можно более подробно обратиться и к камням с желобами, основному предмету данной статьи.

В первую очередь, искусственное происхождение желобов не подлежит сомнению: на одном из таких камней с желобом в Верхнем Полужье С.Алексашину [6] удалось зафиксировать остатки застрявшего железного инструмента. Рассмотрев подробнее этот камень, можно сказать, что работы по вырубке желоба на нем не были доведены до конца — одна часть камня откололась и был поврежден инструмент. Эти признаки позволяют сделать вывод о том, что здесь целью работы был именно желоб, а не раскалывание камня на части, ибо в противном случае треснувший валун был бы использован, а не брошен. Рядом с этим камнем расположен второй камень с вырубленным желобом, таким образом можно предположить, что древние мастера, бросив неподатливый камень, вырубили желоб на соседнем. Отсюда следует вывод о пространственной привязке объекта, данный камень обязательно должен был быть расположен именно в этом месте. На обоих камнях желоба вырубались на верхней грани с учетом накопления дождевой воды в верхней части и стока воды по желобу вниз. На «готовом» камне для удобства использования стекавшей воды была подрублена одна из боковых граней камня. Относительно внешнего вида желобов, можно отметить, что на «законченном» камне он неглубокий, весьма искусно вырублен и идет от вершины к краю, на треснувшем камне желоб более глубокий и пересекает плоскость валуна от края до края. Необходимо отметить, что традиция использования желобов на камнях, также как и во многих других случаях касающихся культовых камней, видимо происходит от природных прообразов. На примере Ленинградской области к таким возможным прообразам можно отнести «Мамин камень» в Гатчинском районе недалеко от реки Оредеж, расположенный на склоне берега небольшого ручья [7].

Камни на реке Оредеж во многом аналогичны камням обнаруженным в Верхнем Полужье. Валуны, о которых пойдет речь, были открыты

А.Лаврентьевым в 2003 году [8]. В марте 2008 года была осуществлена небольшая экспедиция к месту находки, в результате которой камни и окружающая местность были детально обследованы, зафиксированы на фото и видео, произведены замеры валунов, их ориентация относительно элементов окружающего ландшафта, составлены схемы.

Комплекс состоит из двух камней с желобами и представляет собой небольшой холм на пересечении двух известных в раннее средневековье торговых путей. На вершине холма расположен валун размерами 3.5х3.2х2.2м. Это крупнейший валун в окрестности. На верхней поверхности валуна имеется два выбитых желоба длиной до 2.5м и глубиной до 17см. В центре большого желоба имеется углубление круглой формы диаметром 4см и глубиной ~10см. Внешний вид углубления резко контрастирует со стилем выработки желоба. Скорее всего, углубление не имеет отношения к желобу и является попыткой расколоть камень в более позднее время. Можно предположить, что этот крупнейший в округе валун, весом под 40тонн, в недавние времена кто-то решил использовать для строительных нужд, вероятно заросший желоб был принят за трещину, и в самом центре было произведено сверление с целью раскола камня. По какой-то причине разрушение камня не было доведено до конца. Но и этим не исчерпываются особенности камня. Валун огромного веса стоит на песке, при этом не погружается в него. В округе нет камней такого размера на поверхности, все окрестные камни гораздо меньших размеров. Под камень ведет лаз. Это второй случай фиксации проходов/пустот под культовыми камнями (первым можно назвать подводный лаз под Даниловым камнем, крупнейшим валуном ижорского берега(2006)). Лаз был завален мусором, после того как мусор был убран, стало видно, что огромный валун снизу опирается на камни. Возможно, под ним и рядом существует каменная выкладка, подобная вымостке у Камня Пятницы в Лужском районе у озера Врево. Само происхождение лаза непонятно. Можно заподозрить в нем лисью нору, но район здесь довольно обжитой людьми, лисы не селятся под камнями и их норы имеют несколько выходов. Возможно, лаз имеет естественное происхождение и был просто промыт водой. Возможен и такой вариант: местные предания упоминали стандартную быличку «о кладе, зарытом под большим камнем на холме». Может быть, кто-то решил проверить, благо копать песок не сложно. Лаз существовал уже в 2003 году и при дополнительной расчистке показал наличие полости под камнем.

При трактовке камня, два пересекающихся на нем желоба, возможно, имеют отношение к его расположению на стыке двух торговых путей. Дождевая вода, стекая по желобу, образовала на одной из граней камня мшистый нарост. Неподалеку от «главного» валуна расположен еще один камень с желобом. Этот валун имеет меньшие размеры, но его желоб имеет продолжение на боковой грани и снизу упирается в выступ. Вода, стекая по желобу, растекается по этому выступу.

Расстояние между камнями на Луге и Оредеже невелико, из чего следует

большая вероятность общей традиции связанной с этими камнями. Этот же вывод подкрепляется еще одним подобным объектом, зафиксированным автором в ходе разведки весной 2008 года в среднем течении реки Луга. По центру части верхней поверхности валуна высечен желоб, пересекающий две грани камня и не имеющий стока. На этом же камне имеются следы еще одного разрушенного желоба. Таким образом, 5 известных камней с желобами имеют географическую привязку к реке Луге, по которой проходил известный в древности торговый путь из Балтийского моря в Новгородские земли.

Последний, из исследованных автором камней с желобами расположен несколько особняком и имеет некоторое существенное отличие от выше перечисленных. Камень с желобом, расположенный на Стороженском мысу [9], что впадает в Ладожское озеро в юго-восточной его части, единственный из рассматриваемых валунов имеющий зафиксированные следы культа. Местные жители называют его «белый камень». Кроме желоба на нем выбито 4 углубления, известные как следки св. Николая Угодника, и углубление, «в которое ставили свечку». В известных местным жителям преданиях желоб никак не упоминается, степень его разрушения гораздо сильнее, чем на прочих изображениях на камне. В данном случае сложно сделать какие-либо выводы, но можно предположить, что желоб был выбит гораздо раньше следков и углубления под свечу.

Рассмотрев указанные камни можно вывести некоторые общие признаки:

желоба создавались в верхней части камней с учетом возможности стока воды по ним

условия стока воды подразумевают её сбор для дальнейшего использования.

в горизонтальной проекции все желоба выбивались прямыми линиями.

данный тип культовых камней также имеет природные прообразы с зафиксированными признаками культа

расположение камней тяготеет к древним водным торговым путям (р. Луга, Ладожское оз.)

Валуны с вырубленными желобами имеют определенное функциональное сходство с другими типами культовых камней распространенных в северо-западном регионе: с следовиками и чашечниками. В обоих этих случаях фиксируется ритуальное использование воды скапливающейся в углублениях в камнях. Но здесь есть и принципиальное отличие, желоба вырубались именно для сбора стекающей воды, тогда как в камнях следовиках и чашечниках использовалась вода, скапливающаяся в выемках. Из этого можно предположить, что обряды, связанные с использованием воды с камней с желобами проводились во время дождя, либо вода (иные жидкости?) приносилась с собой.

В отличие от камней следовиков, имеющих богатый мифологический арте- ол, камни с желобами практически нигде не упоминаются. Эти объекты не получили православной трактовки. Из этого можно предположить, что культ этих камней очень древний, возможно древнее следовиков, либо эти объекты создавались в позднее средневековье, уже в период борьбы с языческими

пережитками. Возможно, именно по этой причине два из шести рассматриваемых объекта можно назвать незаконченными. Сохранились ли какие-либо намеки на культ, связанный с камнями, имеющими желоба? Прямых свидетельств зафиксировано не было, но некоторые косвенные факты есть. Так, например, в том же Лужском районе Ленинградской области, на реке Оредеж у д.Щупоголово есть почитаемый крест из известняка, имеющий в верхней части подобие желобка. В желобок паломники оставляют монеты, сам крест считается чудотворным и лечебным.

«Богомолцы приходят к почитаемому кресту, в разные не только праздничные дни. Кладут на него монеты, оставляют рядом с крестом тканые изделия или части одежды, трутся о крест больными частями тела. Смывают крест и умываются смывой водой... Вешают там платочки. Головка болит — так платочек вешают. Вот я раз зимой тоже пришла, а одна женщина с другой деревни пришла — у ей тоже плечи болели. Вот она пальто сняла, а сама вот так об него терлась. И теперь вот прошло, говорит... Тряпочки... Потереть руку и приложить. Монетки кладут. Смывают. От глаз... Ребенок другой раз плачет, не спит. Иди смой крест, мамаша. Иди смой. Батюшка сразу пойдет смое. Держит от таз и смывает. И взрослому так же.» [10]

В описании этого обряда четко читается использование именно проточной воды, стекающей по сакральному объекту, что с одной стороны контрастирует с традицией использования воды из чаш и следков, с другой стороны соответствует возможному использованию валунов с желобами. Конечно, всего на одном примере, пусть внешне схожем и расположенном в том же регионе, нельзя делать гарантированного вывода о тождественности культа, но тем не менее факты сходства имеют место быть и вряд ли это случайность.

В случае с камнем с желобом, в котором остались куски инструмента, которым вырубался желоб, С.Алексашиным были найдены фрагменты пирамидальных железных вставок. Вероятно, желоба выбивались именно такими пирамидальными железными лезвиями, которые вставлялись в некий инструмент. Пирамидальная форма, необычная для современных режущих инструментов, видимо была нужна для придания дополнительной прочности при ударе, и при этом компенсировала недостаточную жесткость железа. Пирамидки имеют смещенный центр, что позволяло работать ими подобно современным зубилом или стамеской. Это первый случай, когда были обнаружены инструменты, которыми выбивались культовые элементы на валунах.

Проводя параллели с другими регионами, ближайшими аналогами можно назвать камни с чашами и стоками, рассмотренными А.Платовым в статье «Новые данные по мегалитам Русской равнины». В Новгородской области в функциональном плане схожим объектом является Ишутинский следовик, имеющий сильно вытянутый след. Если говорить о полных аналогах, а не отдаленно похожих удлинённых следовиках и чашах со стоками, то они есть в северной Германии. Эти территории издревле были заселены славянами и име-

новались Вендланд. Два таких священных камня, имеющих имена собственные — Der Riesenstein и Der Opferstein, известны на острове Рюген, один валун с желобом был разрушен после войны, при строительстве дороги — камень Der Noasbacken-Stein. Еще два камня с желобами в средние века были вмурованы в стены церквей, это Der Opferstein (д. Грос Бюнцов) и Der Opferschale (д.Альт Ябель, 13век). [11]

Еще один подобный объект в настоящий момент находится в Минском музее камней (Белоруссия,[12]). Здесь, на плоском валуне, также имеется желоб идущий по верхней плоскости и спускающейся до середины боковой грани. Желоб делит пополам верхнюю плоскость камня и размерами аналогичен обнаруженным на реке Луге.

Исследуя внешнее сходство этих камней, географическое расположение и наличие сохранившихся легенд в предположительно основном регионе распространения валунов с желобами, можно предварительно предположить, что культ камней с желобами мог быть занесен на территорию нынешней Ленинградской области пришедшими из южной Прибалтики славянскими племенами, известными в истории как венеды. Косвенно это предположение подтверждается тем, что финны восточно-балтийского региона именовали славян именно как «вене», что вероятней всего происходит от древнего «венеды»

Какие перспективы ожидают исследователей в области изучения загадочных артефактов, камней с желобами? Здесь можно выделить несколько направлений, на которые следует обратить внимание:

Выявление новых камней имеющих вырубленные желоба, выявление фольклора, связанного с ними.

Фиксация валунов в привязке к ландшафту, подробная характеристика окружающего рельефа.

Ориентация желобов и линий пазов по сторонам света и окружающему ландшафту.

Выявление аналогов в ближних и дальних регионах.

Установление возможной связи с ближайшими археологическими памятниками

Несомненно, что в настоящее время мы находимся в самом начале исследования камней с желобами, из чего следует, что наиболее интересные открытия в этой области ожидают нас в будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Короткевич Б.С. Культовый памятник на озере Волковжа в Псковской области. // Материалы и исследования по археологии Евразии. — Археологическая Сессия Государственного Эрмитажа. 1999. Вып. 34. С.:172–186.
2. Архив А.Курбатова, сообщение А.Ильин, 1991.
3. Архив автора, сообщение Т.Хмельник 2005.
4. Архив автора, сообщение В.Агафоненко, 2008.
5. Разведки автора, 2008.

6. Архив автора, сообщение С.Алексашин, 2004.
7. Архив автора, сообщение Д.Рябов, 2007.
8. Архив автора, сообщение А.Лаврентьев, 2006.
9. Архив автора, сообщение А.Епатко, 2005.
10. Архив А.Курбатова.
11. Иванова-Бучатская Ю.В., «Символы северной Германии. Славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера», СПб, Наука 2006. <http://minsk-old-new.com/minsk-2740.htm>.

РОССИЙСКО-ИНГУШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В X—XVII вв.

Ганижев М.З.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В российско-ингушских отношениях можно выделить три этапа:

I этап. X-первая половина XVI вв. - время первых еще нерегулярных контактов.

II этап. Середина XVI — XVII вв. — установление непосредственных разнообразных и постепенно крепнущих русско-ингушских связей, складывающееся взаимное историческое тяготение и начало процесса присоединения Ингушетии к России.

III этап XVIII в. — дальнейший рост и углубление взаимополезных и дружеских отношений и фактическое оформление в 1762 — 1770 гг. добровольного вхождения в состав России.

Начальные взаимоотношения восточнославянских племен с Северным Кавказом изучены слабо. Лишь сравнительно недавно плодотворные исследования восточнославянского и кавказского фольклоров, древнейших письменных свидетельств наметили возможную канву зачатков славяно-кавказских связей до времени образования Древнерусского государства. Разумеется, не сразу установились непосредственные контакты. Они появляются после того, как у народов появляются общие интересы (борьба с иноземными захватчиками).

В X — XI вв., в период становления государственности, Русь стала играть заметную роль в жизни Предкавказья и Кавказа в целом.

Ряд народов Северного Кавказа, в их числе и ингуши, входящие в состав Аланского государства, до конца X века находились под властью Хазарского каганата. Известно, что еще древняя Русь вела торговлю с Хазарским царством (V — IX в), границы которого простирались до кавказского хребта. Арабский историк Ибн-Фадлан пишет, что в столице хазарского царства можно было встретить немало русских купцов.

Хазарский каганат был разгромлен, сокрушительным ударом, нанесенным Киевским князем Святославом в результате похода. «В 965 году войска Святос-

лава, пройдя через Кубань, «и ясы победы и кууосогы и приведе Киеву». Среди городов Хазарии, «взятых им на щит» была и ранняя столица каганата Семендер, месторасположение которого исследователями устанавливается в районе Чечни. (Б.Виноградов, Е.И.Крупнов, М.И.Артамонов).

Разгром Хазарии привел к усилению влияния Руси на Северный Кавказ, открыл реальные перспективы для непосредственных контактов кавказских народов с Русью, способствовал развитию экономических связей и торгового обмена. После разгрома Хазарии русские закрепились на Таманском полуострове, где позже возникло Тмутараканское княжество, имевшее торговые связи с адыгами, ясами и другими народами Северного Кавказа. Не случайно арабский автор Аль-Надим упоминает о переписке «одного из царей горы Кабк», т.е. Кавказа с «русским царем».

В 1022 году князь Тмутараканский и Мстислав совершили поход против кософов и победили последних.

Между русскими и горцами существовали тесные торгово-экономические связи. Так, например, стрелец Десятко Савельев ездил «с Терека к черкасам в горы и в горах под грузинской землею в Калханах да в Мылкицах свинец покупывал и на Терек приваживал».

Через территорию Северного Кавказа в XI-XII вв. Древнерусские земли были связаны с Грузией, Арменией, Ширваном и другими закавказскими странами.

История взаимоотношений ингушей и русских богата не только торгово-экономическими, политическими и культурными связями, но и насыщена страницами их боевого содружества.

Источники свидетельствуют о том, что в борьбе с половцами русские люди получили надежных союзников в лице горцев.

Одна из древнерусских летописей свидетельствует, что при дворе Андрея Суздальского, внука Владимира Мономаха служил ясин Анбал. Профессор Д.Д.Мальсагов считает, что Овлур — имя до недавнего времени было широко распространено среди горцев, вспоминает он о башне Овлурга, построенной галгаями, первыми переселенцами из гор на плоскость, также говорит о фамилии Овлурга. Овлург — предок одной из ветви Мальсаговых (из Гамурзиево), и Овлург из Ыйпа Оздоевых (из Базоркино).

После ясина Анбала, вельможи Андрея Боголюбского, Овлур — второе историческое лицо из среды северокавказских народов, связанное с Древней Русью.

Все эти данные подтверждают древние отношения восточных славян и наших предков.

Следующий этап русско-ингушских отношений связан с монголо-татарским нашествием. Владычество Золотой орды, а затем и нашествие полчищ Тимура, принесли горским народам бедствия и негативно повлияли на их связи с русским народом. В научной литературе обычно высказывается мнение, что

связи с народами Северного Кавказа у Руси в период монголо-татарского владычества прерываются. Но эта точка зрения, на наш взгляд, несколько неверна, ибо новые археологические данные подтверждают, как раз обратное. Как мы видим, хотя связи между двумя народами и не были столь тесными, но они имелись. Русские люди, спасаясь от ордынской неволи, находили пристанище и защиту в кавказских горах и селениях, среди ингушских, чеченских общин, черкесов и дагестанцев. Здесь следует отметить и другие факты, когда монголо-татарские ханы привлекали русских князей со своими дружинами для участия в походе против северокавказских народов. Принудительное участие русских воинов в золотоордынских войсках было достаточно распространенным явлением до середины XIV века.

Исследователи, используя данные русских летописей (Симеоновская, Воскресенская, Никоновская летописи) считают, что Деяков упоминает в летописях с двумя событиями:

Восстанием жителей Деякова в 1277-1278 гг. и участием в его разорении русских князей, со своими дружинниками в составе монгольского войска;

Убийство под Деяковым князя Михаила Тверского ханом Золотой Орды Узбеком.

Вопрос обострения монголо-аланских противоречий, в которое оказались втянутыми войска вассальных русских княжеств представляется не до конца выясненным.

В дальнейшем, после освобождения русского народа из-под ига монголов контакты между кавказскими и русским народами становятся все более частыми и тесными.

Новая историческая перспектива российско-ингушских отношений начинается в результате усиления Русского государства с центром Москва, освободившегося от монголо-татарского ига. В результате образования централизованного и единого государства, России, как и всякое феодальное государство, стремилось расширить свои границы. И, безусловно, Кавказ являлся объектом внимания России. Профессор Л.Н.Покровский пишет: «Кавказ попадает в сферу русской политики в половине XVI века».

После битвы на Куликовом поле (1380 г.) и окончательного свержения татарского ига(1480), сложились предпосылки для действий против расположенных на Волге татарских ханств. Уже в 1552-1556гг. к России были присоединены Казанское и Астраханское ханства.

В этот период началось переселение ингушских обществ с гор на равнину, где они столкнулись с кумыкскими, кабардинскими, ногайскими феодалами, которые попытались взять под контроль бассейн Терека и его южные притоки. Бассейн Терека стал местом формирования русского старожильческого населения на Кавказе — гребенских казаков.

Время появления гребенских казаков и их первоначального поселения на Северном Кавказе трудно определить.

Процесс дружеских и, нередко, родственных контактов горцев и казаков сохранялся, несмотря на все сложности протекавших событий в жизни горских народов. Так, в состав гребенского казачества разновременно и в силу ряда обстоятельств вливались группы из числа горцев. К числу таковых относятся гуноевцы из ст. Червленной. Червленские казацкие фамилии Федюшины, Сехины и др. Сохранили память о своих предках и считают себя гуноевцами. Здесь, как видим, мы имеем дело с ассимиляцией горцев в казачьей среде. Имел место, и обратный процесс во время военных действий на Кавказе к горцам проникали и находили приют беглые крестьяне, солдаты-казаки.

Росли и усиливались отношения между коренным населением и пришедшими на Северный Кавказ русскими людьми. Казаки в недавнем прошлом беглые и «гулящие» люди, учились хозяйствовать в новой для них природной среде у горцев.

Стали по-горски вооружаться, одеваться и убирать свое жилище. Горцы тоже многому научились у казаков. В казачьих поселениях не раз скрывались кровники другой стороны, немало русских людей прибегало к горцам. Среди последних они всегда находили приют и гостеприимство. Великий русский писатель Л.Н.Толстой в своей повести «Казаки» поместил такие строки о складывающихся отношениях между горцами и казаками. «Очень-очень давно предки их... бежали из России и поселились за Теремом, между чеченцами на гребне....Жили между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе их обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удерживали и там русский язык. Еще до сих пор казацкие роды считаются в родстве с чеченскими».

Большую роль в дружеских взаимоотношениях стал играть Терский город (Терки), где наряду с русскими проживали и представители горских народов Кавказа. Так зарождается процесс сближения наших предков с Россией. Сближение северокавказских народов с Россией вытекает как из внешней, так и из внутренней обстановки.

Народы Северного Кавказа, а в дальнейшем и Закавказья, стали видеть в России покровителя, защитника и союзника в борьбе с экспансией Османской империи и шахского Ирана.

Действия этих трех сил (России, Турции, Ирана) определили политическое положение в этом регионе. Нужно отметить, что ингуши играли немалую роль в сложной политической жизни края.

С 1567 г. Документально засвидетельствовано общение с русским гарнизоном крепости в устье Сунжи, построенного по просьбе кавказцев, Ушарома-Мурзы, представителя оококов в русских источниках XVI-XVIIвв. Чеченцы и ингуши упоминается под названием «оооки», «мычкизы», «мурзы», «калканцы». Ушаром-Мурза верно выполнял обязательства друга и союзника России и завещал своему сыну Ших-Мурзе быть верным России, а Ших-Мурза являлся одной из центральных фигур в русско-горских взаимоотношениях конца XVI века.

С 1588 года начался новый этап в политической истории региона, присутствие России на Тереке сделалось постоянными. Русское государство активизировало действия на юге.

При рассмотрении политического положения северокавказских обществ и владений внимание привлекают, прежде всего, чеченские и ингушские районы края, ставшие связующим звеном между Россией и Кавказом, а также деятельность Ших-Мурзы Ишеримова, владельца окоцкой земли.

Профессор И. Дахкильгов анализирует термин «мурза» и считает, что так себя именovali народом избранные представители. В более поздних документах русской администрации таких представителей будут уже называть «старшинами», иногда «владельцами». Из хорошо известной историкам челобитной Ших-Мурзы, поданной царю Федору Ивановичу (1588г., видно, что «ококи» вместе с казаками не только охраняли пограничные рубежи России от турецко-крымских вторжений, но и способствовали укреплению позиций России на Северном Кавказе.

Челобитная Ших-Мурза дошла до царя, и он посчитал необходимым самостоятельно ответить Ших-Мурзе специальной грамотой, и вместе с ней ему были переданы дорогие и почетные царские подарки. После добровольного вступления Ших-Мурзы в подданство России, с аналогичной просьбой к русским обратился и Султан-Мурза, владелец ингушского селения в районе Дарьяла, мотивируя свое желание так: «Хочу государю же служить по свою смерть, как служит брат мой Ших-Мурза окоцкий и на непослушников государевых со государевыми воеводами и с кабардинскими князи ходити готов и на том государю правду даю, мертвую... и в заклад брата своего или сына да о в Терский город с вами вместе, как пойдете на грузинские земли». Послы Султан-Мурзу к присяге привели по той же записи, по которой проводили кабардинских князей. Присяга ингушского владельца была закреплена именной царской грамотой, по которой послы обещают Султан-Мурзе военную помощь «государевы воеводы по государеву указу учнут тебя на твоих недругов рать давати с вогненным боем».

Дахкильгов И.А. пишет: «Положение этого владельца было весьма тяжелым. Находясь в самом важном в военном и торговом отношениях пункте, он был тесним численно превосходящими дружинами некоторых равнинных феодалов. Исследователи предполагают, что и Ших-Мурза (1595г.) и Султан-Мурза были убиты за свою прорусскую ориентацию.

Но рядовые горцы, постоянно пополнявшие население Окоцкой слободы и по традиции называемые «шихмурзинными людьми» в XVII веке, внесли богатый и разнообразный вклад в дело широкого знакомства с Россией большинства чеченских и ингушских обществ.

Зачисленные в разряд «служилых людей» окочане Терского города явились проводниками и переводчиками для царских послов «во все горские землицы», в походы и во всякие государевы службы... ходили с ... государевыми воевода-

ми и головами стрелецкими и с вольными атаманами казачьи». На этой службе многие из окочан «головы свои поклали, побить на смерть»

Российский царь Иван IV проводил активную политику на Кавказе. При нем князья Кабарды почитаемы и взяты под защиту, все это закреплено браком Ивана Грозного и дочери кабардинского князя Темрюка Идарова. Последний, опираясь на своего могущественного зятя, усиливает власть над горскими народами. Но руки русских царей в этот период тянулись не только к Кавказу, но и к Закавказью.

В 1587-1590гг. были снаряжены и отправлены в Грузию ряд русских посольств.

Посольства, направляющиеся из Москвы на Кавказ через Астрахань на ерек, чаще следовали путем, движение по которому было быстрее от «Суншина городища», путь посольств как правило пролегал от устья Сунжи до реки Камбилеевки, где их берега наиболее близко подходили к восточному берегу Терека. Перейдя здесь Терек, далее следовали к древнему Дарьяльскому проходу или сворачивали налево, в долину реки Армхи, двигались к Архотскому перевалу. В Грузию посольства попадали, преодолев Крестовый или Архотский перевалы, по долинам Арагви или Алазани.

По этим маршрутам следовали посольства во главе с Р.П. Биркиным, И.П. Пивовым (1587-1588гг.), С.Г. Звенигородским и Т. Антоновым (1589-1590гг.), М.И. Татищевым (1604-1605гг.), Ф.Ф.Волконским (1637-1638гг.)» — писал в своих трудах ученый, краевед Ш.Э. Дахкильгов.

В «статейных списках», доношениях московские послы освещали жизнь и быт горцев. Само собой разумеется, что без помощи и поддержки местного населения, посольства не могли бы беспрепятственно преодолевать трудные горные тропы и перевалы, где дорог вообще не было». Грузинские послы и участники русских посольств в Грузию XVI-XVIIвв., пересекавшие районы Ингушетии, пишут: (выдержка из рапорта посла князя Ф.Волконского Московскому царю Михаилу Федоровичу) «И того же дни послы перешли кабаки горских владельцев. А те кабаки стоят по обе стороны того ручья: Дворы у них в горлах каменные. А ходят мужики по-черкески, а жонки носят на головах, что роги вверх в поларшина».

Этот документ подтверждает, что посольства шли через ингушские земли, так как «курхарс», по мнению большинства женщин.

Описание местных народов, видимо тоже входило в задачу русских посольств. Они видели в наших предках надежных и желанных союзников. Архивные документы свидетельствуют, что участились случаи обращения ингушских обществ к русской администрации на Тереке, к Москве.

Российское подданство и покровительство рассматривались и как способ защиты прав независимых горских «землиц» перед лицом натиска феодальных владельцев. Они подразумевали мирное регулирование отношений с соседскими народами.

В середине XVII века были возбуждены ходатайства о русском подданстве, отдельными предводителями ингушей в районе Дарьяла и в Джейрахской долине. Все это служит подтверждением постоянно растущей русской ориентации в самых разных слоях ингушского общества.

Отличительной чертой российско-ингушских отношений с самого начала является добровольное стремление ингушей войти в русское подданство. Описывая русско-кавказские отношения, Якоб Рейнегтс писал, что «живущие тамо народы... ничего более не желают и ничего столько не ищут», как только быть в подданстве России.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем попытку назвать главные причины, толкавшие ингушский народ на сближение с Россией:

Во-первых, у ингушского народа в этом случае появлялась возможность спокойно заниматься сельским хозяйством, на плодородных землях, которые можно было освоить только при помощи Российского государства;

Во-вторых, ингуши надеялись освободиться из-под гнета кабардинских феодалов;

В-третьих, создались бы благоприятные условия для усиления и расширения экономических и культурных связей с русским народом и соседними горскими племенами;

В-четвертых, одним из главных факторов, толкавших ингушский народ на сближение с Россией, был и тот, что царское правительство на первых порах не старалось авторитарным путем установить свою власть, а проводило более или менее миролюбивую политику, не посягая открыто на земли ингушского народа».

С начала XVIII века российско-ингушские отношения вступили в новую фазу развития. Этот период выходит за хронологические рамки данной статьи и станет предметом следующего исследования.

«БОГОЛЮБЦЫ» В 30 — 50 гг. XVII ВЕКА: ДУХОВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ДО НАЧАЛА ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА

Бородкин А. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Ярославле*

XVII век — это особое время в истории Российского государства. Эпоха больших потрясений изменивших во многом неспешный ход жизни великой

православной монархии. Как абсолютно справедливо указывает Е. Л. Сараева «осмысление духовной жизни исторической личности начинается с проникновения в его внутренний мир, выявления черт его самосознания». В этом отношении актуальность исследований посвященных столь переломным вехам истории не вызывает сомнений. Кроме того, в исследовании проблематики духовных движений акцент делается на старообрядчество. Однако до структурного оформления движения ревнителей древнего благочестия центральные уезды Российского государства были охвачены не менее интересным духовным движением, которое во многом явилось предшественником грядущих духовных потрясений. Поэтому целью настоящей работы является исследование проявлений в Верхнем Поволжье движения «боголюбцев». Осторожность в формулировке цели исследования объясняется, прежде всего, фрагментарностью сохранившихся источников, которые в свою очередь, в силу тенденциозности и плохой сохранности, не позволяют более глубоко изучить заявленную проблематику. В этом ракурсе, проблема не являлась предметом исследования. Движение «боголюбцев» стало своеобразной реакцией части русского общества на события бурного и беспокойного времени, в котором им пришлось жить. События «смутного времени» открыли новую страницу Русской истории. Еще С. Зеньковский справедливо указывал, что одним из вождей земского ополчения наряду с К. Мининым и князем Д. Пожарским был игумен Троице — Сергиевой лавры Дионисий. Сторонник Максима Грека, он был уверен, что воссоздание нового Православного царства не возможно без искреннего покаяния всего народа. Троице-Сергиева Лавра, выдержавшая осаду «литовских людей» стала центром духовного возрождения Русского общества.

Призывы Дионисия к возвращению христианских добродетелей были услышаны в русском обществе. В стране начинается широкомасштабное общественно — религиозное движение. Восстанавливаются монастыри, заново отстраиваются церкви, основываются пустыни, в которых уединяются для молитвенного служения новые подвижники. Призыв к покаянию сформировал целое поколение молодых Россиян готовых к духовному подвигу во славу возрождения отеческого Православия. Вождем нового духовного течения становится Григорий Неронов. Он выступает в Вологде с проповедью христианских ценностей и необходимостью борьбы с языческими пережитками. Однако центром нового движения становится именно Нижний Новгород. Это было весьма символично. Здесь сформировалось земское ополчение, освободившее страну от поляков. Поэтому именно в Нижнем Новгороде должно было начаться «великое движение» к духовному возрождению народа. В 1636 г. девять Нижегородских протопопов и священников во главе с Г. Нероновым подают патриарху Иоасафу (1634-1641 гг.) «память в которой дают весьма печальную картину русских церковных взглядов и просят принять меры к их исправлению».

14 августа 1636 г. патриарх рассылает по Русским церквям грамоту, в которой наказывает «строго придерживаться древних церковных правил и обы-

чаев». Этот документ является фактическим признанием правильности Нижегородского «почина» и принятием его церковным руководством страны. Аналогичные группы, выступающие за возрождение во всей чистоте древнего православия, появляются в Пскове, Калуге, Суздале, Вологде. Всех кто выступал с проповедью возвращения к древнему Русскому православию, стали называть — «боголюбцами». Главными центрами нового движения стали города центра России. В 1641 г. движение поддержал Суздальский епископ Серапион. 30 мая 1642 г. он потребовал, чтобы служба не велась в церквях «многогласием», осудил иные новшества и сурово потребовал от священства нравственной жизни. Призыв был услышан. В 1637 г. священники Пскова, а в 1639 г. Вологды потребовали закрытия местных питейных заведений. В этой связи представляет интерес реакция населения Верхнего Поволжья на происходящие события. Возможно, предположить, что сыгравший важную роль в освобождении Москвы от интервентов Ярославль не мог остаться в стороне от движения «духовного освобождения» России. Однако сведений о значимых начинаниях иницируемых из Ярославля исследователи не имеют. Из фрагментарных источников известно лишь о том, что Ярославле священник Григорий Иванов создает общину, члены которой обещают жить по «законам христианских отцов». Приход на базе, которого создана община, не указан, численность и социальный состав паствы так же не известны. Нет упоминаний и о реакции на событие местных церковных и светских властей. В качестве косвенного факта целесообразно указать лишь, то, что община просуществовала некоторое время. Между тем, другие города Верхнего Поволжья новое движение поддержали. В Костроме «боголюбцев» возглавили протопоп Даниил, священник Павел и Герасим настоятель Богоявленского монастыря, в Романове-Борисоглебске — протопоп Лазарь. В соседних уездах движение активно расширялось. Так в Муроме его возглавил протопоп Логгин, в Темникове — протопоп Даниил, в Нижнем Новгороде — протопопы Гавриил и Конон, в Вязниках игуменья Марфа, в Суздале архимандрит Иосиф и т.д. Только после значительного разрастания движения источники указывают, что общины «боголюбцев» в Ярославле — возглавил протопоп Ярмил. Многочисленность движения «боголюбцев» вызвало опасения у ряда церковных руководителей. Последовали острые дискуссии о направлении движения и его задачах. Случайно или намеренно «боголюбцев» вовлекли в длительную и бескомпромиссную дискуссию «о правке книг».

В РПЦ по данному вопросу сложилось несколько точек зрения. Наибольшей поддержкой пользовались три точки зрения на проблему. Первую группировку составляли редакторы Московского печатного двора. Проведя исследование книг, они признали в ряде случаев факты расхождений с греческими оригиналами. Однако расхождения эти, по их мнению, не носили принципиального характера и потому «русские книги были так же душеспасительны».

Вторую группировку составили представители Киевской митрополии. В конце 1649 г. в Москву приехали ученые-малороссияне: Епифаний Славинец-

кий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий и др. Просмотрев русские книги, они «ужасошася» и заявили о начале немедленной их правки.

В противовес малороссийским ученым в Москве складывается третья группировка, к которой собственно и примкнули наиболее яркие представители «боголюбцев». Вскоре их начинают называть — «ревнители древнего благочестия» (протопоп Стефан Вонифатьев, протопоп Иван Неронов, дьякон Федор, протопоп Аввакум и иереи Даниил из Костромы, Лазарь из Романова, Логгин из Муром). Их призывы были просты и понятны, а цели ясны. «Ревнители» не выступали против правки книг как это принято утверждать. Однако принципиальным различием их позиции было то, что правку стоит производить, то не по Греческим и Болгарским текстам, а по чистым древнейшим русским образчикам. Дальнейшая история противостояния ревнителей старых и новых обрядов непосредственно связана с расколом Русской Православной церкви.

Что же касается Верхневолжских общин «боголюбцев», то сведения относительно их судьбы весьма фрагментарны. В 1652 г. произошли внезапные выступления местного населения, поддержанные администрацией против «боголюбцев» в Юрьевце, Костроме, Ярославле, Муроме и др. Так в Костроме народные выступления были возглавлены воеводой Юрием Аксаковым. Погромы в Костроме как указывает С. Зеньковский «продолжались несколько дней и достигли апогея 28 мая, когда толпа ...под предводительством попа Ивана. Двинулась в город, осадила собор и едва не избила протопопа, которому, к счастью, все же удалось скрыться в последнюю минуту...мужики, видимо были раздражены предписаниями ... и проповедью протопопа Даниила ... чтобы по праздникам не работать и не пьянствовать, но ходить в церковь». В Ярославле была изгнана община священника Григория Иванова, в Муроме арестован священник Логгин и т.д.

В феврале 1653 г., Никон рассылает по всем церквям знаменитую «памятку» начав тем самым новую страницу в истории Российского государства.

В заключение целесообразно указать, что движение «боголюбцев» имело в регионе определенную поддержку в лице местных духовных лидеров. Обладая большим авторитетом на паству, они вели неустанную проповедь своих идей в приходах. Постепенно вокруг них стали образовываться стойкие группы последователей, которые, вполне возможно, внесли значительный вклад в структурное оформление первых старообрядческих общин Верхнего Поволжья. Следовательно, процесс консолидации «ревнителей древнего благочестия» в особые образования начинается в Верхнем Поволжье задолго до официальной даты церковного раскола и относится к 30-50 гг. XVII века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е. Новые материалы для истории старообрядчества XVII-XVIII вв. М., 1890.
2. Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
3. Введенский С. Костромской протопоп Даниил. / Богословский вестник. 1913.

4. Грамота патриарха Никона // Свирский Я. Андреев монастырь, СПб., 1887. С. 35.
5. Грандиевский Л. Противоцерковное раскольниковое движение в Костроме в 1652 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1904.
6. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
7. Миловидов И. В. Содержание рукописей хранящихся в Ипатьевском монастыре в Костроме. Кострома, 1877.
8. Сараева Е. Л., Волкова Т. И. Формирование умений и навыков использования типизирующего и индивидуализирующего методов интерпретации источников. // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Ярославль, 2008. С. 8-12.
9. Строев П. Списки русских иерархов. СПб., 1877.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XVII ВЕКА: ИНОК КАПИТОН

Бородкин А. В.

*Российский государственный гуманитарный университет филиал
в г. Ярославле*

«Осмысление духовной жизни исторической личности начинается с проникновения в его внутренний мир, выявления черт его самосознания» [17]. Капитон: (Троицкий, Даниловский, Костромской, Колясниковский, Вологодский, Вязниковский). Известен как «дивный старец», чернец и веригоносец. Монах (инок), (священноинок), игумен (строитель), один из вождей оппозиционного, общественно-религиозного движения в Верхнем Поволжье. Мирское имя не известно. Место рождения не известно, предположительно окрестности села Даниловского «сей убо чернец постригся негде близ дома своего, яко бяше убог сый и неимаше чим в мире питатися, отшед вдале от села Даниловского» (Игнатий) или окрестности «Корнильева Комельского монастыря (Корнилий). Социальное положение не известно, возможно «поселянин» (Корнилий), по другой версии — крестьянин «мужик темен» (Игнатий). Сведений об образовании нет, что позволило Игнатию утверждать его не грамотность. После ареста Капитона надсмотрщикам было предписано «не пускать к нему мирских людей», но не было упомянуто «чернил и бумаг не давать», что могло бы свидетельствовать о его образовании. В то же время до конфликта с руководством Русской православной церкви был настоятелем монастыря, вел поземельные и межевые дела, «свозил выписи» и его компетенции властью не оспаривались.

Постриг мог принять в «Корнилиев монастырь Комельского тамо... инок будешь» (Корнилий), однако достоверных сведений на этот счет не сохранилось.

После пострига в 20 гг. XVII века основал собственную пустынь «в даль-

них и темных ветлужских лесах» (Корнилий), по другой версии общепринятая хронология по персонажу нарушена, Капитон родился на 50 лет ранее и основал Ветлужскую пустынь в конце XVI века (В.С. Шульгин). Авторы Русской православной церкви не подтверждают сведений о постройке Ветлужской пустыни. «Сей убо чернец постригся негде близ дома своего, яко бяше убог сый и неимяше чим в мире питатися, отшед вдале от села Даниловского, в место, нарицаемое Колесниково, и тамо начал жити по образцу пустынножителей» (Игнатий, А. Журавлев).

В 1630 г. в селе Княгинино Капитон основал пустынь «во имя Святого Спаса» (В. С. Румянцева) и, находится в ней, предположительно до 1633 г.

В 1634 году Капитон получает от царя Михаила Федоровича грамоту с разрешением основать Троицкую обитель в Костромском уезде. В том же 1634 году Капитон получает в Приказе Большого Дворца выпись из отводных и межевых книг на право владения землей и приступает к хозяйственному обустройству обители (А. А. Титов). За время пребывания в Троицком монастыре Капитон проявил себя как прекрасный руководитель. Под его руководством были построены: 1).каменная церковь во имя Живоначальной Троицы с двумя приделами в честь Вознесения Господня и в честь Иоанна Белогородского; 2).каменная церковная колокольня над трапезной палатой монастыря, 3).восемь братских келий, 4).пекарня, 5).два амбара, 6). конюшенный двор с двумя избами и двумя колодцами и т.д. Капитон открывает две пустыни (мужскую) рядом с Троицкой и женскую около деревни Морозовой. «Капитон... взял от земли от твоих государевых крестьян пахотных с той деревни Морозова у Ивана Трофимова сына с соседями и пашенная земли десятину, и на той десятине тот старец Капитон построил старцам кельи и тут их посажал, а Троицкие земли пустыни Колесникова за ту десятину отдал тот старец Капитон Морозовским крестьянам Ивану Трофимову с соседями при той земле в четверо, и те твои Государевы крестьяне Иван Трофимов с соседями твою землю пустыни Колесниково владеют без твоего государеву указу». Таким образом, причины конфликта Капитона с руководством могли иметь существенную экономическую подоплеку (В.С. Румянцева).

В 1639 г. Капитон был арестован по доносу архимандрита Герасима «о неистовствах строителя Троицкой пустыни». У В. С. Шульгина «бывшего архимандрита Герасима некоторое время проживавшего с братией». Грамотой от 22 августа 1639 года Ярославскому воеводе П. И. Секирину и дьяку П. Ф. Филатову предписывалось взять Капитона и привести в Ярославский Спасский монастырь. Текст доноса не сохранился. Перечень наказных пунктов дает возможность частично восстановить содержание доноса Герасима. «Отдать под крепкий начал старцу духовному и искусну который бы грамоте был горазд и хмельного питья не пил, чтоб в вере и во иноческих правилах поразсмотрел и в чувство привел бы». Обвинительные пункты против Капитона выглядят следующим образом: 1). к церкви Божьей не ходит, 2).с братией мало бывает,

- 3). Божественным иконам не кланяется, 4). живет не по монастырскому чину,
- 5). церковных правил не придерживается.

Особым пунктом является запрещение «пускать к нему сторонних людей» и «не давать беседовать с мирскими людьми».

С 1639 года Капитон был взят под стражу и содержался в Ярославском Спасском монастыре, а затем сослан в Тобольск (А. А. Преображенский). Ряд исследователей полагают, что Капитон не был арестован (Макарий, В. С. Шульгин).

В 40 гг. XVII века находился при Архиерейском доме в Тобольске (А. А. Преображенский).

В 50 гг. XVII века новые капитоновы кельи появляются в Костромском уезде. Грамотой царя Алексея Михайловича от 1651 года Костромскому воеводе Ю. М. Аксакову и подъячему Родиону Борзову указывалось: «взять на реке Шаче Костромского уезда... в келиях старца Капитона, старцев и мирских людей, робят, которые в тех келиях живут, и быть им до нашего указа у вас в Ипатьевском и Богоявленском монастырях... никуда не пущать, да держать их крепко, чтоб не ушли» (И. Миловидов). Из разгромленных Шацких келий Капитон переходит в Шуйский уезд. Здесь он находится до середины 50-х годов XVII века в пустынях около села Калбацкого. После разгрома келий в Калбацком Капитон появляется под Вязниками. «Град убо Ярополч, имея посад или жилище Вязники во Владимирской области... идеже и во оно время никонова смущения... от градов и монастырей бегаючи иноцы и мирские в пустынях крыяхуся... тамо предивный отец Капитон живяще... тому мнози ученицы бяху чудного жития его подражатели» (с. Денисов). Ефросин намеренно не упоминает Капитона среди Вязниковских пустынников, стремясь отгородить Капитона от его учеников. Симеон Денисов, напротив, связывает Капитона исключительно с Вязниками. А. И. Клибанов считает, что Капитон переселяется сюда с 30 гг. XVII века.

Сведения о кончине Капитона весьма противоречивы. Симеон Денисов свидетельствует о его мирной кончине, ряд старообрядческих синодиков XVII-XVIII веков прямо упоминают Капитона в числе «Вязниковских убиенных пустынников». Ряд ранних синодиков (конец XVII века) именуют Капитона священноиноком и схимником, старообрядческие синодики начала-середины XVIII века опускают упоминание о священстве Капитона. Синодики и поминальные статьи середины-конца XVIII века не называют Капитона схимонахом, а синодики начала XIX века (в том числе все их модификации) даже отодвигают упоминание об иноке Капитоне, Вязниковском мученике на последнее место в общем перечислении погибших. В сводном старообрядческом синодике Капитон тоже упоминается в «Вязниковском списке» (А. И. Пыпин). Версию о гибели Капитона поддерживает В. С. Румянцева. Однако она высказывала предположение о том, что ко времени проведения сыскных мероприятий в Вязниках Капитон был уже мертв и, следовательно, в число Вязниковских стра-

дальцев внесен намеренно позднее. Результаты правительственных сысков 1665-1666 годов несколько проясняют судьбу Капитона. «А старец де Капитон... холоп твой, имал в прошлом 170-м году из лесу пустынников и кельи жег за Клязьмою, а Капитон де под теми келиями». Сведения эти подтверждаются показаниями чернеца Варнавы, взятого в конце декабря 1665 года стрельцами на озере Юхра «а про Капитона де старца, он слышал, что в тех пустынях он жил и прикован к цепи и умер давно. А сам Варнава его Капитона не видел».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е. Новые материалы для истории старообрядчества XVII-XVIII вв. М., 1890.
2. Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
3. Бычков А.Ф. Заметка о хронографе Ярославского священника Ф.Петрова. М., 1890.
4. Денисов С. Виноград Российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906.
5. Донос Герасима // Ярославские губернские ведомости. 1890., №12.
6. Димитрий. Розыск о раскольнической Брынской вере. М., 1762.
7. Житие инока Корнилия // Максимов С. В. Рассказы по истории старообрядчества. СПб., 1861.
7. Журавлёв А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок, писем, церкви Сошествия Св. духа священником. М., 1890.
8. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
9. Игнатий. Три послания против Сибирских раскольников. / Православный собеседник. Казань, 1855.
10. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.
11. Лопарёв Х. Отразительное писание о новоизобретённом пути самоубийственных смертей. СПб., 1895.
12. Макарий епископ. История русского раскола известного под именем Старообрядчество. СПб., 1994.
13. Миловидов И. В. Содержание рукописей хранящихся в Ипатьевском монастыре в Костроме. Кострома, 1877.
14. Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий синодик. СПб. 1883.
15. Преображенский А. А. Неизвестный автограф Сибирского летописца Саввы Есипова. // Советские Архивы. 1983, №2.
16. Румянцева В.С. Народные антицерковные движения в России XVII в. М., 1986.
17. Сараева Е.Л., Волкова Т.И. Формирование умений и навыков использования типизирующего и индивидуализирующего методов интерпретации источников. // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Ярославль, 2008. С. 8-12.
18. Титов А. А. Калясниковский синодик. М., 1895.
19. Шульгин В. С. «Капитоновщина» и её место в русском расколе XVII в. // История СССР. 1969. №4.

ЧИНОВНИКИ МЕСТНЫХ ФИНАНСОВЫХ

УЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ)

Павлова Д.С.

Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова

В первой половине XIX в. система государственных учреждений в России претерпела ряд существенных изменений, связанных с министерской реформой Александра I. Манифест 1802 г. ввел министерства как новую форму центральных органов государственного управления, и в том числе было создано Министерство финансов, в задачи которого входило «управление казенными и государственными частями, кои доставляют правительству нужные на содержание его доходы и генеральное всех доходов разсигнование по разным частям государственных расходов». Манифест заложил основы централизации финансовых учреждений в России.

Главным хозяйственно-финансовым учреждением, подведомственным Министерству финансов, в этот период являлась казенная палата. Она осуществляла сбор налогов и ведала делами по подрядам — поставкам в казну разного рода продуктов и материалов — и по производству строительных работ. В 1806 г. из состава казенной палаты были выделены экспедиции, переданные в губернское правление. Вместо экспедиций в казенных палатах создавались отделения: ревизское, хозяйственное, питейных сборов, казначейств и контрольное. В 1830–1850-е гг. функции финансовых учреждений несколько изменились. В результате перевода некоторых подрядов с откупной системы на акцизную менялись статус, функции и штаты казенных палат.

В исторической литературе немного работ, изучавших изменения в финансовой сфере в первой половине XIX столетия. Еще в начале XX в. И.С. Блюх в своей работе «Финансы России в XIX в.» отмечал, что в финансовом отношении 30-летнее царствование Николая I в печати еще не было подробно рассмотрено, поскольку мало печатных источников. Он также писал о том, «что работа всех финансовых учреждений за 1825–1855 гг. слабо изучено, поэтому материалы по их работе необходимо рассматривать с помощью рукописных документов — ежегодных отчетов Министерства финансов»[1]. В отечественной историографии основной акцент ставился на изучения результатов министерской реформы Александра I. Деятельность Министерства внутренних дел и его местных учреждений (губернского правления, казенных палат); штаты чиновников, их статус и функциональные обязанности получили достаточно подробное освещение в общероссийской литературе — в работах В.А. Евреинова[2], Н.П. Ерошкина [3], Л.Е. Шепелева [4], Л.П. Лаптевой [5], Ю.В. Готье[6], В.М. Марасановой [7] и других авторов.

Архивные материалы о разных направлениях деятельности губернских фи-

нансовых учреждений лишь в небольшой степени введены в научный оборот. Это определило цель проводимого исследования — изучить материалы Костромской казенной палаты как источника о становлении и развитии местных финансовых учреждений в первой половине XIX столетия и, в частности, как источника изучения кадрового состава данного финансового учреждения.

Результатом губернской реформы 1775 года стало беспрецедентное в истории государственного управления России увеличение числа местных учреждений, обусловившее быстрый рост рядов чиновничества. Точных данных о численности государственного аппарата в конце XVIII века не существует. Предположительно ее определяют в 21,3 тысячи человек, в том числе от 12 до 16 тысяч чиновников [8]. Некоторые исследователи, считают, что численность чиновников в стране была намного выше. В частности, Л.Ф. Писарькова, располагая конкретными сведениями о численности чиновников и канцелярских служителей отдельных губерний (в зависимости от количества уездов она колебалась от 1 000 до 600 человек), высказала предположение, что к концу XVIII века только на местах было занято свыше 30 тысяч человек [9].

В начале XIX в. губернские учреждения имели явно недостаточные штаты: в общей сложности примерно 75 человек на одну губернию. По мнению Л.Е. Шепелева, особенностью многих местных учреждений было то, что они сохраняли коллегиальный характер и в их деятельности принимали участие выборные представители, прежде всего от дворянства [10].

Одним из главных местных учреждений в начале XIX в. наряду с губернским правлением являлась Казенная палата. Её возглавлял второй человек в губернии — вице-губернатор. В состав казенной палаты входили: председатель палаты, советник ревизского отделения и советник отделения питейных сборов, губернский казначей, губернский контролер, секретарь. В канцелярии казенной палаты значились: журналист, архивариус, экзекутор и казначей.

В 1806 г. из состава казенной палаты были выделены экспедиции, переданные в губернское правление. Вместо экспедиций в казенных палатах создавались отделения: ревизское, хозяйственное, питейных сборов, казначейств и контрольное. В состав ревизского отделения входили: бухгалтер, бухгалтер по окладной части, помощник бухгалтера, два столоначальника, два помощника столоначальников. Питейное отделение состояло из бухгалтера, контролера и двух столоначальников с двумя помощниками. В контрольном отделении значились пять контролеров и шесть помощников контролеров. Самым многочисленным по составу было отделение казначейств, в штатном расписании которого значилось 14 должностей: бухгалтер и контролер, имевших по два помощника, столоначальник распорядительного стола с помощником, столоначальник недоимочного стола с помощником, два чиновника по особым поручениям, архитектор и акцизный надзиратель. Таким образом, в составе Костромской казенной палаты служило 48 чиновников.

В уезде главным финансовым учреждением являлось уездное казначейство

во главе с уездным казначеем. В штате уездного казначейства также числились помощник уездного казначея, бухгалтер, два помощника бухгалтера, журналист, винный и соляной пристав, помощник винного пристава [11]. По данным архивных источников в уездных казначействах Костромской губернии к 1851 г. числилось 76 чиновников. В целом, в финансовом ведомстве Костромской губернии к концу первой половины XIX в. служило 124 человека.

Должность соляного пристава была введена Уставом о соли 1781 г. и соответствовала 8-му классу (коллежский ассессор — потомственный дворянин), с 1846 г. — 10-му классу (коллежский секретарь). Соляной пристав являлся хранителем казенных запасов соли и контролировал производство соли. По Уставу о соли 1781 г. на 500 тыс. пудов соли назначался один соляной пристав с двумя помощниками [12]. В Костромской губернии в 1820–1850-е гг. насчитывалось четыре соляных пристава: в городах Костроме, Плесе, Буге и Кологриве [13]. Соляной пристав, как правило, назначался из отставных офицеров, а в случае недостатка кандидатур — из купцов (1, 2, 3 гильдии). Тем не менее, в формулярных списках Костромской губернии основная часть чиновников, занимавших должность соляного пристава, была представлена выходцами из дворянского сословия и духовенства.

Первоначально соляной пристав подчинялся и отчитывался перед местной казенной палатой. В 1796–1798 гг. соляные приставы назначались государственным казначеем и отчитывались перед ним. С 1801 г. они вновь подчинялись Казенной палате. При Павле I должность соляного пристава временно отменялась, а затем в правление Александра I была восстановлена. За весь период своего существования функции соляных приставов не изменялись. Пристав был обязан:

- принимать соль от поставщика;
- контролировать ее количество и качество;
- производить выдачу соли по указам вышестоящих учреждений;
- организовывать оптовую продажу соли;
- хранить денежные средства и передавать их губернскому казначею;
- контролировать ведение книг учета соли и ценных средств.

Должность винного пристава была введена Уставом о вине от 17 сентября 1781 г. и просуществовала до 1861 г. Положение этих чиновников также неоднократно менялось. В 1781–1796 гг. винный пристав подчинялся экспедиции по винной и соляной части Казенной палаты, с 1797 г. — ее камерной части для винных и соляных дел, с 1817 г. — надзирателю питейного сбора, а затем отделению питейных сборов. В подчинении он имел магазинных вахтеров и писцов, с 1817 г. — одного помощника [14].

По уставу о вине 1781 г. винный пристав соответствовал 9 классу «Табели о рангах» (титularный советник). Первоначально на эту должность назначались выходцы из дворянского сословия, но в связи с нехваткой кадров, вскоре появились указы, разрешающие назначать винными приставами достойных

представителей из купцов и мещан (Сенатские указы от 31 августа 1789 и 18 июня 1792 г.), требовавшие денежный залог [15]. При рассмотрении формулярных списков винных приставов Костромской губернии за 1800–1850-е гг. выяснилось, что чиновники были выходцами из разных сословий, а именно: из дворян, из «приказнослужительски детей», из обер-офицерских детей, а также из духовного звания, вольноотпущенных людей и даже иностранцев.

Винный пристав наблюдал за казенным хранилищем вина и продажей вина. Он назначался по представлению Казенной палаты государственным казначеем. По уставу о питейном сборе от 1817 г. пристав «определялся в должность» и увольнялся Казенной палатой. Он служил при запасных и окружных винных магазинах (государственных хранилищах вина). В зависимости от количества винных магазинов мог быть один винный пристав на уезд. В списке о чиновниках Костромской губернии 1851 г. отмечено 16 уездных городов и губернский город Кострома, в каждом из которых по штатному расписанию полагался винный пристав. Функциональные обязанности винного пристава заключались:

- в приеме в соответствии с расписанием, составленным Казенною палатою, спиртных напитков у откупщиков и с казенных заводов, контроль их качества;

- в обеспечении сохранности спиртного, поддержание запаса в количестве, установленном указами;

- в поддержании строений в удовлетворительном состоянии;

- в организации оптовой продажи вина.

Винный пристав выдавал квитанции о приеме вина, по которым откупщики получали в казначействе деньги, а также ярлыки на провоз вина. Он выдавал вино не только за наличные, но и по квитанциям об оплате в казначействе. Вел книгу учета расходов напитков, выданную Казенной палатою, еженедельно доставлял денежные суммы в казначейство и ежемесячно рапортовал по следующим вопросам:

- все ли по расписанию вино доставлено и принято;

- сообщено ли о приеме доставленного вина уездному казначею;

- сколько выдано вина откупщиками и сколько продано;

- количество оставшегося вина;

- размер прибыли.

Должность требовала от винного пристава ежедневно находиться на рабочем месте, исключая выходные дни и праздники. По прошению винным приставам предоставлялся отпуск на необходимое количество дней. Перед отъездом в отпуск чиновник обязан был передать свои дела и бумаги исправляющему его должность во время отпуска. Передача должности производилась в присутствии чиновников, «свидетельствовавших казну» и при уездном стряпчем. Винный пристав был обязан передать денежную казну, гербовую бумагу всех сортов, квитанционные бланки, книги и документы, все казенное имущество. После составления сводной ведомости и представления ее в палату за общим

предписанием, чиновник получал от городничего паспорт с обязательным указанием срока окончания отпуска [16].

Винным приставам запрещалось принимать вместо вина деньги, а также нарушать указанное количество вина при выдаче (не менее 200 ведер откупщикам и 40 ведер — в заведение). За нарушения по службе винный пристав нес уголовную ответственность. На винного пристава жалобы подавались в нижний земский суд или городничему.

Как показали изученные архивные материалы Костромской казенной палаты, в основном винные приставы нарушали условия приема или продажи вина (например, не выдавали своевременно квитанции и ярлыки, в этом случае они подвергались штрафу — 6% от суммы контракта). Основные нарушения соляных приставов были связаны с непредоставлением залога на получение соли. В случае доказанности нарушения, винного или соляного пристава отстраняли от исполнения своих обязанностей, и переводили либо на другую должность в уездном правлении, либо на аналогичную должность пристава, но в другой уезд. Но это были исключительные случаи. После изучения 90 формулярных списков 1820–1850-гг. можно сделать вывод о том, что основной причиной увольнения со службы были проблемы со здоровьем и по собственному желанию [17].

В целом, чиновники, занимавшие должность винных и соляных приставов имели безупречные послужные списки, награды за выслугу лет, годовое жалование в качестве поощрения за службу. Должность винного пристава была упразднена в соответствии с Положением о питейном сборе от 4 июля 1861 г., которым была введена система акцизных управлений. Последнее упоминание должности соляного пристава присутствовало в Уставе о соли 1887 г.

Ряд положений первой половины XIX в. регламентировали деятельность чиновников, их функциональные обязанности и статус. Деятельность чиновников финансовых учреждений была связана с развитием финансовой системы в государстве. В результате перехода многих казенных подрядов с откупной на акцизную систему, были изменены функциональные обязанности некоторых чиновников казенной палаты. Винный пристав наблюдал за казенным хранилищем вина и продажей винных откупов в частные руки, его должность была упразднена после переноса этих функций в ведение государственных акцизных управлений. Должность соляного пристава сохранялась в тех регионах, где отсутствовали казенные соледобывающие и перерабатывающие заводы, и где сохранялась система откупов.

Министерская реформа начала XIX века, по мнению Л.Ф. Писарьковой, способствовала дальнейшей бюрократизации системы государственного управления, получившей наиболее полное развитие при императоре Николае I. Именно в годы его правления численность бюрократии росла особенно быстрыми темпами. Если в 1842 году работу государственной машины обеспечивало 74,5 тысячи чиновников и канцеляристов, то в 1857 году для этих целей потребо-

валось уже 122,2 тысячи человек, т. е. в 1,6 раза больше[18]. Численность чиновников местных учреждений в первой половине XIX в. также расширилась. Изучение архивных материалов Костромской казенной палаты этого периода, показало, что численный состав данного финансового ведомства с 1800 по 1850 гг. увеличился в два раза. Несмотря на введение дополнительных вакансий, в основном помощников основных должностных лиц, ряд должностей оставался вакантным. В ряде случаев, при отсутствии подходящих кандидатур некоторые должностные лица должны были совмещать несколько служебных обязанностей. Так, в Костромской губернии в уездных казначействах на 1851 г. оставалось 7 вакантных должностей соляных и винных приставов, возможно, это было связано с образовательным цензом чиновников занимавших эту должность, которая значилась 8 или 9 классом в Табели о рангах, что определяет ее высокий статус в губернии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. С. 154.
2. Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1887.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997.
4. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб.: Искусство, 1999.
5. Лаптева Л.П., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М.: Изд-во РАГС, 1999.
6. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.2. М. — Л., 1941.
7. Марасанова В.М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004.
8. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.
9. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3.
10. Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 86.
11. Список о чиновниках Костромской губернии. Исправленный по 9 августа 1851 г.
12. Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5, Ч. 1 С. 338.
13. Список о чиновниках Костромской губернии.
14. Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5, Ч. 1. С. 82.
15. Там же.
16. ГАКО. Ф. 200. Оп. 7. Д. 91. Л. 5, 18, 21, 24, 33.
17. ГАКО. Ф. 200. Оп. 7. Д. 92. Л. 1 — 16, Д. 91, Д. 87. Л. 1 — 26. Д. 60, Д. 53. Д. 52. Д. 39. Д. 22.
18. Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 248.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ)

А.Е. Оторочкина

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Традиционно под благотворительностью понимают оказание безвозмездной помощи (материальной и денежной) нуждающимся лицам и организациям, обеспечение людей благами и услугами за счет благотворителя. Как форма общественной жизни благотворительность получила развитие в Российской империи в XVIII в. под влиянием проникающих из Европы идей Просвещения [1]. В дореволюционной России данный вид деятельности обозначался также термином «попечительство» (от древнерусского «печися» — заботиться). Именно благотворительность согласно теоретическим разработкам европейских и русских мыслителей XVIII в. должна была стать основой развития целых отраслей жизни общества.

Принцип «попечительства» был положен в основу «Устава народным училищам в Российской империи» 1786 г., утвержденного Екатериной II. Согласно ему в стране должны были повсеместно открываться начальные учебные заведения — «главные» и «малые» народные училища. Реализация проекта по реформированию народного образования была практически одновременно начата в 26 губерниях Российской империи. 22 сентября 1786 г. высочайше было предписано открыть главные народные училища в следующих губернских городах: Санкт-Петербурге, Москве, Ярославле, Вологде, Владимире, Костроме, Перми, Саратове, Симбирске, Рязани, Тамбове, Орлове, Курске, Петрозаводске, Архангельске, Казани, Вятке, Нижнем Новгороде, Пензе, Воронеже, Туле, Калуге, Твери, Новгороде, Пскове, Смоленске.

Училища открывались по инициативе правительства и по согласию с городской думой, содержались они на совместные средства приказа общественного призрения и города. Приказ выделял на содержание учителя 150 руб., а дума брала на себя заботу о помещении для учебного заведения, выделяла небольшую сумму на хозяйственные нужды (бумагу, свечи, дрова, содержание сторожа и т.д.). Таким образом, «Уставом» 1786 г. создавался порядок, когда управление школами отдавалось на откуп местной администрации. Государство устранялось от финансирования учебных заведений. Существование школы зависело от того, «насколько она нужна была обществу, т.е. насколько последнее хотело поддерживать материальными средствами». Реформа не смогла преодолеть бытовавшие в российской провинции узкие прагматические и корпоративные представления о роли школы. Многие учебные заведения закрывались через несколько лет после их учреждения. Несмотря на этот факт идея о том, что

образование в государстве должно развиваться за счет частных инициатив и деятельности общественных организаций оставалась популярной в высших слоях общества и к началу XIX в. Именно этот принцип был положен в основу реформы народного просвещения, проводимой императором Александром I в начале XIX в.

Первая половина XIX в. стала для Российской империи временем оформления государственной системы народного образования. «Предварительными правилами народного просвещения» 1803 г., «Уставом учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г. в стране было начато формирование сети казенных учебных заведений, рассчитанных на обучение представителей различных сословий: университеты (в каждом учебном округе), гимназии (в каждом губернском городе), уездные училища (по одному в каждом уезде), приходские школы (в городах и селах). Вся Российская империя была поделена на 6 учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский [2].

Как приложение к «Предварительным правилам» было опубликовано обращение императора к «патриотам России» с призывом «содействовать благу отечественного просвещения»: «Все благонамеренные граждане, при устройении училища, вспоможествуя правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе, приобретут особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей и на торжественную признательность учреждаемых ныне заведений...» [3].

Первым откликнулся на этот призыв дворянин П.Г. Демидов (1738-1821). В марте 1803 г. он написал графу П.В. Завадовскому: «Разсуждая, что человек не может употребить избытков своих лучше, как на вспоможение неимущим, отлагал я с давних лет часть доходов своих (...), предполагая употребить собранного мною на заведение какого-нибудь учебного места». Он сообщил министру народного просвещения о том, что согласен выделить для учреждаемой в г. Ярославле гимназии «Романовскую вотчину с 1330 мужского пола душами». Чуть позднее Павел Григорьевич предложил, «назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом». Для финансового обеспечения данного учебного заведения он выделил дополнительные средства — 100 тыс. рублей вечного капитала и «Угличские деревни с 2.240 душами». Александр I поддержал этот проект, и так было положено начало одному из первых в российской провинции высших учебных заведений — «Ярославскому Демидовскому Высших наук училищу».

В 1803 г. П.Г. Демидов передал естественнонаучную коллекцию с библиотекой и капиталом в 100 тыс. руб. Московскому университету. В 1805 г. он пожертвовал для предполагаемых к учреждению в Киеве и Tobольске университетов по 50 тыс. руб. В 1806 г. Павел Григорьевич подарил Московскому университету свой минц-кабинет, состоявший из нескольких тысяч монет и

медалей. Благотворительные инициативы П.Г. Демидова не остались без поощрения правительства. В 1803 г. он был награжден орденом св. Владимира большого креста первой степени, в 1805 г. — произведен в чин действительного статского советника. В 1803 г. на общем собрании Правительствующего Сената Павлу Григорьевичу была вручена золотая медаль, на одной стороне которой был изображен его портрет, а на другой написано «За благотворение наукам». Прошение П.Г. Демидова к императору было опубликовано, «дабы добродетель (...) была явлена перед лицом Отечества» [4].

Следует отметить, что данный пример столь масштабной финансовой поддержки частным лицом развития высшего образования для первой половины XIX в. является уникальным. Высшие учебные заведения находились под пристальным вниманием правительства и субсидировались государством. Данный принцип применялся и при учреждении губернских гимназий [5].

В деятельности Ярославской, Костромской и Тверской гимназий в первой половине XIX в. можно встретить общие черты и схожие проблемы. Не способствовало развитию школ средней ступени отсутствие надлежащих учебных помещений. Это гимназии как раз и решали за счет помощи частных лиц и государственного благотворительного органа — Приказа общественного призрения. В Ярославском крае губернская гимназия начала свою деятельность в здании принадлежавшем Приказу общественного призрения. В верхнем этаже здания шли занятия, а первый этаж и отдавался внаем «под торговые лавки». Лишь в 1812 г. гимназия была помещена в собственный дом. В 1853 г. он был разобран «из-за ветхости», и среднее учебное заведение было переведено в соседнее здание ярославского благородного пансиона [6], выстроенное в 1843 г. ярославским дворянством. Костромская гимназия первоначально находилась в бывшем помещении главного народного училища, дом для которого пожертвовал купец Стригалева. В 1834 г. по распоряжению Николая I гимназии было передан бывший особняк гражданского губернатора [7]. Занятия в новом помещении начались в 1836 г., но окончательная перестройка здания была завершена в 1847 г.

Ярче всего финансовая и материальная зависимость учебных заведений от инициатив и интересов отдельных граждан и обществ проявилась на примере развития начальных учебных заведений. При введении «Устава» 1804 г. Министерство народного просвещения не располагало реальной базой для открытия и содержания сельских начальных школ. Обучение крестьян было отдано на откуп владевшим ими помещикам, министерствам и ведомствам.

С первых этапов реализации образовательной реформы Министерство народного просвещения стремилось создать официально оформленную систему попечительства частными лицами над учебными заведениями. В августе 1811 г. появился указ об учреждении должности почетного попечителя, который «из особого усердия к просвещению имели бы смотрение за училищами». Почетный попечитель избирался из местных помещиков, находящихся

в отставке. Его функции заключались в том, чтобы заботиться об улучшении материальной базы учебного заведения, в частности, «о правильном и своевременном поступлении от местных сообществ следуемых денежных сумм», а также в контроле за их расходованием. Попечитель мог устно или письменно делать рекомендации директору губернских народных училищ по управлению школой. «Мы удостоверены, что новое сие поприще, открытое для службы дворянства, возбудит в нем рвение отличиться на оном содействием своим к образованию народному», — было отмечено в указе.

Но это начинание правительства не встретило отклика на местах. Желаящих исполнять такую должность в российской провинции практически не оказалось. По отчетам дирекций народных училищ Ярославской и Костромской губернии видно, что места почетных смотрителей оставались здесь «вакантными» вплоть до конца 1820-х годов [8]. Сведения о сельских приходских училищах 1810-1820-х гг., открытых помещиками очень скудны.

Существование городских школ также зависело от инициатив и регулярности финансирования местными органами власти. Например, в 1811 г. в центре внимания губернатора Новгородского, Тверского и Ярославского принца Георгия Голштинского оказалась судьба малого училища в г. Данилове Ярославского губернии. В письме из Твери к Министру народного просвещения он отмечал: «Даниловский градский глава именитый гражданин Зженов, чувствуя необходимость в училищном заведении, которое прежде не существовало и от устройства его Даниловские граждане, несмотря, на все настояния начальства, решительно отказывались, вошел нынче с представлением к Ярославскому Гражданскому губернатору... (...) Глава Зженов помещение училища в первый год с открытия на свой счет, на обзаведение пожертвовал 100 руб. и с усердием изъявил готовность свою быть смотрителем без всякой платы. Между тем открыл он подписку и сумма, посвященная благородным дворянством и благонамеренным гражданами простирается уже до 890 рублей». К 1814 г. было собрано около 1000 рублей. И.И. Зженов предложил осуществлять финансирование школы за счет налогов «с частных заведений, на гражданской земле устроенных» [9]. В 1812 г. почетным смотрителем училища был выбран дворянин Даниловского уезда полковник Д.Е. Поливанов. Дмитрий Евграфович пожертвовал для школы двухэтажный каменный дом. Правда, на первом его этаж он намеревался открыть приют для подкинутых младенцев. Даниловская городская дума обязалась выплачивать ежегодно для школы 400 рублей.

В 1818 г. профессор Московского университета М.Т. Каченовский, посетивший с проверкой губернии Верхней Волги, отпартовал своему начальству о том, что «приходское Петровское училище в заштатном городе Петровске закрыто за неимением учителя». Дирекция училищ Ярославской губернии получила предписание, найти нового способного учителя и восстановить начальное училище. Местные чиновники решили узнать мнение местных жителей и послали в Петровск запрос. Ответ на него пришел быстро и в нем городская

дума сообщила, что в городе «приходское училище быть оне не почитают за нужное, потому что большая часть обывателей находится в отлучке по пашпортам в других городах с семействами, где и детей своих обучают» [10]. Лишь в 1846 г. в этом городе было воссоздано приходское училище «благодаря усердной заботливости бывшего городского главы Бориса Васильевича Рудакова» [11]. Практически такая же неоднозначная ситуация наблюдалась в соседней Костромской губернии. В 1815 г. «за неотпуском достаточных сумм от города» Чухломское малое народное училище было закрыто, а его учитель Григоровский получил предложение продолжить службу в «Любимском или Романовском малых народных училищах Ярославской губернии» [12]. В 1818 г. была закрыта школа в г. Кинешме.

Изменение политического курса в середине 1820-х гг. отразилось не только на механизме организации народного образования, системе его распространения, но и на восприятии проблем образования русским обществом. Созданные в этот период нормативные документы — «Устав учебных заведений» 1828 г., «Положение об учебных округах», «Университетский устав» — определили дальнейшее развитие народного просвещения дореформенного периода.

В это время народное образование становится сферой приложения сил представителей разных сословий, сформировавшихся во многом под влиянием идей века Просвещения, культурных традиций Александровской эпохи, обучавшихся в учебных заведениях, созданных в ходе реформ конца XVIII — начала XIX вв. Именно с середины 1820-х гг. намечается тенденция увеличения примеров благотворительных инициатив в развитии образования. В городах начинают воссоздаваться ранее закрытые учебные заведения и открываться новые. В 1824 г. по инициативе общественности была создана Костромская Константиновская приходская школа [13]. Деревянный одноэтажный дом для нее пожертвовал гражданский губернатор и кавалер Карл Иванович Баумгартен [14]. В 1822 г. приходское училище г. Чухломы было помещено в собственный дом, выстроенный почетным смотрителем местным помещиком Н.П. Лермантовым «на городской земле». В 1820 г. было положено начало приходскому училищу в заштатном городе Плесе Нерехтского уезда Костромской губернии. В 1821 г. школе в г. Макарьеве был присвоен статус приходской. В это же время такое же учебное заведение было организовано при Солигаличском уездном училище [15], приходские училища возникли в Чухломе и Юрьевце. В 1823 г. в Кинешме вновь начала действовать закрытая в 1818 г. приходская школа.

В 1827-1828 гг. появилось в с. Великом Ярославской губернии у господ Яковлевых приходское училище [16], в 1834 г. там обучалось 112 человек. По документам 1850-х гг. эта школа продолжала работать и числилась за Министерством народного просвещения [17]. Подобная судьба была и у приходского училища в с. Поречье Ростовского уезда, открытого в 1846 г. бывшим учителем первого приходского училища г. Ростова Мещериновым [18].

В сентябре 1835 г. князь Михаил Дмитриевич Волконский создал в с. Ма-

рыно Мологского уезда Ярославского края приходское училище для первоначального обучения детей обоего пола [19]. В этот год было принято в школу 30 крестьянских детей. Оно располагалось в 30 верстах от г. Мологи, вблизи усадьбы Андреевское. Это учебное заведение прекратило свое существование в 1850 году. В 1847 г. помещик отставной гвардии поручик Петр Зиновьев основал в с. Брейтове Мологского уезда училище для обучения русской грамоте крестьянских мальчиков [20]. По документам середины 50-х гг. XIX в. эта школа принадлежала уже Министерству государственных имуществ.

В конце 1820-х гг. в Костромской губернии прошения о назначении на должность почетного попечителя практически одновременно были поданы военными, вышедшими в отставку. Почетным смотрителем Чухломского училища стал в 1829 г. штабс-капитан Василий Николаевич Лермантов, служивший до 1823 г. в Лейб-гвардии Егерском полку [21]. До этого опекой данного учебного заведения занимался его отец надворный советник Николай Петрович Лермантов. Обязанности почетного смотрителя Кинешемского училища в Костромской губернии в начале 1830-х гг. были возложены на Михаила Матвеевича Поликанова, 31-летнего майора лейб-гвардии Павловского полка, вышедшего в отставку в 1825 году. Деятельность Галичского уездного училища курировал до 1831 г. Мартыян Прокофьевич Куприянов, бывший капитан 2-го Морского полка, уволенный от военной службы в 1820 г. В 1832 г. его место занял отставной штабс-капитан, 32-летний галичский помещик Дмитрий Васильевич Посников [22].

В этот период почетными попечителями также становились бывшие чиновники, занимавшие видные государственные посты. Так, например, данная должность в Нерехтской школе Костромской губернии была предоставлена коллежскому советнику и кавалеру Александру Андреевичу Нечаеву. В его прошении было указано, что «остаток жизни» он желает «посвятить на служение по части отечественного образования, особенно когда мудрое Правительство старается повсеместно водворить оное, как источник народного благоденствия» [23].

В 1830-х гг. по инициативе местных дворян начинают открываться специальные благородные пансионы. Например, в 1836 г. такой пансион появился при Ярославской губернской гимназии. Специальное помещение для него было отстроено лишь к 1842-1843 гг. Для создания пансиона ярославские дворяне осуществили «по числу владеемых помещиками ревизских душ 10-ти копейный сбор», и собрали, таким образом, 9 тыс. руб. серебром. На устройство этой школы также поступило частное пожертвование в 37 тыс. руб. ассигнациями [24]. На казенное содержание в этом пансионе могли рассчитывать «50 человек недостаточного дворянства, записанных в дворянскую родословную книгу Ярославской губернии», не младше 9 и не старше 12 лет.

Рост интереса к образованию в российской провинции наблюдается не только среди дворян, но и среди купечества. Например, в 1835 г. блюститель Кологривских училищ санкт-петербургский купец Федор Иванович Черны-

шев «с помощью Санкт-Петербургского купеческого сына Сергея Герасимовича Смурова», в посаде Парфеньеве» учредили приходскую школу [25]. Кроме того, «при Кологривском приходском училище на иждивении Почетного Благотворителя онаго купца Г. Чернышева и сотрудника его Г. Смурова существовал пансион для детей всех сословий» [26].

Ежегодно в конце мая — начале июня в школах губерний устраивались публичные экзамены учащихся, куда приглашались все именитые и богатые жители города. По окончании данного мероприятия гости участвовали либо в благотворительных лотереях в пользу учебного заведения, либо просто оставляли деньги. В 1835 г. почетный попечитель угличских училищ Ярославской губернии Ельчанинов «после окончания испытаний представил в пользу училища 200 рублей <...> и подарил «Российскую историю» Карамзина первого издания» [27]. Именно такие пожертвования позволили в том же году фактически создать библиотеку Рыбинскому уездному училищу. В 1845 г. почетный смотритель купец Булатов подарил ростовскому уездному училищу «3 шкафа для библиотеки очень хорошего качества», «полдюжины кресел», стол и для приведения библиотеки в прочность и приятный вид употребил на переплет книг серебром 35 рублей».

Более всего от благотворительной инициативы частных лиц и организаций зависело в первой половине XIX в. развитие женского образования. Вплоть до 1840-х гг. обучение в специальных пансионах было доступно преимущественно дворянкам. В 1840 г., а затем в 1843 г. почетный смотритель Ростовских училищ Ярославской губернии местный дворянин надворный советник А.М. Булатов при поддержке главы Городской Думы И.Ф. Кекина обратился с предложением в Министерство народного просвещения об открытии в городе женского учебного заведения для девиц купеческого и мещанского сословия. Открытие двухклассной приходской женской школы произошло в 1846 г. Финансировалось училище за счет вводимой платы за обучение и средств, выделяемых почетным блюстителем. Чуть позднее подобные школы появились в г. Рыбинске Ярославской губернии, г. Нерехте Костромской губернии, г. Осташкове и г. Ржеве Тверской губернии. В 1848 г. по инициативе дочери Николая I Ольги и при поддержке частных лиц в г. Ярославле появилось Училище девиц духовного звания. Кроме того, губернии Верхней Волги, дают яркий пример создания одной из первых женских школ, по статусу приближенной к гимназии. В 1857 г. в г. Костроме было открыто «Губернское училище для девиц» на средства костромского общественного деятеля, дворянина А.Н. Григорова. Александр Николаевич стал первым почетным попечителем учебного заведения, приобрел для училища дом и жертвовал 2000 руб. ежегодно. Опыт учреждения и деятельности этой школы изучался благотворительным Ведомством императрицы Марии Александровны и Министерством народного просвещения, которые повсеместно стремились создать подобные учебные заведения. В 1858 г. Ведомство Императрицы Марии открыло шестиклассную

школу для девочек в г. Твери.

К середине XIX в. идеи благотворительной помощи народному просвещению получают распространение не только среди высшего света Петербурга и Москвы, но и среди простых обывателей российской провинции. С конца 1850-х гг. в губерниях Верхней Волги начали появляться воскресные школы, где занятия вели бесплатной основе учителя, частные лица. К 1862 г. в Ярославской губернии существовало шесть воскресных школ, одна из которых была женской [28].

Таким образом, в течение первой половины XIX в. одним из важнейших факторов оформления системы государственного образования становится благотворительная помощь государственных органов (приказов общественного призрения, ведомства императрицы Марии), общественных организация (городских дум, дворянского собрания), частных лиц. Изначально, создавая сеть учебных заведений, государство предполагало, что их развитие будет осуществляться при поддержке представителей различных сословий, особенно это касалось начальной и средней ступеней образования, финансирование которых не могло осуществляться правительством в полной мере. Но как показала практика, провинциальное общество мало интересовало проблемы благотворительной поддержки школ: вплоть до 1820-х гг. известны лишь единичные примеры частной благотворительной помощи школьному делу. Ситуация начинает изменяться лишь во второй четверти XIX в., когда сформировалось целое поколение людей, получивших образование в университетах и училищах, созданных по «Уставу» 1804 г. Если в 1830-х гг. частная благотворительность осуществлялась чаще всего представителями дворянского сословия, то в 1840-1850-х гг. инициатива переходит к представителям купечества и мещанства. Именно на традиции благотворительности в области народного образования, заложенные в первой половине XIX в., опиралось государство при осуществлении реформы школьного дела в 1860-1870-х гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гросул В.Я. Русское общество XVIII — XIX веков. Традиции и новации: [Текст] / В.Я. Гросул. М., 2003. С. 98.
2. Губернии Верхней Волги — Ярославская, Костромская и Тверская — вошли в Московский учебный округ.
3. Головшиков К.Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803 — 1886). Ярославль, 1887. С.2.
4. Приведено по: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVII. №20785.
5. Тверская и Костромская губернские гимназии появились в 1804 г., Ярославская гимназия — в 1805 г.
6. Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп.1. Д. 4019. Л. 10 — 11. (Далее ГАЯО). Для устройства пансиона ярославское дворянство купило на собранные средства два смежных с ярославской гимназией здания у купцов Дубова и вдовы Голоховой.
7. Государственный архив Костромской области. Ф.444. Оп.2. Л.5. (Далее ГАКО).

8. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д. 27в. Л.16; Л.29; Л.198; Ширяев В. Историческая записка о Чухломском городском трехклассном училище. Макарьев-на-Унже, 1899. С.17.
9. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.93. Л.5-5об.
10. Там же. Д.217. Л.3.
11. Шарловский И. Народное образование по местным исследованиям: [статья] / И. Шарловский // Отечественные записки. 1864. № 5. (май). С.170; ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Д.361б.
12. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д.2. Л.190.
13. Там же. Д.47. Л.83об.
14. Там же. Ф.429. Оп.1. Д.16. Л.59об.
15. Там же. Л.48; Д.47. Л.84об.
16. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.341.
17. Там же. Ф.642. Оп.1. Д.22408. Л.17.
18. Там же. Ф.549. Оп.1. Д.804. Л.1-11.
19. Там же. Д.132. Л.4-5.
20. Там же. Ф.549. Оп.1. Д.840. Л.1-6.
21. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д. 24. Л. 151.
22. Там же. Д.27. Л.29.
23. Там же. Л.198-200.
24. ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Д.4019. Л.4, 10об.
25. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д.47. Л.20.
26. Там же. Д.48. Л.109-110.
27. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.766. Л.10 об.
28. Там же. Д.1427. Л.2.

ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКОГО И САНИТАРНОГО ПЕРСОНАЛА ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕННЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Е.Е.Белова

*Московская академия предпринимательства при Правительстве
Москвы Ярославский филиал*

Помощь раненым силами сестер милосердия явилась предпосылкой к организации Общества Красного Креста. Образованное в 1867 г. Российское общество попечения о больных и раненых воинах, которое в 1879 г. было переименовано в Российское общество Красного Креста, главной целью своей деятельности имело оказание помощи военному ведомству в уходе за ранеными и больными воинами, в том числе подготовку опытного санитарного персонала для нужд военного времени. С организацией Общества попечения

о больных и раненых воинах все вновь открываемые общины сестер милосердия находились в его ведении, а ранее созданные общины стали передаваться под его наблюдение. Самостоятельными оставались несколько старейших общин — Свято-Троицкая и Покровская в Санкт-Петербурге, Екатеринославская св. Иосифа и другие. Однако и самостоятельные общины во время войны были в распоряжении Общества Красного Креста. Первая община Красного Креста была учреждена в 1868 г. в Москве. Наиболее известными общинами сестер Красного Креста были Елисаветинская в Варшаве, Мариинские в Киеве и Иркутске, Касперовская в Одессе, Александровская в Санкт-Петербурге.

В 1875 г. были изданы «Правила о сестрах Красного Креста», которые определяли порядок подготовки лиц женского пола к обязанностям сестер Красного Креста, а также их права и обязанности. Так, для подготовки сестер Красного Креста принимались женщины в возрасте от 20 до 45 лет, христианского вероисповедания, грамотные и не имеющие физических недостатков или болезней, которые не позволяли бы им ухаживать за больными. Замужние женщины обязаны были предоставить свидетельство от мужа о его согласии на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста. Это было необходимо, поскольку сестры Красного Креста обязаны были прослужить в распоряжении Общества попечения о раненых и больных воинах в случае начала военных действий в течение всей войны. С этой целью по окончании обучения они давали расписку с обязательством сообщать о любом изменении места жительства в местное управление Общества и таким образом находились под его постоянным наблюдением.

Обучение обязанностям сестер Красного Креста проходило при военных, военно-морских госпиталях или гражданских больницах. Если будущие сестры милосердия зачислялись в штат военных госпиталей, то они содержались за счет военного ведомства. Те, кто проходил обучение в гражданских больницах, содержались на средства местных управлений и комитетов Общества. Порядок занятий согласовывался местными управлениями или комитетами с госпитальным или больничным начальством. Сестры милосердия были обязаны ухаживать за больными и ранеными в палатах, наблюдать за точным исполнением назначений врача, следить за приготовлением пищи на кухне, наблюдать за состоянием больных и обо всех изменениях сообщать дежурному врачу. Срок обучения определялся главным врачом, и заканчивался, как только обучаемая приобретала «достаточные сведения и навыки к отчетливому выполнению врачебных предписаний», но не более двух лет. По истечении этого срока ученицы сдавали экзамен и получали звание сестер Красного Креста с выдачей свидетельства от местного управления или комитета Общества.

Штатным сестрам Красного Креста, прослужившим в военных и военно-морских госпиталях не менее 25 лет, у которых ежегодно делались вычеты из жалованья в общий пенсионный капитал, выплачивалась пенсия по 100 р. в год из Государственного Казначейства. Сестры Красного Креста могли получать

пенсию и через 15 лет службы, если «сделаются по болезни неспособными к исполнению своих обязанностей». Те из сестер милосердия, кто получал раны или увечья при исполнении своих обязанностей, могли обратиться за помощью в Александровский комитет о раненых, как и другие военные инвалиды.

В 1876 г. публикуются «Правила о сестрах Красного Креста и сестрах милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами», в которых содержалась программа подготовки сестер Красного Креста. Программа обучения была рассчитана на 1 год и сочетала теоретическое обучение с практической работой по уходу за больными в различных отделениях больницы. Через 1 год слушательницы выдерживали экзамен, по результатам которого им присваивалось звание либо ученой сиделки 1-го или 2-го разряда, либо собственно сестры Красного Креста.

Ярославское местное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, обращая особое внимание на подготовку сестер милосердия, в сентябре 1870 года обратилось к настоятельницам ярославского Казанского, вологодского Афанасьевского, рыбинского Софийского и ростовского Рождественского женских монастырей с просьбой учредить при монастырях общины сестер милосердия. Однако все указанные женские монастыри отказались от организации общин сестер милосердия. Основными причинами отказа стало отсутствие условий, средств и подходящей для этой цели людей. Сестрами милосердия могли стать незамужние женщины или вдовы в возрасте от 20 до 40 лет. Но многие ярославские монастыри ссылались на то, что при монастырях жили преимущественно престарелые, а «...молодые необходимы для монастырской службы». Ещё одной причиной невозможности открыть общину сестер милосердия указывалось отсутствие при монастыре больницы, где можно было бы обучать сестер, а «посылать за монастырь — в городскую больницу — несообразно с правилами монастырскими». Но главной причиной являлось отсутствие средств, на которые можно было содержать и обучать сестер милосердия в общине.

К вопросу о создании общины сестер Красного Креста ярославское местное управление Общества попечения о раненых и больных воинах возвращается в 1873 году. В организации общины сестер милосердия наряду с ярославским местным управлением Общества принимала участие ярославская губернская управа, которая бесплатно предоставила для сестер Красного Креста помещение на 10 человек с отоплением и освещением, а местное управление Общества попечения о раненых и больных воинах взяло на себя содержание сестер из расчета по 6 р. в месяц на каждую. Поскольку ярославское местное управление Общества испытывало «недостаточность расходных сумм», было решено обратиться к частной благотворительности и организовать подписку для сбора добровольных пожертвований на создание общины сестер милосердия. С 10 июля по 17 ноября 1873 г. по этой подписке было собрано 1994 р. 50 к., и 12 января 1874 г. при ярославской губернской земской больнице была открыта об-

щина сестер Красного Креста. В июне 1874 г. в честь бракосочетания Великой княгини Марии Александровны ярославской общине Красного Креста было присвоено название «Мариинская».

В состав первой общины сестер Красного Креста в г. Ярославле вошли послушницы женских монастырей Ярославской губернии. В январе 1875 г., завершив годичное обучение в Мариинской общине при ярославской губернской земской больнице, 10 послушниц ярославских монастырей выдержали экзамен и получили свидетельства на звание сестер Красного Креста. Через год, в 1876 г., завершили обучение в общине и стали сестрами Красного Креста ещё 2 послушницы. Таким образом, к 1877 г., к началу русско-турецкой войны в распоряжении Общества попечения о раненых и больных воинах состояло 12 сестер Красного Креста. Все они были послушницами монастырей: ярославского Казанского (7 человек), ростовского Рождественского (3 человека) и рыбинского Софийского (2 человека) и жили в своих монастырях. Однако по окончании обучения сестры Красного Креста ярославской Мариинской общины дали расписки с обязательством сообщать о любом изменении места жительства в ярославское местное управление Общества и таким образом находились под его постоянным наблюдением. Из тех, кто окончил курсы в 1875 г. одна монахиня отказалась от санитарной службы в 1877 г., и поэтому она была исключена из общины сестер Красного Креста. Таким образом, ярославская община сестер Красного Креста была немногочисленна. И в целом по России процесс создания общин сестер милосердия Обществом Красного Креста шел медленно. За период с 1871 по 1881 г., главным образом в связи с войнами, было открыто 11 общин.

Недостаток медицинского персонала особенно явно проявился с началом русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Увеличение резервов врачей для армии осуществлялось по трем направлениям. Во-первых, в медико-хирургической академии, шести университетах и четырёх ветеринарных училищах студенты последних медицинских курсов 1876-1877 гг. закончили обучение в ускоренное время: вместо 4 месяцев за 4 недели. Например, в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 2 студента IV курса Петербургской Императорской медико-хирургической академии исполняли обязанности фельдшеров в госпитале рыбинского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах. Во-вторых, в действующие войска были отправлены все военные врачи из внутренних районов империи, а вместо них приглашались гражданские врачи. Ярославским местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах заменялись вольнопрактикующими 3 военных врача, отправленные в действующие войска: 2 из лазарета местной команды и 1 из лазарета ярославской военной прогимназии. Для оплаты труда вольнопрактикующих и гражданских врачей в военных госпиталях привлекались средства частной благотворительности, а также городских и земских учреждений. В-третьих, в действующую армию приглашались вольнопрактикующие врачи, которым вы-

плачивалось материальное вознаграждение. Благодаря этим мерам к 1 января 1877 г. в качестве врачей на службу поступило 397 бывших студентов-медиков, 307 военных врачей из внутренних районов империи и 426 вольнопрактикующих врачей. Кроме того, был образован врачебный резерв из 150 молодых врачей. В итоге, к 1 января 1878 г. в Дунайской и Кавказской армиях состояло на службе 3105 врачей. По отношению к здоровым людям, находящимся в строю, по одному врачу приходилось на 368 человек (в Крымскую войну 1 врач приходился на 499 человек).

Пополнение резервов сестер Красного Креста, фельдшеров, фельдшериц, сиделок и санитаров осуществлялось в результате подготовки всех желающих на курсах санитарного обучения, которые организовывались местными управлениями Общества попечения о раненых и больных воинах. В г. Ярославле с началом войны были открыты курсы санитарного обучения при больнице губернского земства для подготовки сестер Красного Креста, фельдшериц и сиделок и при лечебнице для приходящих больных под руководством доктора Пирожкова для подготовки фельдшеров и санитаров. Продолжительность обучения составляла 6 недель, после чего обучаемые получали свидетельства «соответственно различной степени образования» и в зависимости от «степени разумения той помощи, к которой они призываются». Затем по распоряжению Главного Управления подготовленный санитарный персонал отправляется в указанные резервные госпитали. Ярославское местное управление Общества должно было не только осуществлять подготовку санитарного персонала на курсах в течение 6 недель, но и обеспечить их подъемными деньгами и жалованьем на первый месяц. Так, фельдшера старшего и младшего разряда и сестры Красного Креста получали подъемных по 100 р., а санитары и сиделки — по 50 р. Месячное жалованье фельдшера старшего разряда составляло 50 р., фельдшера младшего разряда и сестры Красного Креста по 30 р., санитары и сиделки по 15 р. Кроме того, санитарный персонал обеспечивался питанием за счет того госпиталя, в котором проходил службу: санитары и сиделки получали солдатскую порцию, остальные — офицерскую порцию.

Санитарные курсы, организованные ярославским местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах, закончили 24 женщины и 9 мужчин. Из них в 1877 г. по распоряжению Главного Управления Общества были направлены в один из харьковских госпиталей 1 сестра милосердия и 3 санитары. Но по собственному желанию сестра милосердия перешла на службу ярославского дамского комитета и была отправлена вместе ещё с тремя сестрами Красного Креста, двумя фельдшерами и тремя братьями милосердия в действующую армию в Болгарии в составе летучего санитарного отряда, организованного ярославским дамским комитетом в декабре 1877 г. Часть подготовленного на курсах женского санитарного персонала поступили на службу в лазареты Ярославской губернии, а некоторые остались без занятий. Курсы для подготовки сестер Красного Креста были организованы и рыбинским местным

комитетом Общества при местной земской больнице. На этих курсах обучались 5 женщин различных сословий, которые успешно выдержали экзамен, получили звания сестер Красного Креста и служили при госпитале, созданном местным комитетом Общества в г. Рыбинске.

К концу военных действий в ведении ярославского местного управления Общества находились община сестер Красного Креста, которая состояла из 14 сестер милосердия духовного звания и 25 сестер, вышедших из разных сословий; 3 санитар и 5 сестер милосердия, которые были отправлены в резервные госпитали г. Харькова; 6 санитаров, 9 светских и 25 духовных сестер милосердия, которые были оставлены в запасе при местном управлении. В составе санитарного поезда, организованного ярославским дамским комитетом, работало 2 фельдшера, 3 санитар и 4 сестры милосердия.

Подготовка резервного санитарного персонала по всей России была настолько интенсивна, что уже к осени 1877 г. и действующая армия, и тыл располагали «значительным санитарным персоналом, и число лиц, зачисленных в резерв, было достаточно велико». Поэтому в конце 1877 г. после обращения Главного Управления Общества ко всем своим местным управлениям дальнейшая подготовка мужского и женского санитарного персонала была прекращена.

Таким образом, в годы русско-турецкой войны 1877-1878 годов общественные силы провинциального общества активно участвовали в обеспечении фронтовых и тыловых госпиталей и лазаретов медицинским и санитарным персоналом. Ярославское местное управление Общества попечения о раненых и больных воинах сыграло свою организационную роль при подготовке санитарного персонала. Это способствовало тому, что не только местные лазареты и госпитали были полностью укомплектованы санитарным персоналом, но часть подготовленных в Ярославской губернии сестер Красного Креста и санитаров были отправлены в резервные госпитали г. Харькова и непосредственно на театр военных действий в составе летучего санитарного отряда.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).- Ф.1127.-Оп. 1.-Д.5-Л.7-10
2. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.14.- Л.1об.
3. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.16.- Л.36-37.
4. ГАЯО. — Ф.1127.- Оп. 1.- Д.17.- Л.67, 77.
5. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.33.- Л.38.
6. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.37.
7. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.54.- Л.4.
8. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.55.- Л.1об., 3, 7.
9. ГАЯО.- Ф.1127.- Оп. 1.- Д.76.- Л.2, 16.
10. ГАЯО.- Ф.614.- Оп. 1.- Д.31.- Л.53-54.
11. Правила о сестрах Красного Креста с приложением правил, утвержденных военным министром для сестер милосердия, назначаемых для ухода за больными и ране-

ными воинами [Текст]. — СПб., 1875.

12. Правила о сестрах Красного Креста и сестрах милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами [Текст]. — СПб., 1876.

13. Санитарные меры, принятые в нашей армии в последнюю войну с Турцией 1877-1878 гг. [Текст] // Русская старина. -1887. — № VII. — С.78- 79.

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКСА ПОСТРОЕК БЫВШЕЙ КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ Н.Т.ПАТЕРЕВСКОГО В ЯРОСЛАВЛЕ

Кузнецова О.В.

Государственный архив Ярославской области

4 мая 1862 года у Романово-Борисоглебского купца Тимофея Ивановича Патеревского и его супруги Анны Полиевктовны, проживавших в деревне Патерево Норской волости Ярославского уезда Ярославской губернии, родился первенец — сын Николай, крещенный в приходской Архангельской церкви Норской слободы.

В возрасте 18 лет Николай лишился отца. Его мать, вдова Анна Полиевктовна, осталась одна с тремя сыновьями.

Завещанное умершим имущество, капитал в размере 2600 рублей заставили искать для семьи возможности выживания. Эта обязанность была возложена по старшинству на Николая Тимофеевича.

Молодой Патеревский неоднократно приезжал в Ярославль. Он присматривался к непривычной для него городской жизни, изучал спрос на товар и возможности аренды помещений. Через несколько лет, в 1887 году, он становится продавцом чая, а затем основывает магазин розничной торговли в доме Литова, Бухариных и Друженкова, располагавшийся на углу Угличской и Екатерининской улиц (ныне на этом месте находится ресторан «Волга»).

Скопив, таким образом, первоначальный капитал, Николай Тимофеевич приобрел в 1898 году у владельца мыловаренного завода Н.М.Комарова участок земли общей площадью в 432 кв. сажени, располагавшийся в 154-м квартале 3-й части города по ул.Б.Федоровской (ныне — территория предприятия «Русьмебель»).

В числе построек, перешедших от прежнего владельца, — двухэтажное здание, которое по решению Строительного отделения Ярославского губернского правления от 7 октября 1898 года было вскоре приспособлено под кондитерскую фабрику.

Необходимо отметить, что период конца XIX — начала XX века совпал по времени с появлением в Ярославле более десятка кондитерских заведений от

скромных куреней до современных производств, оснащенных машинами. И фабрика Н.Т.Патеревского по праву может быть отнесена к крупнейшим.

На первом этаже нового заведения находилось кондитерское отделение, где готовились пряники, монпасье, конфеты; на втором — контора и жилые комнаты для двух десятков наемных работников — женщин-вертельщиц, занятых упаковкой, заверткой конфет, другой кондитерской продукции, и мужчин-рабочих.

Предприятие было оснащено 3 станками и 2 аппаратами для выработки монпасье; 3 аппаратами и 11 плитами для карамели. Заведующим фабрикой был К.А.Буров.

Сам Николай Тимофеевич проживал в деревянном доме при фабрике вместе с женой Прасковьей Павловной и ее матерью, уроженками г.Шуя Ивановской губернии, двумя сыновьями супругов — Валентином, Николаем — и дочерью Натальей.

Малая серебряная медаль выставки Северного края 1903 года стала первой наградой, полученной Н.Т.Патеревским за качество продукции его предприятия.

По данным на начало XX века, стоимость недвижимого имущества Николая Тимофеевича составляла 1100 рублей; пряничное и кондитерское заведение имело годовую производительность в 30 тысяч рублей.

Несколькими годами позже Н.Т.Патеревский расширил владение и за 10200 рублей приобрел рядом, по ул.Зеленцовской, 587 кв. сажен земли, которую оформил на имя своей жены. Это имущество перешло 11 июня 1899 г. от купчихи А.А.Корниловой и по купчей от 29 апреля 1904 года от ярославского купца И.И.Бай-Бородина. Недвижимость была представлена жилым каменным одноэтажным зданием и деревянной постройкой служебного назначения.

В 1908 году, в соответствии с решением Ярославского губернского правления, Николай Тимофеевич, наняв рабочих, построил новое трехэтажное здание кондитерской фабрики, каменную кладовую при нем и два одноэтажных деревянных здания служебного назначения.

При сооружении главного производственного корпуса были соблюдены требования того времени: стены укладывались толщиной в 2-2,5 кирпича; потолки для прочности укреплялись железными балками; был устроен цементный пол.

На первом этаже кондитерского заведения размещалась контора и машинное отделение; на втором — карамельное и пряничное отделения; на третьем — конфетное и сиропное отделения. Упаковочная располагалась на каждом этаже, рядом с соответствующими производственными отделениями

Фабрика была оснащена электромотором Вестингауза мощностью 500 Вт; подъемной машиной фирмы «Альфрес-Гутман» грузоподъемностью в 30 пудов; а также изразцовыми печами, ручными прессами и станками для формовки карамели и монпасье; машинами для разбивки пастилы и сбивания помады; машиной-меланжором для смешивания яиц.

При кондитерском заведении были устроены 15 комнат для наемных рабочих, находившиеся на первом, втором и третьем этажах. Для удобства пользо-

вания, квартиры имели вход и со двора и со стороны улицы.

В старом каменном одноэтажном доме при фабрике проживал управляющий К.А.Буров, много лет занимавший эту должность. Его семья состояла из супруги, четверых детей, свекрови и няни.

«Бывший дом Патеревского» — под таким наименованием эта постройка известна благодаря многолетним исследованиям члена Союза архитекторов, краеведа В.Ф.Марова. В одной из его книг написано: «...дом одноэтажный, со сводчатым подклетом. Перестраивался в XVIII веке (появились рустованные угловые лопатки) и в начале XX столетия (разобрано древнее каменное крыльцо). До наших дней памятник дошел в сильно искаженном виде, но сохранил богатый городчатый карниз XVII века».

По сведениям на начало 1910-х годов, стоимость недвижимого имущества купца Н.Т.Патеревского была оценена в 3160 рублей, а его жены — 1380 рублей; годовое производство фабрики, на которой было занято около 60 рабочих, составляло от 60 до 70 тысяч рублей.

1 мая 1910 года Николаем Тимофеевичем и его младшим сыном Валентином (старший сын Николай скончался в 1909 г., а дочь Наталья к этому времени вышла замуж) на паритетных началах было образовано Торгово-Промышленное Товарищество с размером общего капитала в 10 тысяч рублей.

Основной деятельностью этого учреждения являлась «выработка всевозможных кондитерских товаров, а также торговля ...кондитерскими произведениями ...»

Товарищество было зарегистрировано в Ярославской городской управе, учредительные документы оформлены ярославским нотариусом И.А.Успенским. В течение многих лет в доме купцов Ерыкаловых находилась контора Товарищества.

В апреле 1914 года Н.Т.Патеревский скончался, но как человек дальновидный, он еще при жизни материально обеспечил своих жену и сына. Прасковья Павловна и Валентин Николаевич до 1918 года вместе занимались делами кондитерской фабрики и бакалейной торговли.

Этот период совпал по времени с событиями первой мировой войны и революциями 1917 года, мятежом 1918 года в Ярославле.

Из-за недостатка рабочих-мастеров производительность на фабрике снизилась на 20%. После мятежа 1918 года предприятие было остановлено.

В «Описи бывшей фабрики Патеревского на ул.Зеленцовской», датированной августом 1919 года, в составе заведения перечисляются: здание конфетное и пряничное; горелое деревянное здание; две каменные кладовые; пять деревянных сараев.

Среди сохранившегося инвентаря производственного корпуса упоминаются: деревянные катки; карамельные машинки; барабан для жарки какао; формы для конфет, шоколада, мармелада; машина для сбивания пастилы; пряничные печи; меланжор.

В связи с укрупнением кондитерского производства в городе и созданием на базе бывшего предприятия В.П.Кузнецова кондитерской фабрики № 1 (ныне — ЗАО «Ярославлькондитер»), весь инвентарь с уцелевших от последствий мятежа заведений был свезен в одно место.

21 января 1920 года бывшая фабрика Н.Т.Патеревского была передана Центросоюзу, а 25 января 1921 года — национализирована, летом того же года, по причине прекращения деятельности Центросоюза, передана Ярославскому губернскому Совету народного хозяйства.

Вначале предполагалось, что в помещении по ул.Зеленцовской откроется механический ремонтный завод сельскохозяйственных орудий и в соответствии с этим, по решению ЯргубСовета, началось переоборудование. Согласно плану, на первом этаже бывшей фабрики Н.Т.Патеревского должны были разместиться деревообделочная, кузница, машинное отделение; на втором этаже — механическая, сборочная; на третьем — слесарная, столярно-модельная.

Но этому не суждено было осуществиться: вскоре фабрика была передана Ярославскому отделению Госстроя, согласно решению которого от 13 сентября 1923 года, на этих площадях предполагалось открыть общежитие для рабочих строящейся Каширской ГРЭС. Однако к январю 1924 г. недвижимость была возвращена губернскому Совету народного хозяйства.

С середины 1920-х годов в помещении главного корпуса бывшей кондитерской фабрики Н.Т.Патеревского располагались различные учреждения образования: девятилетняя школа; начальная школа № 9; школа рабочей молодежи № 10. В настоящее время в этом здании работает детская музыкальная школа № 5.

В 1993 году комплекс построек по ул.Зеленцовской, 13 вошел в областной список вновь выявленных памятников истории и культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ярославской области — далее ГАЯО. Ф. 80 «Строительное отделение Ярославского губернского правления» (1853-1917 гг.). Оп. 1. Д. 1334.
2. Там же. Ф. 230 «Ярославская духовная консистория» (1780-1918 гг.). Оп. 8. Д. 249.
3. Там же. Ф. 346 «Ярославский окружной суд» (1868-1918 гг.). Оп. 5. Д. 7770.
4. Там же. Ф. 509 «Ярославская городская управа» (1870-1918 гг.). Оп. 2. Д. 1574. Л. 6; Там же. Д. 1708. Л. 174-177 об; Там же. Д. 2012. Части 26, 27, 29, 30, 32; Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 307.
5. Там же. Ф. 642 «Ярославский губернский статистический комитет» (1834-1918 гг.). Оп. 1. Д. 23931; Там же. Оп. 2а. Д. 812. Л. 222, 223; Там же. Оп. 3. Д. 1312. Л. 219-220; Там же. Д. 1478.
6. Там же. Ф. 662 «Старший фабричный инспектор Ярославской губернии» (1895, 1904, 1907-1917 гг.). Оп. 1. Д. 4; Там же. Д. 5; Там же. Д. 6.
7. Там же. Ф. 673 «Торгово-Промышленное товарищество ярославского купца Н.Т.Патеревского» (1909-1916 гг.). Оп. 1. Д. 2.
8. Там же. Ф. Р-208 «Отдел коммунального хозяйства исполкома Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (1918-1929

гг.). Оп. 4. Д. 19. Л. 286 об-289.

9. Там же. Ф.Р-372 «Совет народного хозяйства исполнительного комитета Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (1917-1929 гг.). Оп. 1. Д. 422; Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 23-24.

10. Там же. Ф. Р-700 «Администрация Ярославской области» (1991-1998 гг.). Оп. 1. Д. 86.

11. Голос. 1908. 23 декабря; Там же. 1914. 12 (25) апреля.

12. Каталог выставки Северного края 1903 г. Ярославль, б. д.

13. Козлов П.И., Маров В.Ф. Ярославль: Путеводитель-справочник. Ярославль, 1988. С.190.

14. Северный край. 1903. 6 (18) сентября. Б.м., б. д.

15. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Сост. Л.К.Езиоранский. С-Пб., 1909. Раздел Д. № 7348.

16. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Ред. Ф.А.Шобер. Изд. 2-е. Петроград, октябрь 1914 г. раздел Д. № 8757.

17. Ярославские губернские ведомости. 1880. 28 апреля; Там же. 1894. 16 сентября; Там же. 1897. 20 ноября; Там же. 1898. 25 марта.

18. Ярославский листок объявлений. 1895. 19 декабря.

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ РАБОЧИХ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Махина М.А.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

Еще в XVIII веке в России произошел Промышленный переворот, ознаменовавший переход от ручного труда к машинному. С одной стороны, это помогло обогащению промышленников, с другой — к возникновению огромного количества случаев производственного травматизма рабочих. Со временем, этот вопрос стал одним из ключевых для России.

23 июня 1912 г. в России были изданы два закона — «О страховании рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев». С изданием этих законов Россия вступила в семью стран, обладающих институтом социального страхования.

Страхованием — в широком смысле слова — можно назвать всякую организационную взаимопомощь.

Под термином социальное страхование понимают совокупность различных форм и видов страхования, имеющих целью улучшить положение широких

масс населения и тем самым ослабить проявление социального неравенства.

По закону «О страховании на случай болезни» предписывалось создание больничных касс при предприятиях. В их компетенцию входило оказание врачебной помощи заболевшим рабочим и выдача пособий по болезни. Врачебная помощь и медикаменты были бесплатны.

Закон «О страховании рабочих от несчастных случаев» предписывал создание страховых товариществ, которые должны были заниматься выдачей пособий, пенсий и пособий на похороны.

В управлении больничными кассами рабочие имели право голоса, но право председательства и большинство голосов при принятии решений оставались за предпринимателем. В управлении страховыми товариществами рабочие участвовать не могли.

Взносы рабочих в больничные кассы были в 1.5 раза выше предпринимательских, чьи взносы по закону не могли быть увеличены.

По закону 1912 года страховые товарищества содержались полностью за счет предпринимателя.

Под новый страховой закон в России попадала лишь 1\4 часть всех наемных рабочих. Только рабочие, занятые на фабриках, заводах, горных промыслах, в судоходстве и в трамвайных предприятиях могли рассчитывать на страхование. Страхование не распространялось на приказчиков, строительных рабочих, сельскохозяйственных рабочих, прислугу, большинство железнодорожных рабочих и рабочих казенных заводов и фабрик. Далее исключались все те рабочие, которые работали в мелких заведениях.

Новые законы были настолько тесно связаны друг с другом, что, в сущности, отдельно они и не могли действовать.

Это, означало, что страхование от несчастных случаев могло осуществляться только после того, как фабрики и заводы открывали у себя больничные кассы, действие которых было определено уже законом о страховании рабочих на случай болезни.

Тем не менее, это был лишь первый шаг, сделанный в России в сторону реализации социальной защиты рабочих, хоть он и отличался существенной отсталостью от передовой в этом плане Германии и ряда других европейских стран.

Ярославская Губерния была известна в России как район промышленный. Именно поэтому для губернии было важно принятие законов, позволяющих решать возникающие проблемы касательно рабочего травматизма.

Для того чтоб выяснить, были ли законы 1912 года касательно социального страхования рабочих реализованы в Ярославской губернии, нами была исследована отчетная документация крупнейших фабрик и мануфактур губернии первой четверти XX века, хранящаяся в Государственном архиве Ярославской области. Это позволило прийти к определенным выводам относительно степени социальной защищенности рабочих после принятия страховых законов 23 июня 1912 года.

Прежде всего, следует отметить, что социальное положение рабочих Ярос-

лавской губернии не было однородно. Размер заработка и условий труда отличался от предприятия к предприятию. На каждой исследованной мануфактуре выявлено существование и функционирование органов социального страхования: больничной кассы и/или страхового товарищества. Однако полнота и масштаб их действий опять таки отличались.

Предприниматели фабрик и мануфактур тратили различное количество средств на создание благоприятных условий труда своих рабочих и следили за выполнением постановлений законов 23 июня 1912 года — «О страховании рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев».

Одной из образцовых, на наш взгляд, в плане реализации законов 1912 года были предприятия А.А.Локалова. Права рабочих на них соблюдались в соответствии с законодательством.

Все несчастные случаи, происшедшие с рабочими фабрики, фиксировались фабричным Инспектором, а рабочие получили пособия на время нетрудоспособности.

Владельцы предприятия исправно отчисляли средства в больничную кассу в размере 2/3 от взносов рабочих. Беременные работницы получали оплачиваемый отпуск, а так же размер их взносов в больничную кассу равнялся приплатам предпринимателя. Штрафовали в основном за прогулы в размере от 10 до 15 копеек за день. Жилье при фабрике было дешевым (5 копеек в день), на оплату коего рабочим также выплачивались средства.

Рабочие, не состоящие участниками больничной кассы, могли рассчитывать на получение единовременного пособия в случае неспособности исполнять свои обязанности из-за старости или болезни.

Все это позволяет судить о более широком применении законов на предприятии, ибо владельцы не обязаны были приплачивать работникам за жилье и увеличивать взнос со стороны работодателя в кассу касательно беременных с 1/3 до 1/2.

Все участники больничных касс на разных заводах «Никиты Понизовкина сыновья» фиксировались в специальных списках. Из них видно, что к 1917 году большая часть рабочих — участников больничных касс вышли из их состава.

Все рабочие, нуждающиеся во врачебной помощи, могли обратиться за ней в заводскую больницу. Следует, однако, отметить, что санитарные нормы в больнице не соблюдались в полной мере, и в некоторых случаях при отказе от лечения, врач больницы мог подать прошение в Правление об увольнении этого рабочего. Всех заразных больных селили в отдельный заразный барак, а квартиры их дезинфицировались. Все эти меры принимались для нераспространения заразы в среде рабочих.

Социальная помощь рабочим — участникам кассы оказывались несколько шире, чем это было определено законодательно (пособия выдавались не только на случай похорон членов семьи, но и на рождение ребенка (крестины), что не было указано в законе).

В случае несчастных случаев, они фиксировались Урядником, протоколировались, и по ним мог составляться акт соглашения о замене ежегодной пенсии единовременной выплатой.

Уникальным является случай Александра Курицына, убитого при взрыве водяного котла во время работ. Согласно тексту закона о несчастных случаях право на получение пенсии в размере 1/6 от заработка умершего имел лишь один из родителей. Однако в случае Курицына пенсию получили оба, и мать и отец.

Положение рабочих в Акционерном обществе «Товарищество Норской мануфактуры льняных изделий» было крайне неудовлетворительно. Размер заработка был гораздо ниже, чем на других предприятиях, что, в свою очередь, отражалось и на размерах пособий, получаемых рабочими в случае получения травм и пенсий. Примером может служить случай Василия Тяпкова, который в результате несчастного случая потерял кисть правой руки, что составило потерю трудоспособности 75%. За столь тяжкое увечье он смог добиться единовременного пособия в размере 13 рублей 14 копеек. Для сравнения приведу пример Елизаветы Коряковой, работавшей на предприятии Н. Понизовкина. она потеряла фалангу пальца (10% потери трудоспособности), за что она получила в сумме 122 рубля 80 копеек.

Случай Тяпкова интересен еще и тем, что он упомянут в книге М.В.Виноградова «Красный перевал». Однако автор, ссылаясь на ГАЯО, утверждает, что Тяпкову было отказано в какой бы то ни было выплате. Мною же обнаружены иные сведения.

На наш взгляд, это может служить ярким примером негативной оценки социального законодательства 1912 года в советское время.

В целом же из отчетов и докладов органов правления касс и товариществ четко видна тенденция дальнейшей работы над реализацией законов 23 июня 1912 года и темпы ее развития.

Положение рабочих было различно. Это зависело от политики предпринимателя в этом направлении. В свою очередь отмечу, что наибольший размер материальной помощи в виде пособий, будь то по болезни или вследствие несчастного случая, получали рабочие, чей заработок был выше, ведь размер пособия напрямую зависел от размера заработка.

Законы 23 июня 1912 года «О страховании на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев» на территории Ярославской губернии начали претворяться в жизнь в довольно быстрые сроки, и уже к 1914 году были созданы и начали функционировать в различном объеме органы социального страхования рабочих: больничные кассы и страховые товарищества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАЯО.ф.662.,1.,10.,Л.2
2. ГАЯО.ф.674.,1.,21709.,Л.6
3. ГАЯО.ф.674.,1.,21711.,Л.3
4. ГАЯО.ф.674.,1.,21727.,Л.2

5. ГАЯО.ф.674.,2.,270.,Л.50
6. ГАЯО.ф.674.,2.,273.,Л.177
7. ГАЯО.ф.674.,2.,283.,Л.84
8. ГАЯО.ф.674.,2.,283(а),Л.16
9. ГАЯО.ф.675.,1.,333.,Л.45
10. ГАЯО.ф.675.,1.,371.,Л.74
11. ГАЯО.ф.676.,1.,2616.,Л.200
12. ГАЯО.ф.676.,1.,2632.,Л.200
13. ГАЯО.ф.676.,1.,2882.,Л.29
14. ГАЯО.ф.676.,1.,2950.,Л.201
15. ГАЯО.ф.676.,1.,3959.,Л.26
16. ГАЯО.ф.676.,1.,3962.,Л.4
17. ГАЯО.ф.968.,1.,1064.,Л.34
18. ГАЯО.ф.968.,1.,1085.,Л.76
19. ГАЯО.ф.968.,1.,1279.,Л.7
20. ГАЯО.ф.968.,1.,1280.,Л.3
21. ГАЯО.ф.968.,1.,1431.,Л.45
22. ГАЯО.ф.968.,1.,1612
23. ГАЯО.ф.968.,1.,1666.,Л.142
24. ГАЯО.ф.968.,1.,1670.,Л.2
25. Шелымагин.И.И. Законодательство о фабрично — заводском труде 1900-1917. [Текст] / И.И.Шелымагин.- М., 1952.с.229

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В Г. УГЛИЧЕ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВВ.

Ерохина С.В.

*Угличский государственный историко-архитектурный
и художественный музей (УГИАХМ)*

На рубеже XIX — XX вв. Углич был тихим уездным городом Ярославской губернии. Но в это время весьма интенсивной была культурная жизнь Углича. Это явление заложило традицию создания культурных учреждений в маленьком провинциальном городке Ярославской губернии на рубеже XIX — XX вв. В 1892 г. в Угличе был организован Музей Отечественных древностей, в 1897 г. открылась Городская публичная библиотека, в 1907 г. — Общество любителей музыкального и драматического искусств, а в 1911 г. угличанам стал известен кинематограф.

В Угличе сохранился любопытный архитектурный памятник удельного периода русской истории: Дворец угличских удельных князей, датируется он XV в. (1482 г.). За несколько веков Дворец обветшал, и к началу XIX в. возникла угроза утраты памятника. В 1802 г. были проведены ремонтно-

восстановительные работы на средства угличского купца А.В. Кожевникова. К концу XIX в. снова возникла необходимость в срочных реставрационных работах. Ярославский губернатор А.Я. Фриде, посетив Углич осенью 1887 г., принял решение отреставрировать Дворец к 300-летию со дня гибели царевича Дмитрия (15 мая 1891 г.). Составление проекта реставрационных работ принял на себя, по предложению Императорской Археологической Комиссии, профессор Н.В. Султанов. Произведя на месте исследование первоначального устройства Дворца, с раскопками вокруг здания, он выработал проект реставрации. Реставрационные работы продолжались до второй половины 1892 г. Они обошлись в сумму около 35 тыс. руб.

К 3 июня 1892 г. состоялось открытие музея, сопровождавшееся пышными торжествами, на которых присутствовали члены царской фамилии — Великий князь Сергей Александрович и его супруга Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Высочайшие особы посетили отреставрированный Дворец и осмотрели экспозицию, которая была помещена на втором этаже, выразили поддержку организаторам музея, отнеслись с пониманием к местным традициям.

18 марта 1894 г. был утверждён «Устав Угличского музея древностей». Музей древностей состоял под покровительством Великого князя Сергея Александровича и считался достоянием Углича. В музее собирались и хранились памятники старины, и при нём же создавалась соответствующая библиотека. Он находился под руководством ИМАО. Управление поручалось Комитету музея, которому предоставлялась возможность избирать почётных членов и корреспондентов, секретаря, казначея и хранителя. Комитет принимал денежные пожертвования в пользу учреждения. В состав Комитета были привлечены угличане, проявившие себя в местном краеведении и в основании музея, купцы: Н.А. Бычков, И.А. Истомин, Н.Д. и К.Н. Евреиновы. Председателем был назначен предводитель дворянства Я.С. Колмогоров; губернатор оставил за собой высшее руководство действиями Комиссии. Обязанности казначея принял на себя Н.А. Бычков, секретаря — И.А. Истомин, а на должность хранителя был избран К.Н. Евреинов.

Вслед за окончательным формированием управления последовало урегулирование и материальных условий его деятельности, которые сложились из ассигнований Угличского Городского самоуправления и из доходов от продажи билетов. При этом был оставлен бесплатным для всех желающих вход в музей в некоторые определённые дни года (пасхальную неделю, 15 и 16 мая, 3 июня). Из этого источника, с прибавлением к нему доходов от продажи посетителям образков, брошюр о местной старине и соответствующих картин и снимков, а также пожертвований в кружку во Дворце, получалась сумма в 150-200 руб. в год. В среднем бюджет музея определялся суммой около 500 руб.

Открытие состоялось без предварительного установления в законном порядке норм и условий его существования, но буквально с первых дней работы начался приток в музей из разных уголков края разнообразных памятников ста-

рины. О размерах этого движения среди населения может дать понятие цифра пожертвований за первые месяцы его существования: к 1 января 1893 г., т.е. всего через полгода с открытия, в нём числилось уже 679 предметов. Вклады были как от частных лиц, так и от местных учреждений и обществ. В это время музей пополнился ярким памятником истории царевича Дмитрия — ссыльным колоколом, возвращённым в 1892 г. в Углич после 300-летней ссылки из г. Тобольска. Основу первой экспозиции составили небольшие коллекции и отдельные предметы. По словам хранителя музея К.Н. Евреинова, «сбор вещей, отдаваемых в музей, шёл быстро, в первые 3 дня было собрано 400 экспонатов». Первыми жертвователями стали Н.В. Султанов, Я.С. Колмогоров, М.А. Жаренов, И.А. Шляков.

Следует отметить, что вопрос о необходимости создания в городе библиотеки возник и обсуждался и среди разных групп населения Углича. Ещё в 1837 г. в Угличе была открыта первая и единственная дворянская библиотека, проект которой воплотил в жизнь предводитель угличского дворянства П.В. Епифанов. Она просуществовала недолго.

Позднее, в 1889 г., вновь появилась идея об открытии библиотеки, но пока не общественной, а частной. «Выразителем» её явился угличский дворянин И.А. Леонтьев, открывший собственную библиотеку, просуществовавшую также несколько лет. Дальнейшие события показали, что вопрос об открытии в Угличе общественной библиотеки был отложен на некоторое время. Частная библиотека работала 4 дня в неделю до 1894 г.

И всё-таки идея общественной библиотеки не исчезла бесследно, и уже через несколько лет, несмотря на наличие частной инициативы, проявилась с новой силой. Известно, что в 1887 г. в городе существовал кружок, состоявший из К.Н. Евреинова, А.А. Истомина, А.Н. Серебrenникова, А.Н. Полякова. Члены кружка собирались в торговом доме «Н. Евреинов и Сын», где обсуждали вопрос об открытии общественной библиотеки. Впоследствии они стали её учредителями.

20 ноября 1896 г. был утверждён Устав библиотеки ярославским губернатором Б.В. Штюмером и, вместе с этим, было получено разрешение на открытие публичной библиотеки «под личной ответственностью учителя городского училища П.А. Критского».

27 июля 1897 г. состоялось торжественное открытие публичной общественной библиотеки в присутствии ярославского губернатора Б.В. Штюмера. К этому времени библиотека насчитывала 32 учредителя.

Но, отдавая дань уважения членам-учредителям библиотеки, которые были преданы своему делу, и их самоотверженному безвозмездному повседневному труду, надо признать, что среди них не было квалифицированных специалистов. Функции библиотекарей выполняли в основном супруги и дочери угличан, входивших в особый Комитет по управлению библиотекой. Ещё одна проблема заключалась в небольшой площади помещений здания библиоте-

ки. Для размещения библиотеки был отведён маленький одноэтажный деревянный домик в неорусском стиле на Успенской (Торговой) площади. Здание было пожертвовано городом и приспособлено под требования библиотеки. 3 мая 1896 г. на экстренном заседании Угличской городской думы было принято решение ассигновать на библиотеку пособие в 100 руб. ежегодно на поддержание здания. Финансовая необеспеченность являлась одной из слабых сторон Угличской городской публичной библиотеки.

2 июня 1907 г. был утверждён Устав Угличского общества любителей музыкального и драматического искусств. Принят он был властями местного уровня, а именно — Ярославским Губернским по обществам присутствием. После получения известия об этом Правление отпечатало Устав общества в 300 экземплярах для ознакомления с ним населения. Были выпущены специальные печатные бланки для заявлений лиц, желавших вступить в члены Общества, заведены необходимые канцелярские книги, печать и штемпель.

По Уставу Общество было разделено на отделы: драматический, вокальный (хор), музыкальный и литературно-научный. По Уставу члены Общества любителей музыкального и драматического искусств делились на действительных, принимающих деятельное участие в исполнительных собраниях, на соискателей, оказывающих Обществу ту или иную услугу и материальную поддержку.

29 августа 1907 г. в доме Евреиновых состоялось первое общее собрание Общества, на которое пришло 23 человека. Обсудив основной вопрос о найме помещения члены-учредители единогласно постановили: «Нанять помещение в доме К.Н. Евреинова с платою 720 руб. с отоплением и освещением от хозяина. Договор аренды заключить на один год, с 1 сентября». Здесь же была зачитана смета предполагаемых доходов Общества: доход от семи спектаклей — 1400 руб., членские взносы — 100 руб., пожертвования — 100 руб., доход от концертов — 50 руб. Всего предполагалось в течение года выручить около 1900 руб.

При Обществе было решено формировать библиотеку со специальной литературой. Правление Общества позаботилось и о подписке на периодические издания «пока в скромных размерах: с 1 октября — местные газеты «Угличанин» и «Северный край» и столичную прессу — с 1 января 1908 г., кроме того, 2-3 журнала, из которых — один театральный». Вся периодика входила в состав библиотеки Общества, начало которой положили книги, поступившие в Правление в качестве пожертвований. К 1917 г. в ней значилось 148 названий пьес, нот и пособий.

Решив в короткий срок наиболее насущные организационные проблемы, молодое Общество уже через два месяца объявило о постановке спектакля, который первым публичным исполнительным собранием назначен на 2 сентября 1907 г. Для постановки выбрали вторую пьесу Найдёнова «Дети Ванюшина».

Репертуар включал в основном серьёзные постановки отечественных авторов, комедии, шутки и водевили ставились реже. Вне конкуренции были

Островский и Чехов. В разные годы Общество могло представить на суд зрителя от 4 до 10 пьес каждого из этих авторов за сезон. Меньше ставились пьесы Гоголя, Горького, Карпова, Найдёнова, Невежина, Салова, Тимковского, Чирикова. Из иностранных авторов в отчётах за разные годы фигурируют Гауптман и Мольер. Особенно необходимо выделить тот факт, что Общество занималось постановкой детских спектаклей. Наибольшую популярность среди маленьких угличан приобрели постановки «В земской школе», «Золушка», «Подснежник». Нужно отметить, что почти все спектакли в течение сезона ставились только один раз, крайне редко их повторяли. Как правило, повторно можно было увидеть классические произведения, такие как «На дне» Горького, «Ревизор» Гоголя, «Дети Ванюшина» Найдёнова, «Лес» Островского.

Сбор от спектаклей очень часто шёл на благотворительные цели. На программах к спектаклям можно встретить такие объявления: «Чистый сбор от спектакля поступит в пользу Николаевского Детского приюта В. У. И. М. в г. Угличе». На подобных мероприятиях сборы всегда бывали полными. Цены в зависимости от мест были разными. Детские билеты стоили в 2 раза дешевле.

В местной прессе начала XX в. достаточно часто встречаются заметки с критикой на разные спектакли. Причём, критика была порой проникнута далеко нелестными и комплиментарными характеристиками в адрес актёрволюбителей. Для провинциального городка каждая постановка была важнейшим событием культурной жизни.

Общество организовывало семейно-театральные вечера, маскарады, постановки спектаклей, даже устраивало детские ёлки, а в 1911 г. под эгидой его учредителей состоялся первый показ кинофильма в городе. Так угличанам был открыт ещё и кинематограф.

В марте 1911 г. в помещении электротeatра «Волшебные грёзы» в доме Евреиновых состоялся первый показ кинофильма в городе. Для этой процедуры использовался синаматограф, а проще говоря, калейдоскоп.

Название первой ленты история не сохранила, а вот последние демонстрировавшиеся перед спектаклями фильмы имели названия: «Мятежник из Виндеи», «Дед-отравитель», «Жизнь в Китае на воде», «Павлушкины грёзы», «Бездетная семья», судя по чему можно сделать вывод, что были они как документальные, так и художественные.

Угличане с восторгом приняли новое культурное веяние, хотя многое казалось необычным и слишком непохожим на театральные постановки, с которыми они были знакомы до 1911 г. Вот отзыв на демонстрацию фильма «Фауст» одного из очевидцев: «Но великие вещи вечно новы и, смотря на то, как взялся синаматограф за воскрешение в живых образах Гётевской поэмы, — мы снова будем восхищаться и преклоняться духом перед мощной фантазией немецкого классика».

Дирекция оставляла за собой право заменять одну картину другой. Вошедшие не к началу сеанса пользовались правом оставаться до отделения к кото-

рому пришли. В праздничные дни электротеатр был открыт с 1.00 час. дня и завершал работу в полночь; в будни — с 4 час. вечера до 11 час. вечера. Стоимость билетов варьировалась в зависимости от мест: «1-е — 30 коп., 2-е — 22 коп., 3-е — 17 коп.». Детский билет стоил «на все места половину». Желаящие получать программы на дом могли оставлять адрес в кассе театра, и информация поступала к ним буквально прямо из типографии.

Все картины демонстрировались под аккомпанемент пианино. Роль тапёра брал на себя кто-либо из участников Общества. Поскольку эра звукового кино ещё не настала, фильмы обычно сопровождалась титрами или комментировались лекторами. «Великий немой» продержался в Угличе до 40-х гг. XX в., т.к. использовались кинопроекторы ГОЗ и ГОМЗ, не имевшие оборудования для воспроизведения звука. Весной 1919 г. электротеатр был полностью переоборудован под кинематограф и приобрёл новое название — кинотеатр.

На рубеже XIX — XX вв. в Угличе были созданы и получили развитие различные по профилю культурные учреждения. Эта особенность развития его культуры определилась ещё в первой половине XIX в., причём здесь сказалась московская направленность культурных связей города. Недаром, в настоящую эпоху активного культурного «учредительства» второй половины XIX — начала XX вв. в Угличе первоначально открыли музей. В тех городах, где доминантой культурного развития являлось литературное творчество, что указывало на столичную ориентированность культурных связей, раньше открывались библиотеки.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КРАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Кищенко М. С.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского.*

Ярославский край, несмотря на свою удаленность от границ российского государства никогда не был закрыт для иноземного влияния. Начиная с эпохи средних веков наш регион находился в постоянном взаимодействии с выходцами как из Европы, так и из Азии. Крупный торговый центр на Волге стал местом пребывания многих европейских торговцев и дипломатических агентов, к примеру, знаменитой Московской компании. Во время Смуты именно в Ярославле содержалась Марина Мнишек и ее двор. В XVIII веке на Яросла-

ской Большой мануфактуре работали голландские и английские мастера. Во времена военных конфликтов города ярославского края становились местом содержания пленных из вражеских войск. С конца XIX века начинается активное внедрение европейского капитала на российский рынок. Не стал исключением и ярославский край.

Европейские инвестиции сыграли серьезную роль в экономическом и социальном развитии региона. Создание электрической станции и городской сети трамвайных дорог в Ярославле, завода «Русский Рено» и лесопильного предприятия в Рыбинске, работа в качестве мастеров и инженеров на многих крупных предприятиях региона — вот далеко не полный перечень роли европейцев в русской провинции. Между тем необходимо отметить следующую особенность: если на общероссийском уровне данная тематика изучена достаточно хорошо, то на региональном уровне можно констатировать небольшое количество исследовательских работ по данной тематике. Цель данной статьи — дать историографический анализ имеющейся краеведческой литературе по этой проблематике.

Первым занялся изучением этого вопроса ярославский краевед В. Н. Бочников в 20 — е годы XX века. В своей работе в альманахе «Ярославская старина» Ярославская старина он показывает восприятие европейцев, в первую очередь выходцев из стран центральной Европы, в годы первой мировой войны местным населением. Автор подчеркивает в целом враждебное настроение местного населения по отношению к лицам, носившим немецкие фамилии и имевших немецкое или австрийское подданство. Так, в Рыбинске в 1914 году даже велась подготовка погрома черносотенной организацией. При этом автор, в духе своего времени, подчеркивает официальное одобрение этих действий со стороны властей. При этом социально-экономический аспект практически не затрагивался. В дальнейшем в 30-50-е годы эта тема не была в центре внимания местных историков, да и само краеведение переживало тяжелые времена. В 1954 году вышел коллективный труд ярославских краеведов, посвященный истории города. Рассматривался в нем и вопрос об европейских инвестициях в городскую экономику на рубеже веков. Авторы затронули вопрос о создании в Ярославле городской трамвайной сети, электростанции и предложения ряда европейских компаний, занимавшихся вопросами коммунального дела о инвестициях в городское коммунальное хозяйство. При этом их деятельность представлялась в негативном ключе, как показатель зависимости царской России от западных кредитов, как пример положения страны — полуколонии европейских государств. Безосновательны претензии авторов труда к бельгийским акционерам, якобы установивших на электростанции устаревшего оборудования и нещадной эксплуатации трамвайных путей ради прибыли. Эти вставки были необходимы как показатель слабости дореволюционной экономики и промышленности зависимости России от западных кредиторов, что вполне укладывалось в тогдашнюю историческую концепцию. В последующем данная тема

не была в центре внимания ярославских историков и краеведов. Основными направлениями в исторических исследованиях были другие темы. При этом стоит подчеркнуть, что на общероссийском уровне эта проблематика исследовалась достаточно хорошо. Ситуация стала меняться с середины 80 — х годов. Перестройка и крушение советской идеологии позволили историкам заняться изучением, которые до этого не были в центре внимания по тем или иным причинам, в том числе и региональной, краеведческой проблематикой. Так, в работе «Ярославский район: страницы истории» современные историки В. М. Марасанова и А. М. Селиванов дают уже иную оценку вкладу европейских инвесторов в ярославскую социальную и экономическую сферу. Подчеркивается значимость этих контактов как свидетельство высокого уровня развития регионов и быстрых темпов экономического роста. Подчеркивается значимость созданных предприятий для развития Ярославля и всего региона. О. С. Гожилимова, занимаясь экономикой рыбинского региона, затрагивает и вопрос о вкладе корпорации Нобелей в экономическое развитие края. Анализируя их роль в создании нефтеперерабатывающей промышленности, автор отмечает, что большой вклад внесли Нобели и в техническое оснащение промышленности и путей сообщения. А. С. Воронков в своей статье обращается к созданию в Рыбинске предшественника НПО «Сатурн» завода «Русский Рено». Его строительство было бы невозможным без французских инвестиций, ведь и первым управляющим нового предприятия стал француз Г. Шевалье. Таким образом, констатирует автор, иностранцы внесли весомый вклад в промышленное развитие края в период мировой войны. А. С. Коняев в своей работе обращается в том числе и к техническому оснащению ярославских тюремных мастерских и показывает роль иностранных фирм в их работе. Таким образом, можно отметить, что иностранные инвестиции и экономические связи были и с такими специфическими учреждениями, как тюрьма. А. Р. Хаиров, занимаясь исследованиями военной промышленности края, приводит сведения о связях с союзниками по Антанте в годы Первой мировой войны. Так, Ярославский Военно-промышленный комитет получал из Москвы в качестве технологической помощи образцы французских гранат, полученных через военную миссию союзника. Отдельно стоит отметить работы ярославских историков, которые работая в целом по общероссийской тематике затрагивали и историю данного вопроса в региональном аспекте. Так, А. М. Новоторцева в своей работе «Развитие промышленного законодательства в России в конце XIX — начале XX века» обращается в том числе и к проблемам регистрации иностранных предприятий в России на рубеже веков, используя для этого в том числе и местный материал. При этом она приходит к выводу, что, с одной стороны правительство ограничивало и жестко контролировало иностранный капитал, а с другой — иностранные компании в целом пользовались определенной свободой и политику властей по отношению к ним можно определить скорее как либеральную, чем консервативную.

С. В. Куксенко в своей диссертации обращается к роли иностранного капитала в России и приходит к выводу, что без его участия экономическое развитие России было бы невозможным и тогда страна вполне могла потерять статус великой державы. В то же время историк подчеркивает и определенную зависимость от иностранных займов, что также нельзя считать положительным явлением.

Ю. Б. Смирнова занимается вопросами историографии российского монополистического капитализма, в том числе и освещением роли европейских инвестиций. В исторической науке произошел переход от резко отрицательного восприятия иностранного капитала до признания его роли в превращении России «в среднеразвитую капиталистическую страну».

А. Д. Ковалев занимается историей ярославского трамвая и конечно вопросом о роли европейцев в его создании. Краевед подчеркивает огромную роль бельгийских предпринимателей в создании городской трамвайной сети и отвергает выводы советских историков о якобы негативной роли бельгийского капитала. Следовательно, его труд представляет собой новый взгляд на старую проблему.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что целостных работ по этой тематике не проводилось и подчеркивает необходимость дальнейших исследований, при этом имеющиеся работы ярославских историков можно использовать в дальнейших исследованиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воронков, А. С. Ярославская губерния в годы первой мировой войны [Текст] /А. С. Воронков//Путь в науку.— 2007— № 11.— С. 143— 146.
2. Гожалимова, О. С. Деятельность товарищества «Братья Нобель» в Рыбинском регионе[Текст] /О. С. Гожалимова//Путь в науку.—2004— № 9.— С.— 148—152.
3. Ковалев А. Д. На электрической тяге [Текст]/ А. Д. Ковалев. — Ярославль.,— 2005.
4. Козляков В. Н. Традиции краеведческих изданий в Ярославле (XVIII — XX века) [Текст] / В. Н. Козляков // Ярославская старина. — 1994 — № 2. — с. 3 — 12.
5. Коняев, А. В. История в историях[Текст] /А. В. Коняев — Ярославль.,— 2008.
6. Куксенко С. В. Формирование и развитие буржуазной концепции финансовой политики России во второй половине XIX — начале XX века[Текст] / С. В. Куксенко — Автореф. Дисс... кандидата исторических наук.Ярославль., — 2004.
7. Марасанова, В. М. Ярославский край в конце XIX -начале XX веков[Текст]/В. М. Марасанова.— Ярославль.,— 1995.
8. Новоторцева А. М. Проблемы иностранного и отечественного предпринимательства в российском промышленном законодательстве в конце XIX -XX века[Текст]А. М. Новоторцева // Вопросы отечественной и зарубежной истории. — 2005— С. 146— 158.
9. Смирнова Ю. Б. Российский монополистический капитал в исторической реальности и литературе. [Текст] /Ю. Б. Смирнова — Автореф. дисс. кандидата исторических наук. Ярославль., ЯрГУ — 1998.
10. Хаиров А. Р. Военная промышленность в годы Первой мировой войны.[Текст] /

А. Р. Хаиров // Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. — 2006 — № 5. — с. 5 — 30.

11. Ярославль: очерки по истории города. [Текст] — Ярославль., — 1954.

12. Ярославская старина. [Текст] — Ярославль., — 1924.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО 21 ФЕВРАЛЯ 1913 ГОДА В ЯРОСЛАВСКОЙ ВРЕМЕННО- КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Коняев А.Е.

Ярославский государственный педагогический университет

Предыстория

Института амнистии в Российской Империи не существовало вплоть до начала XX века. Вместо нее использовалось помилование — индивидуальный акт монаршей милости по отношению к преступнику, или, реже, к группе преступников. Так, Петр I даровал прощение «всем каторжным и колодникам кроме смертоубийц и разбойников» после победы над Швецией — «вследствие милости Всевышнего в войне»[1]. Это был скорее не юридический акт: «наместник Бога на земле» явил милость «по примеру» своего «небесного руководителя». «Повседневные» акты помилования тоже приурочивались к религиозным праздникам — отец Петра, Алексей Михайлович, на «двунадесятые» праздники посещал тюрьмы, раздавая заключенным в качестве милостыни до нескольких тысяч рублей (астрономическая цифра для XVII века). А вот законодательство о тюрьме упорядочить забыл: «Соборное уложение» 1649 г. формально не знало пожизненного срока заключения, однако часто применяло формулу «вкинуть в тюрьму до царева указа» — т.е. до личного распоряжения монарха о судьбе преступника [2]. Большинство «вкинутых» при тогдашней бюрократии копию государева решения получали уже в Небесной канцелярии. ...

Понятие «амнистия» начинает фигурировать в русском праве с 1905 г.: помилование становится актом верховного управления (Правительствующего Сената — в отличие от царя), издаваемым в форме указа (а не царского манифеста, как раньше) [3]. Хотя по-прежнему подобные акты осуществлялись (не считая опубликованного в экстремальных условиях Первой русской революции указа о помиловании от 21 октября 1905 г.) в связи со знаковыми событиями и юбилейными датами монаршего семейства. В. Пиккуль в яркой художественной форме описывал настроения сахалинских каторжан в начале XX века:

«Каторжане с обостренным интересом следили за приростом в доме Романовых, ибо появление наследника престола сулило новую амнистию. К сожалению, императрица Александра Федоровна родила четырех дочерей подряд,

и каторга с возмущением крыла царя на все корки:

— Да что он там не может справиться со своей Аляской? Нетто не может поднатужиться, чтобы наследника сварганить? Что же нам — так и подыхать тут, ежели у них одни девки лезут?».

А грамотные арестанты меж тем возлагали надежды на амнистию «никак не ранее 21 февраля 1913 года. Безграмотные спрашивали грамотеев:

— А что будет-то в этот день?

— Трехсотлетие царствующего дома Романовых» [4].

Место действия

В 1910-1912 гг. произошли реорганизация и переоборудование Главного помещения Ярославского исправительного арестантского отделения (по документам тех лет — «что в Коровниках») в Ярославскую временно-каторжную тюрьму. Бывшее ЯИАО существенно расширилось, купив почти 2 га прилегающих к нему частных владений; были проведены строительные и ремонтные работы «по последнему слову техники».

К. Бухарин, политический заключенный ЯВКТ: «Коровницкая тюрьма смело могла бы служить первоклассной гостиницей в любом губернском городе. Отменная чистота, прекрасная вентиляция, плиточный пол в коридорах, центральное отопление и многое, многое другое выгодно отличали эту, построенную по последнему слову науки, тюрьму, от целого ряда других тюрем, разбросанных по градам и весям царской России» [5].

Событие

21 февраля 1913 года, в связи с 300-летьем дома Романовых, опубликован манифест Николая II: «Желая достойно ознаменовать нынешний торжественный день и увековечить его в памяти народной, признали мы за благо даровать милости подданным нашим, о чем повелели Правительствующему Сенату указом, сего числа данным, объявить всенародно» [6]. В тот же день опубликован указ Сената, отражающий те же намерения царя: «В ознаменование исполнившегося ныне 300-летия со дня всенародного избрания на царство первого государя Дома Романовых, нам отрадно по завету прошлого отметить сию годовщину делами благотворения и дарованием любезным подданным нашим различных милостей, льгот и облегчений. Верный сподвижник наш в годы трудов и тяжких испытаний, да объединится с нами русский народ и в торжественный день воспоминания о предках наших — славных строителях Земли Русской» [7].

Значение документов спорно. Монархисты приветствуют: «Дана амнистия осужденным. Одним — замена смертной казни 20-летнею каторгой, другим — вообще воля: «Деяния по оскорблению Его Величества предаются забвению»» [8]. Юристы и дипломаты — выражают недоверие и опасение: «Всеми революционными организациями ожидалась от высочайшего манифеста самая широкая амнистия в отношении политических деятелей. Обнародованный же манифест не только не удовлетворил организации, но вызвал в их среде озлобление. Виновником недостаточности дарованных льгот считают исключительно

министра юстиции Щегловитова и в отношении него партией социалистов-революционеров намечается применить террор» [9].

Взгляд из тюрьмы

Манифеста ожидали с нетерпением. Находившийся в заключении в ЯВКТ арестант И.С. Опанасенко еще за месяц до знаковой даты пишет в дневнике: «23 января. Вызван в контору писарем.... Манифест ожидается (ответ на мой вопрос) 21 февраля, скидка будет, якобы, ½ наказания. О подробностях, будто бы, будет сообщено. ...По камерам новоприбывших каторжан опять ходит г. Начальник с предложениями хорошо себя вести, наверно, обещая манифест» [10]. Надзирателей же послабления арестантам коробят: сопровождающие Опанасенко в контору тюрьмы «сзади корчили рожи, наверно, потому, что слово «манифест» им режет уши. Какие они у них нежные!» [11].

Персона

Опанасенко Иван Симонович (Семенович). 1885 г.р. Из крестьян Таврической губернии. Образование высшее, до осуждения — земский учитель. «Признан виновным в изготовлении разрывных снарядов с противной государственной безопасности и общественному спокойствию целью в двух случаях и в вооруженном нападении на должностных лиц, находившихся при исполнении служебных обязанностей и сопровождавшемся убийством одного из них и ранением двух других». Приговорен к повешению, что заменено командующим войсками Одесского военного округа каторгой без срока. 12 февраля 1913 г. распоряжением Главного тюремного управления определен для отбытия наказания «в ведение ярославского губернатора» [12].

День в истории

Арестант И.С. Опанасенко:

«21 февраля, четверг.

Наконец, так нетерпеливо ожидаемый день, до которого я раньше не надеялся дожить, настал. Пасмурный день. Ходил в церковь. После обедни прочитан высочайший манифест, в котором в конце сказано, что облегчения, дарованные народу для памяти 300-летия Дома Романовых, в силу приказа поступают от Правительствующего Сената.

После молебна Начальник заходил в общие камеры для поздравления с праздником. Я без наручной пробыл всего с полчаса. Ожидая, что г-н Начальник будет в одиночках, приготовился с просьбой: В[аше] В[ысоко] Б[лагородие]! Сегодня праздник, который один может быть раз в 300 лет и в нашей жизни (даже нашим детям) таких дней не придется увидеть. И я бы желал его хоть чем-то радостным для себя запечатлеть, попраздновать в душе, а посему покорнейше прошу разрешить мне сегодня хоть 3 часа отдохнуть без ручных оков.

...Проверка была в половине девятого. И.И. К-мов (*видимо, какой-то чин тюремной администрации — Авт.*) похлопотал об отказе в кипятке. Спасибо за довершение «праздничного настроения»» [13].

Персона

Адамов Василий Николаевич, начальник Ярославской временно-каторжной тюрьмы. 1873 г.р. Обучался во Владимирской духовной семинарии, но курса не кончил — в 1895 г. согласно прошения определен на службу в канцелярию Владимирского уездного предводителя дворянства. 21 января 1897 г. получил личное дворянство, а 21 декабря 1899 г. — классный чин коллежского регистратора. 1 февраля 1900 г., согласно прошения, переведен на службу во Владимирскую казенную палату, а через год оттуда — в тюремное ведомство: стал и.о. помощника начальника Вязниковского исправительного арестантского отделения (во Владимирской губернии) с прикомандированием к Владимирскому ИАО [14]. Позднее переведен в Ярославское ИАО, где очень быстро сделал карьеру — стал помощником начальника тюрьмы. Награжден орденами Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени.

Основными причинами карьерного роста представляются крайняя сообразительность, циничный прагматизм по отношению к заключенным и умение выслужиться перед начальством. Записи распоряжений начальника ЯИАО, 1909 год:

«15 мая. № 842. Адамов заарендовал еще Сверчковскую землю (*имеется в виду прилегающий к «Коровникам» участок частной земли — «усадеб» мещанина Сверчкова. В 1910 г. куплена у него тюрьмой. — Авт.*), а у нас, кажется, не заведено еще дело».

«№ 833. Поставить Адамова в известность, что арестанты Телегинской дачи (*арендуемого тюрьмой участка городской земли, использовавшегося под тюремный огород — Авт.*) заявляли о неполучении ими заработной платы за всё время и просили выдать им чаю и сахару. Дознать, как рассчитываются арестанты на Телегинской даче» [15].

По достижении поста начальника тюрьмы: «Большой алкоголик, картежник и частично ненормальный. Его правая рука — помощник Савельев (свояк начальнику)» [16]. При этом безукоризненно выполняет все репрессивные инструкции центральных ведомств — посему посетивший «Коровники» 1 сентября 1912 г. министр юстиции Щегловитов нашел местный распорядок «обращающимся» [17].

Последствия исторического дня

Арестант Опанасенко освобожден из ЯВКТ амнистией Временного правительства 6 марта 1917 года [18]. Всё время пребывания в тюрьме характеризовался как «поведения отличного», дисциплинарных взысканий не имел. Однако от ручных кандалов освобожден прошением начальника ЯВКТ в Ярославскую губернскую тюремную инспекцию только летом 1915 г., когда выяснилось, что Опанасенко в тюрьме сделал несколько научных открытий в области физики и астрономии — и то «на время работ» [19]. Кандалы сняты полностью распоряжением ярославского губернатора только 20 апреля 1916 г., когда изобретения Опанасенко были оценены санкт-петербургской Николаевской главной физической обсерваторией [20]. Ослабления наказания по манифесту 21 февраля

1913 года так и не получил.

Впрочем, это еще не самый выдающийся пример «всемилодивейшего издевательства». В дневнике неизвестного заключенного «Коровников» 1914 года читаем проект прошения в Главное тюремное управление: «Я осужден на 10 л. каторжных работ по 1451 и 279 ст. (*предумышленное убийство родственника, т.е. чисто уголовное деяние. — Авт.*). По Высочайшему манифесту 1913 г. срок моего наказания был сокращен на 1/3. Спустя же некоторое время манифест у меня был отобран и срок восстановлен старый. Возможно, это случилось вследствие того, что я кроме этого дела судился и за второе по 102 ст. (*участие в сообществе, посягавшем на изменение в России образа правления — Авт.*), по каковому делу я приговорен к ссылке в Сибирь на поселение» [21].

Для сравнения: дело арестанта Владимирской губернской тюрьмы Каллистрата Ефремовича Мельникова. Матрос из крестьян, в 1907 г. осужден к бессрочной каторге, т.к. «признан виновным в подстрекательстве команды минного крейсера «Эмир Бухарский» к противодействию начальству с целью нарушить долг службы и оказать содействие мятежу, происходившему в то время в Свеаборге». По манифесту бессрочная каторга заменена на 20-летнюю [22]. Приговор не пересматривался.

Взгляд через 80 лет

Ричард Уортман, профессор истории, США: «Празднование оттолкнуло от царя и умеренных думских монархистов. Полное отсутствие жестов политического примирения удивило даже тех, кто был близок к нему. Амнистия, объявленная по поводу трехсотлетия, не коснулась политических заключенных, что вызвало открытую критику в либеральной прессе» [23].

Александр Степанский, доктор исторических наук, Россия: «Трехсотлетие Земского собора 1613 года праздновалось в России впервые. И организаторам торжества вряд ли приходило в голову, что первый раз окажется последним» [24].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История помилования в России. www.smolufsin.ru/main/n_040.htm;
2. Печников А.П. Тюремные учреждения Российской государства (1649 — октябрь 1917 гг.). Историческая хроника. М., 2004. С. 3;
3. История помилования в России...;
4. Пикуль В. Каторга. www.litportal.ru/genre23/author4/read/page/10/book1918.html;
5. Бухарин К. Год реакции по тюрьмам. Воспоминания // На перевале (Ярославль). 1923. Юбилейный выпуск к 25-летию РСДРП. С. 40;
6. Высочайший манифест 21 февраля 1913 года. www.nasledie.russportal.ru/index.php?id=histrus.manifest1913;
7. 300-летие Дома Романовых. www.temadnya.ru/spravka/06mar2003/2341.html;
8. www.imperator.spbnews.ru/press_arh/index.phtml?view=274;
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Ос. Отд. 1913 г. Д. 9. Л. 224;
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 338. О. 2А. Д. 86. Л. 24;

11. Там же. Л. 25;
12. ГАЯО. Ф. 338. О. 2. Д. 752. Л. 2-об., 3, 2;
13. ГАЯО. Ф. 338. О. 2А. Д. 86. Л. 34;
14. ГАЯО. Ф. 338. О. 3. Д. 1. Л. 1-об.;
15. ГАЯО. Ф. 338. О. 2А. Д. 97. Л. 40, 39;
16. Ясюкевич А. Временно-каторжная тюрьма «Коровники» // На перевале (Ярославль). 1923. Юбилейный выпуск к 25-летию РСДРП. С. 43;
17. Приговор приведен в исполнение. К 125-летию уголовно-исполнительной системы России / Авт.-сост. А.Н. Пичуев. Ярославль, 2004. С. 63;
18. ГАЯО. Ф. 338. О. 2. Д. 752. Л. 44;
19. Там же. Л. 21;
20. Там же. Л. 33, 23;
21. ГАЯО. Ф. 338. О. 2А. Д. 95. Л. 14;
22. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 705. О. 1. Д. 25. Л. 1-об., 5 — 5-об.;
23. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 124-125;
24. Степанский А. Последнее величие // Родина. 1993. № 1. С. 170.

ПЕРВЫЙ ЯРОСЛАВСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПОЛК

Самолётов И.Д.

*Ярославский государственный педагогический университет
им.К.Д. Ушинского*

Данная работа имеет высокую степень актуальности, в ней использованы до сегодняшнего дня мало известные или совсем неизвестные архивные материалы, художественные произведения по данной теме. Эта работа позволяет дать оценку событиям, происходившим в Ярославле в 1918-1919 гг., роль Советского полка накануне и в ходе городского восстания 1918 г. в Ярославле и на фронтах гражданской войны. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить историю создания и деятельности 1-ого Ярославского Советского полка.

Одной из важнейших составных частей ломки старого государственного аппарата являлась демобилизация старой армии. На территории Ярославской губернии в первые месяцы 1918 г. было расформировано 84 воинских части [1]. Первые вооружённые отряды рабочих в Ярославле организовались ещё до Октября на ЯБМ, в Главных железнодорожных мастерских, на Урочи, на заводе Щетинина.

Красная Гвардия являлась основной военной опорой Совета. Уже в январе 1918 г. на территории Ярославской губернии, как и по всей стране, началось формирование первых частей Красной Армии. Она создавалась только из рабочих и трудящихся крестьян на основе добровольчества.

В феврале 1918 г. стал формироваться 1-й Ярославский рабоче-крестьянский полк Красной Армии в здании бывшего Кадетского корпуса по Большой Московской улице (ныне Московский проспект). Полк формировался на принципе добровольной службы, ограниченной первоначально сроком в 6 месяцев. В полку состояли бывшие солдаты царской армии из крестьян и рабочих, среди них было много беженцев и бывших военнопленных австро-германской армии, мадяров, чехо-словаков [2]. Полк состоял из одного батальона 4-х ротного состава, интернациональной роты, пулемётной команды, команды связи, конной разведки, хозяйственной команды. Командный состав полка составили бывшие офицеры военного времени. Младший командирский состав — бывшие унтер-офицеры. Большинство командиров были беспартийными. Были в нем и эсеры -командир полка Иванов, адъютант полка Бринцев, а также коммунисты -начальник связи Кузнецов, заведующий хозяйством полка П.А. Смирнов, председатель полкового комитета Каптырёв, помощник командира Кирсанов. Все командиры рот являлись беспартийными [3,4]. Полк был вооружен трёхлинейными винтовками образца 1891г. и пулемётами «Максим», нёс караульную и гарнизонную службу, охранял военные склады, арсенал и тюрьму, получая пароль непосредственно у коменданта города [5]. Остававшиеся не в наряде, занимались строевой подготовкой, изучали устав, материальную часть оружия. У полка был свой клуб, который стал впоследствии называться именем Володарского и даже устав клуба [6]. Много времени отводилось развитию дисциплины в полку, за нарушение которой очень строго наказывали. С формальной стороны всё было организовано правильно. От каждого вступавшего в полк требовали подписку в том, что он состоит на «платформе» Советской власти. Этим на первых порах, по существу, и ограничивалась вся идейно-воспитательная, политическая работа. Каждый был предоставлен сам себе, и служба шла как-то самотеком. Некоторые командиры без стеснения пьянствовали, и это, конечно, не могло внушать доверие к ним бойцов[7]. Как писал Н.Ф. Доброхотов: «Боевая обстановка сплотит полк, укрепит в нём дисциплину и порядок».

Таким было морально-политическое состояние полка, когда в апреле 1918 г. он был отправлен на Южный фронт под Курск по распоряжению Всероссийской коллегии организации РККА 6 апреля во главе с командиром Стасюконисом [8, 9]. На то время Стасюконис был достаточно известной личностью. Его ладная, высокая фигура выделялась среди других. Он носил хорошо скроенный военный френч, обладал красивой осанкой, ораторскими качествами, особым умением находить нужные интонации в зависимости от особенности аудитории. Речь его всегда уверенная, убедительная. В начале апреля полку были устроены торжественные проводы на Ильинской площади. Было много речей, обещаний [10].

Но 1-й Советский полк полностью не выполнил тогда своей задачи. В полку тем временем стала формироваться вторая очередь, для отправки на фронт.

И командир был уже новый, тоже из бывших офицеров, с простой фамилией — Иванов. Конечно, до Ярославля долетали слухи о том, что в 1-м Советском полку, который был отправлен на фронт, беспокойно. Едва заняв позиции между местечком Коренево и д.Ветрянкой, и только-только вступив в соприкосновение с противником, полк по чьему-то приказу был погружён в вагоны и отправлен обратно в Курск. В Курске обстановка была тревожной. Сторонники эсера Антонова подняли в городе восстание, обстреливали здание Совета. Однако командование полка проявило полное безразличие к происходящему. Некоторые красноармейцы с оружием самовольно выскакивали из вагонов, пишет С. Дмитриев, чтобы присоединиться к небольшому отряду моряков, ведущих огонь по отряду Антонова. Первый Советский полк без приказа самовольно вернулся в Ярославль. Разместился в тех же казармах бывшего кадетского корпуса. Во главе со своим командиром Стасюконисом. И возвращение Стасюкониса в Ярославль было очевидно не случайно.

По оперативным сводкам, в ночь с 20-ого на 21 мая 1918 года Стасюконис и его подручные спровоцировали в полку выступление против Советской власти. Полк был вооружён, связи с городом не было. 1-й Советский полк выдвинул горисполкому и военкомату требования: о выделении продовольствия, выдачи нового обмундирования, выплаты денежного довольствия по фронтовым нормам [11].

Положение в Ярославле в связи с вооружённым выступлением 1-ого Советского полка было исключительно тяжёлым. Общее руководство по проведению операции по разоружению 1-ого Советского полка было возложено на комиссара Ярославского губернского коммунистического железного отряда Красной Армии тов. Горбунова с его штабом. Был разработан план ликвидации вооружённого восстания: окружить здание бывшего кадетского корпуса и разоружить полк. К 10 час. утра, то есть спустя два часа после начала реализации плана, кадетский корпус был окружён. Подразделение под командованием Стасюкониса отказалось сдаваться. Лишь командир второочередного формирования полка т.Иванов просил разрешения выйти без оружия 500 красноармейцам и детям бывших воспитанников кадетского корпуса. Около 14 час. вновь были посланы парламентёры с предложением сдаться. Опять последовал отказ. По команде был открыт сплошной круговой огонь и сопротивление было сломлено.

«Личный состав полка подлежит полной проверке,- объявил Н.Ф. Доброхотов. — Враждебных Советской власти командиров арестовать. Полк переформировать, провести разъяснительную работу и через некоторое время отправить на фронт». Красноармейцы 1-ого Советского полка стояли молча. Не было теперь слышно ни растревоженного гула, ни выкриков, ни угроз. Со всем не давно в каждом угадывались бушующие страсти, желания расправы, стихийного, неподвластного никому и ничему бунта. Теперь перед нами были усталые и опустошенные лица. О судьбе Стасюкониса, пишет И.А Гагин, — ничего не известно. Ходили разные слухи. Говорили, что он успел бежать в

самый критический момент. Кто-то передавал, что он застрелился, не выдержав поражения, поняв гибельность собственных планов и замыслов. Но бед он принёс не мало.

В самом конце мая, через неделю после мятежного выступления 1-ого Советского полка, в Ярославль прибыл нарком М.С. Кедров [12,13]. Очевидно, что он был информирован о событиях в Ярославле и лично приехал проверить ход формирования. 30 и 31 мая мною осмотрен 1-й Ярославский Советский полк Красной Армии. Последовавший приказ Кедрова был своеобразной программой воспитания молодых вооружённых сил Советской Республики. В нём нарком указывал на ошибки, недостатки, на скрытую опасность возможных в будущем рецидивов, подобных происшедшему мятежу в 1-ом Советском полку.

После июльских событий, полк не только нёс в городе гарнизонную службу, но также сформировал и отправил на фронт несколько маршевых рот. В сентябре 1918 года в 1-м Ярославском Советском полку началось комплектование двух маршевых рот усиленного состава. Отряд в составе 300 бойцов под командованием Ведерникова и его помощника А.Смирнова был погружен в вагоны на станции Ярославль. Затем, наконец-то, они добрались до правого берега Северной Двины, минуя различные трудности, затем прибыли в с.Троица. Это была уже фронтовая полоса. До января 1919 года больших боёв не было — шла разведка по фронту, устраивали рейды в тыл врага, во время которого громили его тыловые базы снабжения. Но всё это не означает, что борьба с интервентами была очень лёгкой, чем-то вроде охоты или развлечения. Конечно нет. И трудностей и опасностей было немало [14].

В начале 1919 года Советский полк был реорганизован и на его базе в Ярославском гарнизоне был создан 1-й караульный батальон. Так закончилась та боевая жизнь, которую прошёл 1-й Ярославский Советский полк.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Генкин Л.Б. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920). Ярославль, 1958, С.76
2. Гагин И.А. В пороховом дыму. Ярославль, 1986. С. 83.
3. ЦДНИ ЯО. ф.1. оп.27.д.37.л.15;
4. Генкин Л.Б.. Указ. соч.- С.80.
5. ЦДНИ ЯО. ф.1. оп.27.д.44.л.П).
6. ЦДНИ ЯО. ф.1. оп.27.д.37.л.15
7. ЦДНИ ЯО. ф.4773. оп.6.д.43. л.67; там же.д.21.л.88
8. ЦДНИ ЯО. ф.1. оп.27.д.45.л.12
9. Генкин Л.Б. Указ.соч.-С.83
10. ЦДНИ ЯО ф.1. оп.27.д.43.л.24
11. ЦДНИ ЯО ф.394. оп.5.д.85.л.185; там же ф.394. оп.5.д.26.л.55; там же д.43. л.23
12. ЦДНИ ЯО ф.1. оп.27.д.100.л.39; там же ф.4773. оп.6.д.21.л.11.
13. О Михаиле Кедрове: Воспоминания, очерки, статьи / Сост. М.А. Смирнов. М., 1988. С.24/
14. Генкин Л.Б. Указ.соч.с.87.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ ЦГРМ ПО ИЗУЧЕНИЮ АРХИТЕКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Личак Н.А.

Ярославский государственный технический университет

Существенное значение для сохранения историко-культурного наследия в начале 1920-х годов имел охват государственной службой охраны памятников обширной зоны к северу и востоку от Москвы — Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерний. На данной территории находились пользовавшиеся заслуженной репутацией музеи, богатые старинные помещичьи усадьбы, отражавшие характерные черты русской дворянской культуры конца XVIII-первой половины XIX вв., многочисленные постройки XII-XVIII вв. — жилые дома, церкви, монастыри, уникальные свидетели расцвета Владимиро-Суздальской Руси, Московского великого княжества.

Именно поэтому в районе Верхнего Поволжья изначально уделялось равное внимание как движимым памятникам — разнообразным художественным произведениям, реликвиям прошлого, так и памятникам недвижимым, доминировавшим в этих пяти губерниях, практически не затронутых событиями гражданской войны. Большое воздействие на возникновение такого подхода оказала и близость Москвы, где трудились известные отечественные искусствоведы — специалисты по древнерусской живописи и архитектуре, и две комплексные научные экспедиции под руководством И.Э.Грабаря, проведенные Всероссийским отделом по делам музеев и охране памятников.

Одним из основных направлений деятельности органов культуры, поставленных охранять историческое наследие, находившееся на грани выживания в начале 1920-х годов, было изучение и обоснование исторической ценности памятников. Главную тяжесть этой работы взяли на себя сотрудники Центральных государственных реставрационных мастерских и работники филиалов на местах.

С 1918 г. комиссиями по охране памятников были начаты исследовательские работы по изучению архитектурных и художественных особенностей древнерусских памятников. Возможности исследовать особенности тех или иных архитектурных памятников появлялись во время экспедиций.

Так, первая экспедиция, Владимирская, была организована в августе 1918 г. В ней приняли участие историки искусства А.П.Анисимов, В.Т.Георгиевский, реставраторы Г.О.Чириков, И.А. Баранов, В.Е.Горохов, архитекторы Н.Б.Бакланов и В.П.Михайлов. Данная экспедиция оказала необходимую помощь в налаживании работы губернских органов охраны, уточнила их первостепенные нужды, приняла соответствующие меры для организации реставрационных мастерских[2].

Владимирский комитет (затем — комиссия, губернский подотдел[2]) по охране памятников старины и искусства был создан в мае 1918 г.

12 декабря 1918 г. губернский съезд по народному образованию санкционировал формирование уездных подотделов по делам музеев и охране памятников. А уже в июне 1919 г. они действовали в Мстере, Переславле, Муроме, Юрьеве, Суздале, Вязниках, а в города Александров, Гороховец, Ковров и Покровск были назначены специальные агенты. Состоявшийся в начале июля 1919 г. Владимирский губернский съезд по делам музеев и охране памятников принял решения, направленные на координацию действий только что учрежденных местных организаций, утверждение единой научной методики, широкое использование средств пропаганды среди населения для воспитания бережного отношения к историко-культурному наследию[2].

Организационное строительство в рамках рассматриваемого периода стало возможным только благодаря максимальному использованию научных сил губернии. Оно оправдало себя, позволив сразу же охватить охраной все движимые и недвижимые памятники искусства и старины.

К весне 1919 г. под защитой государства находились такие всемирно известные памятники древнерусского зодчества, как Дмитровский и Успенский соборы, Золотые ворота во Владимире, церковь Покрова на Нерли, палаты Андрея Боголюбского в Боголюбове и другие. А к концу 1920 г. количество зарегистрированных, то есть охраняемых памятников гражданской и культовой архитектуры во Владимирской губернии достигло тридцати четырех, в том числе четыре гражданских и десять — церковного зодчества XII-XVII вв. В 1920 году количество зарегистрированных монументальных памятников дошло до сорока четырех. Столь же действенные меры предпринимались и по отношению к ценным в научном отношении частным художественно-историческим собраниям. Только в 1919 г. губподотдел национализировал самые крупные коллекции: Сенькова и Демидова в Вязниках; Беднякова, Овсянникова и Ганшина в Юрьеве, а также в двенадцати бывших помещичьих усадьбах. Все это в совокупности дало около четырех тысяч уникальных экспонатов, вскоре сконцентрированных в губернском музейном фонде. Затем сотрудники губподотдела провели тщательное обследование всех без исключения имений и церквей. В результате к концу 1920 г. стало возможным открыть семь музеев — во Владимире, Муроме, Вязниках, Переславле, Александрове, Меленках, Юрьеве, заложить основу еще четырех[2].

В течение 1920-1921 гг. во Владимирской губернии было обследовано семь усадеб, пятнадцать монастырей, пятьдесят две церкви и одно частное собрание (Полянского в г. Коврове) с целью обеспечить надлежащей охраной ценнейшие памятники культуры. К концу 1922 года на учете музейных органов состояло шестьдесят памятников культуры, семь — гражданских и пятьдесят три — церковно-архитектурных[2].

Губернское управление по делам музеев (губмузей) не только составило подробную перепись всех памятников — древних владимирских соборов, являющихся гордостью древнерусского искусства, но и начало работы по их ре-

ставрации в самом Владимире, а также Суздале, Юрьеве-Польском, Муроме.

Третьим городом, после обследования Петербурга и Владимира, в деле сохранения и восстановления памятников искусства и старины стал Ярославль, в частности, Спасо-Преображенский монастырь. Сотрудники ЦГРМ и Ярославского отделения реставрационной комиссии с августа 1918 г. приступили к работам по консервации, а затем и реставрации монастыря[1].

В 1918 году Музейный отдел Народного Комиссариата Просвещения организовал ярославскую реставрационную комиссию. Руководство осуществлялось архитектором П.Д.Барановским через Центральные государственные реставрационные мастерские. Ярославское отделение Центральных государственных мастерских было организовано «... в виду необходимости восстановления архитектурных памятников города, поврежденных во время белогвардейского мятежа 1918 года»[4].

Основной задачей специальной комиссии ЯО ЦГРМ являлась организация и практическое осуществление работ по ремонту и восстановлению памятников архитектуры и связанных с ними памятников живописи Ярославля в соответствии с научными принципами и методами. В это же время местное отделение проводило по особым заданиям Центральных мастерских и работы по ремонту и реставрации памятников искусства и старины на территории Ярославской губернии[5].

В 1923 г. ярославский губисполком передал в ведение реставрационной комиссии около 40 владений: две древние церкви с домами в оградах; монастыри — Спасский, Афанасьевский, Толгский; дома — бывший Соборный XVII века, дом на Любимской улице, 93 — XVII века (бывший Ивановых), корпус присутственных мест, где помещался музей (начало XIX века), дом Духовной консистории у Американского моста и из старых торговых рядов — Ротонду[5].

Аналогичными методами вел свою работу и Тверской губподотдел, учрежденный 28 декабря 1918 г.[6]. Ремонт, восстановление, переделки и использование памятников зодчества могли производиться только по соглашению с губмузеем [6]. Путевой дворец в Твери — памятник отечественной архитектуры конца XVIII — начала XIX в. — был взят под охрану государства в январе 1919 г.

Подводя итоги, отметим, что с осени 1918 года начался новый этап в политике государства по охране культурного наследия. Силами специалистов и энтузиастов были созданы комиссии по обследованию и фиксации памятников истории и культуры, как в столице страны, так и на местах. Однако данный процесс был затруднен в связи с ограниченностью денежных поступлений. Не имея возможности вести работы по всем нуждающимся в ремонте памятникам, мастерские определяли те, которым это было необходимо в первую очередь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАЯО. Ф.Р. — 1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

2. ГАВО. Ф.Р. — 1826. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

3. Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции //

Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 68.

4. Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 июля.

5. Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И.И.Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. — С. 2.

6. ГАТО. Ф.Р. 488. Оп. 5. Д. 20. Л. 88.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО СПАСЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ г. ЯРОСЛАВЛЯ В 1920—1930-х ГОДАХ

Личак Н.А.

Ярославский государственный технический университет

Ярославль всегда принадлежал к числу древнейших русских городов, являвшихся сосредоточием большого количества памятников культуры прошлого, богатейшей сокровищницей древнерусского искусства. Трудно представить, что большинство древних зданий в центре Ярославля могли не сохраниться до наших дней.

Памятники искусства и старины, которые находились до Октября 1917 года в руках церкви или частных лиц в Ярославле, после революции стали достоянием народа при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах[1]. Напряженные уличные бои и пожары в период белогвардейского мятежа летом 1918 года привели к массовым разрушениям жилых и торговых кварталов центра города[2].

Обеспокоенный за судьбу исторических зданий, отдел охраны памятников Комиссариата имущества Республики спешно, через несколько дней после подавления мятежа направил в Ярославль для обследования памятников художника А.П.Хотулева, который в отчетном докладе составил подробный список разрушений.

В 1918 году Музейным отделом Народного Комиссариата Просвещения была организована ярославская реставрационная комиссия. Руководство осуществлялось через Центральные государственные реставрационные мастерские П.Д.Барановским[3].

4-5 августа 1918 года архитектор П.Д.Барановский составил список, включивший в себя 24 памятника архитектуры, требующих безотлагательного ремонта. В числе разрушенных зданий упоминаются лишь находившиеся на территории действия белогвардейских отрядов, то есть памятники в районе Стрелки, по берегу Которосли до церкви Николы Мокрого, а также здания в центре города и на волжском берегу[4].

В Ярославле были приняты срочные меры по спасению ценнейших па-

мятников архитектуры, вследствие того, что им был причинен огромный ущерб.

Основной задачей ярославского отделения Централъных государственных реставрационных мастерских являлась организация и практическое осуществление работ по ремонту и реставрации памятников архитектуры, а также связанных с ними памятников живописи Ярославля на основе научных принципов и методов, выработанных ЦГРМ. В это же время ярославское отделение осуществляло по особым заданиям Централъных мастерских и работы по ремонту и реставрации памятников искусства и старины на территории Ярославской губернии.

В начале 1919 г. ярославская реставрационная комиссия начала большую планомерную работу по капитальному ремонту сооружений и выведению их из аварийного состояния. По историко-художественной ценности и степени разрушения около 40 памятников Ярославля были разделены на 3 категории, причем даже по наиболее значительным из них первоочередными были лишь консервационные (укрепительные) работы, не претендующие на глубокую научную реставрацию[5]. Одновременно с реставрацией памятников архитектуры велось раскрытие живописи.

С 1921 г. система органов охраны памятников искусства и старины претерпевает изменения. Так, в 1921/1922 годах Советское правительство вынуждено было резко сократить денежные ассигнования в рамках деятельности Наркомата Просвещения в сфере охраны памятников. Ремонтно-реставрационные работы, начатые в Ярославле ранее, прекратились. Финансирование восстановительных мероприятий большинства памятников искусства и старины было решено производить с помощью средств из местного бюджета.

В 1922 г. было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР (Главнаука). В ведении Главнауки сосредоточились все учреждения, связанные с организацией охраны, разработкой методик изучения памятников старины и пропагандистской работой. В отдел Главнауки входили: Отдел по делам музеев и охраны памятников, РАИМК, Централъные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), музеи, Централъное бюро краеведения (ЦБК), музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде.

В этот же момент происходит реорганизация охраны памятников на местах. При отделах народного образования создаются губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузеи). Их функции по сравнению с подотделами, существовавшими прежде, были значительно расширены. Наряду с учетом памятников на губмузеи возлагалось производство археологических раскопок и реставрационных работ, организация художественно-исторических заповедников, популяризация памятников (устройство выставок, лекций, экскурсий, т.д.) [6].

Постановление СНК РСФСР от 12 апреля 1923 г. разрешило Наркомпросу

иметь специальные средства, получаемые от входной платы, продажи изданий, эксплуатации земельных участков и строений. Охрана самых ценных памятников искусства и старины финансировались из государственного бюджета [7]. Круг исторических объектов в Ярославле, отреставрированных и учтенных, с 1923 г. значительно расширился [8].

Судьба памятников, рассредоточенных по различным ведомствам, в 1925-1927 гг. перешла в руки людей, в силу характера своей деятельности далеких от этих проблем, не понимавших зачастую значения охранных мероприятий. Хотя законы об охране памятников, принятые правительством, были направлены на пресечение попыток уничтожения культурных ценностей прошлого.

К середине 1920-х годов ЦГРМ стали крупным научно-методическим и производственным центром охраны памятников. Наделенные контрольными и производственными функциями, они в то же время разрабатывали новейшие принципы учета, консервации, реставрации памятников. В ученом совете ЦГРМ, возглавлявшихся И.Э.Грабарем, работали известные специалисты. Частичным научным обобщением реставрационных работ за 10 лет после Октября явились сборники, изданные ЦГРМ в 1926 и 1928 годах[9].

В 1928 году Мастерские разработали «Схему распределения памятников архитектуры на категории» [10], в связи с которой осуществлялась работа по реконструкции советских городов, обсуждение проблемы роли и места памятников прошлого в будущем социалистическом городе [11].

Таким образом, становление органов охраны памятников в 1920-х годах в столице и на местах, развитие законодательства явились первыми шагами Советского государства в деле культурного строительства. Между тем система охраны памятников, созданная в начале 1920-х годов, постепенно распалась. В 1930 году был ликвидирован Отдел по делам музеев и охраны памятников, в 1934 году закрыты ЦГРМ. Охрана памятников перешла в ведение музеев, однако, ни юридическими полномочиями, ни финансовыми возможностями для этого они не были обеспечены.

При всех затруднениях, связанных с ограниченностью финансирования восстановительных работ, нельзя не отметить, что все намеченные мероприятия по сохранению объектов культурного наследия ярославскими реставрационными мастерскими были выполнены в полном объеме. Не имея возможности вести работы по всем нуждающимся в ремонте памятникам искусства и старины города, мастерские определяли те здания и иконы, реставрация которых была необходима в первую очередь.

В Ярославле отмечен наибольший круг объектов, по которым был произведен капитальный или поддерживающий ремонт. Была произведена реставрация таких памятников как Богородской и Угличской башень, стен Спасского монастыря, дома Иванова, церкви Петра и Павла на Волге, дома купцов Лоп-

тиных, дома купцов Сорокиных в Ярославле.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Добровольская Э.Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля 1918-1921// Краеведческие записки. 1960. Вып. 4. С. 172.
2. Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 июля.
3. Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И.И.Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 1.
4. См.: Добровольская Э.Д. Указ. соч. С. 173.
5. Там же. С. 173.
6. ГАЯО. Ф.Р. — 1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
7. Чивилихин В. Память. М. 1983. С. 376-377.
8. См.: Добровольская Э.Д. Указ. соч. С. 174.
9. Там же. С. 174.
10. Там же. С. 175.
11. ГАЯО. Ф.Р. — 1401. Оп. 1. Д. 30. Л.32.

ПРИЗЫВНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ (1938—1940 гг.)

Гурьянчик В.Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Надвигавшаяся опасность второй мировой войны заставляло военнополитическое руководство СССР принимать ряд мер по повышению обороноспособности страны и укреплению армии. Советское военное командование понимало, что надвигавшаяся война неминуемо станет широкомасштабной и потребует значительных людских ресурсов.

Согласно мобилизационного плана на воинском учете состояли военнообязанные четырнадцать возрастов (1905-1918 гг.) общей численностью около 10 млн. человек. Однако по данным Наркомата обороны на май 1940 года из общего числа военнообязанных 3,2 млн. не имели военной подготовки, что составляло более 30% от общего количества состоящих на воинском учете [1].

Руководствуясь указаниями Главного военного совета РККА (протокол заседания № 17 от 26-31июля 1938 г.) военкоматы не призывали на военную службу в Красную Армию, а зачисляли во вневойсковики «допризывников, судившихся и осужденных за тяжчайшие преступления перед Родиной, являющиеся социально опасными, а также состоящих под следствием за эти преступления»[2]. Допризывники, родители и родственники которых были репрес-

сированы за контрреволюционные и шпионско-вредительскую работу, а также допризывники, которые сами или их родители были сосланы или высланы, но к моменту призыва были восстановлены в правах, призывались и направлялись в специальные команды. Всего по призывам 1934-1938 гг. по политикоморальным соображениям во вневойсковики было зачислено 783935 человек. Для сравнения численность вооруженных сил Франции к лету 1939 года составляла около 1005 тыс. человек.

Еще одним показателем, по которому можно судить об уровне подготовки военнослужащих, является их образовательный уровень. В официальной военно-политической пропаганде утверждалось, что «Красная Армия к своей XX годовщине пришла как армия сплошной грамотности, в ее рядах нет ни одного неграмотного человека. Почти половина бойцов, а в некоторых частях и больше имеет образование за 6-7 классов средней школы. Значительная часть бойцов имеет законченное среднее и высшее образование»[3]. Конечно улучшение в области образования были значительными. Так согласно данным о составе призывников в 1938 году в ПриВО 32,8% — молодые люди с образованием 7-10 классов (в 1937 г. — 23,7%), призывники с образованием не ниже 5 классов составляли 54,4% от общей численности [4].

На этом фоне не безынтересно будет рассмотреть вопрос о подготовке призывников в Ярославской области. Как отмечалось на заседании бюро обкома ВКП (б) Ярославской области (протокол № 79 от 21 января 1939 г.), во время призыва в 1938 году явка призывников составила 100%, из них годными к строевой службе 86%. Среди призванных в ряды РККА 694 человека с высшим образованием, 2285 человек с неполным средним. Вместе с тем 81 человек явились неграмотными и 2059 — малограмотными, из которых в кадры РККА направлено 795 человек [5]. Что касается отбора призывников по политикоморальным соображениям, то в обращении Обкома ВКП (б) секретарям райкомов говорилось: «Провести тщательную проверку материалов характеризующих социально-политическое лицо призывников, с тем, чтобы не допустить в ряды РККА враждебно настроенных, антисоветских и морально-неустойчивых элементов» [6].

Улучшить качественный и количественный состав призывных контингентов должен был принятый Верховным Советом СССР в 1939 году закон о всеобщей воинской обязанности. Согласно этому закону все мужчины — граждане СССР без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны проходить военную службу в составе Вооруженных Сил СССР. Призывной возраст был установлен 19 лет, а для окончивших среднюю школу — 18 лет [7]. По данному закону путь в Красную Армию был открыт для всех мужчин призывного возраста. Но уже 2 сентября во все военные комиссариаты была отправлена телеграмма (с шифром «Совершенно секретно») № 117843 за подписью наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова, в которой военкомам предписывалось «перед призывом и в период призыва тщательно изучать каждого призывника

с тем, чтобы ни один враг народа не смог проникнуть в ряды Красной Армии, Военно-Морской Флот и Войск НКВД». В телеграмме также указывалось, что призывников, которые проживали ранее за границей, а также имеющих родственников, осужденных за контрреволюционную и шпионско-вредительскую деятельность в кадры РККА направлять только по согласованию с органами НКВД [8]. На местах эта телеграмма была воспринята как руководство к действию.

По итогам призыва только по Ярославской области в 1939 году по политико-моральным соображениям было зачислено в запас 2 категории 732 человека, что составляло 3,3% от общего числа призывников (всего призвали 19268 человек) [9]. Если взять число отсеянных по политико-моральным причинам в масштабе округа, то, например, в ЗакВО она составляла 5,1%, а в СКВО — 7,6%.

Естественно, что такой процент отсева не мог не беспокоить военное руководство страны. Поэтому 1 октября 1939 года НКО СССР отправил в военкоматы телеграмму за № 75996с, в которой отмечалось, что «отдельные военкоматы допускают безобразно большой процент отсева призывников по политико-моральным причинам» и предлагалось пересмотреть призывников, отсеянных по этим причинам [10].

Что же касается образовательного уровня, то по итогам призыва в Ярославской области в 1939 г. в кадры РККА было направлено 6273 человека с высшим, полным средним и с образованием 7-9 классов. Это составляло 32,5% от общего количества призванного контингента. Вместе с тем на заседании бюро обкома ВКП (б) Ярославской области (протокол № 155 от 21 ноября 1939 г.) отмечалось, что на призыв явилось 57 человек совершенно неграмотных и 1436 — малограмотных [11]. Хотя по сравнению с 1938 г. прогресс в этом вопросе явно виден. В целом итоги призыва граждан в 1939 году по Ярославской области представлены в табл. 1.

И все же до начала войны работа военкоматов Ярославской области по подготовке и призыву в Красную Армию не была налажена должным образом. Об этом свидетельствует директива Начальника штаба МВО № 14133 от 27 апреля 1940 г., в которой отмечалась плохая работа военкоматов области по подготовке к призыву 1940 г. На 15 марта этого года было оформлено лишь 58,4% личных дел призывников, а изучено только 46,2% призывников [13]. Это заставляло военкоматы и органы НКВД улучшить работу по изучению призывных контингентов. И в ходе очередного призыва 1940 года в центр докладывали о пресечении попыток проникновения в ряды РККА классово-чуждых элементов с описанием каждого факта [14].

Однако, несмотря на имеющиеся успехи, к началу войны все-таки не удалось в полной мере наладить качественную подготовку призывников, что, в конечном счете, выразилось в поражениях Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны.

Таблица 1.

Итоги призыва 1939 г. по Ярославской области [12]

Результаты призыва	Количество призывников	В% от общего количества
Подлежало явке	22263	
Явилось и освидетельствовано	22373	
Из них зачислено в кадр:		
а) годных к строевой службе	18365	82,1
б) годных к нестроевой службе	903	4
<i>ИТОГО:</i>	<i>19268</i>	<i>86,1</i>
Зачислено в запас 2 категории:		
- по состоянию здоровья	568	2,5
- по семейно-имуществ. положению	472	2,1
- по политико-моральным соображениям	732	3,3
<i>ИТОГО:</i>	<i>1772</i>	<i>7,9</i>
Предоставлено отсрочек по болезни	721	3,3
Признано негодными	612	2,7
ВСЕГО:	22373	100
В числе принятых в кадр:		
- членов и кандидатов ВКП(б)	462	
- членов ВЛКСМ	6 747	
- прошли допризывную подготовку	5 300	
- с высшим образованием	229	
- с полным средним образованием	2388	
- с 9-7 классов	3656	

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Градосельский В.В. Комплектование Красной Армии рядовым и сержантским составом в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С.7.
2. Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф.9, оп.29, д.410, л.487-488.
3. Партийно-политическая работа в РККА. 1938. № 3. С.38.
4. Партийно-политическая работа в РККА. 1939. № 1. С.28.
5. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее — ЦДНИ ЯО), ф.272, оп.223, д.1172, л.5.
6. Там же, д.1443, л.16-17.
7. Закон о всеобщей воинской обязанности/ Принят IV-й сессией Верховного совета СССР 1 сентября 1939 г.// Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32. С.6-39.
8. РГВА, ф.9, оп.29, д.410, л. 466-467.
9. ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп.223, д.1443, л.14.
- 10.РГВА, ф.9, оп. 29, д. 410, л.532.
- 11.ЦДНИ ЯО, ф.272, оп.223, д.1248, л.9.
- 12.Составлено по: ЦДНИ ЯО, ф.272, оп.223, д.1248, 1443.
- 13.РГВА, ф.9, оп. 29, д.1764, л.127-128.
- 14.РГВА, ф.9, оп. 29, д.1761, л.18.

ПО ПРОШЛОМУ ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО ЗАТОПЛЕННЫМ ГОРОДАМ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Ерохин В.И.

*Угличский государственный историко-архитектурный
и художественный музей (УГИАХМ)*

Историко-культурное наследие территорий, затопленных водами верхне-волжских водохранилищ, исчезло с лица земли, но, несмотря на огромные утраты, память о нём существует и позволяет нам представить историю и вид этих берегов, значение и роль этих мест в формировании русской нации, государственности и культуры.

Проблемами природы и экологии, возникшими в результате создания водохранилищ буквально с первых лет стали заниматься Институт Внутренних Вод АН СССР в Борке Ярославском (первоначально стационар и станция АН СССР), Дарвинский Государственный Заповедник в Борке «Дарвинском» Вологодской области и другие научные учреждения, то вопросы, проблематика утраченного историко-культурного наследия долгие десятилетия была почти закрыта для исследований и тем более для публикаций, вероятно, потому, что практически сразу стало ясно, какой непомерной ценой и утратами историко-культурных ценностей досталось создание искусственных морей.

Разработку этой темы первыми начали музейные работники Рыбинска, поскольку их местность оказалась в эпицентре волжской трагедии. В Рыбинске сосредоточилась и немалая часть документов и материалов по проблеме. Эта работа, этапами которой были научные конференции, круглые столы, создание и встречи Мологского землячества, выпуск сборников, монографий, создание выставок и фильмов, экспедиции на выходившие из воды в 1990-е гг. руины города — увенчалась открытием «Музея Мологского края», посвящённого истории и наследию затопленных территорий. Здесь уместно вспомнить, к великому сожалению, рано ушедшего из жизни, неутомимого собирателя мологской истории Н.М. Алексеева, первого заведующего «Музеем Мологского края». Проблемами истории и культуры затопленных территорий занимались в 1990-е гг. сотрудники музеев и краеведы Конакова, Калязина, Углича, Мышкина, Весёгонска, Череповца, городов Средней и Нижней Волги.

С накоплением материала и осмыслением проблем возник вопрос и необходимость популярных публикаций для широкого круга читателей, туристов, тем более, что Волга, особенно в её верхнем течении является одним из самых оживлённых маршрутов российского и мирового туризма. Стало очевидно, что без знаний об утраченном невозможно правильно и целостно представить историю волжских берегов, а, стало быть, и России.

Наверное, в силу тех обстоятельств, что Углич ещё с XIX в. встроен в систе-

му волжского туризма и с конца 1960-х гг. — в маршрут «Золотое кольцо», являясь одним из главных центров этой системы, и самым крупным по количеству швартовок теплоходов городом на Волге (так, в 2008 г., их было около 1200, а 5 августа зафиксирован своеобразный рекорд — 22 теплохода), в Угличе накоплен большой опыт по выпуску путеводителей, альбомов, буклетов для туристов.

Любому делу предшествуют первые шаги и некоторая предварительная работа. Мне тоже пришлось поработать в этом жанре, а тема была знакома и по утратам Угличского водохранилища и Волгостроя в Угличе. Имелся собственный опыт создания фотоальбомов и путеводителей по Угличу, где затрагивалась проблема потерь культурных ценностей. Вероятно, в силу этих обстоятельств мне пришлось заняться подготовкой первых популярных изданий по данной теме, рассчитанных на туристов.

Первые издания были подготовлены по заказу рыбинского издательства ООО «Формат-Принт». Это были небольшие альбомы на трёх и на двух языках под общим брэндом «Русская Атлантида». Их объём составлял соответственно всего 34 и 48 полос. К сожалению, ограниченные полиграфические параметры, несинхронизированные тексты на нескольких языках (в первом случае на русском, английском и французском, во втором — на русском и английском языках) не позволяли достаточно полно, а главное — в соответствии с маршрутной структурой, представить тему.

Следующим шагом было репринтное издание в ООО «Формат-Принт» труда ярославского краеведа второй половины XIX в. К.Д. Головищикова «Город Молога и его историческое прошлое». Издатели не ограничились воспроизведением труда известного краеведа. Для введения работы в современный историографический контекст дополнили его вступлением, биографией К.Д. Головищикова, комментариями, необходимыми уже и потому, что город исчез с лица земли, добавили к изданию два плана города и 40 репродукций с фотографий начала XX в., соединив два источника, два вида информации об утраченном, сделав этот труд доступным для исследователей и читателей, поскольку он является и памятником погибшему городу, а также интересным историческим источником, зафиксировавшим состояние Мологи за несколько десятилетий до гибели.

И, наконец, была работа над большим издательским проектом НПО «Са-турн» «Молога. Земля и море». Это большой фотоальбом, объёмом в 300 страниц, содержащий около 380-ти иллюстраций, рисунков, старых и современных фотографий, в т.ч. сделанных методом аэрофотосъёмки, и включающий главы с пространными очерками, посвящёнными природе и экологии, истории, культурно-историческому наследию, известным людям и судьбе края в XX в. В авторский коллектив входили: В.А. Гречухин, В.И. Ерохин, Л.М. Иванов, фотоработы выполнял С.И. Метелица, макетированием занимался В.Н. Репин, научным консультантом был Н.М. Алексеев. В итоге получился масштабный труд, целостно представляющий образ территории с трагической судьбой. Мне пришлось работать над разделом об историко-культурном наследию, что впол-

не сопрягалось с темами выпущенных ранее альбомов и задуманного путеводителя «Города под водой».

Небольшие разделы, рассказывающие об утратах, связанных с Волгостроем и созданием Угличского водохранилища, включены в мои путеводители и альбомы по Угличу, вышедшие в последние годы.

Работа над этими изданиями позволила приобрести необходимый опыт, найти методику и выработать подходы для популярного освещения этой интересной и необычной темы, создать «классический» путеводитель по маршруту. Стало понятным, что такой путеводитель должен быть издан на одном языке, материал расположен в соответствии с маршрутом и по принципу «есть-было» и «было-стало», дополнен планами и картами с описанием путей, предостережениями от возможных опасностей. Это должно быть не очень большое и не слишком дорогое по стоимости массовое издание, приблизительно в 2,5 раза по объёму текста и количеству фотосюжетов превышающее последний выпуск «Русской Атлантиды». Особые требования возникли к построению и содержанию изобразительного ряда.

Следует отметить, что роль фотографий в современных изданиях для туристов в освещении маршрутов и объектов существенно возросла. Путеводители и буклеты превратились в фотопутеводители, а фотографии — в почти равноправных авторов книг. В настоящем случае это актуально вдвойне, поскольку речь идёт об утраченных памятниках, которые и можно представить только по фотографиям. Пришлось заняться выявлением старых фотографий городов и памятников архитектуры в верхневолжских музеях, а также фотоматериалов, характеризующих процесс разрушения и утрат на 600-километровом маршруте от Конакова до Череповца и Весьегонска и фотосъёмкой мест, где они когда-то находились. Современная съёмка осуществлялась по возможности с тех же ракурсов, что и снимки, сделанные на рубеже XIX — XX вв., а также с мест, наиболее удобных и принятых для осмотра, чтобы старые и новые изображения корреспондировались в восприятии читателя и путешественника. На всех новых снимках на первом плане обязательно присутствует вода для создания общего образа.

В 2006-2007 гг. пришлось дважды объехать для фотосъёмки и описания намеченный маршрут и провести фотографирование с лодок, катеров, мостов. Мосты, к которым сходятся многие приволжские дороги, являются своеобразными вехами и обзорными площадками для путешествующих. Мотив волжских мостов проходит рефреном в построении изобразительного ряда.

Блок фотографий в разделах по водохранилищам и городам строится по следующей схеме: вид гидроузла, пейзаж водохранилища, план города с обозначением зоны затопления, старые фотографии — панорамы города с реки, главный городской собор, торговая площадь, 3-4 вида храмов (монастырей) и главных улиц, икона почитаемого святого, фотографии руин 1930-х гг., современный вид города или месторасположения памятника, его останки, и в заключении блока — поклонный крест или часовня на берегу и карта-схема маршрута к объектам. Для привлекательной подачи многочисленных широких

волжских пейзажей, старых фотографий, размещения планов и карт наиболее подходит близкий к журнальному формат книги. Из-за протяжённости маршрутов и обилия утраченных объектов, богатой истории книга могла бы получиться очень большого объёма. Поэтому текст включает краткие исторические справки, литературные экскурсы, статистику утрат, образно-архитектурные характеристики утраченных памятников и ансамблей, параметры водохранилищ, гидроузлов и при всей краткости создаёт целостную картину «виртуальной реальности» волжских берегов.

Полагаю, выход этого издания позволит до широкого круга читателей, туристов страницы непростой истории великой реки и, возможно, побудит историков и краеведов Средней и Нижней Волги к популярному освещению настоящей темы. Необходимость в этом существует, поскольку и в тех районах многое сгинуло в водах искусственных морей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ерохин, В.И. Русская Атлантида. Путеводитель по Верхней Волге. Фотоальбом. / В.И. Ерохин. — Рыбинск, ООО «Формат-Принт», 2001. — 33 с.
2. Он же. Русская Атлантида. Путеводитель по затопленным городам Верхней Волги. Фотоальбом. / В.И. Ерохин. — Рыбинск, ООО «Формат-Принт», 2005. — 48 с.
3. Головщиков, К.Д. Город Молога и его историческое прошлое (Ярославская губерния). / К.Д. Головщиков. — Рыбинск: ООО «Формат-Принт», 2005. — 176 с.
4. Молога. Земля и море. / Авт.-сост. В.А. Гречухин, В.И. Ерохин, Л.М. Иванов. — Рыбинск: Изд-во «Рыбинский Дом печати», 2007. — 304 с.
5. Ерохин, В.И. Открытка из прошлого. Углич в почтовой открытке конца XIX — начала XX вв./ В.И. Ерохин. — М.: Изд-во «Сев. паломник», 2003. — 112 с.
6. Он же. Углич: иллюстрированный путеводитель по городу и окрестностям. / В.И. Ерохин. — М.: Изд-во «Сев. паломник», 2002. — 248 с.
7. Углич. Дыхание веков. Фотоальбом. / Авт.-сост. В.И. Ерохин, С.В. Кистенёва. — М.: ООО Изд-во «Планета», 2007. — 168 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Акаева И.Б.

*Российская международная академия туризма
Ярославский филиал*

Туризм как социально-экономическое явление требует надежного правового регулирования.

Субъектами предпринимательства в сфере туризма в Российской Федерации выступают туристские организации и граждане — индивидуальные предприниматели. На них полностью распространяется гражданское законодательство, специ-

альные нормативные правовые акты о туризме, а также акты, составляющие предмет предпринимательского права и коммерческого (торгового) права, являющиеся частями гражданского права. Предпринимательские отношения тесно связаны с другими, не имеющими непосредственной цели извлечения прибыли. В частности, такие отношения складываются при осуществлении деятельности организационно-имущественного характера по созданию и прекращению препятствий, получению лицензий, сертификатов и в ряде других случаев. Такая хозяйственная деятельность носит некоммерческий характер, но создает основу, а иногда является необходимым условием, предпосылкой будущей предпринимательской деятельности.

Особенностями предпринимательской деятельности в туризме обусловлено множество факторов взаимоотношений практически во всех сферах деятельности от организации туров до обеспечения безопасности жизни туристов. Эта деятельность закреплена государственными актами.

Государственное регулирование в сфере туризма заключается в установлении общих правил осуществления различных видов предпринимательской и иной хозяйственной деятельности в сфере туризма и туристской индустрии, порядка и правил осуществления контроля и надзора; разработку и нормативное введение технического регулирования в сфере туристской индустрии.

Деятельность туристских организаций-туроператоров начинается с подтверждения их правоспособности — регистрации в Едином федеральном реестре туроператоров и банковской гарантии исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта либо договора страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта.

Важнейшими способами государственного регулирования сферы туризма являются:

- установление общих правил осуществления различных видов предпринимательской и иной хозяйственной деятельности в сфере туризма и туристской индустрии, порядка и правил осуществления контроля и надзора; разработку и нормативное введение технического регулирования в сфере туристской индустрии;

- защиту прав и интересов туристов, организаторов туризма, исполнителей туристских услуг и туристского продукта, обеспечение их безопасности, а также сохранности их имущества;

- создание прогрессивных методов регулирования туристской деятельности, в том числе индикативного планирования, стандартизации и классификации услуг и объектов в туристской индустрии, создание и внедрение современных систем управления качеством туристского продукта и туристскими ресурсами;

- формирование основ деятельности саморегулируемых общественных организаций и широкое привлечение их к регулированию отношений в сфере туризма на местном уровне;

- установление правил въезда в государство, выезда из государства и пребывания на его территории граждан с учетом интересов развития туризма;

создание благоприятных условий для инвестиций в сферу туризма, прежде всего средств отечественных предпринимателей;

налоговое и таможенное регулирование туристской деятельности и установление преференций для туристов; гармонизацию и установление облегченных валютных (фискальных), миграционных, таможенных, санитарно-эпидемиологических формальностей (туристские формальности), чтобы способствовать свободе путешествий и доступу максимального числа людей к международному туризму;

формирование методов и практическую реализацию унифицированных методов государственной статистики в сфере туризма;

формирование единой международной и национальной (региональной) сети туристско-информационных центров (ТИЦ), создание и ведение интегрированных баз знаний о туризме и баз данных реестров и кадастров;

содействие участию туристов, организаторов туризма, исполнителей туристских услуг и их объединений в национальных и международных туристских программах и проектах;

обеспечение картографической продукцией и путеводителями.

В настоящее время регулирование туристской деятельности на государственном уровне осуществляется с целью:

увеличения валового национального дохода;

защиты потребителя туристских услуг;

организации туристской деятельности в цивилизованных рамках;

сохранения туристско-рекреационных ресурсов.

Для того чтобы открыть собственную фирму в сфере туристских услуг, необходимо знать нюансы предпринимательской деятельности, сложности и особенности туристского рынка, постоянно проводить маркетинговые исследования на спрос и предложения, изучать законодательство не только собственных, но и зарубежных стран.

Эффективность работы туристской организации зависит от ряда факторов, в том числе и от правильного выбора организационной формы предпринимательской деятельности, способности отвечать самостоятельно по своим обязательствам. В условиях жесткой конкуренции на рынке туристских услуг вопросы правового регулирования туристской деятельности актуальны. От правильного выбора организационно-правовой формы зависит динамичное развитие туристских услуг, гибкость, мобильность фирмы, возможность оперативно реагировать на запросы рынка и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

Организация туристской деятельности регулируется:

нормативно-правовыми актами о регистрации юридических лиц, а также физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью;

законодательными актами о сертификации предприятий туристской деятельности;

налоговым законодательством и др.

Государственное регулирование туристской деятельности в соответствии с Законом возложено на федеральный орган исполнительной власти. Указом Президента РФ от 18 ноября 2004 г. N 1453 «О Федеральном агентстве по туризму и Федеральном агентстве по физической культуре и спорту» было образовано Федеральное агентство по туризму РФ. Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004г. N 901 утверждено «Положение о Федеральном агентстве по туризму».

Гражданский кодекс РФ устанавливал, что отдельными видами деятельности, перечень которых определялся Федеральным законом от 08 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», юридическое лицо могло заниматься только на основе специального разрешения (лицензии). Такими видами деятельности являлись для туристских организаций туроператорская и турагентская деятельность. Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 156-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон 128-ФЗ от 08.08.2001 года «О лицензировании отдельных видов деятельности» и прекращено лицензирование видов деятельности туроператорской и турагентской с 01 января 2007 года.

Новая редакция Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 5 февраля 2007 г. ввела абсолютно новый механизм регистрации туроператоров, другими словами — подтверждения их правоспособности. С 1 января 2007 г. существовавшее до этого лицензирование туроператорской и турагентской деятельности прекращено, и вместо них введены финансовое обеспечение и внесение записи о туроператоре в Единый федеральный реестр туроператоров.

Статья 4.1 Закона достаточно детально описывает процедуру оформления записи в Едином реестре, подачи заявления, принятия решения о внесении записи и об отказе во внесении записи, решения о ее исключении. Принимая меры по реализации данного положения Закона, Федеральное агентство по туризму разработало формы и бланки документов, необходимых для внесения записи в Единый реестр.

По заявлению юридического лица, сведения о котором внесены в Единый реестр, Федеральным агентством по туризму выдается свидетельство о внесении сведений о туроператоре в Единый федеральный реестр туроператоров (свидетельство выдается не ранее даты вступления в силу Федерального закона от 5 февраля 2007 г. N 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»).

Допускается представление заявления о внесении сведений о туроператоре в Реестр одновременно с заявлением о выдаче свидетельства о внесении сведений о туроператоре в Единый федеральный реестр туроператоров.

В настоящее время наиболее удобными формами предпринимательской деятельности в сфере туризма являются: индивидуальное предпринимательство и хозяйственные общества.

Они могут наиболее гибко реагировать на изменение внешних факторов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Госстандарта России от 14 августа 2000 г № ЮГ-110-19/2558 «О сертификации туристских услуг и услуг средств размещения»
2. ГОСТ 28681.0-90 Стандартизация в сфере туристско-экскурсионного обслуживания. Основные положения.
3. Постановление Правительства РФ от 18 июля 2007 года № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта».
4. Комментарий к федеральному закону от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 5 февраля 2007 г. N 12-ФЗ) (постатейный).
5. Волошин Н.И. Правовые основы туристской деятельности. / Волошин Н.И. Москва Советский спорт, 2002.
6. Нетесов А.В. Индивидуальный предприниматель. /Нетесов А.В. СПб, Герда, 2000.
7. Лапин М.С./ Предприниматель без образования юридического лица Лапин М.С., Лапин С.М. [Практическое пособие] Москва. Инфра-М, 1999.
8. Волошин Н.И. Правовое регулирование в туризме / Волошин Н.И. [Учебник] Москва Советский спорт, 2004. С. 408.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА

Соловьева М. А.

Ярославский филиал Российской международной академии туризма

Федосеев С.В.

Ярославская военная финансово-экономическая академия

Глобализация мирохозяйственных связей способствует усилению конкуренции на мировых рынках товаров и услуг и ставит проблему совершенствования территориальной организации предприятий.

Одной из форм, получившей широкое распространение, особенно в развитых странах, является кластерная форма организации, основывающаяся на системе взаимосвязей и взаимодействия предприятий, входящих в кластерную структуру. В короткие сроки кластеризация проявила себя как новый вектор развития мировой хозяйственной системы. Известный социолог Э. Тоффлер назвал ее «новой волной» развития капитализма. Эта волна стала воплощением объективной тенденции мезоинтеграции, а отнюдь не продуктом надуманного эксперимента, кластеризацией охвачено свыше 50 процентов экономик ведущих стран мира.

Кластер представляет собой сообщество (группу), расположенное в достаточной географической близости взаимосвязанных компаний поставщиков оборудования, комплектующих и услуг, научно-исследовательских институтов, ВУЗов и других организаций, взаимодополняющих и усиливающих кон-

курентные преимущества друг друга [1, с.15-17].

Региональное экономическое развитие на основе стимулирования кластеров предполагает инициативу и совместные усилия бизнеса и администраций. Существует высокоэффективный способ стимулирования кластеров, который есть у администраций, этот инструмент — целевые программы, оказывающие существенное влияние на развитие кластера.

Новизна публикации определяется тем, что в ней предлагается относительно новый научный подход к развитию туристского бизнеса в регионах на основе кластерного подхода.

Для реализации предложенного проекта предполагается решить следующий **комплекс задач**:

1 блок:

изучить зарубежный и отечественный опыт создания кластеров с целью выявления возможностей формирования и развития данного сегмента в сфере гостинично-ресторанного бизнеса;

на основе исследования предприятий (организаций) туристского и гостинично-ресторанного бизнеса экспертным путем выделить параметры, по которым те или иные хозяйствующие субъекты могут быть отнесены к «ядру кластера»;

провести обследование предприятий (организаций) туристского и гостинично-ресторанного бизнеса, собрать необходимые статистические данные;

определить границы параметров-индикаторов на основе метода кластерного анализа;

выявить предприятия (организации), входящие в ядро кластерной структуры туристского бизнеса;

проверить результаты на основе дискриминантного анализа;

разработать модель ядра кластера;

проранжировать предприятия по устойчивости нахождения в ядре кластера.

2 блок:

изучить связи предприятий ядра кластера: с поставщиками факторов производства; финансовыми институтами; предприятиями в сопутствующих отраслях; фирмами, работающими с потребителями или являющимися потребителями; производителями побочных продуктов; фирмами, обеспечивающими инфраструктуру; научно-исследовательскими и образовательными учреждениями; правительственными и другими организациями;

выявить имеющиеся проблемы и противоречия. Для решения задачи необходимо привлечь экспертов из числа специалистов предприятий (организаций), ученых, занимающихся проблемой кластеризации экономики;

построить имитационную модель кластера туристического бизнеса;

определить тип выявленного кластера, его сильные и слабые стороны;

разработать рекомендации по обеспечению эффективного функционирова-

ния кластера.

Основные аналитические методы исследования:

1. *Кластерный анализ* — позволяет строить классификацию n объектов посредством объединения их в группы, или *кластеры*, на основе критерия минимума расстояния в пространстве m переменных, описывающих объекты. Метод позволяет находить разбиение множества объектов на заданное число кластеров. Кластерный анализ носит количественный характер.

Исходные данные для кластерного анализа представляются в виде матрицы размером $m \times n$, содержащей информацию одного из следующих трех типов:

измерения X_{ij} значений m переменных для n объектов;

квадратная ($m = n$) матрица расстояний между парами объектов;

квадратная ($m = n$) матрица близостей для всех пар n объектов.

Объектами могут быть продукция предприятий или сами предприятия. Переменными могут быть их характеристики, значимые с точки конкурентоспособности. В этом случае кластерный анализ позволяет объективно разделить их на группы, или кластеры, конкурентоспособности.

Вероятностное обоснование результатов кластеризации можно *получить* методом *дискриминантного анализа*.

2. *Метод дискриминантного анализа* позволяет проверить гипотезу о возможности классификации заданного множества объектов n , характеризующихся некоторым числом m переменных X , на некоторое число классов, или кластеров k . Он позволяет объективно классифицировать новые объекты по этим переменным.

При выполнении анализа ищется набор дискриминирующих функций d_l , обеспечивающих классификацию объектов на заданное число классов:

$$d_l = b_{l0} + b_{l1} * X_1 + \dots + b_{lm} * X_m, \quad l = 1, \dots, k.$$

Исходные данные представляются в виде матрицы размером $(m + 1) * n$, причем n строк характеризуют n объектов. Первые m столбцов — это значения m переменных для n объектов, а $m + 1$ -й столбец для каждого объекта — это номер его класса. Классы нумеруются натуральными числами от 1 до k , где k — число классов. Объекты, характеризующие строками в матрице, могут располагаться произвольно относительно номеров классов.

3. *Имитационное моделирование* позволяет выделить основные компоненты на основе применения ориентированных графов — орграфов. При создании моделей сложных систем необходимо выявить и отобразить в моделях прямые и обратные связи, которые присутствуют в любой сложной системе. Благодаря наличию обратных связей в моделях результаты моделирования, анализа и прогноза оказываются более достоверными, чем при использовании структурных уравнений, в которых отражение этих обратных связей может вызвать большие затруднения.

Для российской экономики использование кластерных технологий в туристском и гостинично-ресторанном бизнесе позволит [2]:

— адаптировать процессы стратегического планирования на региональном

уровне, и реализация этих стратегий будет приобретать форму многостороннего конструктивного диалога заинтересованных сторон, естественно увеличивая возможности более эффективного их протекания;

— сформировать эффективные механизмы взаимодействия государства и бизнеса;

— усилить действие мультипликаторного эффекта в регионе, заключающегося в положительном воздействии кластера на базовые, всепроникающие механизмы развития всей конкурентной среды региона, что приведет к качественному и скоростному сдвигу на уровне высокомотивированной саморегулируемой системы;

— сформировать естественный механизм развития, снижающий нагрузку на государственные органы по стимулированию экономических механизмов;

— оптимизировать процесс развития, в данном случае произойдет переход науки и образования из дотационной социальной сферы в высокодоходную экономическую отрасль;

— за счет прямого соприкосновения с конкурентным пространством на мировом рынке произойдет ускоренная интеграция региона в глобальную хозяйственную систему, выраженную в форме сотрудничества, как между регионами, так и между предприятиями разных стран по поводу объединения усилий в конкурентной борьбе;

— повысить самостоятельность и независимость региона от экономической ситуации за его границами;

— образовать в кластерной сети гибкие предпринимательские структуры малых предприятий, что позволит сформировать инновационные точки роста экономики региона;

— увеличить рост числа фирм вокруг кластера, что будет сопровождаться социальным эффектом, выражающимся в увеличении занятости, уровне заработной платы, отчислений в бюджеты разных уровней и т.д.

Следует особо подчеркнуть, что вслед за образованием территориальных кластеров появятся экономические предпосылки для перехода от политики выравнивания социально-экономического развития территорий к политике поляризованного развития, к определению и поддержке регионов — *«локомотивов роста»*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кластеры предприятий. Учебник / Под ред. В. Третьяк. — М.: «Август-борг», 2006. — 132 с.
2. Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития [Текст]: кластерный подход к развитию экономики / Т. Цихан // Теория и практика управления. — 2003. — № 5. — С. 14-30.
3. © Рейтинговое агентство «Эксперт РА». «Кластерный подход к экономическому развитию регионов» / [Electronic resource]. — Mode of access: Word Wide Web. URL: <http://www.raexpert.ru>.